

В.П. Макаренко

ГЛАВНЫЕ
ИДЕОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОСТИ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

ФЕНИКС
2000

ББК 84
М15

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор *Ерыгина А. Н.*
Доктор философских наук, профессор *Шпак В. Ю.*

Макаренко В. Л.

М 15 Главные идеологии современности. — Ростов н/Д:
изд-во «Феникс», 2000. — 480 с.

В книге излагаются основные понятия, аргументы и проблемы главных современных идеологий — либерализма, консерватизма, марксизма, социализма, феминизма, экологизма, коммуитаризма, национализма и анархизма. Используются новейшие концепции зарубежных и отечественных ученых.

Предназначается для студентов гуманитарных вузов, учителей школ и преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и специалистов всех социогуманитарных дисциплин и философии.

ББК 84

ISBN 5-222-01414-2

© Макаренко В.П., 2000

© Оформление, изд-во «Феникс», 2000

*Памяти
Михаила Константиновича Петрова
посвящаю*

От автора

Вместо предисловия — объяснение некоторых мотивов создания этой книги.

Жизнь М.К.Петрова — выдающегося русского мыслителя и ученого — все более уходит в прошлое. Созданные им концепции становятся все значительнее. Об этом свидетельствует посмертный выход его трудов — пока лишь малой доли того, что им написано, — и появление первой научной биографии Михаила Константиновича (см.: 1)¹. Здесь я упомяну только модель организации научной деятельности. Да и то не всю, а лишь два положения, сформулированные М.К.Петровым; время от завершения исследования до публикации результатов, а также оповещения о них должно быть минимальным; тогда как число адресатов всякого научного труда должно быть максимальным. Все барьеры на этом пути (идеологические, политические, государственные, национальные, языковые, организационные, ведомственные и даже бытовые) разобщают научное сообщество, тормозят развитие науки.

Эта идея М.К.Петрова объясняет отбор материала. В книге обсуждаются концепции, появившиеся на протяжении последних 20—30 лет. Они созданы учеными других стран и пока еще не освоены (за незначительными исключениями) научным сообществом России. Я надеюсь, что введение этого материала в научный, политический и педагогический оборот повлияет на дискуссии, которые ведутся сегодня в нашей стране.

¹ Здесь и далее первая цифра в скобках означает название, а вторая — страницы источника в списке литературы.

С точки зрения генезиса книга прямо или косвенно связана с моими предшествующими исследованиями проблем бюрократии, легитимности и власти. Они упоминаются при анализе спектра современных идеологий. В частности, в книге «Русская власть: теоретико-социологические проблемы» я сформулировал задачу радикального разрыва власти, собственности и идеологии и России. В рецензии на книгу А.А.Мигуляев высказал следующие замечания: требуется детальное обоснование негативного отношения к гегелевской философии истории и концепции свободы; связь либерализма с этатизмом нуждается в более корректном описании; проблема совокупного субъекта власти вообще и русской в особенности предполагает соотнесение с существованием наций, входивших в состав Российской империи и СССР; для отбрасывания ленинской оценки марксизма как органического единства философского, экономического и социально-политического учений требуются дополнительные доказательства (см.: 2, 147-150).

Относительно ленинской оценки марксизма замечу, что на эту тему я написал восемь лет назад книгу «Марксизм: идея и власть», в которой детально изложил свою позицию. Дополнительные аргументы содержатся в главах о марксизме и социализме. Что касается остальных замечаний, то прямые и косвенные ответы на них содержатся в главах о либерализме, консерватизме, феминизме, коммунитаризме, национализме и анархизме. Попутно благодарю коллегу за критику и готов к дальнейшей полемике. В том числе и по вопросам, о которых здесь не упоминаю. ,

Теперь о главной проблеме книги. В статье 13 Конституции Российской Федерации устанавливается: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (3,6). Возможно, моя книга будет способствовать упрочению этого закона. Но более важны сюжеты иные.

В современных исследованиях показано, что суть дела не сводится к признанию идеологического разнообразия и от-

От АВТОРА

брасыванию любой государственной идеологии. Речь должна идти о таком «усовершенствовании концептуального аппарата, чтобы он стал применим к изучению смыслов» (4, 9). Например, в либерализме, марксизме и социализме идеология объясняется через призму теории интересов и потому рассматривается как маска и оружие определенных социальных групп. Тогда как во фрейдизме идеология изучается как реакция на социальную напряженность и потому трактуется как симптом и лекарство. Большинство людей в современном мире живет в состоянии организованного отчаяния. Для его адекватного описания требуется изучать идеологию как систему взаимодействующих символов и структуру взаимовлияющих смыслов.

При таком подходе все понятия, которыми оперирует идеология, становятся метафорами. Культурными схемами, шаблонами и картами проблематичной социальной реальности, матрицами коллективного сознания. Человек строит идеологии как схематические образы социального порядка. И тем самым превращает себя в политическое животное: «Насущная нужда в идеологии как в источнике общественно-политических смыслов и позиций возникает именно тогда, когда обеспечить адекватный образ политического процесса уже не могут ни самые общие культурные, ни самые обыденные, прагматические ориентиры данного общества» (4, 25). Россия в очередной раз переживает такой период. Но осмыслить его крайне сложно. Н.С.Автономова показала, что русский концептуальный язык не пропустил через себя опыт развития мировой философии и политической мысли. На протяжении последнего десятилетия философия и социально-политические науки в России вышли из системы жесткой связи с властью и догматической идеологией. Однако эта ситуация пока не привела ни к каким позитивным результатам. В постсоветском пространстве история и языковая политика остаются полностью политизированными и идеологизированными. Ни русская, ни советская философия не выработали навыка к постоянной интерпретации текстов других культур. В русской философской культуре отсутствует аналитическая

традиция, способствующая выработке языка и средств описания различных областей жизни. Поэтому *идеологические дискуссии остаются бессодержательными*. Культурология, вся система социальных наук и политика в современной России — наиболее яркие примеры указанной бессодержательности (см.: 5, 13—28).

Замысел книги — первый шаг на пути к преодолению сложившейся ситуации. Меня интересуют прежде всего аргументы любой идеологии, а также связанная с ними проблематика. Как хорошо известно, ни то ни другое не зависят от времени и пространства.

Наконец, о смысле термина «современность». Это не то, что было вчера, происходит сегодня и состоится завтра. И не то, что сообщают нам газеты, другие средства массовой культуры, учебники и даже научные монографии. Как показал Л.Штраус, современность — это секуляризованная библейская вера в возможность создания небесного рая на земле. В этом смысле она охватывает последние пятьсот лет жизни человечества.

Именно в этот период возникли главные идеологии современности. Каждая из них разрабатывала проекты строительства такого «рая». К чему они привели и все еще приводят, — мои соотечественники знают и испытывают до сих пор на собственной, как говорится, шкуре. Зато в последние 20—30 лет возник ряд концепций — феминизм, экологизм, коммунарзм и переосмысленный анархизм, — которые являются попытками вырваться за пределы иллюзий, шаблонов и карт, порожденных главными идеологиями современности.

Приглашаю читателя к размышлению над этими попытками. А также к их проверке и дополнению на собственном жизненном опыте.

В заключение благодарю издательство «Феико за поддержку моей инициативы.

ГЛАВА 1

ЛИБЕРАЛИЗМ

Дать определение либерализма нелегко. Нетрудно указать его основателей — Д.Локка, А.Смита, Ш.Монтескье, Т.Джефферсона, и классиков — Д.С.Милля, Т.Грина, Д.Дьюи. Крупнейшие политические философы XX в. И.Берлин и Д.Роулс тоже принадлежат к либералам. Но мнения перечисленных мыслителей не совпадают по кардинальным вопросам политики — о пределах толерантности, об основаниях государственных законов, о достоинствах и недостатках демократии. Принято считать, что свобода — главная ценность либерализма. Однако расхождения в ее понимании не меньше. Есть ли тогда смысл говорить о либерализме в целом? Не лучше ли описать его конкретные модификации?

I Проблема определения

Дело в том, что главные понятия политики не поддаются определению. Были и остаются спорными. Например, невозможно провести строгую грань между политическими и неполитическими объектами. Продолжается дискуссия о конституирующих свойствах государства. Нет окончательного ответа на вопрос о необходимых и достаточных условиях

правопорядка. Между тем указанные проблемы являются фундаментальными для политического знания и практики. О них дискутируют представители всех политических идеологий. В этом отношении либерализм не отличается от своих идеологических конкурентов — консерватизма, марксизма, социализма и т.д. Статус любых «измов» примерно одинаков.

Различие между конкурирующими идеологиями может быть проведено только по их отношению к конкретным политическим вопросам. Но позиция по одному из них еще ничего не говорит о точке зрения на другие вопросы социально-политического бытия. Например, в либеральной идеологии содержится положение о сведении к минимуму роли государства. Однако на практике либералы могут выступить за увеличение правительственных субсидий на военно-промышленный комплекс. Стало быть, *равноценность* идеологий на политическом рынке сопровождается *постоянным конфликтом* между теорией и практикой любой идеологии.

Термины политического словаря и дискурса неоднозначны. Им невозможно придать такое значение, с которым были бы согласны все участники политического процесса. Этот факт зафиксировал Т.Гоббс более 300 лет тому назад. Он объяснял его интересами священников и политиков. В XX в. появилось другое объяснение того же факта: понятия политики являются спорными по своей сути (см.: 1, 75—101). Кроме того, каждая идеология исторически изменчива.

Таким образом, возможны три способа объяснения неоднозначности политических понятий:

- интересы духовного и политического сословия;
- сущностная дискуссионность всего политического словаря;
- историческая изменчивость всех идеологий.

Отсюда-вытекает, что модификации любой идеологии описывать значительно легче, нежели понять идеологию в целом. Этот вывод относится и к либерализму.

Политические понятия используются для *одобрения или осуждения* конкретных политических идеологий, систем,

партий и движений. Поэтому спорные дефиниции либерализма могут быть истолкованы как результаты действия противоположных интересов. Это относится и к внутренней истории любой идеологии.

Например, в 1970-е гг. внутри либерализма возник коммуитаризм. Коммуитаристы решительно отбрасывают марксизм-ленинизм, русско-советский коллективизм, всю политическую историю и практику социалистических стран. Но не менее резко они критикуют либерализм. Коммуитаристы развивают тезис о социальной природе человека. И отвергают главное положение либерализма: индивиды рождаются свободными от социальных связей и обязательств и живут в совершенной изоляции от общества. По мнению коммуитаристов, либерализм есть концепция, основанная на социальной лжи и моральном аутизме.

В ответ на эту критику современные либералы отвечают: Коммуитаристы создали пародию на либерализм; в настоящее время только сумасшедший или морально ущербный человек может не быть либералом (см.: 2, 179—196).

Безусловно, полемика внутри либерализма не свободна от конкретно-исторических обстоятельств. Как известно, «холодная война» закончилась совсем недавно. На протяжении почти всего XX в. мир был расколот на страны либеральной демократии и «лагерь мирового социализма». Политическим следствием раскола была абсолютизация борьбы конкурирующих идеологий. В том числе между различными тенденциями в либерализме.

Однако конфронтация двух систем мешала понять сложность современного мира. Так, в странах Запада более ста лет существует социал-демократия. Она выступает против некоего тролируемого развития капитализма и однопартийного государства одновременно. Социал-демократы кардинально отличаются от либеральных демократов. Первые отбрасывают идею о законности частной собственности на средства производства, вторые ее признают.

Консерваторы тоже подчеркивают свое отличие от либералов. Главную роль в поддержании национальной идентич-

ности и морального консенсуса граждан они приписывают государству. Современные коммунисты в России утверждают то же самое. В результате становится все труднее провести различие между либерализмом, социал-демократией, консерватизмом и коммунизмом.

Иначе говоря, неоднозначность политического словаря дополняется *идеологической неопределенностью* программ политических партий. Поэтому определение либерализма никогда не было и не будет свободным от конкретно-исторических обстоятельств политической борьбы.

Но отсюда не следует, что все попытки строгого определения политических идеологий бесполезны. Такие попытки не являются также частью *идеологических кампаний*. Эти кампании могут варьироваться от крестовых походов и бескомпромиссной идеологической борьбы до тфедвыборной риторики. Во всех случаях они проводятся противниками той или иной идеологии. В идеологических кампаниях взгляды конкурентов представляются как логически противоречивые и политически вредные. На протяжении XX в. ученые и политики заметили эту опасность. Было потрачено немало усилий для ее устранения. Многие политические, движения пытались установить определенный корпус убеждений, верность которым должны соблюдать последователи той или иной идеологии.

Деятельность В.И.Ленина может служить наиболее показательным примером. Невозможно однозначно ответить на вопрос: на что Ленин потратил большую часть своей жизни — на борьбу с самодержавием или на опровержение «неправильных» взглядов других марксистов? Зато без труда можно доказать: Ленин создал такую партию, каждый член которой твердо знал, что должны делать и думать все остальные. Отсюда вытекало исключение мягкотелых и инакомыслящих.

Диалогичные тенденции можно обнаружить и в других религиозных и светских идеологиях. Либерализм отличается от них прежде всего тем, что такой тенденции в нем не существует. Либерализм провозглашает толерантность. И

не связывает сторонников определенной и канонизированной системой убеждений. Поэтому споры о ней длятся более 300 лет.

В общем виде либерализм можно определить как идеологию, главной ценностью которой является свобода индивида. Все социальные и политические системы и институты оцениваются в соответствии с данной ценностью как универсальным критерием.

Но такое определение сразу вызывает комплекс вопросов: что такое свобода? как относится свобода общества к свободе всех его членов? идет ли речь о негативной или позитивной свободе? что такое индшжд? можно ли считать свободными индивидами детей, сумасшедших и представителей других наций, проживающих в данной стране?

Окончательных ответов на эти вопросы нет и не будет. Есть комплекс конкурирующих концепций по каждому вопросу. И каждая очередная попытка ответа будет провоцировать дальнейшие дискуссии. В этом смысле главное понятие либерализма удовлетворяет критерию спорности. Однако надо установить направление, в котором должна двигаться такая дискуссия. Например, дискуссия об определении стола или стула имеет предел, за которым ее продолжение бессмысленно. В отношении политических понятий, концепций и идеологий такого предела нет. Если понятия политики по природе спорные, то как их вообще определять, не впадая в дурную бесконечность?

Политические понятия обладают определенным и непротиворечивым ядром бесспорных значений. В противном случае дискуссия о них была бы бессмысленной. Каждое понятие обладает онтологическим содержанием. Заключенный — образцовый пример несвободного индивида. По отношению к нему нетрудно установить иерархию степеней свободы. Человека могут объявить сумасшедшим, посадить в тюрьму или изгнать из отечества за то, что он написал книгу определенного содержания (как это было в царской и советской России). Нетрудно понять, что при любых формах авторитарной власти люди менее свободны, чем при демократи-

ческом устройстве общества. В последнем случае перечисленные кары людям не угрожают.

Следовательно, политические термины постоянно приобретают новое содержание и значение. В этом смысле они не отличаются от юридических понятий. В ходе политических и правовых дискуссий происходит переосмысление тех и других. Можно ли указать главные итоги дискуссии в отношении свободы — смыслового ядра либерализма?

2. Модификации

Либерализм воплощается во множестве социальных, экономических и политических институтов. Все они базируются на общем моральном и познавательном фундаменте. Его заложил Д. Локк. Он сформулировал принцип: люди рождаются в состоянии абсолютной свободы и равенства и потому могут свободно распоряжаться собой и своим имуществом.

В соответствии с данным принципом можно выделить следующие модификации либерализма — классический и современный либерализм, либертинизм.

Классический либерализм не ставил перед людьми глобальных социальных целей и не обязывал их строить общество того или иного типа. Этот либерализм не связывал себя с определенным мировоззрением и действовал с помощью политических методов. Его история связана с именами Д. Локка, А.Смита и А.Токвиля. В XX в. Ф.Хайек является одним из наиболее знаменитых сторонников классического либерализма.

Исходный вопрос классического либерализма: как оградить людей от властного произвола и связать правительство по рукам и ногам? Для выполнения этой задачи либералы предлагали ряд средств:

- деятельность правительства должна базироваться на строго определенных законах;

- правительство должно уважать частную собственность и свободу заключения договоров между индивидами;
- индивиды должны нести ответственность за выбор собственного жизненного пути.

Классический либерализм не был демократическим, поскольку он не признавал принцип большинства. Из данного принципа не вытекает, что большинство всегда будет поддерживать нерушимость частной собственности и правового правления (см.: 3, 122—125).

Классический либерализм не связан с доктриной прогресса. Классики либерализма не верили, что большинство людей способно к прогрессу в сфере морали и культуры.

Классики либерализма выступали против вмешательства государства в социальную жизнь. Всякое вмешательство нарушает принцип ответственности индивидов за выбор собственной судьбы. Обычно вмешательство обосновывается соображениями о социальной справедливости. На самом деле государство не в состоянии ее добиться. Прежде всего потому, что оно дает право принимать решения политикам и чиновникам. Тем самым граждане ставятся в зависимость от власти. Такая опасность возрастает, если благосостояние граждан зависит от государства.

Развитие этого круга идей в XX в. привело к доктрине «минимального государства». В отличие от классического либерализма XVIII в. эта доктрина сводит к минимуму моральные основы человеческого общежития. В классическом либерализме мораль считалась главным фактором социального бытия. В либерализме современном таким фактором полагается материальное благосостояние индивидов. Добиться его может только экономика, свободная от вмешательства государства. Ф.Хайек и его сторонники в различных странах являются последовательными защитниками свободного рынка. Однако впервые аргумент от «свободного рынка» был сформулирован А.Смитом при описании системы естественной свободы.

Действительно, для большинства людей материальное благосостояние предпочтительнее нищеты. Такой ход мысли

стал еще более популярен в конце XX в. На наших глазах рухнули коммунистические режимы в СССР и других странах Восточной Европы. А военные и авторитарные режимы в других частях света окончательно себя дискредитировали в мировом общественном мнении. Те и другие пытались внедрить модель «плановой экономики». Но не смогли выдержать экономической конкуренции с демократическими странами Запада. Следует ли отсюда, что материальное благосостояние может приобретаться за счет моральной деградации?

На этот вопрос в либерализме нет определенного ответа. Вместо анализа проблемы соотношения морали и экономики ~ либералы предпочитают описывать отрицательные свойства и последствия государственного насилия. Ему противопоставляются положительные последствия социального сотрудничества. Причем такого, к которому индивидов никто не принуждает.

Например, гражданское право не опирается на насилие. Оно позволяет индивидам заключать сделки для реализации любой активности. В том числе в экономической сфере. Государственное право нужно только для того, чтобы исключить насилие и нечестность в социальной и экономической сфере. За этими пределами государственное право теряет смысл.

Классический либерализм сформулировал еще один тезис: спонтанные действия индивидов — главный источник предприимчивости, изобретательности, воображения, творчества и развития индивидов. Однако появление и реализация такой спонтанности зависит от существующего социального порядка.

С этого пункта начинаются расхождения в либерализме. *Современный либерализм* провозглашает социальный порядок главной ценностью. В этом смысле он подрывает основания классического либерализма и ставит под угрозу фундаментальную ценность свободы.

Расхождения начались в классическом либерализме. Какова связь между государством (которому приписывалась роль ночного сторожа) и социальным, моральным и культурным

порбщком? Этот вопрос является наиболее дискуссионным на протяжении последних двухсот лет.

Уже говорилось, что классический либерализм отвергал идею морального и культурного прогресса. Д.Юм скептически относился к прогрессу духа в условиях возникающего коммерческого общества. А.Токвиль полагал, что без сильной религиозной веры свобода невозможна, а демократия способствует секуляризации и несамостоятельности индивидов. Ф.Хайек завершил этот ход мысли, сформулировав принципиальное положение: политический либерализм базируется на культурном консерватизме.

Основателем современного либерализма является Д.Смилль. Он выдвинул тезис о человеке как прогрессивном существе. И потому индшдам не надо ставить никаких преград в развитии их «многообразного разнообразия». Но из таких тезисов вытекают любопытные следствия.

В частности, положения о нерушимости частной собственности и свобода заключения договоров были пересмотрены. Практическим воплощением пересмотра стали изменения в социальном законодательстве Англии перед первой мировой войной. «Новый порядок» Ф.Д.Рузвельта в 1930-е гг. закрепил эту тенденцию. После второй мировой войны во всех странах Запада произошло небывалое расширение сферы социальной политики. Тем самым положение классического либерализма о государстве — ночном стороже тоже было отвергнуто.

Этим объясняется комплекс неразрешимых противоречий современного либерализма.

С одной стороны, он по-прежнему декларирует ценность свободы и необходимость создания таких условий для развития индивидов, о которых мечтали Милль в Гумбольдт. С другой стороны, эта цель ограничивается современными индустриальными существами Запада. Только их члены «имеют право» на свободу от голода и холода, безработицы, плохого здравоохранения и нищенской старости. В отношении остального мира либералы молчат.

С одной стороны, либералы отбрасывают социалистическую идею о государстве как руководителе всех сфер социаль-

ной жизни. С другой стороны, либеральный идеал «государства благосостояния» не может быть воплощен в жизнь без государственного вмешательства в экономику. Это ведет к отбрасыванию принципа нерушимости частной собственности. Задачи правительства уже не могут ограничиваться противодействием насилию и нечестности индивидов.

С одной стороны, либералы утверждают, что любое ограничение права частной собственности равносильно конфискации имущества при социализме. С другой стороны, либералы продолжают доказывать, что частная собственность как элемент самореализации индивида ограничивается свободой выбора жизненного пути. Причем такого, который не связан с созданием акционерных обществ (см.: 4).

В результате критики современного либерализма определяют его как опасную модификацию либерализма классического:

- современный либерализм ставит идеологические и метафизические обязанности перед своими сторонниками;
- он пробуждает в индивидах такие надежды личного самоосуществления, которые не в состоянии выполнить ни одно государство.

Первая опасность восходит к идеям Милля: человек — прогрессивное существо; все люди обязаны постоянно менять свои привычки и взгляды относительно всех действительных и мыслимых объектов. В классическом либерализме таких постулатов не было. Они могут быть адресованы только меньшинству людей. Большинство приспосабливается и укрепляет моральную, политическую и познавательную рутину. Между тем политические концепции не могут строиться на таких представлениях о человеческой природе, которые не соответствуют поведению и мышлению большинства людей. Нет и убедительных аргументов в пользу того, что лучшим материалом для строительства либерального общества являются самостоятельные индивиды с богатой фантазией. Опыт XX в. склоняет к противоположному выводу. Кроме того, миллевская концепция индивида возникла в результате конфронта-

ции с викторианской Англией XIX в., крайне нелиберальным консервативным обществом (см.: 5, 255—257).

Вторая опасность не менее основательна. Опыт взимания государственных налогов показал, что большинство людей не любят отдавать часть своих доходов (особенно если они заработаны честным и тяжким трудом) на покрытие расходов по созданию новых рабочих мест, домов престарелых и т.д. К таким акциям вынужден прибегать современный либерализм для воплощения концепции индивидуальной свободы. Эта социальная политика усиливает враждебность между социальными группами. Ведет к результатам, противоположным намерениям.

Однако наиболее важно то, что современный либерализм не в состоянии решить проблему тотальной бюрократизации общества. Правда, другие направления социально-политической мысли и практики тоже не в состоянии этого сделать (см.: 6). Вмешательство правительства в социальную жизнь ведет к росту государственного аппарата. Предполагается, что его члены обладают профессиональной компетенцией для принятия решений. В результате отбрасывается идея правового правления, сформулированная в классическом либерализме. Увеличивается произвол власти, поскольку государственные служащие обладают все большей свободой распределения средств и ресурсов. Это ослабляет лояльность граждан и легитимность власти.

Либеральное «государство благосостояния» обещало обеспечить всех людей всеми необходимыми благами. Опыт показал, что это обещание выполняется только в отношении средних классов. Для большинства населения оно остается пустым звуком.

Таким образом, движение от классического либерализма к современному сопровождается ростом *реологических и утопических тенденций*. В результате разочарование в либерализме стало всеобщим. Радикальный, или современный, либерализм потерпел неудачу. Рост популярности консерватизма I в 1980-е гг. частично объясняется указанными процессами.

Своеобразной реакцией на них является *либертинизм*. Его сторонники считают собственную версию «истинным либерализмом» и претендуют на роль классических либералов. Но это не соответствует действительности.

Например, Р.Нозик высказывается за легализацию «преступлений без жертв» — проституции, наркомании, гомосексуализма. Ничего подобного нельзя обнаружить у Д.Локка и А.Смита. То же самое можно сказать о трактовке свободы и прав человека. Согласно классической концепции, люди рождаются свободными и равными. Они обретают право на свободное распоряжение собой и своим имуществом вместе с фактом рождения. Тогда как либертинисты сами *права человека рассматривают как форму частной собственности*. Р.Нозик называет ее «полномочиями» (см : 7, 150).

Согласно либертинистской концепции, индивид есть частный собственник себя и своих способностей. Права человека не вытекают из факта рождения, как это было в классическом либерализме. Они обусловлены двумя источниками:

- фактом обладания индивидами своей личностью и способностями;
- правами индивидов на все средства и способности, которые другие люди согласились им свободно передать.

Государство имеет право на существование только в том объеме, в котором оно охраняет данные права. Собственными ресурсами и средствами государство не обладает. И потому не имеет никакого права вмешиваться в их перераспределение даже под маской благотворительности. Между тем такое вмешательство стало повседневной практикой современных правительств. Она должна быть отброшена. Ни у кого нет права лишать собственности индивида, если он не совершил никаких преступлений. Такого права нет и у государства с его правительством и аппаратом государственных служащих.

Этот вывод Р. Нозика противостоит классической либеральной концепции власти. Классические либералы считали власть необходимым злом и потому предлагали ее ограничить. Одновременно они были убеждены в том, что связанная законами власть может быть использована для достижения «общего блага».

ЛИБЕРАЛИЗМ

Либертинисты считают власть *абсолютным злом* и подтверждают этот вывод множеством фактов, взятых из практики существования современного государства в его демократической и тоталитарной версиях. Поэтому либертинизм можно назвать *анархо-капитализмом*.

Либертинизм противостоит также современному либерализму. В том числе и той концепции государства, которая развивается в работах Д.Роулса (см.: 8).

Согласно Роулсу, понимание прав и свобод связано с постановкой вопроса: признание каких прав индивид может требовать от себя и других? Существуют два таких права:

- на самую широкую свободу, которая не нарушает свободу других индивидов;
- на справедливость, согласно которой неравенство оправдано только тогда, когда оно способствует улучшению положения наименее привилегированных индивидов.

Второе право есть главный принцип теории справедливости, которую Роулс называет максимально-минимальной. Социальная справедливость — это стремление привести к максимуму минимальный уровень расходов, ресурсов и истребления. Данный принцип противостоит всем концепциям государства, которые сводят его задачи к охране права собственности. Государство имеет право на существование только в том случае, если оно защищает справедливость.

Иначе говоря, Роулс развивает идею Милля: все индивиды обладают правом на самосовершенствование. Однако в классическом либерализме эта идея отсутствует.

В классическом либерализме нет также однозначно враждебного отношения к государству, правительству и власти, которое типично для либертинизма. Согласно Локку, государство обязано соблюдать принцип «Благо народа — высший закон». Тем самым задачи государства не сводятся к роли ночного сторожа и мирового судьи. Но из этого принципа не вытекает, что самые бедные члены общества имеют право жить лучше всех. Локк отмечал, что каждый член общества должен жить настолько хорошо, чтобы он был заинтересо-

ван в принадлежности к данному государству. Если такого интереса не существует, то самая бедная часть населения имеет право эмигрировать в другую страну или переселиться в иную часть света. А там бывшие бедняки могут начать жизнь заново и обогатиться.

Короче говоря, в классическом либерализме претензии индивидов к государству ограничиваются принципом: каждый отвечает за свою жизнь, включая материальное благополучие. При этом социальное значение морали и религиозной толерантности является ведущим. Тогда как современный либерализм и либертинизм делают акцент на экономическом положении индивидов и связанных с ним социальных гарантиях государства.

Классический либерализм, современный либерализм и либертинизм — версии одного и того же направления социально-политической мысли и практики. Их нетрудно установить и описать при анализе либеральной идеологии *изнутри*. Не менее важно систематизировать постоянные объекты либеральной критики и описать либерализм *извне*. Что отвергал и против чего выступал либерализм на протяжении всей своей истории?

3. Идеологические противники

Свобода — главная ценность либерализма. Она определяется путем отрицания. Быть свободным — значит не быть в тюрьме, не подвергаться наказаниям за определенные действия, не быть лишенным избирательного права и т.д. В этом смысле история либерализма есть процесс борьбы с разными формами тирании, включая их идеологическое обоснование. Абсолютная власть, теократия и капитализм — главные политические и идеологические враги либерализма.

3.1. Абсолютная власть

Либеральная традиция — это постоянный протест против абсолютной власти. Трудно определить начало такого протеста. По крайней мере, не всякое противодействие и восстание против власти может быть признано либеральным. Если захват власти связан с воспроизводством властного абсолютизма и полаганием власти главной социальной ценностью, то протест нельзя считать либеральным. Если иметь в виду политическую историю, то только в 1860-е гг. в Англии возникла либеральная партия. Так называли себя радикально настроенные члены движения «вигов».

В то же время нельзя отрицать, что Локк принадлежал к ранним либералам. В отношении Гоббса такая квалификация была бы неуместной, хотя он сформулировал ряд положений политической теории либерализма. Однако они были вплетены в процесс защиты и легитимизации абсолютной власти. Гоббс считал ее единственным выходом из состояния «войны против всех».

Либералы всегда стремились ограничить, устранить и ликвидировать абсолютизм. В этом смысле история конституционализма является предпосылкой либерализма. В конституционализме впервые было сформулировано положение: *передача власти по наследству должна быть отвергнута*. В средние века для обоснования данного тезиса использовалась метафора «политического тела». Она означала, что функционирование политического организма невозможно без сотрудничества его элементов. Развивая это положение, Локк обосновал вывод: абсолютная власть направлена против прав индивидов, над которыми она осуществляется.

Этот аргумент связывает классический либерализм с современным. Власть осознается как необходимое зло. Согласно Локку, абсолютная власть настолько противоречит гражданскому обществу, что ее вообще нельзя считать формой государственного устройства и правления. На этом основании либералы XX в. отвергали тоталитарные режимы Ев-

ропы и авторитарные режимы Азии, Африки и Латинской Америки.

Какие же формы абсолютной власти должны быть отброшены окончательно и навсегда? На этот вопрос в либерализме нет единого ответа.

По мнению Локка, абсолютная власть генерала над солдатами на поле битвы необходима. И потому генерал имеет полное право лично расстреливать трусов, мародеров и дезертиров. Но у него нет никакого права проверять содержимое солдатских кошельков.

Тогда как Милль полагал, что принципы свободы не относятся к «незрелым» индивидам и народам, которые не могут вести рациональную дискуссию. По отношению к ним абсолютная власть возможна и необходима. На этом основании Милль оправдывал различные исторические формы деспотизма. Иначе говоря, в современном либерализме существует длительная традиция *оправдания абсолютной власти*.

Но далеко не все либералы согласны с подходом Милля. Несогласие выражается в формулировке нескольких ключевых положений.

Политическая власть существует только для достижения земных целей. При их формулировке и обсуждении не может использоваться религиозная вера. Обсуждение должно протекать только в соответствии с правилами рациональной (научной) дискуссии. Ее результаты должны использоваться при осуществлении политических действий и создании политических институтов. Они должны удовлетворять критерию инструментальной эффективности.

Политическая власть не вытекает из божественных установлений, харизмы вождя, закономерностей и целей истории, предназначения расы (найми, этноса). Перечисленные представления об источниках власти входят в состав религиозной, вебериянской, марксистской и нацистской политической мысли. Следовательно, данные направления политического дискурса должны быть отброшены.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Главные земные цели власти — мир, безопасность, ответственность и стремление людей к счастью. Для их достижения должен быть создан надлежащий социальный порядок.

Никто не имеет право на абсолютную власть. Осуществлять ее могут только люди, умения которых позволяют достичь указанных целей. Их конкретное содержание устанавливается при учете мнений всех граждан, подчиненных данной власти и не подрывающих существующий социальный порядок. Если власть пренебрегает такими мнениями, она подрывает моральные основания человеческого общежития. Прежде всего — главный постулат либерализма: люди рождаются свободными и равными. Согласие свободных людей может быть достигнуто путем рациональной аргументации. А согласие равных можно обрести, если люди находятся в одинаковом положении. Власть обязана слушаться граждан, а не наоборот. Всякая узурпация власти должна быть отвергнута.

Свобода и равенство людей должны быть признаны существующими законами и политической системой. Индивиды обладают свободой создания союзов для достижения собственных целей и осуществления любой социальной, экономической и интеллектуальной деятельности. Для этого они создают вторичные социальные группы, в которых выражается социальная энергия и витальность. Абсолютная власть враждебно относится к таким группам и стремится полностью контролировать социальную жизнь. История тоталитарных государств показывает, что они уничтожали социальные связи и авторитеты, независимые от власти. Следовательно, абсолютная власть не только оскорбляет моральные чувства граждан, но и подрывает социальную жизнь в целом (см.: 9, 193-200).

Эти положения объясняют отрицательное отношение либералов к любым формам абсолютной власти и идеологиям, ее оправдывающим. Однако современный либерализм не смог до конца освободиться от такого оправдания. Под пером Милля и его последователей концепция прогресса превратилась в средство обоснования политического рабства.

3.2. Теократия

Сопrotивление абсолютной власти связывает разные поколения либералов. Из него следует отрицательное отношение к любому симбиозу церкви и государства и провозглашение свободы совести. «Либеральный» — значит направленный против церкви как социального института и клира как социального слоя. Духовным предтечей так понятого либерализма был Вольтер. Его лозунг: «Раздавить гадину!» был направлен против власти Ватикана во Франции XVIII в. В XIX в. он стал боевым кличем антиклерикальных движений в других государствах Европы. Тем самым либерализм приобрел политическое содержание.

На протяжении столетия либералы делали все для подрыва авторитета церкви. Не менее решительно они вбивали клин между церковью и государством. Ватикан обладал значительным влиянием на политику тех государств, в которых католицизм был официальной религией. Православие в России после реформ Петра I было целиком подчинено государству. А протестантизм не обладал политическим влиянием, зато не подчинялся Ватикану. Поэтому антиклерикализм есть следствие протестантизма. Последний стал основанием либеральной концепции толерантности. Она направлена против любой монополии в сфере религии.

Толерантность означает терпимость. Нередко она трактуется как продукт скептицизма. Однако такое мнение ошибочно.

Гоббс был скептиком и в то же время противником толерантности. Он приписывал политическое значение религиозным доктринам. Полагал, что религия не может быть частным делом каждого человека. Религия совершенно бессмысленна с точки зрения разума. Но она пробуждает страсти и угрожает социальному миру. Поэтому задача суверена — установить рамки для публичных высказываний на религиозные темы. Если он уклоняется от этой задачи, в обществе опять может вспыхнуть война. Причем религиозные войны являются самыми жестокими. Их предотвращение — глав-

ная цель абсолютной власти. Следовательно, религия должна быть подчинена государству. Никакой толерантности в сфере официальной религии быть не может. Таковы главные аргументы Гоббса.

Локк предложил другую цепь рассуждений. Сфера сакрального и профанического противоположны друг другу. Причем первая более важная по сравнению со второй. Поэтому светская власть не должна вмешиваться в дела духовной власти. Сфера политики связана с общим благом. В его состав входят мир, безопасность, жизнь, свобода, собственность и физическое благополучие индивидов. Если суверен навязывает подданным определенную религию, он нарушает границы собственной власти, и наоборот: если церковь пытается устанавливать законы человеческого общежития, она выходит за границы своей власти. Государство — принудительная организация. Подданные должны его слушаться. А религия — дело добровольное. Это вытекает из множества религиозных вероисповеданий, церквей и сект. Поэтому толерантность должна гарантироваться законом.

В отличие от Гоббса Локк был глубоко верующим человеком. Его интересовала религиозная вера как таковая, именно по этой причине Локк был страстным поборником толерантности. Принуждение к исповеданию определенной религии он считал подавлением самых сокровенных чувств человека. Кроме того, протестанты в конце XVII в. были крайне заинтересованы в свободе совести.

Гоббс тоже учитывал важность свободы совести. Но его более занимала социальная роль религии. Длительная эпоха религиозных войн показала, что в вопросах религии невозможно прийти ни к каким определенным результатам. Тем более обоснованным рационально. Поэтому для сохранения социального мира граждан надо принудить к исповеданию определенной религии.

Тогда как Локк полагал, что Бог требует добровольного согласия и истинной веры. Любое принуждение в этой сфере есть оскорбление Бога и насилие над личностью одновременно. Истинная вера не связана ни с какими требованиями в

отношении государства. Она вообще не нуждается в его существовании. Для верующего человека невозможен конфликт с уголовным правом, поскольку элементарные правила человеческого общежития записаны в Библии. Следовательно, толерантность обусловлена самим содержанием христианской доктрины.

Но не только. У толерантности есть пределы. Они определяются взглядами, которые не угрожают политическому порядку. Паписты обязаны хранить верность Ватикану. Поэтому на них не может рассчитывать властитель государства. А у атеистов нет внутренних мотивов для достойного поведения и выполнения обещаний. Обе группы социально и политически опасны. Поэтому толерантность на них не распространяется.

Таким образом, для закрепления толерантности в законе требуется строгое отделение церкви от государства. Светская власть существует для достижения земных целей. Спасение души не входит в их состав и не может быть гарантировано государством.

Таковы основы концепции толерантности. Признание ее принципом права является критерием отличия либерализма от других идеологий. *Без отделения церкви от государства толерантность невозможна.*

Современный либерализм модернизировал этот принцип. Д.С.Милль тоже защищал толерантность, однако он исходил из тезисов о ценности индивида и морального прогресса. Отсюда вытекает, что государственное насилие правомочно, если оно направлено на защиту интересов свободы и безопасности индивидов. Но Милль не учел, что рост свободы может способствовать как прогрессу, так и регрессу в сфере морали. Опыт показал, что подобной аргументацией пользуются сторонники союза церкви и государства. Обычно на этом основании происходит реанимация различных форм теократии.

Тоталитарные государства являются политическими следствиями теократии. Они широко пользуются насилием для достижения собственных целей. Но как определить возмож-

ность спасения душ для верующих или преданность граждан идеям нацизма и коммунизма? На этот вопрос невозможно ответить эмпирически. Поэтому аппарат нацистской Германии и советской России пользовался насилием в воспитательных целях. В результате резко возросло число уголовных наказаний за несовершеннолетние и мнимые преступления. Причем эти наказания несколько не способствовали росту лояльности индивидов в отношении режима. Они лишь увеличивали страх государственного аппарата перед ненавистью со стороны населения.

В конце XX в. стало ясно, что тоталитарные государства не выдержали конкуренции ни в военной, ни в экономической сфере со странами, в которых строго выдерживается принцип отделения церкви от государства. Так что противодействие любым формам реанимации теократии остается по-прежнему актуальным. В этой ситуации отрицательное отношение к ней либералов стало более прагматическим. Оно в большей степени ориентируется на принципы Локка, а не Гоббса и Милля. Д.Роулс подчеркивает, что современные представления о нарушении прав человека есть секуляризованный вариант локковской концепции толерантности: «Навязывание любому индивиду любых убеждений есть оскорбление данного индивида, а также Бога как творца всех живых существ» (8, 288).

3.3. Капитализм

Негативное отношение либералов к абсолютной власти, теократии и их переплетению в тоталитаризме опирается на длительную традицию. Тогда как либеральная критика капитализма есть продукт недавнего происхождения.

Вплоть до начала XX в. либерализм и капитализм находились в относительной гармонии. Она включала следующие представления:

- индивиды и институты должны быть освобождены от власти традиций;

- индивиды обладают равными правами и способностями, поэтому их жизненный путь должен зависеть от таланта, а не от факта рождения в той или иной семье;
- человек обязан самостоятельно мыслить, поступать и обеспечивать себя;
- социальной прогресс — продукт ответственности индивидов за свои убеждения и действия;
- развитие экономики способствует самостоятельности индивидов.

Этот комплекс убеждений был сформулирован в конце XVII в. Его нельзя считать однозначной апологией производительного капитализма. Термин «капитализм» появился в середине XIX в., а в общее употребление вошел лишь в конце столетия. Однако практика его практического применения к ряду стран Европы (включая Россию) на протяжении XX в. так и не дала окончательного ответа на вопрос: можно ли считать капиталистическими страны, в которых нет пролетариата (или он составляет меньшинство населения), а большинство людей живет в деревне и занято в сельском хозяйстве? Если воспользоваться терминологией А.Смита, такие общества следует называть «коммерческими», а не капиталистическими.

Правда, на протяжении XIX в. в Англии (а затем и в других странах) был принят ряд законов, регулирующих экономические отношения между рабочими и работодателями. Эти законы принимались множеством судей, которые ссылались на обычное английское право. Для данной системы права важен прецедент, а не реализация абстрактных принципов. В результате были узаконены следующие права:

- каждый свободен распоряжаться своей собственностью;
- каждый может заключать договоры для достижения любых целей, если они не направлены против безопасности общества;
- каждый может работать в пользу другого лица, желающего стать нанимателем.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Короче говоря, эти законы не были результатом правового регулирования, направленного на реализацию либеральных ценностей.

В то же время *существует родство* между данными законами и либеральными принципами нерушимости частной собственности и свободы заключения договоров. В либерализме была выработана центральная идея: на основании естественного права индивиды могут распоряжаться собой, своей собственностью и способностями. Эта идея стала основанием ограниченной власти, правового правления, индивидуальной свободы и капиталистического хозяйства.

Однако по мере укрепления капитализма становилось ясно, что частная собственность используется для нанесения вреда и угнетения людей. В период разрушения феодализма нарастал конфликт между традиционными правами крестьян (на сбор хвороста в лесу, остатков зерна со скошенных полей, охоту за мелкой дичью и т.д.) и правами частных собственников. Параллельно развивался конфликт между работодателями и рабочими. Первые распоряжались собственностью по своему произволу. Рабочие ставились в неравное положение. Институт честного договора между индивидами начал рушиться. И в конце XIX в. сформировалось твердое убеждение: если раньше надо было освобождать собственников от абсолютной власти, то теперь следует освободить рабочих и потребителей от тирании капиталистов (см.: 10, 368—370).

Д.С.Милль первым зафиксировал тождество положения древних рабов и современных наемных рабочих. Ни те ни другие не имели никакой свободы выбора жизненного пути и профессии. Капитализм стал разновидностью древней тирании, навязывая способ поведения большинству людей, подрывая их здоровье, мораль и чувство достоинства. Поэтому рабочие обладают правом организации профессиональных союзов.

На основе данной посылки в первой трети XX в. начал формироваться неолиберализм. Его главная задача — освободить рабочих от власти капитала. Этот процесс объясняет парадокс конца XX в., когда неолибералами называют кон-

серваторов. Два столетия тому назад консерваторы защищали права аристократии на земельную собственность от торгово-промышленного капитала. Сегодня они защищают принцип свободной конкуренции и права собственности торгово-промышленного капитала. Теперь **их** оппонентами выступают реформаторы, в число которых входят и современные либералы (в миллевском смысле слова). Тем самым различие между либерализмом и консерватизмом становится *неуловимым*.

4. Двусмысленные рецепты

Антиабсолютистская, антиклерикальная и антитоталитаристская направленность либерализма не вызывает сомнений. Так что вполне эффективно определение либерализма, сформулированное путем противопоставления главным идеологическим противникам. Антикапиталистический пафос можно сравнить с противоречием между классическим и современным либерализмом. Либералы всегда выступали против патерналистского государства и господства власти над законом. Сегодня они выступают против таких ограничений капиталистической экономики, которые снимают различие между нею и военно-приказной экономикой социализма и нацизма.

Таким образом, определение либерализма может осуществляться путем перечисления его положительных и отрицательных ценностей. В любом случае мы приходим к одним и тем же спорным пунктам. Они частично объясняют неясность, размытость, неопределенность либеральной идеологии. Она разнообразна и внутренне противоречива. В конечном счете либерализм так и не смог сформулировать интеллектуально привлекательную и политически ответственную позицию.

На этот упрек либералы обычно отвечают, что они не несут ответственности за сложность мира. В таком ответе есть определенный резон. Но он не освобождает от необходимос-

ти разработки позитивной либеральной теории. Если считать свободу главной ценностью, то такая теория должна объяснить *причины несвободы* и предложить *способы ее устранения* в индивидуальном, социальном и политическом бытии. Рассмотрим в деталях фигуру либерального лекаря.

4.1. Выбор и неопределенность индивидуального бытия

Большинство либералов считают, что их задача ограничивается совершенствованием политических систем и институтов. Однако на протяжении последнего 30-летия сформировалась другая позиция. У же упоминавшийся Д.Роулс предлагает усложнить структуру либеральной теории и включает в ее состав три теории:

- достойной жизни индивидов;
- экономических, социальных и политических условий, необходимых для реализации достойной жизни;
- институциональных решений, причем эта теория не должна сводиться к выбору одной из конкурирующих концепций достойной жизни.

Эти теории иерархизируются по степени охвата исследуемых объектов. Шансы на признание и популярность каждой из них пока остаются минимальными: все они ставят под сомнение рутину индивидуального, социального и институционального бытия. Но именно факт непопулярности теории является косвенным признанием ее истинности. Одновременно он служит причиной поиска более широкой теории.

Современный мир стоит перед необходимостью выбора в пользу либеральных экономических и политических институтов. В процессе поиска консенсуса должны быть найдены *нейтральные основания* социального общежития. Нейтральность означает дистанцию теории по отношению к спорным вопросам религии и индивидуальной этики.

Итак, Роулс предлагает выйти за пределы либерализма для создания комплекса указанных теорий. Этот проект влере-

вые был изложен в его книге «Теория справедливости», опубликованной в 1971 г. За прошедшие 30 лет большое число публикаций в области политической философии и теории было посвящено обсуждению концепции Роулса в целом и частностях. Обзор этой дискуссии выходит за рамки данной книги (см.: 11). Я затрону лишь один момент.

Несмотря на претензии на нейтральность, концепция «достойной жизни» Роулса остается либеральной. Он исходит из посылок классического либерализма:

- рабство — зло;
- насилие тоже зло (особенно в сфере совести), поскольку ни один рациональный индивид не пошел бы на риск занять должность Великого Инквизитора взамен шанса оказаться жертвой инквизиции;
- свобода выбора жизненного пути (карьеры и образа жизни) есть благо в той степени, в какой жизнь обладает смыслом.

Кроме того, предложенные Роулсом принципы справедливости не являются универсальными. Они характерны только для индивидов второй половины XX в., да и то не для всех. Речь идет только о таких индивидах, которые обладают ясным представлением о смысле собственной жизни. Между тем бессмысленность стала не менее всеобщей характеристикой современного общества.

Наконец, послылки Роулса о человеческой природе слабо аргументированы. Из них исключен моральный скептицизм — важнейшее положение классического либерализма. Оно гласит: каждый индивид обладает собственным моральным предназначением и в этой сфере никто третий ничего не может ему диктовать.

Короче говоря, либерализм как теория достойной жизни индивидов может быть выражен в языке И.Канта, В.Гумбольдта, Д.С.Милля, Б.Рассела и Д.Дьюи. Каждый из них формулировал сходные положения. Они могут быть сведены к совокупности суждений:

ЛИБЕРАЛИЗМ

- человек есть творец самого себя;
- никакое общее и частное благо не определяет успех самореализации;
- ответственность за свою жизнь есть часть достойной жизни.

Эти положения Кант определял как «дух Просвещения». Гумбольдт и Милль писали о развитии человеческой природы во всем ее разнообразии как фундаментальной цели жизни. Дьюи называл те же самые положения экспериментальным методом.

Положительные стороны такого либерализма станут яснее в сопоставлении с антилиберальными представлениями.

Самодисциплина — великое индивидуальное благо, ибо без нее невозможны никакие эксперименты над собственной жизнью. Самоконтроль позволяет сохранить дистанцию в отношении самого себя. А она необходима для трезвой оценки собственных успехов и неудач.

Любая внешняя дисциплина есть зло, так как подчинение ей исключает самореализацию. В этом смысле либерализм отвергает всю линию Платона. А также других религиозных и светских мыслителей, обосновывающих необходимость внешней дисциплины во всех ее разновидностях.

Привязанность к месту рождения, землякам и согражданам есть благо, поскольку не существует таких человеческих добродетелей, которые могут быть реализованы без социальных связей.

Однако формула «Право или неправо, но это мое отечество» есть зло (напомню, что это изречение висело над воротами нацистских концлагерей). Данная формула снимает с родины индивида историческую, уголовную, моральную, политическую и мировоззренческую вину перед ним и другими народами. Человек, не сознающий такой вины, не является свободным индивидом (см.: 12). Так что чувство патриотизма невозможно согласовать с идеалом самостоятельности индивидов.

Платон ворчал на демократические Афины за излишнее многообразие мнений. Тогда как либералы осуждают эталон

античной демократии за недостаточное разнообразие образов жизни. В знаменитой речи Перикл прославляя Афины за готовность предоставить право каждому жить так, как ему вздумается. В то же время он не считал разнообразие человеческим благом. Исключал женщин из публичной жизни. А политику ставил выше всех частных благ.

Либералы тоже одобряют гражданские доблести. Они согласны и с тем, что в ситуации кризиса (природные или социальные катастрофы) каждый обязан отложить в сторону личные дела. И сделать все для выхода из нее. Однако такая ситуация служит для либералов лишь примером жертвования одним благом в пользу другого.

Короче говоря, в либерализме нет позитивной концепции достойной жизни человека. Большинство либералов остаются эмпириками и плюралистами. Живут по принципу «Поживем — увидим». Согласно этой мудрости, суждение о действительных средствах развития индивидов можно высказать только на основании опыта. А опыт разнообразен. Поэтому самостоятельные индивиды могут избирать множество различных образов жизни. Все они в равной мере достойны.

Отсюда следует, что в либерализме *выбор* рассматривается как единственное, абсолютное и безусловное благо. Разумеется, ни один либерал не одобрил бы выбор преступника. Однако большинство либералов считают, что индивид становится самостоятельным только в результате выбора. Действительно, многие люди ведут рутинную серую жизнь и не забывают себе голову постоянным анализом возникающих перед ними альтернатив. Согласно либеральным канонам, у таких людей нет шансов на достойную и счастливую жизнь.

Такое представление об индивиде содержит внутренний драматизм. В его основании лежит образ неопределенного социального мира. Он противостоит образу упорядоченного мира, в котором «лучшие из лучших» устанавливают правила жизни для остальных людей. Либеральная концепция индивида внешне безобидна. Но она направлена против образа жизни трех социальных групп:

- любой аристократии, независимо от того, какой системой ценностей каждая из них легитимирует свое господство;
- простонародья, которое живет по шаблонам предков или общественного мнения. Большинство людей заняты бессмысленным приспособлением к жизни. Для них либеральная концепция является слишком суровой;
- религиозного клира, убежденного в исходной испорченности человеческой природы. Для этого слоя либеральная концепция слишком оптимистична.

Иначе говоря, либералы надеются все же улучшить человеческую природу. Ж. де Местр и Ж.Сорель давно высмеяли такую надежду. А Ф.Ницше и экзистенциалисты показали, что либеральный проект человеческой природы противоречит его собственным посылкам. Либералы не рассматривают выбор как кардинальную проблему человеческого бытия, за кулисами которого всегда скрывается вопрос о жизни и смерти. Они полагают, что каждый согласится с их положением о необходимости достойного выбора и примет рациональную систему доказательств. История XX в. окончательно опровергла эти надежды.

Если стоять на почве фактов, большинство индивидов были и остаются несамостоятельными. А свобода является не только благом, но и источником человеческих страданий. Эти факты не смогло устранить ни одно социальное и политическое устройство. Так что невозможно уже пользоваться золотым правилом Аристотеля: истина находится между крайностями. Поэтому либералы вынуждены признать неопределенность собственных концепций и отвечают на критику риторически: истина не лежит на одном из противоположных полюсов.

4.2. Договор и социальная неопределенность

Либералов принято упрекать за пренебрежение социальной природой человека. Однако для многих представителей классического и современного либерализма важность обще-

ства была неоспоримой. На основании либеральных посылок возможна определенная теория общества. Либералы не отрицают влияние общества на жизнь его членов. И потому крайне заинтересованы в том, чтобы общество не связывало и не калечило индивидов.

Сторонники социологизма обычно утверждают: либералы некритически относятся к договорной концепции общества, согласно которой общество есть продукт договора. Однако для либералов договор есть способ познания, а не онтологический принцип общества: «Власть группы над индивидом не является абсолютной, а простирается настолько далеко, насколько это позволяют гипотетические условия договора, на основании которого индивиды соглашаются с такой властью» (13, 33—34). Иначе говоря, *условия договора* являются главным предметом дискуссии.

Д.С.Милль рассматривал договор как соглашение, которое люди заключают между собой в целях самозащиты. При этом общество понималось как определенное устройство. Оно позволяет индивидам использовать объединенную силу группы для защиты от нападения на отдельных ее членов и их собственность.

Концепция Милля неплохо объясняет насильственные аспекты социальной власти. Но как должно выглядеть общество, из которого исключено насилие? На этот вопрос в либерализме нет определенного ответа. Можно сказать только, что такое общество состоит из множества добровольных организаций, направленных на обогащение жизни всех его членов. Действительно, либералы всегда относились отрицательно к политическим режимам, ограничивающим создание добровольных групп, поскольку такая акция означает ограничение свободы.

Поставленный вопрос можно перевести в экономическую плоскость: должно ли правительство поддерживать создание таких групп с помощью субсидий? Ведь классические либералы и либертинисты выступают за сведение к минимуму функций государства. Но современные либералы не дают оп-

ределенного ответа на поставленный вопрос. Одни отвечают положительно, другие отрицательно. То же самое относится к патронажу государства над искусством, наукой, образованием и культурой. Так что ответ на вопрос зависит от общества, в котором живут либералы. А оно может быть далеко не либеральным.

В таком обществе могут существовать одна или несколько религий, политических партий, систем публичного транспорта, образования, воспитания, информации и т.д. Для либералов существенно лишь то, чтобы любое решение не было связано с нарушением прав человека — индивидуальной свободы членов общества.

Тогда какие экономические решения должны быть приняты, чтобы воплотить в жизнь общество, состоящее из свободных индивидов? На этот вопрос либералы тоже не отвечают. А предпочитают разглагольствовать на тему о бюрократии — разветвленном государственном аппарате, угрожающем свободе. Но ведь тенденция бюрократизации относится в равной мере к обществам с плановой и рыночной экономикой, и в последнем случае богатые люди могут покупать политиков на корню и с потрохами.

В ответ на эту констатацию либерал процедит сквозь зубы: «Вопрос о социальном устройстве зависит от опыта!» Такой ответ равносителен отсутствию ответа.

Таким образом, социальная теория либералов включает несколько абстрактных положений:

- общество состоит из формальных и неформальных организаций;
 - общественное мнение обладает принудительным характером;
 - общество предоставляет индивидам значительную свободу для добровольных объединений;
 - в этом смысле общество есть множество малых групп.
- Однако их реальное функционирование остается неопределенным.

4.3. Связанное, но энергичное правительство

Либеральная теория государства не совпадает с социальной теорией. Государство — это сфера санкционированного насилия. У него нет конкурентов, альтернатив и выбора. Либеральное государство должно действовать в соответствии с принципом правопорядка и сводить насилие к минимуму. По этому вопросу споры давно прекратились. Зато продолжаете дебатироваться вопрос: вытекает ли из либерализма демократия как форма правления?

Если на вопрос отвечать исторически, то на разных этапах существования либералы давали два ответа:

- демократия — угроза либерализму;
- демократия — следствие либерализма.

Зато либералы всегда были сторонниками конституционализма. Принцип конституционного правопорядка может быть ограничен только чрезвычайными обстоятельствами. Этот принцип относится к функционированию и приходу к власти новых политических сил и лиц. Однако способы его реализации различны. В либерализме продолжается дискуссия на эту тему.

Одни считают эталоном британский опыт, когда правительство соблюдает либеральные принципы под контролем общественного мнения и электората. Другие полагают примером американский опыт, при котором либеральные принципы гарантируются конституцией и Картой Прав. Третьи убеждены, что теория демократии не может строиться на нормативных основаниях, а только на основе опыта демократических стран. Короче говоря, связь либерализма с демократией нуждается в постоянном анализе.

Если демократия сводится к правлению большинства, то применение либеральных принципов есть дело случая. А он зависит от воли большинства. Конечно, можно использовать разные меры для того, чтобы большинство не выходило за рамки данных принципов. Они ведут к господству свободы над демократией и потому не являются демократическими. Для классиков либерализма кардинальная проблема своди-

лась к вопросу: что надо делать для того, чтобы молодая демократия не выродилась в тиранию большинства? Опыт XX в. показал, что эта угроза является по-прежнему актуальной.

Если либерализм отождествляется с демократией, то все ее нелиберальные формы квалифицируются как недемократические: «Каждый человек должен быть заслушан. В противном случае нарушаются его права, включая право быть свободным и равноправным членом общества» (9, 193). Иначе говоря, авторитет большинства не должен отличаться от процесса исполнения власти в соответствии с либеральными принципами. Например, нельзя требовать такого избирательного права, которое нарушает права других людей. И американская Карта Прав определяет, в чем должен состоять авторитет большинства. Либеральная демократия не должна зависеть от обстоятельств и случайностей. Законы должны ликвидировать эту зависимость. Только основанная на таких законах демократия может быть либеральной.

Есть ли общее между указанными концепциями? В любом случае действия правительства ограничиваются свободой совести, выбора жизненного пути, приватной жизни и правами семьи. *Активность правительства не должна выходить за рамки данных свобод.* Оно обязано их гарантировать. Прежде всего такое правительство должно устранить недостатки предшественников: ликвидировать традиционные привилегии определенных групп, добиться максимально-минимальной справедливости, устранить расовую, национальную, этническую, половую дискриминацию и т.д. Каждый из этих процессов занимает много времени. Тем самым определяется круг правительственных дел. Причем каждая цель должна достигаться только правовыми методами.

В этом пункте возможен консенсус между классическим и современным либерализмом, включая либертинизм. Все они выступают против монополий и привилегий, расовой, национальной, этнической и половой дискриминации. Правда, существуют различия в акцентах.

Представители классического либерализма считают, что равенство шансов уже достигнуто и не придают значения тру-

гим формам равенства. Последователи современного либерализма не считают равенство достигнутым и полагают, что оно должно быть предметом тщательного анализа и политического контроля. Но те и другие согласны с тем, что связанное законами правительство должно быть предельно энергичным, а не пассивным и ленивым. Только в этом случае у правительства остается последний шанс на выживание. *Идеальная либеральная демократия вообще не нуждается в правительстве.*

На протяжении последнего десятилетия либеральная мысль занята интенсивной разработкой теории равенства, поскольку главные задачи деятельности традиционных правительств исчерпываются. В этом контексте высказываются разные предложения в экономической, социальной, юридической и политической сферах. Но эта тема требует особого анализа.

5. Успех или поражение?

В 1970—80-е гг. в западных демократиях властвовали неоконсерваторы. Среди них продолжаются споры на тему собственной родословной: являются ли неоконсерваторы традиционалистами (в смысле Э.Берка и Ж. де Местра) или неолибералами, которые пытаются реанимировать политические и экономические идеалы либералов начала XX в.? Дело в том, что либералы эпохи Рузвельта поддержали вмешательство государства в экономику, одновременно требуя равенства в социальной и экономической сферах. В этом смысле они предали идеалы классического либерализма. Конечно, поддержка избирателями той или иной политики в конкретных странах зависела от множества обстоятельств. Их обсуждение не входит в мою задачу.

Если отвлечься от политической конъюнктуры, то крушение СССР и распад мировой системы социализма мож-

ЛИБЕРАЛИЗМ

но считать главным успехом либеральной идеологии. Советская власть легитимировала собственную законность мнимым превосходством ленинско-сталинской версии марксизма над его либеральными и социалистическими противниками. В конечном счете советский социализм потерпел поражение в экономической, политической, идеологической, культурной и цивилизационной сферах. Этот факт свидетельствует о победе либеральной идеологии.

Но речь идет о либерализме в широком смысле слова — политической идеологии, провозглашающей права человека, равенство экономических, социальных и политических шансов, ценность открытого общества. Так понятый либерализм одержал победу не только над русско-советским марксизмом. Современный либерализм оставил далеко позади авторитарные, националистические и военные режимы стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Однако эта победа не связана с господством в странах Запада либеральных партий. Неоконсерваторы заимствовали у классического либерализма антиабсолютистские, антитоократические и даже антикапиталистические установки. В то же время они не соглашались с определением консервативной политики как «либеральной».

Внутри либерализма обостряется раскол на демократов и республиканцев. Республиканские идеи разрабатываются в коммунитаризме. В его рамках выработаны главные направления критики либерализма:

- либеральная концепция индивида трактует людей как существ, поглощенных частными делами и оторванных от политической жизни;
- либеральная концепция политики пренебрегает опытом античных, возрожденческих и современных республик;
- либеральная концепция негативной свободы связана с выработкой гарантий от вмешательства правительства и крупных корпораций в социально-экономическую жизнь; однако эту свободу невозможно сохранить при безразличии граждан;

- либералы мало интересуются гражданской и политической активностью индивидов;
- в либерализме нет адекватного способа описания путей достижения главных социальных целей.

Таким образом, практическое воплощение либерализма привело к глубокому разрыву частной и политической жизни.

Либералы вынуждены признать справедливость этой критики. Упадок гражданского духа и политического участия стали типичными явлениями высокоразвитых стран Запада накануне XXI в. Эта проблема стоит перед всеми идеологиями современности. Ее решения пока нет.

Итак, победивший либерализм не является целостной и последовательной системой мысли и не воплощается в универсальных институциональных формах. Непоследовательность связана с главными постулатами либерализма:

- признание демократии сопровождается ее ограничением принципом правопорядка;
- признание экономики свободной конкуренции сопровождается контролем правительства над нею;
- признание равенства шансов сопровождается невмешательством в частную жизнь, систему образования и свободу работодателей.

Короче говоря, либерализм не высказывается за принцип свободной конкуренции с такой решительностью, с которой марксизм отбрасывает этот принцип. Система социальных и политических ценностей либерализма всегда сопровождается оговорками. Это позволяет осознавать недостатки либеральных обществ. Так что победа либерализма над социализмом двусмысленна и неоднозначна.

Если воспользоваться жаргоном советского обществоведения, то успех либерализма является не «полным и окончательным», а половинчатым и промежуточным. Амбиции либералов всегда превышали их действительные достижения. Ситуация вряд ли изменится в ближайшем будущем.

Единственный несомненный успех либерализма состоит в том, что он *институционализировал самокритику* раньше всех остальных идеологий. Он учитывает также критику со

ЛИБЕРАЛИЗМ

стороны других идеологий. Только она может служить критерием динамики любой системы взглядов. Речь идет о постоянном недовольстве достигнутым. В этом смысле сторонники либерализма могут по-прежнему надеяться на то, что их неудачи являются временными и частичными.

ГЛАВА 2

КОНСЕРВАТИЗМ

Консерватизм — это определенная политическая доктрина, которая не тождественна деятельности партий, называющих себя консервативными. Ее принято связывать с именем Э.Берка. Он формулировал свои взгляды под влиянием французской революции. После Берка аналогичные взгляды высказывались другими мыслителями и политическими деятелями. В настоящее время консерватизм обладает длительной традицией в разных странах. Однако его предыстория восходит к первым образцам систематической рефлексии о государстве и политике.

1. Становление: фигуры и страны

Вся современная политическая мысль базируется на учениях Платона и Аристотеля. Оба мыслителя придерживались правой политической ориентации. В период их деятельности Греция была ареной постоянной политической напряженности. Консервативное мышление по своим истокам есть реакция на социальную и политическую нестабильность. Она завершилась созданием империи Александра Македонского —

КОНСЕРВАТИЗМ

ученика Аристотеля. Но отсюда не следует, что Платон и Аристотель были консерваторами в чистом виде.

Платон был элитаристом и создал утопию «идеального государства». Эта утопия направлена на противодействие любым изменениям. Согласно Платону, «идеальным государством» должна руководить наследственная каста философов-экспертов. Они обладают интеллектуальным превосходством и могут устанавливать законы по собственному произволу. Платон считал собственную концепцию универсальной и не связывал ее с определенной социально-исторической общностью людей. Для воплощения данной концепции в жизнь он обратился к тирану Сиракуз. И хотя попытка закончилась неудачей, Платон своих взглядов не изменил.

Аристотеля тоже нельзя считать консерватором в строгом смысле слова. Зато от консервативного темперамента он не был свободен. Государство с установленным порядком и безличными законами он ставил выше деспотического правления. Аристотель критически относился к утопии Платона. Особенно к идее о том, что правящая элита должна быть свободна от традиционных институтов семьи и частной собственности. Аристотель полагал, что решение проблемы наиболее эффективного государственного строя зависит от природы и обстоятельств. Он создал также основания органицистской теории человеческой природы и общества. Человек — это политическое животное, которое только в государстве может воплотить свою человеческую потенцию. Правда, под влиянием Платона Аристотель тоже стремился создать проект идеального государства. Но этот проект нельзя считать завершенным и определенным.

Цицерон был стойким и верил в существование естественного права. Он исходил из положения о фундаментальном равенстве всех людей, независимо от места, времени и обстоятельств. Значимый момент его практической деятельности — защита традиций Римской республики в борьбе с авторитаризмом Августа. Последний приказал лишить его жизни.

Около 1260 г. «Политика» Аристотеля была переведена на латынь. После этого Фома Аквинский разработал политическую концепцию христианства. Она базировалась на понятии пассивного послушания. В период средневековья отношения между церковью и государством были главной темой философской рефлексии. В рамках ортодоксального конформизма государство рассматривалось как божественное орудие в борьбе с грешной человеческой природой. Но для успешного действия государства требуется руководство церкви. В трудах же Оккама и Марсилия Падуанского развивался противоположный подход к государству: оно рассматривалось как средство достижения земных целей людей. Этот подход стал предпосылкой политического секуляризма эпохи Возрождения.

Данный комплекс идей можно считать *предысторией консерватизма*.

1.1. От Реформации до Д. Юма

На протяжении средневековья дворцовые перевороты и народные восстания были постоянным явлением социально-политической жизни. Но они не смогли сломать существующий порядок вещей. Первым серьезным вызовом ему стала протестантская Реформация. Религиозная вера превратилась в главное яблоко раздора между властвующими и подвластными. Это привело к длительной эпохе религиозных войн в Европе (вторая половина XVI в. — первая половина XVII в.). Враждующие стороны оперировали двумя главными аргументами:

- светская власть является божественной по происхождению и потому религия должна быть подчинена государству;
- светская власть должна быть теократической, а ее основания изложены в Священном Писании христианства.

В Англии в эпоху Елизаветы были приняты законы, в результате которых светская власть начала господствовать над

духовной. Англиканская церковь первой отбросила власть Ватикана. В то же время сохранялись значительная часть католического ритуала и институт епископата. Р.Хукер написал особый трактат под названием «Законы церковной политики» для обоснования данных изменений. Эту книгу принято считать первой попыткой изложения основ консерватизма (см.: 1).

Автор отвергал оба абсолютизма своей эпохи: теорию божественного происхождения и исключительных прав королевской власти и пуританское убеждение в том, что вся правда содержится в Библии, в которой нет упоминаний о власти королей и епископов. Против первого абсолютизма был сформулирован вывод: светская власть должна стоять на страже обычного права. А пуританизм опровергался положением: по сравнению с библейскими временами обстоятельства значительно изменились. Хукер полагал, что человеческий разум может понять законы естественного права. Однако само естественное право настолько широко, что *из него не вытекают никакие определенные политические решения*. Чтобы власть была легитимной, нужен консенсус. Но к нему невозможно прийти без соблюдения обычаев и установленных законов.

Так была сформулирована идея о том, что социальный порядок есть сложное историческое образование.

Ж.Боден был не менее крупным мыслителем в период становления консерватизма. Кроме защиты толерантности он сформулировал принцип суверенитета государственной власти. Но этот суверенитет не является абсолютным. Прежде всего потому, что суверен обязан соблюдать божественное и естественное право. А они требуют уважения к собственности подданных. *Без согласия последних невозможно устанавливать никакие государственные налоги*. Следовательно, суверенная власть обязана подчиняться определенным правилам.

Практические политики Англии ХУП—ХУШ вв. тоже сыграли значительную роль в формировании консерватизма. В этом отношении примечательны политические карьеры Кларендона, Галифакса и Болингброка.

Кларендон известен прежде всего критикой концепции абсолютной власти Т. Гоббса, который постоянно подчеркивал «научность» собственной теории. Кларендон считал, что всякое знание о политике неизбежно ограничено. При этом он ссылаясь на идею «старого порядка» — традиционного фундаментального права общества. Это право ограничивает абсолютную власть.

Галифакс считал религиозный догматизм главной причиной социальной нестабильности, насилия и жестокости. Поэтому естественный разум государства должен обладать приоритетом перед верой. Такой разум есть следствие исторического и практического опыта реальной политической жизни. Он противостоит абстрактному резонерству на тему «основных вопросов» мироздания и человеческого бытия.

Наиболее известным сочинением Болингброка является «Идея короля-патриота». В этой книге впервые сформулировано главное положение просвещенного абсолютизма: эффективное управление государством зависит от добродетели и разума монарха. Кроме того, Болингброк разработал специфическую версию естественного права. Процесс применения такого права зависит от множества обстоятельств и потому никогда не может быть определенным и стабильным. Люди по природе являются социальными существами, а господство и подчинение есть универсальное свойство всех форм человеческого общежития — от семьи до государства. Государство — исторически образовавшийся организм, а не механическое устройство. Наиболее эффективной формой правления является смесь конституции с традицией. Наконец, Болингброк одним из первых мыслителей нового времени занял резко отрицательную позицию в отношении капитализма. Он отвергал всякое влияние «денежных мешков» на государственную политику.

Монтескье заимствовал у Болингброка идею разделения властей. Он сформулировал также положение о зависимости политических систем от климатических, этнических, национальных и иных характеристик общества.

Д.Юм по политическим ориентациям был тори и крайне враждебно относился к религии. Он отбросил всю структуру понятий политической философии Локка, которая базировалась на концепциях естественного права и общественного договора. Однако пример Бентама показывает, что отрицание указанных концепций вполне согласуется с либерализмом. Юм полагал принцип пользы главной характеристикой существования и развития общества. В этом смысле он был первым утилитаристом в строгом значении слова. В то же время Юм уважительно относился к традициям по той причине, что они хорошо известны большинству людей и не требуют доказательств. По философским ориентациям Юм был скептиком. Но он не отвергал возможности науки о политике.

1.2. Пионеры консерватизма

Моментом зрелости консерватизма можно считать реакцию Э.Берка на события, связанные с Великой французской революцией. В начале своей деятельности Берк принадлежал к вигам. Но под влиянием французской революции он стал называть себя «новым вигом». Этим он стремился подчеркнуть собственное отличие от старых вигов в оценке революции. Берк оценивал ее отрицательно. Зато он положительно относился к требованиям американских колонистов и правам британских подданных в Индии. Однако при защите данных требований он не апеллировал к абстрактным правам человека, а ссылался на традиционные права колонистов как представителей английской нации. Что касается прав британских подданных в Индии, то Берк подчеркивал самобытность индийской цивилизации и неповторимость ее истории. В трудах Берка можно вычленить три главных понятия, оказавших существенное влияние на дальнейшее развитие консерватизма:

1. Традиционализм, в соответствии с которым политический строй понимается как продукт истории и *передачи* от поколения к поколению. Все социальные институты и поли-

тические учреждения *не являются* искусственными изобретениями. Каждое поколение выступает временным обладателем, а не полноправным собственником социального и политического наследства.

2. Мироззренческий и политический скептицизм. Согласно этой установке, знание о создании и реформировании государства не может быть приобретено априорно. Это знание вытекает только из непосредственного опыта и базируется на нем. А сам опыт — сверхъщдивидуальное образование. Ни один человек на протяжении всей жизни не может освоить его полностью.

3. Органщзм, согласно которому политическая мудрость состоит в постоянном изучении наличных традиций и обычаев. Они сформированы обстоятельствами социально-исторической жизни. Традиция — это вторая природа человека. Она порождает многообразные различия между людьми. В результате люди становятся различными классами политических и социальных животных. Не существует никаких абстрактных прав человека и универсальных политических идеалов. Универсальной может быть только мораль, поскольку она базируется на божественном откровении. Политика зависит от множества обстоятельств. Она связана с многократным обдумыванием любого решения и действия. Все они принимаются и проводятся в пользу или во вред определенной общности людей. Политическая ловкость не сводится к механическому и рациональному отбору средств для достижения любой индивидуальной, социальной и политической цели.

Эти идеи Берка породили многочисленных последователей. В Англии XIX в. к ним относятся поэт С.Кольридж и религиозный мыслитель Д.Ньюмен. А в сфере практической политики Б. Дизраэли и Р. Солсбери пытались воплотить указанные идеи в жизнь.

В частности, Кольридж писал: «В сочинениях мистера Берка содержатся в зародыше почти все политические истины» (2, 31). Английский романтик создал даже особый трактат

под названием «Об устройстве церкви и государства». В этой книге можно обнаружить идеализацию традиционного политического порядка Англии: интересы земельной аристократии гармонически сочетаются с интересами торговцев и промышленников. Кольридж выдвинул также идею национальной церкви, которая должна поддерживать преемственность культуры путем контроля над образованием. Драматические и трагические последствия индустриализации — не менее важная тема творчества Кольриджа.

Ньюмен не был политическим мыслителем, но на протяжении всей жизни боролся с либерализмом. Он отождествил либерализм с ложным свободомыслием. Речь идет об оптимистическом представлении: возможности разума как источника прогресса безграничны. Ньюмен признавал необходимость и неизбежность изменений церкви и государства, но они должны быть плавными и постепенными.

Дизраэли и Солсбери были премьерами в правительстве Англии. Первый пытался выработать принципы социальной политики: социальные проблемы должны решаться путем введения фабричного законодательства; предприниматели должны взять на себя ответственность за благосостояние всего общества (см.: 3). Во времена Солсбери консервативная партия преобразовалась в партию крупных промышленников. В результате социальная политика свелась к призывам борьбы со страстями и невежеством масс.

В XX в. новаторский вклад в британскую консервативную мысль внес М.Оакшот. Он не занимался практической политикой, а был чистым теоретиком. Зато его главный труд «Рационализм в политике» может считаться наиболее фундаментальной и филигранной критикой любых попыток превратить политику в разновидность социальной технологии (см.: 4). Речь идет о рациональном (научном) отборе средств для достижения определенных целей. Британский мыслитель показал в деталях, почему такой подход к политике является теоретически бесплодным и социально опасным.

1.3. Эпигоны

До французской революции в политической практике европейских стран доминировал авторитаризм абсолютных монархий. Люди, претендующие на ранг политических мыслителей, обычно защищали концепцию божественного происхождения и неограниченных прав верховной власти. Даже радикальный либерализм не смог сломить эту концепцию. Потребовалась революция, чтобы консерватизм приобрел определенную форму в трудах Э.Берка. Его взгляды начинают заимствоваться во Франции и Германии.

Однако французские и немецкие консерваторы отличались от британских предтеч экстремизмом. После «славной революции» 1688 г. в Англии на протяжении почти полутора столетий господствовала социальная стабильность. Тогда как Франция после революционных потрясений вступила в период наполеоновской диктатуры, длившийся почти четверть века. Германия в начале XIX в. потерпела сокрушительное поражение в войнах с революционной Францией. Эти события значительно повлияли на политическую мысль Франции и Германии. Французские консерваторы квалифицировали революционную катастрофу как расплату за безбожный рационализм. А их немецкие единомышленники истолковали военное поражение как следствие вмешательства прусской монархии в политическую жизнь всех германских земель.

Наиболее известными консервативными мыслителями Франции являются Ж. де Местр и Л. Бональд. Первый использовал разум для подрыва притязаний того же разума на руководство публичными делами. Взамен он предлагал облагородить инстинкт — иррациональную привязанность людей к существующим традициям и обычаям. Если человек их нарушает, он подрывает основания социальной жизни. И потому должен быть исключен из общества, поскольку все традиции и обычаи освящены божественным провидением. Бональд предлагал необходимым установить расовую теократию. Только она может обеспечить неразрывную связь трона и алтаря. И

добиться от всех членов общества беспрекословного послушания, не допускающего никаких дискуссий.

Оба мыслителя враждебно относились к торговле и промышленности. Данные виды деятельности базируются на личных интересах индивидов. Такие интересы подрывают патриотизм — комплекс обязанностей индивидов перед той общностью, в которой он появился на свет.

Эти идеи были заимствованы у Кольриджа и Болингброка. Французские мыслители лишь придали им литературно отточенную форму. Она отличалась ясностью и принципиальностью, включая политический радикализм.

Немецкие консерваторы (типа Г.Мезера и А.Мюллера) тоже подчеркивали связь с прошлым. При этом они рассматривали средневековый феодализм как наиболее эффективную форму развития германского духа. Гердер тоже внес вклад в укрепление романтического и сентиментального отношения к прошлому. Он полагал, что каждый народ обладает собственным неповторимым характером и потребностями. Германские консерваторы выступали против либерализма Канта, который стремился преодолеть национальную ограниченность и исключить войны из практики международной жизни. Они квалифицировали государство как органическое образование национального бытия и отвергали либеральное представление о том, что государство есть только механизм для защиты естественных прав индивидов и охраны частных интересов.

В 1848 г. по Европе прокатилась вторая волна революций. «Старый порядок» был окончательно дискредитирован в период Реставрации и Священного союза. Политические и религиозные клики европейских стран занялись лихорадочным поиском панацеи для собственного выживания. Так был изобретен национализм. Первоначально он выступил в форме либеральной критики династического принципа передачи и наследования власти, а затем был аннексирован консерваторами. Пионером национализма стала Германия. Ловкая деятельность Бисмарка по ее объединению сопровождалась теорети-

ческим обоснованием в работах Г.Трейчке. В 1870 г. Франция потерпела поражение от Германии. Тевтонские победители занесли в галльский ум бациллу национализма. Она начала водить пером Барреса, Морраса и других французских певцов национального гения.

В результате этих событий национализм приобрел *агрессивную форму*: нация начала рассматриваться как высшая ценность, а церковь и армия — как необходимые средства ее защиты. Религиозно-милитаристские факторы стали побеждать светский консерватизм, основы которого были сформулированы в позитивизме О.Конта — мыслителя крайне спекулятивного и фантазирующего. Э.Ренан и И.Тэн пытались очистить взгляды мэтра от утопических элементов. Но эти действия не отличались последовательностью. С одной стороны, Ренан требовал, чтобы политическая элита состояла из людей, обладающих научным и художественным талантом. С другой стороны, он определял все унаследованные предрассудки как «неосознанный разум».

Ранее отмечалось, что английские консерваторы заложили основы отрицательного отношения к развитию промышленности, строительству железных дорог и городов. Данные факторы нарушают социальную гармонию и порядок. Но в конечном счете практические политики вынуждены были признать непобедимость промышленного капитализма. Началась длительная эпоха соединения политического авторитаризма с экономической модернизацией. В большинстве стран Европы она продолжалась на протяжении всего XX в.

Что касается США, то там всегда было место для тех или иных модификаций консерватизма. Сама американская революция 1774—1776 гг. была консервативной, поскольку она перенесла традиционные права англичан в Америку. Федералисты были убеждены в необходимости централизации. И в целях социальной стабильности стремились ограничить права штатов путем использования демократических процедур. Консерватизм развивался в южных штатах, провозглашая ценности традиционного образа жизни. Война 1863—1865 гг.

не смогла сокрушить эти тенденции. В настоящее время первая из них существует в виде воинствующей пропаганды свободного рынка как наиболее эффективного средства индивидуальной предприимчивости. Вторая тенденция связана с ностальгией по прежнему иерархическому социальному порядку: «Но в истории Америки он всегда был непостоянным и маргинальным» (5, 74).

2. Главные идеи и аргументы

Исторический обзор становления консерватизма позволяет заключить, что его главная традиция вытекает из трех взаимосвязанных концепций: традиционализма, скептицизма и органицизма.

Традиционализм включает несколько убеждений: политика должна опираться на сложившиеся традиции; существующие учреждения, институты и виды практики должны быть сохранены при любых обстоятельствах; социальные и политические изменения (прежде всего революционные) не заслуживают доверия.

Иначе говоря, консерватизм — это комплекс склонностей большинства людей. Данный комплекс неплохо иллюстрируют строки И. Сельвинского:

Все старое понятно и приятно.

Все новое обидно и темно.

Правда, не все люди подвержены такой склонности. Многие из них руководствуются противоположной установкой: вперед, вперед, за неизведанным.

И потому консервативные установки не всегда доминируют. Тем самым недоверие к изменениям не тождественно жесткой оппозиции и последовательной борьбе с людьми, рискующими отказаться от обычного и привычного порядка вещей. Консерватор одобряет только такие изменения, кото-

рые проводятся постепенно и с постоянной оглядкой на прошлое.

Скептическое отношение к любому знанию об обществе и политике — интеллектуальный фундамент традиционализма. Консерватор полагает, что политическая мудрость уже воплощена в существующих обычаях, законах и институтах. Политическая мудрость — это результат длительного исторического опыта по незначительному улучшению социального порядка. Предполагается, что такое улучшение может осуществляться только опытными политическими деятелями. Они осторожно и рассудительно стремятся удовлетворять существующие потребности большинства или определенного класса людей. Отсюда следует, что управление обществом должно быть доверено лицам, которые обладают большим опытом непосредственной политической и административной деятельности.

Консерватор отрицательно относится к ученым и теоретикам. Теоретики обычно исходят из того, что при управлении обществом могут и должны использоваться абстрактные принципы (типа универсальных прав человека), теории и утопии — системные пропозиции изменения общества в целом.

Политический скептицизм базируется на третьей центральной идее консерватизма: человек есть существо биологическое, а индивиды есть элементы органических связей с обществом. Отсюда вытекает, что люди не могут сформироваться самостоятельно и независимо от существующих социальных институтов и видов практики. Значит, *никакой универсальной человеческой природы не существует.* Потребности, желания и ожидания людей зависят от места, времени и обстоятельств. Социальные, юридические и политические институты не должны рассматриваться как средство для реализации предусмотренных целей.

Органицистская концепция связи индивида с обществом не обязательно существует в виде религиозной эсхатологии (типа христианской философии истории) или светской мета-

физики (типа философии права Гегеля). В консервативном мышлении не утверждается логическая недопустимость тезиса об индивиде как совершенно свободном от места, времени и социальных обстоятельств. Органицизм может существовать и в виде лингвистических теорий. Они базируются на положении: язык есть социальное явление и только благодаря языку индивид становится человеком, а не прямоходящим многоклеточным. А зависимость социальных связей человека от языка нетрудно подтвердить многочисленными фактами.

Если индивид и общество находятся в органической взаимосвязи, то функционирование данной связи не поддается теоретическому описанию по образцу естествознания. Например, невозможна строгая наука о поэтическом искусстве, дружбе или любви. Следовательно, и наука о политике как технологии управления государством тоже невозможна.

Таким образом, определение консерватизма как идеологии связано с определенными трудностями. Консерватизм отрицательно относится к теории. Если считать идеологию теорией в строгом смысле слова, то консерватизм не является идеологией. Любая идеология включает теоретические положения. Поэтому она отличается от обычных мнений, убеждений, принципов поведения, политических взглядов, идеалов и утопий. Идеология обычно выводит рекомендации по улучшению существующего положения вещей из определенных теорий человеческой природы.

Уже говорилось, что Органицизм — ядро консерватизма. Из него вытекает отрицательное или скептическое отношение к теоретическому знанию в сфере политики. Это влечет за собой привязанность к традициям и нежелание изменений. А также доверие к людям, уже обладающим политико-управленческим опытом. Но если консерватор стремится быть последовательным, он обязан ответить на вопрос: поскольку консерватизм отбрасывает теорию, то не находится ли среди них такая, которую он сам воплощает или стремится реализовать?

На этот вопрос противник изменений может ответить: консерватизм не связан ни с какой позитивной теорией универсальной человеческой природы, из которой вытекают универсальные политические принципы (типа либеральных прав человека или «исторической необходимости» строить коммунизм в марксизме). Однако сторонники и противники консерватизма длительное время воспринимали его как определенную конструкцию общества и государства. Ее необходимыми элементами являются монарх, наследственная аристократия, церковь и армия. В то же время потребность в данных элементах зависит от пространственно-временных обстоятельств, в которых возникли данные институты. Например, Великобритания — историческая и духовная родина консерватизма. Но в настоящее время все перечисленные элементы являются в ней чисто формальными и даже бутафорскими. Следовательно, консерватизм есть процедурно-методологическая, а не предметно-содержательная установка.

Иначе говоря, консерватизм — это определенная социальная политическая и мировоззренческая позиция, а не идеология. *Он выражает интересы индивидов и групп, для которых полезно сохранение существующего порядка.* Дополнительным аргументом для обоснования такого определения является отсутствие классического теоретического текста консерватизма.

В либерализме таким текстом являются «Два трактата об управлении государством» Д.Локка. Социализм располагает «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом» К.Маркса. Сторонники элитаризма черпают вдохновение из «Государства» Платона. Тогда как «Рассуждения о революции во Франции» Э.Берка не могут считаться классическим текстом. Эта работа посвящена конкретным обстоятельствам и событиям. Ее содержание сводится к полемическим рассуждениям, которые не свободны от риторических преувеличений. Так что идеологическое содержание данного текста может быть обнаружено посредством специфической эзгетети-

ки. Поэтому следует присмотреться к главным аргументам консерватизма.

2.1. Традиционализм

Существуют три аргумента против изменений: непосредственный, опосредованный и эмпирический.

Непосредственный аргумент сводится к утверждению: всякие изменения вредоносны для общества и индивидов. Однако этот аргумент неубедителен. Наблюдение за повседневной жизнью людей подсказывает, что неожиданные события часто связаны с приятными переживаниями. Эти события могут быть связаны с развлечениями, необходимыми для преодоления тоски и монотонности повседневной жизни. Нередко они бывают увлекательным и захватывающим переходом к новому состоянию вещей, в котором человек чувствует себя значительно лучше.

Правда, сторонник консерватизма может сказать, что приятные переживания относятся к личной жизни людей. Приобретение нового автомобиля, повышение по службе и даже смена мебели в квартире обычно вызывают положительные эмоции. Эти события находятся во власти отдельного индивида. Они не нарушают его свободу, поскольку каждое из них можно контролировать. Отказ от таких событий тоже принадлежит индивиду. Тогда как следствия больших социальных и политических изменений предвидеть невозможно. Они напоминают извержение вулкана или иные природные катаклизмы. И потому наполняют сердца людей беспокойством и страхом.

С этими чувствами связан опосредованный аргумент против всесторонних социальных изменений. Он фиксирует громадное количество ненамеренных и непредвиденных последствий, к которым приводят глобальные социальные и политические изменения. Существующая политическая система обычно влияет на множество аспектов социальной жизни. Если она резко и неожиданно меняется, то ставится под угро-

зу множество стабилизирующих механизмов. При обычном течении жизни они обеспечивают социальную устойчивость, в рамках которой можно вполне спокойно и рационально строить свою жизнь каждому индивиду. Например, если автомобильный мастер решит сменить профессию, то такое изменение не будет обладать существенными последствиями для владельцев автомобилей. Одного механика всегда можно заменить другим. Тогда как изменение политической системы обычно ведет к изменению общества в целом. И здесь речь идет не только о том, что такие изменения вызывают множество последствий, которых не желал никто. Суть дела в том, что зачастую глобальные социальные и политические изменения не приводят к результатам, которые ставили перед собой их инициаторы и реализаторы. Более того, такие изменения могут привести к результатам, противоположным намерениям. Наиболее ярким и бесславным примером здесь может быть деятельность В.И.Ленина и Коммунистической партии Советского Союза. Этот человек и политическая организация пытались построить коммунизм, а привели людей громадной страны к капитализму.

Опосредованный аргумент против изменений базируется на молчаливой предпосылке: всякое изменение есть изменение к худшему. Однако убедительность этого аргумента нельзя признать неопровержимой. Ведь незапланированные побочные продукты изменений могут быть истолкованы как изменения к лучшему. Если к изменениям подходить чисто теоретически, то следствия каждого из них в равной мере могут быть признаны положительными и отрицательными. Все нормативные определения таких следствий равнодоказуемы (см.: 6). Это относится к любым попыткам создания и вариантам управления государством. Существует множество способов совершения ошибок, нередко катастрофических. А число удачных решений и действий всегда ограничено, если пренебречь элементарной стратегией: пусть все остается по-прежнему. Но такая стратегия лишает смысла политическую деятельность.

КОНСЕРВАТИЗМ

Консервативный традиционализм не исключает изменений. Э.Берк писал: «Если государство лишено возможности изменений, то у него нет и возможности заботиться о собственном состоянии» (7,35). Забота в данном случае означает выдвижение ряда требований по отношению к изменениям:

- они должны быть ответом на изменение внешних обстоятельств существования государства (прирост населения, числа образованных людей, новое отношение равновесия между сельским хозяйством и промышленностью, динамика межгосударственных отношений и т.п.);
- они должны быть реакцией на потребности больших масс людей, вытекающих из изменения конкретных обстоятельств;
- они должны быть настолько постепенными, чтобы можно было противодействовать негативным побочным последствиям.

Однако ни один политик на протяжении всей истории не соблюдал перечисленные требования. Тем более это относится к революционерам. Опыт революции показывает, что они не могут преодолеть перенос власти, богатства и статуса в новые условия. Тем самым призывы революционеров к справедливости теряют смысл. Кроме того, всякая революция ведет к подрыву социального и политического статуса определенных социальных групп. У них возникает острое желание реванша. Это желание обычно ведет к гражданской войне. А она в свою очередь модифицирует исходные намерения революционеров. Они вынуждены становиться оппортунистами. Тем самым рушится граница между революционностью и традиционализмом.

Эмпирический аргумент против изменений базируется на историческом опыте проведения великих и неожиданных революций. Этот опыт дает множество примеров, укрепляющих аргумент о непредвиденных и отрицательных последствиях. Так, революция и гражданская война в Англии не привела к правлению святых (как предполагалось в соответ-

ствии с пуританскими канонами), а способствовала установлению военной диктатуры. Наступила Реставрация, и завоевания революции были утрачены. Демократическое движение было вынуждено уйти в подполье более чем на сто лет. Французская революция выродилась вначале в якобинский деспотизм, а затем в военную диктатуру, не лишённую привлекательности для значительных групп людей. Парижская Коммуна была потоплена в реках крови. Последствия русской и китайской революций XX в. были ещё более отвратительными.

2.2. Скептицизм

Большинство революционеров и радикальных реформаторов претендовало на роль теоретиков. Консерватизм ставит под сомнение не столько науку о политике, сколько абстрактную политическую теорию. Наука о политике как организованная форма исследований возникла лишь в XX в., да и то в незначительном числе стран. Тогда как абстрактная политическая теория существует издавна.

Исходным пунктом такой теории обычно являются утверждения о целях (типа прав человека или высших политических ценностей). После формулирования целей наступает период предложений по их реализации и отбора надлежащих средств. В большинстве случаев такие предложения несвободны от элементов утопии. Утопия — это концепция общества, в котором полностью реализованы поставленные цели.

Например, либеральная система прав человека может пониматься двояко:

- как комплекс обязанностей, которые должно соблюдать государство;
- как идеал, к которому должно стремиться государство.

Если государство не выполняет поставленных перед ним обязанностей, его политическая система должна быть свергнута в результате революции. Если права человека понимаются как идеал, то необходимо оказывать постоянное давле-

не на государственный аппарат для того, чтобы он осуществлял реформы, позволяющие двигаться в определенном направлении.

Оба способа понимания политических целей содержат элементы неопределенности. Прежде всего потому, что главные политические ценности, которые содержатся в системе прав человека, не удовлетворяют критериям строгой дефиниции. Тем самым они становятся предметом постоянного сомнения. Например, свобода может пониматься как главная политическая ценность, к которой должно стремиться государство. Но как поступать в том случае, если разновидности свободы вступают в конфликт? Должна ли свобода мнений включать свободу лжи и клеветы, свободу призывов к ниспровержению существующего политического режима и нарушению социального порядка? Справедливость тоже может пониматься по-разному: как равенство людей и как система распределения благ в соответствии с потребностями или заслугами конкретных индивидов.

Короче говоря, всегда существует множество политических целей, противоречащих друг другу и не поддающихся строгой дефиниции. Каждая из таких целей становится основанием деятельности различных движений и политических партий. Либералы считают свободу главной ценностью. Для социалистов такой ценностью выступает равенство. Консерваторы поднимают на щит безопасность. Но даже понимание безопасности никогда не свободно от легитимизации деятельности отдельных звеньев государственного аппарата.

Если безопасность понимается как соблюдение публичного порядка, для полицейских агентств предоставляется неограниченная свобода действий. Если безопасность понимается как защита от внешних врагов, карт-бланш получают военные. Если безопасность понимается как экономическое благосостояние общества и его отдельных членов, легитимируется деятельность предпринимателей. В зависимости от акцента на то или иное понимание безопасности увеличивается свобода профессиональных групп, цели которых всегда заключались

в ограничении свободы. Любая цель может выродиться в собственную противоположность.

Отсюда вытекает следующее: если существует множество политических ценностей, ни одна из них не может считаться абсолютной и достигаться за счет всех остальных.

Множество ценностей ведет к множеству политических целей, каждая из которых может быть подвергнута сомнению. С этим фактом связан кардинальный вопрос социальных и политических преобразований: если изменения осуществляются для достижения определенной цели, то в какой степени они становятся преградой для достижения всех остальных? На этот вопрос не удалось ответить ни одному революционеру и реформатору. В этом смысле опыт революций способствовал укреплению консерватизма.

Однако консерваторы никогда не ставили под сомнение интеллектуальную правомочность науки и политики. В отличие от абстрактной политической теории наука о политике не интересуется целями как таковыми. И тем более они не считаются аксиомами. Наука о политике занимается анализом способов действительной деятельности политических институтов. Они воздействуют на общество в целом и не свободны от его влияния. Наука о политике учитывает разнородность и сложность таких взаимодействий. Эта наука отличается осторожностью и рассудительностью. И не стремится свергнуть существующий порядок вещей.

А в рамках данного порядка всегда можно найти эмпирическое подтверждение для консервативной позиции. Оно не сводится к революционным катастрофам типа коллективизации крестьянства при Сталине. Например, в 1920-е гг. в США и в 1980-е гг. в СССР правительства попытались ликвидировать пьянство путем введения сухого закона. Как известно, эти попытки способствовали развитию и усилению организованной преступности. Под таким углом зрения может рассматриваться законодательная, исполнительная и судебная деятельность всех государств. Каждая из них порождает комплекс непредвиденных и отрицательных послед-

ствий. Значит, политический скептицизм был и останется оправданным.

2.3. Органицизм

Уже отмечалось, что язык может рассматриваться как эмпирический аргумент для доказательства органической взаимосвязи индивидов и обществ. Существует множество национальных культур, которые определяются языком. В ХК в. та же самая мысль выражалась утверждением о существовании национального характера. Действительно, люди не машины. Их нельзя безболезненно перемещать с места на место, как промышленные товары. Всякое изгнание и эмиграция связаны с переживаниями и страданиями, которые не сводятся к ностальгии по родным местам и близким людям.

Язык очеловечивает людей. Именно языком люди отличаются от животных, многие из которых используют орудия, живут в стаях и воспитывают молодежь. Однако полная переводимость языков недостижима. Эмигранты вынуждены осваивать язык новой родины. Способ этого освоения значительно отличается от способа, при котором язык является элементом первичной социальной среды.

Народы различаются между собой с точки зрения физических и климатических условий, видов занятий, форм семейной жизни и религии, степени технического развития. И хотя характерные черты того или иного народа нередко принадлежат к иллюзиям, все же большинство жителей мира от них несвободно. Политическая и правовая система тоже образует часть социального контекста, который конституирует личность человека. Обычно эта система более или менее соответствует потребностям и ожиданиям людей. Это не значит, что она не допускает улучшений. Речь идет лишь о том, что всякое резкое изменение систем политики и права ведет к лавинообразным последствиям. Эти последствия не могут оцениваться однозначно. Особые национальные культуры определяют человеческую природу их членов. Этот факт

объясняет сложность любого общества и разнообразие множества культур.

Отсюда вытекает необходимость сравнительного метода в социальных и политических науках. Все общие социальные и политические теории, оперирующие системой абстракций, содержат имперскую составляющую (см.: 8). Конечно, народы не настолько своеобразны, чтобы исключить возможность любых обобщений. Но в рамках определенной культуры такие обобщения более эвристичны, нежели в отношении разных культур.

Неудачные попытки переноса политических институтов развитых стран Запада в другие части света являются еще одним аргументом в пользу органицизма. XIX в. был пиком европоцентризма. В этот период не только либералы, но и множество марксистов были убеждены в принципиальном единстве человеческого рода. Именно тогда начался трансфер институтов либеральной демократии в страны Латинской Америки. В XX в. эта практика охватила Африку по мере ее деколонизации. СССР вслед за странами Запада пытался насаждать в данных регионах земного шара собственные политические институты. Прежде всего — тоталитарную модель политической партии. Однако либерально-коммунистический политический трансфер закончился крахом и многочисленными трагедиями.

На протяжении XX в. происходила технико-технологическая унификация мира. Каждая нация стремилась заимствовать материальную культуру западных стран — тяжелую промышленность, финансовые институты, объекты публичного использования, научную медицину и т.д. Однако пример Японии показал, что импорт западных технологий не связан с заимствованием всех элементов культуры Запада,

Квалификация общества как организма базируется на сравнении социума с человеческим телом. Как известно, части тела могут функционировать только в рамках целого. Но из этого не следует, что все значение частей исчерпывается их функциональной ролью в организме (такой ход мысли типичен

чаа для гегельянцев). В обществе именно части обладают фундаментальным значением. Однако практика показала, что с помощью насилия невозможно оздоровить части социального организма. Кроме того, в медицине нет абсолютных истин. Тем более это относится к государству. Всякое сравнение государства с организмом прямо или косвенно связано с оправданием государственного аппарата. А он был и в обозримом будущем останется механистическим и бюрократическим, несмотря на прогресс в сфере теории управления.

Правда, при существовании государства возникают опасности (нападение другого государства, революция, стихийные бедствия), для устранения которых требуется применение радикальных хирургических средств. Однако такие опасности являются временными и тоже не могут служить в пользу сравнения государства с организмом.

3. ПРОТИВНИКИ

Обзор процесса становления консерватизма и описание его основных идей и аргументов дает основание провести строгое различие между консерватизмом и другими идеологиями, которые зачастую с ним отождествляются. Среди них можно указать полностью сформировавшиеся идеологии, которые достигли интеллектуальной ясности и политической определенности. Время от времени появляются также политические установки и позиции, которые недостаточно проработаны с точки зрения понятийной ясности и потому не могут быть причислены к идеологиям. Первую разновидность можно назвать альтернативами, а вторую — модификациями консерватизма. Но в обоих случаях речь идет о правых политических идеологиях, которые не являются консервативными в строгом смысле слова, хотя нередко пользуются указанными идеями и аргументами.

3.1. Фашизм

Фашизм сыграл драматическую и деструктивную роль в истории XX в. Но его нельзя считать консервативной идеологией по ряду причин:

- фашизм отличается радикализмом и революционностью, выражающимися в стремлении целиком изменить всю систему социальных и политических институтов и расширить до небывалых пределов функции власти;
- фашизм не соблюдает обычное право, отбрасывает конституцию и идею правового государства;
- фашистские вожди (в терминологии М.Вебера) являются политическими виртуозами-самоучками, происходящими из социальных низов и маргинальных групп; они претендуют на харизматический авторитет, тогда как авторитет консервативного лидера опирается на традицию.

Фашизм — самая молодая из идеологий. А если иметь в виду его политические последствия, то эта идеология не содержит в своем багаже никаких интеллектуально привлекательных предметов. Тексты основателей и последователей фашизма не выдерживают никакого сравнения с политическими сочинениями Боссюэ или Гоббса.

Фашизм отличается предельным национализмом, в состав которого входят: внутренняя и внешняя агрессивность; готовность подчинить всю публичную и частную жизнь цели величия нации; идея верховного вождя как героической фигуры, которая является воплощением народного духа; реорганизация социальной жизни по военному образцу; признание войны высшим выражением народной воли, достигающей самосознания в личности вождя.

Фашизм отбрасывает идею нации как культурно-исторической общности, которая определяется языком, традициями, религией, историей героев и великих событий. В фашизме нация определяется в неясных биологических категориях.

КОНСЕРВАТИЗМ

Предпосылки фашизма разнообразны: концепция всеобщей воли Руссо, этатизм Гегеля, национализм Фихте, доктрина героизма Карлейля, ницшеанская идея сверхчеловека (хотя сам Ницше не был ни националистом, ни расистом и не извлекал никаких политических выводов из данной идеи), германо-российские геополитические концепции рубежа XIX—XX вв. («евразийство»).

Основателем фашизма как политического движения был Б.Муссолини в Италии. Однако его фашизм был банальным, включая элементы уличного хулиганства и балагана. А.Гитлер придал фашизму завершённую форму. Она выразилась в институционализованной жестокости — массовых репрессиях и геноциде. Идея устройства концлагерей была заимствована Гитлером у Троцкого. Сталин после «ночи длинных ножей» заимствовал у Гитлера идею расправы с бывшими союзниками по партии (см.: 9). Поэтому фашизм в виде гитлеризма и сталинизма должен рассматриваться в категориях социальной и политической патологии.

Однако эта патология переплетена с авторитаризмом. Между фашизмом и авторитаризмом существуют количественные, а не качественные различия. Фашизм обладает агрессивностью и воинственностью, тогда как авторитаризм имеет защитный характер. Авторитаризм не стремится к мобилизации общества и тотальному контролю всех аспектов человеческой жизни. Фашизм тоталитарен без всяких ограничений. Обе идеологии приписывают государству главную роль в истории и потому квалифицируют послушание населения как основную гражданскую добродетель. Поэтому гитлеризм и сталинизм стремятся выработать активное послушание, вплоть до самопожертвования. Ни гитлеризм, ни сталинизм не располагают теорией, определяющей способ появления вождей и передачи власти. Вожди возникают как победители в борьбе за власть в рамках правящей партии.

Не все фашисты отличались такой жестокостью, как Гитлер и Сталин. В театрально-балаганских вариантах фашизм переплетается с элитаризмом решительных личностей. Их

брутальность квалифицируется положительно, поскольку большинство граждан (включая демократических политиков) не располагают сильной волей. Фашизм сдержанно относится к частным интересам большинства людей. Эти интересы используются лишь в той мере, в которой политическая сила нации увеличивается на основании ее экономической активности.

Ослабленные варианты фашизма остаются до сих пор привлекательными для тех, кто готов отказаться от собственной индивидуальности во имя принадлежности к определенной нации. В этом случае органицизм может использоваться для обоснования такой процедуры. При этом государственный разум индивидов сводится к их служению государству. Такое толкование поведения индивидов опирается на аналогию с организмом, в котором целое господствует над частями.

3.2. Авторитаризм и этатизм

Авторитаризм и этатизм («государственничество») — это современные версии абсолютизма. На протяжении всей истории абсолютизм был наиболее распространенной идеологией и политической практикой большинства правительств мира. Доктрина божественного происхождения и прав абсолютной власти была главным религиозным основанием абсолютизма вплоть до нового времени.

В новое время эта доктрина приняла светскую форму. Она включает легитимистскую и прагматическую разновидности. В первом случае делается упор на права наследования абсолютной власти. При этом наследование понимается буквально — как передача собственности в виде власти и в соответствии с принципом кровного родства. Сторонники династии Стюартов в Англии XVII в., династии Бурбонов во Франции XIX в., современные российские монархисты, продолжающие спор о том, кому из наследников семьи Романовых должен принадлежать престол, — все это исторические разновидности легитимизма.

В прагматической модификации абсолютизма признаком сверхъестественных прав считается власть как таковая. Особенно власть государства над подданными сухопутной и морской территорией, а в настоящее время и над космосом. Главные аргументы в пользу такого толкования власти содержатся в «Левиафане» Гоббса. Он сформулировал теорию рационального подчинения властителю. Каждый гражданин и население в целом обязаны подчиняться правителям в двух случаях:

- если их авторитет продолжается до тех пор, пока они обладают властью его реализации на практике;
- если правитель обладает властью, позволяющей защищать подданных во всеобщей «войне всех против всех».

Однако Гоббс не учел того факта, что первая разновидность власти может приходиться в противоречие со второй. А на протяжении XX в. стало ясно, что государственная власть не столько защищает, сколько уничтожает своих подданных, а не только врагов. Кроме того, полицейские органы государства не в состоянии защитить собственных граждан от уголовных посягательств на их жизнь и имущество. Несмотря на это, авторитаризм и этатизм стали всеобщей характеристикой политического опыта XX в.

Эти политические идеологии обычно принимают форму военных и партийных диктатур (Примо де Риверы и Франко в Испании, Пилсудского и Ярузельского в Польше, Дольфуса в Австрии, Салазара в Португалии, генсеков от Сталина до Горбачева в СССР, Пиночета в Чили и т.д.)- Авторитаризм и этатизм сходны с фашизмом в том, что используют чрезвычайные средства и сверхконституционные меры (типа постановлений партийных съездов или указов первого лица государства), которые не считаются с традицией. В то же время авторитаризм и этатизм не тождественны тоталитаризму. Для авторитаризма и этатизма главной политической ценностью является военно-бюрократический порядок. Однако для поддержания такого порядка государство не обязано проникать во все поры общественной жизни. Но поскольку авторита-

ризм и этатизм могут обходиться без законов и конституции, а также подчинять гражданские права государственным, поскольку эти политические идеологии не являются формой консерватизма.

Отношение авторитаризма и этатизма к фашизму зависит от обстоятельств. Так, партийная диктатура Сталина сотрудничала с фашистами, а затем воевала с ними. Тогда как для военных диктатур 1930-х гг. было характерным сдержанное отношение к фашизму. Франко в период гражданской войны в Испании сотрудничал с фашистами, а затем от этого отказался. Диктатуры Пилсудского в Польше и Метаксаса в Греции не пошли на сотрудничество с фашистами и воевали с ними.

Наряду с военно-бюрократическим порядком авторитаристы и этатисты высоко ставят безопасность — государственную, экономическую, технологическую и т.п. В этом смысле они являются эпигонами Гоббса, поскольку английский мыслитель считал гражданский мир первым «естественным правом». Но для Гоббса это право зависело от обстоятельств, при которых безопасность подвергалась угрозе извне и изнутри. Авторитаристы и этатисты толкуют безопасность не как средство защиты граждан, а как *основание для легитимизации деятельности военных, репрессивных и разведывательных структур*. Эти звенья государственного аппарата обладают неискоренимой тенденцией претендовать на ведущую роль в государстве. При консерватизме у них такой претензии нет.

Авторитаризм и этатизм обычно отказываются от строгой формулировки собственной идеологии. Наиболее распространенным жанром авторитарно-этатистской литературы являются речи и выступления вождей. Как правило, в них преобладает патриотическая риторика. Правда, авторитаризм и этатизм могут выступать в качестве альтернативы парламентарной демократии, если она неэффективна и коррумпирована. В этом случае популярность авторитаризма и этатизма возрастает. Ситуация в современной России в очередной раз подтвердила это правило.

3.3. Элитаризм

Эта идеология восходит к Платону и может считаться наиболее древней. Она противостоит трем центральным идеям консерватизма. Элитаризм не считает, что индивиды и общество недоступны теоретическому познанию. Наоборот, интеллектуальные элиты «предназначены» для понимания функционирования и развития общества. Элитаризм не считает традицию главной ценностью, квалифицируя ее как наследство, состоящее из свершений прошлых элит. Критерий «благородного происхождения» и другие формы наследования социального статуса в элитаризме не играют никакой роли.

Элитаризм Платона имел строго интеллектуальный характер. Право на управление государством принадлежит самым умным индивидам. А если они получают соответствующее воспитание, то станут и мудрейшими. Эта идея — управлять обществом должны одни умники — была и остается привлекательной. Но она зависит от факта существования власти. Если власть существует, то должно существовать и правящее меньшинство, которое устанавливает законы и определяет текущую политику. А также управляемое большинство, которое послушно меньшинству.

На протяжении XIX—XX вв. элитаризм приобрел три модификации — административную, социологическую и демократическую.

Административный элитаризм восходит к трудам Д.Стеффенса — судебного чиновника, который приобрел административный опыт во время работы в Индии. В книге «Свобода, равенство и братство» он полемизировал с Д.С.Миллем и выдвинул концепцию, согласно которой государственная служба «...наилучшим образом приспособлена для удовлетворения наиболее глубоких стремлений и существенных потребностей широких масс населения» (10, 198).

Нетрудно заметить, что в основании этой концепции лежит утилитаристская идея «общего блага», которая была проанализирована в предшествующей главе. Кроме того, кон-

цепция административного элитаризма не в состоянии дать удовлетворительный ответ на два вопроса: что такое мудрость, которой должны обладать правящие? как распознавать обладателей такой мудрости, а затем предоставлять им власть? Если первый вопрос имеет теоретический характер, то второй обладает практическим смыслом. И на оба вопроса никто не дал лучшего ответа по сравнению с институтом мандарината в Древнем Китае.

Китайский ответ гласит: мудрость — это то, что проявляется в удачно сданных экзаменах. И правительственные должности предоставляются только тем, кому удалось их сдать. Многие европейские страны заимствовали эту систему. Так, в XIX в. была проведена реформа способа рекрутирования государственных чиновников в Англии. В результате выпускники Оксфорда стали единственными претендентами на государственную службу. Во Франции таким учреждением стала Национальная школа администрации. Тем самым создавалась определенная форма китайского мандарината. Она была переплетена с наследственной аристократией и выборным парламентом. Привилегированные учебные учреждения обеспечивали отбор кандидатов на государственную службу. В СССР эта система была дополнена политическими и идеологическими критериями отбора, в результате которых в привилегированные учебные учреждения имели шанс попасть преимущественно дети партийно-государственной бюрократии. В современной России и других государствах СНГ данная система, по сути, не изменилась (см.: 11).

Социологический элитаризм связан с именами В.Парето, Г.Моска и Р.Михельса. Последний сформулировал «железный закон олигархии», согласно которому любая организация неизбежно порождает правящую элиту. Эти социологи были убеждены в том, что большая часть общества не обладает политической рациональностью. Поэтому они изучали специфические технологии обмана граждан, благодаря которым элиты удерживают власть в своих руках. Но социоло-

гический элитаризм не в состоянии ответить на вопрос: какими свойствами должна обладать хорошая элита и как гарантировать наличие таких свойств у каждого ее члена?

Теория «демократического элитаризма» была сформулирована И.Шумпетером. На первый взгляд, он описывает способ функционирования представительной демократии. Согласно Шумпетеру, такая демократия не является средством выражения и воплощения всеобщей воли. Демократия — это сфера конкуренции различных групп в рамках политически активного меньшинства. С помощью электоральных процедур эти группы стремятся получить разрешение большинства на руководство правительством. Кроме того, Шумпетер полагает, что непосредственная демократия ведет к нежелательным следствиям. Тем самым теория «демократического элитаризма» содержит чисто идеологический постулат: процесс управления государством при демократии ограничен способностями людей принимать участие в данном процессе. А это положение можно обнаружить и в других разновидностях элитаризма (см.: 12).

Итак, каждая из описанных идеологий специфически отличается от консерватизма. Фашизм — это революционная идеология, которая квалифицирует как норму такое состояние государства, которое консерватизм оценивает как политический и социальный кризис. Для авторитаризма главной ценностью является абсолютная власть, свободная от конституционных обязанностей и отбрасывающая принципы правового государства. Элитаризм базируется на рационалистическом постулате о том, что носителями политической мудрости являются живые бюрократы и интеллектуалы, а не опыт предшествующих поколений политиков и мыслителей.

Данные идеологии полагают высшей политической ценностью безопасность и тем самым способствуют оправданию социального статуса и политической роли военно-репрессивных структур и идеологической бюрократии. Следовательно,

для политического конституирования консерватизма необходимо освобождение его от всех элементов фашизма, авторитаризма и элитаризма, а также от гибридных форм перечисленных идеологий. Но эта задача осложняется рядом обстоятельств, среди которых находятся модификации консерватизма.

3.4. Модификации

К ним относится прежде всего современный либерализм. В середине XIX в. возникли революционный марксизм и эволюционный социализм. Эти идеологии на первых фазах своего существования были враждебны либерализму и консерватизму. Перед лицом общего врага либералы начали перебежать в лагерь консерваторов. В настоящее время во многих западных странах консервативные партии состоят из бывших либералов. Теоретические различия между консерваторами и либералами становятся не менее расплывчатыми. Например, Ф.Хайек считается духовным вождем либералов. Но его важнейший трактат «Конституция свободы» заканчивается главой «Почему я не консерватор» (см.: 13).

Действительно, классические либералы были сторонниками изменений. Правда, они хотели изменить экономику и общество в целом. Что касается государства, в котором преобладают либеральные политические институты, то либералы не собирались ничего в нем менять. Либералы были и остаются сторонниками абстрактных теоретических рассуждений, особенно в сфере классической политической экономии. Эта экономия уже давно пропагандирует мнимую импликацию: если освободить рынок от всяких ограничений, то он неизбежно приведет к полному удовлетворению человеческих потребностей и желаний, а также к наиболее продуктивному использованию всех природных и человеческих ресурсов. Иначе говоря, экономика должна оставаться неизменной. По этому основанию возможен союз между либералами и консерваторами.

Кроме того, существуют политические установки и позиции, которые зачастую переплетаются с консерватизмом, но не являются его существенной частью. К ним относятся реакционность, стремление к социальной стагнации и поддержка абсолютной власти.

Консерватор может, но не обязан быть реакционером. Если же реакция затрагивает все стороны жизни и базируется на провозглашении идеалом некоего древнего состояния вещей (например, в современной России высказываются взгляды, согласно которым она должна вернуться в состояние до революции 1917 г., до реформ Петра I и даже в дохристианские, языческие времена), то реакционеры становятся революционными архаистами и не имеют ничего общего с консерваторами.

Консерватор может, но не обязан быть сторонником социального застоя и решительным противником любых изменений. Если изменения обусловлены обстоятельствами, то консерватор их одобряет. Он только требует, чтобы они были медленными и постепенными для предотвращения опасностей и угроз, скрытых в любых изменениях.

Консерватор может, но не должен быть сторонником абсолютной власти. Он может быть таковым, если политическая традиция общества, к которому он принадлежит, включает абсолютизм. Однако сама идея абсолютизма — высшее лицо в государстве свободно от любых ограничений со стороны права, поскольку власть принадлежит ему «божьей милостью» или на основании непреложных «законов истории» — противостоит консерватизму. Консерватизм подчеркивает безличную мудрость, сосредоточенную в традициях, законах и конституции.

Если упростить ситуацию, то чистый консерватизм отбрасывает реакционность, социальную стагнацию и всякую абсолютную власть. Но осуществить такую процедуру крайне сложно по причине шаткости главных аргументов консервативной идеологии.

4. Шаткость оснований

На протяжении всей своей истории консерватизм был вплетен в контекст полемики, связанной с реакцией на определенные социальные и политические ситуации. Поэтому консерватизм не располагает общепризнанным идеологическим канонem. В результате критика консерватизма была и остается поверхностной и несистематической.

Наиболее распространенная процедура такой критики — демаскировка интересов, связанных с сохранением существующего положения вещей. Действительно, все идеологии благоприятствуют или противодействуют определенным интересам. Однако сами интересы тоже порождают непредвиденные последствия. Поэтому интересы нельзя считать формой камуфляжа, под которой их носители скрывают от себя и других собственный эгоизм.

Надо учитывать также, что преследование определенных интересов не является специфическим признаком консерватизма. Консерватизм лишь обращается к тем социальным группам, которые стремятся сохранить накопленное состояние. Адресатами либерализма выступают индивиды и группы, стремящиеся приобрести такое состояние посредством свободной конкуренции. Сторонники революционного марксизма пытались лишить прав собственности тех и других, осуществляя революции. А последователи эволюционного социализма пытаются осуществить ту же акцию с помощью надлежаще сформулированных законов.

Таким образом, нельзя считать, что вклад в производство идеологий вносят только те индивиды и группы, реализация идеалов которых служит для достижения их интересов. Например, в современной России самыми богатыми являются представители властно-управленческого аппарата. Абсолютное большинство их ранее принадлежало к партии, исповедующей революционный марксизм. Тогда как консервативное мировоззрение, переплетенное с пиететом перед сильной вла-

стью, характерно для слоев и групп, не обладающих особым богатством, а во многих случаях живущих ниже официального порога бедности (см.: 14). Если воспользоваться марксовым определением идеологии, то можно сказать, что те и другие руководствуются «ложным сознанием»: «красные капиталисты» занимаются самообманом, а консерваторы, происходящие из социальных низов, питают иллюзии относительно своих действительных интересов. В этой ситуации требуется систематическая критика главных аргументов консерватизма.

4.1. Анахронизм политической мудрости

Существуют два направления критики традиционализма:

1. Традиционализм никогда не может быть строгим и определенным. Это значит, что каждый может с ним согласиться. Следовательно, традиционализм не обладает существенным содержанием.

Уже говорилось, что консерватор не является противником изменений как таковых. Он выступает лишь против резких, неожиданных и системных изменений, затрагивающих социальную жизнь в целом. Здесь возникает вопрос: каковы должны быть размах и масштабы изменений для того, чтобы они оценивались только отрицательно? На этот вопрос в консерватизме нет ответа. Более того, консерваторы признают необходимость значительных политических изменений, если они отражают изменение социальных и природных обстоятельств. Следовательно, и в сфере политики консерватизм строго определить нельзя.

На такой упрек консерватор может ответить, что отмеченная неопределенность является неизбежной. Невозможно полностью предвидеть будущее течение событий и потому нельзя к ним подготовиться полностью и окончательно. Согласно консервативным стандартам, ответ на новые явления должен вытекать из опыта, а не из следования неизменным принципам. Однако на протяжении XX в. темп социальных

изменений резко ускорился. Об этом свидетельствуют научно-технический прогресс, рост населения Земли, развитие оружия массового уничтожения и деструктивное воздействие научно-технической цивилизации на природную среду. Эти проблемы пока не в состоянии решить ни одно правительство мира. Следовательно, унаследованная политическая мудрость, на которую привык ссылаться консерватор, становится все более анахроничной. И никакая традиция не содержит решения данных проблем.

2. Традиционализм не является последовательным. Так, в настоящее время консерваторы принимают как данность те политические и правовые решения, против которых они боролись в прошлом.

Например, в современной Англии — стране с развитыми консервативными традициями — консерваторы выступают за эмансипацию католиков и евреев, расширение избирательных прав за счет лиц, не обладающих собственностью, и женщин, сведение статуса монархии к чисто церемониальным функциям и политическую маргинализацию палаты лордов. Все это — политические инновации, и в свое время они квалифицировались консерваторами отрицательно.

На этот упрек консерватор мог бы ответить, что и здесь нет непоследовательности, поскольку социальные расходы за внедрение таких новинок уже уплачены. И в настоящее время они являются частью повседневных и рутинных политических отношений. Однако можно сказать вполне определенно: эти новшества никогда бы не вошли в политическую жизнь, если бы не было сломлено сопротивление консерваторов. Тем самым ориентация на его преодоление становится необходимым элементом борьбы с любым традиционализмом.

4.2. Ошибающийся разум

Политический скептицизм консерваторов противостоит целой традиции философской теории познания. Она восходит к

КОНСЕРВАТИЗМ

Декарту, который первым поставил эту дисциплину в центр философских исследований. Картезианский рационализм рассматривает знание как продукт деятельности индивида. Он может быть получен только на основе сознательного и строгого использования правил логики для обработки данных индивидуального (и потому частного) опыта. Правда, Декарт недостаточно разработал проблему социальной обусловленности знания. Он свел ее к вопросу об источниках знания. Рационализм пренебрегает также тем фактом, что большая часть знания индивида есть следствие его взаимодействия с другими индивидами.

Картезианские теоретики познания согласны с тем, что развитие знания индивида как результата только сознательной деятельности является идеализацией. Однако такая идеализация необходима. В ней ясно сформулированы условия обоснованности любого человеческого убеждения. А в политике без таких убеждений обойтись невозможно.

Консерваторы рассматривают политическое знание как комплекс суждений, основанных на опыте, а не на абстрактной теории. Такой подход отбрасывает потребность и возможность строгого дедуктивного обоснования убеждений, из которых состоит политическое знание (правда, большинство людей не имеет никаких определенных и твердых политических убеждений, но сейчас речь не о них). Это не значит, что такие убеждения есть множество неясных интуиции и предположений. В философии существует альтернативная теория неартикулированных убеждений. Ее предпосылки можно обнаружить в концепции духа, стремящегося к завершенности, у Паскаля. Д.Ньюмен писал о «чувстве вывода», а Г.Риль — о приоритете «знания-как» над «знанием-что». Такого типа феномены нельзя считать целиком иррациональными и инстинктивными. Между тем данная теория не принимается в расчет консерваторами.

Безусловно, разум может ошибаться. Но только разумом человек отличается от животных. Если человек отказывается от сознательного и последовательного применения разума в

политической сфере, он попадает во власть домыслов, предчувствий и предрассудков. А как раз эксплуатация этой сферы соответствует интересам политиков, стремящихся манипулировать человеческими массами. Политический скептицизм означает отказ от борьбы с людьми, которые живут «за счет», а не «для» политики, если воспользоваться классификацией М.Вебера.

4.3. Политическая гравитация

На протяжении полутора сотен лет было потрачено немало интеллектуальной энергии на опровержение метафизической, гегелевской версии организма. Эта версия сводится к утверждению: человеческие свойства людей (язык, культура, критическая рациональность) есть продукт взаимодействия с другими людьми, из которых состоит общество, воздействующее на формирование каждого индивида. Такая концепция организма не свободна от экспансии и агрессии. Она обосновывает вмешательство общества в частную жизнь индивидов, как показывает процесс ее применения в советской России и нацистской Германии. При этом вмешательство рассматривается как логическая необходимость. И наоборот: концепция одинокого, но полностью развившего свои человеческие потенции индивида трактуется как внутренне противоречивая. В результате отвергается не менее обоснованная версия органицизма. Я имею в виду положение о том, что органицизм выражает определенный факт человеческой жизни, который можно уподобить гравитации в природе.

Консерватизм обычно ссылается на гегелевскую или аналогичные ей (примером может служить концепция «этнуса» Л. Н.Гумилева) версии организма. В рамках этой версии разработана концепция органической связи индивида с государством и не менее органического содержания абсолютной власти. Конечно, человеческие существа формируются в обществе, состоящем из множества отношений. Но этот факт несколько не доказывает какую-либо особую (или «органическую») зависи-

мость индивидов от государства. Семья, школа, группа ровесников, соседи, профессиональная группа оказывают значительно большее влияние на формирование индивидов.

Следует учитывать, что в современном мире доминируют национальные государства. А нация есть действительное единство культуры, а не политико-административное образование. Поэтому перспективы сохранения государств в современном мире зависят от того, насколько они в состоянии гуманизировать человеческие связи и отношения. Все остальные тенденции ведут к кризису и угасанию государственности (см.: 15). Следовательно, органицистские концепции должны доказывать не столько примат государства над обществом, сколько то, что его действия порождают грозные и опасные последствия для существования всей социальной системы. Это имеет место даже в том случае, если государства стремятся к целям, которые сами по себе кажутся полезными.

Наконец, гегелевская и аналогичные ей версии органицизма имплицитно отвергают идею творческой оригинальности индивидов. Природа и свершения индивидов при этом толкуются как продукты божественного, мирового или национального духа, общества или государства. На самом деле творчество связано с прогрессом, хотя и вырастает на почве традиции. Ученый не является чистым виртуозом, однако без виртуозов наука погружается в стагнацию. Тот же самый принцип характерен для искусства Запада, но не Востока. В большинстве сфер человеческой активности революционные инновации не наносят вред человеку. В науке, как сказал К.Поппер, мы позволяем нашим теориям гибнуть за нас.

Тогда как в сфере политики и государственного управления творчество в абсолютном большинстве случаев порождает отрицательные последствия. В результате социальных и политических экспериментов обычно гибнут большие массы людей. И наиболее значительные исторические фигуры (к которым обычно относят полководцев и государственных мужей) напоминают артистов, для которых люди являются если

не «быдлом», то «историческим навозом». Однако ни один нормальный человек не захотел бы оказаться в подчинении у таких политиков. Правда, на протяжении всей истории у большинства людей об этом желании даже не спрашивали. А все еще распространенное человеческое стремление «выбиться» в большие или маленькие начальники лишь укрепляет шансы выживания политических артистов.

5. Существует ли связь?

До сих пор я анализировал три главные концепции, входящие в состав консерватизма. Существует и ряд частных концепций, которые были связаны с историческими формами консерватизма. Нередко эти концепции рассматриваются как его существенные элементы. Насколько оправдана такая процедура?

5.1. Вера и церковь

Религия занимает важное место в текстах консервативных мыслителей. В большинстве случаев они считали церковь одним из «столпов государства» в его стремлении к социальному порядку и стабильности. Не менее часто консервативные мыслители поддерживали официальную церковь, полагая ее необходимым аспектом государства и даже тождественной «политическому организму».

Как бы ни оценивать такой подход, в нем нетрудно усмотреть элементы анахронизма. Дело в том, что в истории существовало два типа религиозной дифференциации:

- между сторонниками официальной церкви и членами других сект;

- между христианами и нехристианами (по мере секуляризации это деление относится к верующим и неверующим).

Политическим выражением такого деления было вытеснение всех индивидов, находящихся вне рамок официальной церкви, на положение граждан низшей категории. Они могли пользоваться только некоторыми правами (иметь крышу над головой и заниматься определенным родом деятельности). И не обладали избирательным правом и правом на исполнение публичных (государственных) должностей. Такая ситуация была характерной для Европы, дореволюционной, советской и современной России (см.: 16; 17; 18).

Толерантность к членам других сект, нехристианам и неверующим пробивала себе дорогу с громадным трудом. Тем более это относится к предоставлению им политических прав. Даже самый крохотный шаг на этом пути встречал ожесточенное сопротивление консерваторов. Но с этим процессом было связано постоянное сокращение социальных функций церкви в сфере образования и социальных вопросов. В современном мире церкви являются добровольными союзами. Каждый индивид может записаться в любую из них или не принадлежать ни к одной.

Весьма характерно, что среди консервативных мыслителей были и такие, которые совершенно не питали никакой религиозной веры (Галифакс, Болингброк, Юм). Но даже они полагали, что должна существовать официальная церковь. В настоящее время нельзя сбрасывать со счета исторические изменения религии. Поэтому представители консервативного мировоззрения могут признать эти изменения без всякого обвинения в непоследовательности. Кроме того, в XX в. политическая активность церкви нередко была связана с доминированием в ней сторонников левых политических идеологий. Следовательно, вера и церковь не могут считаться существенными элементами консерватизма.

5.2. Предметы культа

Консервативные партии обычно представляют интересы крупных собственников. Но отсюда не следует, что они считают нерушимым и абсолютным право собственности, как это делают последователи Локка. Консервативный идеал собственности имеет аграрное, крестьянское и даже феодальное содержание. Собственность для консерватора есть предмет заботы и даже культа, а не права владения и распоряжения. Обладание ею связано прежде всего с обязанностями. Такую квалификацию собственности нетрудно усмотреть в консервативной критике индустриализации и неограниченной свободы предпринимательства. Это — та специфическая власть земли, о которой в России писали Л.Толстой, Г.Успенский, С.Есенин и современные «деревенщики» от В.Белова до В.Распутина и Б.Екимова.

Но с такой трактовкой собственности связано специфическое отношение к государству. В соответствии с консервативным каноном государство должно защищать и охранять собственность. Тем самым государственный аппарат получает право определять и взыскивать налоги для достижения социальных целей, установление которых опять-таки находится в ведении госаппарата. Консерваторы убеждены, что главная цель государства заключается в безопасности и борьбе с внутренними и внешними врагами. Отсюда вытекает авторитарный синдром консервативного мировоззрения.

Не менее трудно консерваторам усвоить идею подлинного пролетариата, который лишен значительной собственности и одновременно образует большую часть человечества. Согласно консервативным стандартам, городской пролетариат и связанные с ним другие социальные слои оцениваются как «выкидыш» процесса экономических изменений. Однако не следует забывать, что инициатива введения фабричных законов и других средств улучшения условий труда и жизни рабочих принадлежала как раз консерваторам.

Констатум*

Кроме того, положительная сторона разделения и рассеяния собственности увеличивает независимость и самостоятельность индивидов. Тогда как бюрократическое распределение социальной помощи увеличивает пассивность и инерцию индивидов и целых социальных групп. Ситуация в современной России еще раз это доказала.

Наконец, собственность укрепляет семью. Она увеличивает ее самостоятельность и связывает различные поколения благодаря институту наследства. Семья — это наиболее естественное социальное образование. Поэтому консерваторы с глубоким беспокойством относятся к росту разводов и упадку традиционных функций семьи. Нет никакой альтернативы для семьи как первичной среды, в которой дети становятся социальными существами. Семья стабилизирует общество наряду с собственностью. Однако такая оценка семьи не является исключительным признаком консервативной идеологии. Тогда как консервативная концепция собственности теряет силу по мере урбанизации современного мира. Что касается консервативной оценки государства и его аппарата, то она тоже теряет социальную почву и нуждается в пересмотре.

5.3. Нация и империя

Для либералов главным объектом политической лояльности служит человечество. Социалисты проповедуют преданность определенному классу независимо от государственных границ. Либерализм и социализм являются интернационалистскими идеологиями. В отличие от них консерваторы провозглашают национализм. Нация квалифицируется как главный объект политической привязанности.

Отсюда вытекают специфические задачи государственной власти. Согласно консервативным убеждениям, власть должна заботиться о национальных интересах. Главными из них полагаются безопасность и благосостояние населения. Не менее важным направлением государственной деятельности

являются выработка и проведение протекционистской политики. Поэтому в настоящее время консерваторы выступают против любых вариантов глобализации экономических отношений — «европеизации», «атлантизации» и даже «евроазиатизации».

Однако консервативный национализм не обязательно является агрессивным. Правда, на первых фазах формирования консерватизма его сторонники поддерживали расширение империй. Так, английские консерваторы XIX в. приветствовали превращение островной страны во всемирную морскую державу и полагали Кромвеля основателем имперского могущества. Российские консервативно-реакционные мыслители (типа К.Леонтьева и К.Победоносцева) никогда не отказывались от претензий Российской империи на весь евроазиатский материк. Но после создания морских и сухопутных империй обычно оказывалось, что их население принадлежит к совершенно различным нациям и культурам. В этих условиях цель консерваторов заключалась в управлении покоренными народами посредством использования автохтонных прав и обычаев.

Кроме того, консервативный национализм обычно выступает против вмешательства в дела других государств: «Задача данного государства не имеет ничего общего с улучшением деятельности другого государства» (19, 45). Но если национальные интересы требуют нарушить это правило, то правительство обязано вмешаться во внутренние конфликты другого государства, в том числе и в конфликты между другими нациями.

Процесс обсуждения проблемы национальных интересов и империи в современной России показывает, что отмеченные стереотипы мысли и практики характерны почти для всех политических движений и партий — от коммунистов до либералов разного толка (см.: 20). При этом идеологи военно-репрессивных структур продолжают настаивать на том, что империя является наиболее эффективной формой политического устройства, а национальные интересы Рос-

сии находятся во всех точках земного шара (см.: 21; 22). Следовательно, нет оснований полагать концепции национальных интересов и империи специфическими признаками консерватизма.

5.4. Право и конституция

Согласно консервативным канонам право — это та часть обычаев, которая обрела политический авторитет. Традиции есть результат исторической аккумуляции и требуют уважения. Альтернативой правовому правлению является правление, основанное на произволе высшего лица в государстве и всей властно-управленческой пирамиды. Второй тип правления консерваторы решительно отвергают.

Комплекс существующих прав и законов есть результат длительного и медленного совершенствования. Поэтому данный комплекс обладает безусловным приоритетом над любыми решениями единоличного властителя или небольшой группы людей. Кроме того, постоянство прав и законов гарантируется тем, что они становятся естественными для той или иной общности людей. В общем случае право стоит выше любого произвола. Закон всегда должен главенствовать над властью. По этому же основанию новое законодательство по объему регламентации не должно превышать уже существующее законодательство.

Конституция — это закон, определяющий способ установления других законов. Поэтому темп изменения конституции должен быть самым медленным. Однако отношение к конституции зависит от традиций конкретных стран, а также от исторического опыта проявления и решения конфликтов между властью и законом. Так, английские консерваторы выступают против конституции, и в данной стране ее не существует. Американцы движимы пиететом перед конституцией. А в истории России до 1991 г. существовало номинальное, а в настоящее время действует мнимое конституционное право (см.: 23). Сколько времени займет процесс его

превращения в действительное право и какие усилия потребуются для того, чтобы сломить господство власти над законом, — остается неизвестным.

5.5. Свобода, равенство и демократия

Для консерватора ни один политический идеал и ценность не являются главенствующими в отношении остальных идеалов и ценностей. Хотя безопасности приписывается определенный приоритет, а ее достижение становится главной задачей власти, отсюда не следует вывод об абсолютном характере данной политической ценности.

Консерватизм не интересуется также свободой вообще, т.е. абстрактным понятием свободы. Значительно большую ценность для него имеют традиционные и устоявшиеся свободы. Если консерватор свободен от авторитаризма, то он выступает против абсолютной власти лиц и правительств. В этом случае для частной деятельности индивидов и неправительственных организаций остается значительное поле деятельности.

Консерватизм не отождествляет также равенства со справедливостью. Он трезво учитывает существующие различия и неравенства людей. Поэтому консерватизм предпочитает процедурную концепцию справедливости, которая заключается в беспристрастном и строгом соблюдении и применении законов. А с содержательной точки зрения справедливость связана с гарантиями соблюдения и использования устоявшихся прав. Если те или иные права начинают распространяться на более широкие массы людей, то этот процесс обусловлен комплексом исторических обстоятельств, и справедливость здесь ни при чем.

Таким образом, консерваторы не считают демократию абсолютным благом, поскольку она воплощает определенную форму равенства. В то же время они не выступают жесткими противниками парламентарных и других институтов демократии. Если такие институты развиваются параллельно

КОНСЕРВАТИЗМ

с процессом становления политической зрелости граждан и образуют исторически устоявшийся способ поведения, то они должны быть сохранены при любых обстоятельствах. Но отсюда не следует, что демократические институты есть панацея от всех социальных и политических болезней. Исторический опыт показывает, что способы обхода демократических институтов существовали всегда а продолжают совершенствоваться.

Итак, религия, собственность, семья, нация, империя, право, конституция, свобода, равенство и демократия либо вообще не связаны, либо очень слабо коррелируют с консерватизмом. Роль каждого из указанных социальных и политических институтов в становлении и модификации главных концепций консерватизма требует особого исследования.

ГЛАВА 3

МАРКСИЗМ

В сознании большинства населения современной России пока еще не изжито представление: марксизм — это кодифицированный корпус мысли.

Однако данный стереотип не принадлежит основателю марксизма, а был изобретен посмертно. В период, который наступил вскоре после смерти Маркса в 1883 г. Правда, работу по канонизации и популяризации мысли Маркса начал Энгельс. В 1878 г. он выпустил «Анти-Дюринг», в котором идеи мастера были упрощены. Этот подход был подхвачен социалистическими партиями II Интернационала. Наиболее влиятельная из них существовала в Германии. В этой стране возникла первая ортодоксальная версия марксизма.

Но с самого начала марксистская ортодоксия была поставлена под сомнение ревизионистами. Речь идет о сторонниках марксизма, которые отрицали саму возможность ортодоксии. Они сформулировали импликацию: если материалистическое понимание истории является наукой, то оно подлежит постоянной ревизии и пересмотру, как всякая наука. Наиболее известным представителем такого подхода к мысли Маркса был Э.Бернштейн, написавшей книжку «Эволюционный социализм».

В процессе усвоения марксизма возникали конкурирующие ортодоксии. Они принадлежат к духовной и политичес-

кой истории России. В этой стране возник ленинизм-сталинизм. Он был превращен в официальную идеологию и в этом качестве развивался Коммунистической партией Советского Союза. Троцкизм тоже вырос в России. Его основатель Л.Д.Троцкий отвергал ленинско-сталинскую версию марксизма. И потому был изгнан из страны «победившего социализма». Зато у него появились последователи в других странах. Они назвали себя IV Интернационалом и продолжают вегетировать.

В 1913 г. Ленин определил доктрину Маркса как обычное и непосредственное продолжение учений наиболее выдающихся представителей философии, политической экономии и социализма. Это суждение не ставилось под сомнение ни ортодоксами, ни ревизионистами на протяжении всего XX в. Различные фракции марксизма приписывали себе политическое и теоретическое значение. Большинство из них претендовали на «научность». Не менее распространенным было стремление к трезвому прагматизму. Сила ленинизма-сталинизма и влияние троцкизма зависели от многих обстоятельств. Но в любом случае они стремились представить своим действительным и потенциальным сторонникам различные версии одной и той же «науки». Эти версии были приспособлены к политической конъюнктуре. Большинство из них отличались крайней топорностью. Зато некоторые являются вполне пристойными и даже рафинированными.

Если коммунистические партии становились правящими, содержание марксизма подлежало примитивизации. И чем больше ее вожди претендовали на ранг «теоретиков», тем больше та или иная версия марксизма приобретала все свойства идеологической инквизиции. В этом смысле рекордсменами можно считать Коммунистическую партию Советского Союза и Коммунистическую партию Китая. В странах Запада революции были подавлены, а коммунистические партии оставались слишком слабыми. И потому не могли последовать советскому и китайскому примерам. В этом случае марксист-

скин дискурс развивался » отрыве от непосредственной политической ангажированности. Некоторые исследователи полагают, что отсутствие связи с политической деятельностью и свобода от ограничений, навязанных партийным руководством, объясняют специфические свойства западного марксизма (см.: 1). Однако и в тааийойоггуадщ! не отвергался принцип существования тесной связи между теорией и реальной политикой. Отсюда вытекало, что теоретические различия истолковывались как *политически значимые*. И наоборот: политические различия воспринимались как результат *теоретических ошибок*, ннн «отклонений».

Можно исходить из факта: на протяжении более сотни лет существует множества модификаций марксистской ортодоксии и ревизионизма. Это ведет к тому, что образ марксизма воспринимается по-разному.

Если, марксизм воспринимается изнутри, то он рассматривается как целостная система мысли. Некоторые проблемы в этой системе полагаются допустимыми для обсуждения и различия во взглядах.. Тогда как другие устанавливают строгие границы между марксизмом и его политико-идеологическими противниками, включая марксистских ренегатов.

Если марксизм воспринимается извне» то он не может считаться целостной системой взглядов. Посторонних наблюдателей всегда удивляла крайняя разнородность действий партий, избравших марксизм своей идеологией. С этой точки зрения марксизм не отличается от всех других «измов» современной политики.

Можно ли согласовать указанные способы восприятия? Можно, если вместо представления о марксизме как целостной системе взглядов исходить из представления о множестве марксизмов. В этом множестве существуют общие свойства, допускающие ряд модификаций. Но не так много свойств, присущих всем «экземплярам». Если перефразировать название известной работы Маркса, то его последователей можно уподобить далеко не святому «марксистскому семейству».

Как известно, в рамках семьи могут существовать разные чувства ее членов по отношению друг к другу: любовь, уважение, сдержанность, холод, ненависть. Причем убийства на бытовой почве — широко распространенное преступление в прошлом и настоящем, независимо от специфики социальных систем (см.: 2). Кроме того, семья базируется на общем происхождении. Но это не исключает появления в ней свойств, сближающих ее с другими семьями. Причем до такой степени, что некоторые свойства «марксистского семейства» могут быть поставлены под сомнение.

В ранее опубликованных исследованиях я уже описывал отличительные свойства марксизма (см.: 3; 4). Но повторить пройденное никогда не мешает.

1. Общие приметы

Существует три определяющих свойства марксистской доктрины:

1. Телеологическое видение истории, в котором главную роль играют идеи классовой борьбы и примата экономики.

2. Единство теории и политики, постулированное в тезисах Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир; дело состоит в том, чтобы изменить его». Марксизм представляет собой теорию общества и политический проект социализма.

3. Убеждение в том, что марксистская теория и политический проект обладают «научным» содержанием, в отличие от конкурирующих модификаций социализма.

Каждое из данных свойств обладало различным значением в конкретных обстоятельствах места и времени. И каждое из них содержит определенное множество противоположных элементов.

1.1. Телеология

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс утверждали, что вся предшествующая история есть история классовой борьбы. Иначе говоря, классы и конфликты между ними есть главное свойство социальной жизни на протяжении всей писаной истории. Они являются также главным источником всех социальных изменений.

Такая трактовка классовой борьбы не является исключительным свойством марксизма. Маркс неоднократно подчеркивал, что почерпнул данную идею из работ буржуазных историков. На протяжении XX в. она использовалась также немарксистскими социологами. Поэтому отличительное свойство марксизма заключается в попытке включить классовый анализ общества в обитую теорию истории.

Эта теория связана с выделением трех уровней существования и развития общества: экономики, политики, идеологии (форм общественного сознания). Главную роль в данной модели играет экономика. Классы определяются в соответствии с положением, которое их члены занимают в способе производства. Существование классов — объективное свойство анализируемого общества. Оно не зависит ни от чувства принадлежности индивида к тому или иному классу, ни от сознания отдельных индивидов.

В результате марксизм рассматривает класс как множество индивидов, связанных общим экономическим положением. Одновременно класс понимается как активная социальная сила, поскольку история сводится к борьбе классов. Связать оба аспекта крайне сложно. С одной стороны, факт объективной принадлежности к данному классу не означает с необходимостью, что его члены образуют совокупный субъект действия. С другой стороны, во всяком социальном конфликте участвуют более или менее организованные множества людей — уличные толпы, профсоюзы, религиозные организации, политические партии, полиция, армия. Классы как таковые не принадлежат к данным множествам. В результате

возникает возможность двух противоположных суждений: социальный конфликт есть главное свойство всей человеческой истории; классы являются действующими силами данных конфликтов.

Марксисты осознавали эту трудность и пытались ее решить с помощью двух различных способов анализа (см.: 5):

1. Классы и классовые конфликты рассматривались как ключ для понимания множества организаций и сил, действующих в обществе. Обычно под таким углом зрения марксисты интерпретировали деятельность правительственных агентств, политических партий и других организаций, включая теоретическую деятельность интеллигенции. В любом случае данные организации и слои выражают интересы одного или нескольких классов. Хотя это выражение может быть бессознательным.

2. Формирование класса как совокупного субъекта рассматривалось в категориях политического действия. Оно необходимо для достижения целей класса. Эта проблема анализировалась с различной степенью строгости. Классическим трудом является работа Г. Лукача «История и классовое сознание». В этом же русле двигались попытки троцкистов ответить на вопрос: почему социалистическая революция не победила ни в одной стране Запада?

Теперь рассмотрим тезис о примате экономики. В известном предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс набросал эскиз общества. Экономика в нем выполняет роль базиса. Над ним возносится политическая и правовая надстройка, которой соответствуют определенные формы общественного сознания. Однако характер связей между экономикой, политикой и идеологией в марксизме всегда служил предметом раздора. Это свидетельствует о неопределенности исходных положений. Энгельс на склоне лет вынужден был многократно их разъяснять. Но и разъяснения оставляли возможность двух интерпретаций:

1. Одни марксисты полагали, что надстройка обладает самостоятельностью.

2. Другие считали, что «в конечном счете» решающую роль играет экономика.

Само выражение Энгельса «в конечном счете» тоже не является однозначным. Да и сам образ общества не является исключительной особенностью марксизма. В новое время в социальной мысли Запада неоднократно высказывалось положение о том, что общество состоит из экономических, политических, правовых и культурных (или идеологических) компонентов. То же самое можно сказать о телеологической очередности форм общества. В соответствии с ней наиболее развитыми являются современные общества Запада.

Вопрос состоит в следующем: обладает ли общество, включая экономику и остальные элементы, реальным бытием, и подлежит ли оно особым принципам развития? Эта проблема была поставлена еще в схоластике. И с точки зрения методологического индивидуализма решалась отрицательно. Поэтому целесообразно присмотреться к форме, в которой данная идея появилась в философии и социальной мысли ХУІ — ХУШвв.

Современное понимание экономики развивалось в оппозиции к традиционному представлению: отношение между властью и собственностью тождественно управлению домашним хозяйством. Данное представление легитимизировало появление целого слоя экономических советников. Они обычно давали советы правительствам. Главное содержание таких советов сводилось к постулату: при управлении государством надо учитывать законы естественного развития самой экономики. Не менее распространенным было представление о существовании естественной тенденции роста богатства общества. Она может тормозиться не только невежеством и предрассудками простолюдинов, но и неправильными действиями властителей: «В качестве достойных детей века Просвещения политические эконоы склонны были полагать, что наиболее вредные следствия невежества и предрассудков могут быть искоренены. По крайней мере, в тех обществах, к

которым они принадлежали. Эта вера выдвигала правительство на роль наиболее важного и единственного барьера на пути устойчивого экономического роста. Но, несмотря на это, вмешательство правительства может быть оправданным только в том случае, если оно имеет своей целью ликвидацию других барьеров экономического роста, включая следствия предшествующего вмешательства» (6, 134).

Итак, задолго до марксизма существовало представление о наличии естественной тенденции экономического развития. Это представление легло в основу марксистского взгляда о целесообразности истории.

Большинство марксистских ортодоксов согласны с идеей, выраженной в упомянутом «Предисловии»: естественная тенденция экономического развития ведет к революции, поскольку один тип хозяйства сменяется другим. Однако марксистский анализ политики в классовых категориях способствует такому отношению к власти, которое принципиально отличается от позиции политической экономии.

В соответствии с телеологической установкой марксизм полагает, что вмешательство правительства в экономику органически переплетено с классовыми интересами. Оно характерно для капиталистических обществ. Буржуазные экономисты стремились обеспечить правительства объективными советами о действиях, необходимых для обеспечения экономического развития. Марксизм стремится к той же цели. Но она достигается с помощью классовой борьбы, которая является основным средством преобразования общества. Не надо специально доказывать, что содержание таких советов и целей не может быть свободным от интересов. Следовательно, и в первом и во втором случае мы имеем дело с *иллюзией, претендующей на ранг «науки»*.

Ортодоксальные марксисты утверждают, что развитие экономики в конечном счете приведет к коммунизму. Коммунизм — это общество ассоциированных производителей. Такая форма экономической организации способствует большей производительности труда по сравнению с капитализ-

мом. Кроме того, при коммунизме не существует классовых различий. Отсюда вытекает постулат об отмирании государства. Следовательно, *марксистская модель идеального общества не отличается от либеральной*. В обоих случаях экономическая деятельность свободна от политического вмешательства.

Иначе говоря, обращение правящих коммунистических партий к «свободному рынку» является политическим завершением тождества ленинизма-сталинизма с либерализмом. Об этом мне уже приходилось писать (см.: 7). Здесь остается подчеркнуть, что все формы содержательной критики либерализма со стороны других политических идеологий в равной степени относятся и к марксизму. В любом случае телеология ведет к результатам, противоположным намерениям.

1.2. Анализ и прогноз

Согласно либеральным и марксистским стандартам, общество обладает своей собственной жизнью. Отсюда вытекает марксистская идея о том, что социальная теория есть форма критики. Однако такое понимание социальной теории допускает два толкования.

В первом случае социальная теория становится версией *критики* идеологии. Эту идею Маркс заимствовал у Фейербаха и младогегельянцев. Она включает представление: само общество создает такие формы восприятия и мышления, которые в своих основаниях являются ложными. Например, Маркс полагал, что товарные формы капиталистического общества ведут к появлению таких категорий мышления, к которых отношения людей воспринимаются и трактуются как овеществленные. Тем самым научный анализ общества выполняет критическую функцию. Это осуществляется посредством раскрытия истинного образа действительности. Многие труды Маркса были критическими в этом смысле, хотя «Тезисы о Фейербахе» требуют перехода от критики к действую.

Во втором случае социальная теория становится формой *моральной критики политической власти*. Для понимания этого аспекта марксизма полезно рассмотреть историю идеи гражданского общества. В ее рамках оно понимается как комплекс социальных взаимодействий, независимых от контроля правительства и других внешних сил.

Д.Кине показал, что ранняя версия этой идеи появляется в главном сочинении Локка «Опыт о человеческом разуме» (см.: 8). В данном труде Локк доказывает, что человеческое чувство морального добра и зла является результатом удовольствия и страдания, возникающих при контакте со сферой прав. Главным из них является право оценки и репутации. Оно наиболее эффективно регулирует человеческое поведение. Это право выражается в одобрении и неодобрении любых человеческих поступков при взаимодействии людей. Для формулировки и воплощения в жизнь данного нрава не нужен никакой центральный авторитет. В то же время ни один человек не может избежать действия данного права. Оно непосредственно регулирует поведение и формирует его внутренние нормы. Локк полагал, что это право влияло на поведение людей на протяжении всей истории.

Данная идея Локка стала основанием сокрушительной критики политической власти. Эта критика развивалась на протяжении всего XVIII в. в трудах философов Просвещения и в действиях таких орденов, как вольные каменщики, иллюминаты и др. (см.: 9). Речь идет о морали, глубоко укорененной в самой социальной жизни. Эта мораль создает основы взаимного доверия. Причем при обосновании правомочности власти Локк тоже использовал данную идею. Он полагал, что между населением страны и правительством должно существовать взаимное доверие. Если его нет, то гражданское общество становится основанием моральной критики власти.

Чтобы выполнить эту роль, гражданское общество должно удовлетворять двум условиям:

1. Быть независимым от непосредственного контроля правительства. Без такой независимости невозможна оценка способа поведения и характера всех властвующих лиц.

2. Состоять из рациональных и независимых индивидов. Только такие индивиды способны поддерживать и отвергать действия власти.

Иначе говоря, индивиды в концепции Локка квалифицируются как зависимые и независимые от гражданского общества *одновременно*.

Оба способа понимания индивидов и общества всегда существовали в социальной мысли, включая марксизм. Задолго до Маркса существовало представление о том, что большая часть морального опыта и навыков мышления вытекает из взаимодействий индивидов, характерных для гражданского общества. Это представление марксизм дополнил положением: общество находится в процессе постоянного формирования благодаря действию классовых конфликтов. Это означает, что мышление индивидов обусловлено воздействием классовых отношений на гражданское общество. Тем самым класс может влиять на взгляды и желания своих членов без участия их сознания.

Такой образ гражданского общества предполагает, что мораль в классовом обществе тоже является предметом классовой борьбы. Этот вывод был сделан Лениным на практике, а теоретически обоснован Троцким в книге «Их мораль и наша». Д.Роулс считает мораль плацдармом для выработки независимости, без которой невозможна оценка действий власти и всех остальных людей. Марксизм полагает мораль служанкой интересов правящего класса и господствующих лиц.

Следовательно, марксизм не в состоянии стать основанием гражданского общества, поскольку критику власти он заменяет ее апологетикой. Эта тенденция получила наиболее полное воплощение в ленинизме-сталинизме, обосновывающем способ действий политико-идеологического аппарата как «образец» морали. Но марксизм не сводится к данной тенденции. Представители Франкфуртской школы развивают иной подход к анализу гражданского общества. Об этом придет речь во втором разделе.

1.3. Научная политика

А сейчас рассмотрим утверждение: марксизм является научным социализмом. Речь идет о представлении, согласно которому марксизм вырабатывает научное знание об обществе, которое является необходимым условием рационального действия в сфере политики. Однако стремление марксизма к рациональной политике не менее проблематично. Ведь существуют и другие политические идеологии, претендующие на рациональность (прежде всего либерализм). Опять-таки возникает вопрос об отличии марксизма от таких идеологий.

Для марксизма характерны:

1. Специфическое содержание предлагаемой науки.
2. Его понимание научности.

Первый пункт не требует особых разъяснений. Следует просто учитывать, что ряд немарксистских концепций науки (прежде всего позитивизм и структурализм) совпадает с телеологическим образом человеческой истории, который предлагают большинство модификаций марксизма. Так что проблема научности марксизма перерастает в проблему научности всей социальной мысли нового времени.

Что касается второго пункта, то марксисты обычно стремились обосновать научный характер марксизма достижениями современной науки. Одновременно они пытались сохранить верность принципам марксизма. Но эти принципы толковались по-разному. Например, акцент на гуманистическом содержании ранних текстов Маркса способствовал ревизии научного содержания «Капитала», и наоборот.

2. Фигуранты

В России после 1917 г. произошло окончательное вырождение марксизма. Нынешняя программа КПРФ довела эту

тенденцию до абсурда, соединяя элементы марксизма с ленинизмом-сталинизмом, либерализмом, консерватизмом, национализмом, «цивилизационным подходом», «русской идеей», «евразийством» и т.д. (см.: 10). Данный документ не заслуживает серьезного разбора. Тогда как на Западе академический марксизм процветал, особенно в период после второй мировой- войны и до конца 1980-х гг. Выходили увесистые тома, посвященные проблемам экономики, истории, социальных наук и политики.

В Западной Европе влияние марксизма было больше, нежели в Великобритании и Северной Америке. В Германии интенсивно развивалась критическая теория франкфуртской школы. Во Франции Мерло-Понти, Сартр и другие интеллектуалы выщинули инициативу постоянного критического диалога с советским коммунизмом и фундаментальной перестройки марксистской теории. В Италии духовная ситуация в значительной степени определялась влиянием А.Грамши и полемикой между коммунистами и христианами. Англоязычные читатели знакомились с процессом данных дискуссий на страницах журналов «New Left Review» и «New German Critique».

Но я не ставлю своей задачей обзор столь обширного материала, а сконцентрируюсь лишь на трех современных модификациях марксистской социальной теории — критической теории общества, марксистском структурализме и аналитическом марксизме, которые в России развиты недостаточно.

Критическая теория до сих пор является наиболее влиятельной на интеллектуальном рынке Запада. Наиболее ярким ее представителем является Ю.Хабермас.

Марксистский структурализм, или антигуманизм, наиболее полно предоставлен в работах Л. Альтюссера и его сотрудников и учеников. В предисловии к первому немецкому изданию «Капитала» Маркс писал: «Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых

отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественноисторический процесс, поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой быте ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» (И, 10).

Специфика альтюссеровского марксизма может быть обозначена как стремление развить смысл данного фрагмента до размеров антигуманистического манифеста. Однако эта попытка закончилась неудачей, а сам автор по причинам личного характера убил жену и попал в сумасшедший дом.

В Англии и США разрабатывается аналитический марксизм. В истории марксизма данная тенденция является одной из новейших и потому представляет особенный интерес. Она сводится к стремлению развивать марксизм с помощью средств аналитических, выработанных в англо-американской философии и социальной науке.

2.1. Критическая теория

Термин «критическая теория» относится к определенной интеллектуальной традиции. Ее начало восходит к трудам Института социальных исследований, основанного во Франкфурте в 1923 г. После поражения нацизма и возврата сотрудников из эмиграции его деятельность была возобновлена в 1950 г. и получает название Франкфуртской школы.

В сфере философии и политической мысли наиболее известными ее представителями являются Э.Хоркхаймер, Т.Адорно и Г.Маркузе. Это — первое поколение Франкфуртской школы. Ко второму поколению относятся Ю.Хабермас, К.Оффе и Э.Веллмер. Некоторые исследователи полагают, что второе поколение представляет совершенно иную ветвь критической теории, связанную с попыткой ее реконструкции в работах Хабермаса (см.: 12). Поэтому целесообразно рассмотреть вначале общие свойства обеих генераций, а затем кратко охарак-

теризовать попытку Хабермаса перестроить основания критической теории.

Главное общее свойство обоих поколений — стремление создать такую социальную теорию, которая была бы критической с нескольких точек зрения:

- 1) понимала идею критики в кантовском смысле слова, что влечет за собой анализ условий возможностей знания и разума;
- 2) служила рефлексией о развитии Разума, который стал субъектом истории по аналогии с гегелевским духом;
- 3) содержала критику идеологии, демаскируя ложные представления, которые скрывают и легитимизируют действительный характер власти в современном обществе;
- 4) включала моральную критику политической власти, основанную на идеале общества разумных и независимых индивидов.

В целом эти условия означают, что критическая теория поддерживает просвещение и эмансипацию. Она помогает индивидам и группам в осознании их действительных интересов. А также освобождает людей от тех форм насилия, которые скрываются в идеологических мистификациях.

Критическая теория — это наука, исследующая общества, и потому включает позитивное содержание по образцу естествознания. В то же время она обладает моральным и эстетическим аспектами, и потому призывает всех людей к саморефлексии и самосовершенствованию. Этот призыв относится к противникам, попутчикам и сторонникам критической теории.

На более высоком уровне критическая теория представляет собой способ или форму анализа, которыми пользуется Разум при изучении условий собственного существования. Поэтому критическая теория вырабатывает не только объективное знание по образцу естественных наук, но и нечто большее. С одной стороны, эта теория является критической и потому ангажированной. С другой стороны, она квалифицирует саму себя как разновидность объективного знания об

обществе. Критические теоретики признают, что всякое знание исторически обусловлено. В то же время они полагают, что стремление к истинности может быть обосновано рационально, и потому не зависит от интересов отдельного класса и вообще любых социальных интересов.

В результате критическая теория полагает, что социальные исследования должны давать такое знание об обществе, которое является истинным и критическим одновременно. По этой причине критические теоретики всегда отбрасывали позитивизм. Они квалифицируют его как мировоззренческую установку, согласно которой любое познание обладает «объективизирующей структурой», характерной для наук о природе. Со своей стороны позитивизм отвергает всякое познавательное содержание критической теории, включая ее критические и рефлексивные аспекты. Критическая теория считает позитивизм ложной эпистемологической доктриной. А поскольку он отбрасывает ее истинность, критические теоретики считают позитивизм одной из наиболее важных угроз и барьеров, которые необходимо преодолеть человечеству на пути к освобождению. Дискуссия по этому вопросу содержится в обширном томе под названием «Спор о позитивизме в немецкой социологии» (см.: 13).

Критическая теория занимается анализом условий и перспектив человеческого освобождения, строго, определенно и сознательно формулирует такую цель философии и всего социального знания. По этой причине она всегда противостояла детерминистическим интерпретациям марксизма. Прежде всего по причине их позитивизма. А также потому, что они пренебрегают анализом внеэкономических факторов социального развития человечества.

- Критическая теория считает труды Маркса фундаментальными для понимания современности. Одновременно в трудах критических теоретиков зафиксировано несколько симптомов неизлечимой болезни современного общества:

- появление фашизма в странах Европы;

- развитие сталинизма в России и других странах Востока;
- рост бюрократического аппарата государства и корпораций на Западе и Востоке.

Об этих явлениях ничего нельзя узнать из чтения текстов Маркса. Потому марксизм незавершен. И даже его фундамент должен быть перестроен, поскольку указанные проблемы являются главными для современного общества и не зависят от специфики социальных систем — капитализма и социализма.

В частности, бюрократизация социализма и капитализма доказала, что Марксов анализ экономической деятельности в категориях неограниченных рыночных связей неудовлетворителен. В обоих типах общества бюрократия стала господствующей. Поэтому Вебер был прав, обращая внимание на развитие инструментального разума. Такой разум распространяется, как чума, он заразил все экономические, политические и идеологические институты современного общества. Произошла фрагментация процесса труда во всех предприятиях, организациях и институтах. Безличный характер бюрократических правил стал всеобщим, охватил все организационные структуры и общество в целом. Данные процессы послужили причиной тотального овеществления человеческих отношений. Не менее общим стало ощущение того, что ни отдельный человек, ни партия, ни государство не в состоянии контролировать эти процессы. Тем более систематически и последовательно им противодействовать. Господство бюрократии в современном обществе усиливается. Но оно становится все более анонимным и труднодостижимым.

Указанные процессы ставят человека лицом к лицу с внешним миром, который все более становится непонятным. Параллельно развиваются и такие процессы, которые сводят к нулю вероятность выработки критического отношения индивидов к социальной действительности. Речь идет о коммерциализации массовой культуры. Э.Хоркхаймер и Т.Адорно в книге «Диалектика Просвещения» доказывают, что высокое

искусство современной эры отличалось независимостью от классовых и других социальных интересов. Предметом такого искусства был существующий социальный порядок. Однако высокое искусство всегда его критиковало и стремилось подорвать. Поэтому данное искусство обладало революционным потенциалом. Тогда как в середине XX в. культура стала отраслью промышленности. Произведения искусства все более унифицируются, но такая унификация маскируется несущественными различиями. Эти процессы способствуют тому, что продукты «художественной деятельности» рекламируются и распространяются подобно всем остальным товарам. И эти товары не требуют от потребителя никакого критического отношения. Они вторгаются в наиболее интимную сферу эстетического вкуса, предлагая индивидам отдохнуть и поразвлечься. В результате апологетика существующего социального порядка стала тотальной. Бюрократизация общества и коммерциализация культуры взаимно укрепляют друг друга.

Следует отметить, что ламентации относительно качества массовой культуры — универсальная особенность всего современного мира. Например, в современной России они высказываются преимущественно представителями консервативного мировоззрения. Критическая теория стремится превратить причитания в определенную концепцию обобществления и *социального контроля над культурой*.

Развитие культурной индустрии и массовое распространение ее товаров привели к тому, что *манипуляция стала элементом социальной жизни*. Речь идет о вмешательстве государства в способ использования свободного времени с помощью массовой культуры. Появилась целая социальная группа эстрадных и кинозвезд, а также шоуменов по различной тематике. Эта группа является носителем манипуляции, и ее интересы смыкаются с интересами бюрократии. Они вторгаются в сферу свободного времени и способствуют десоциализации индивидов. Культурная индустрия, реклама и СМИ внедряют в сознание и поведение людей лож-

ные потребности. С одной стороны, люди считают себя совершенно самостоятельными в сфере использования свободного времени. С другой стороны, при этом они руководствуются вкусами и стереотипами, навязанными извне. И влияние внешних сил на поведение и сознание индивидов все более усиливается.

Дело в том, что уже в детстве подрывается способность индивидов к самостоятельности и независимости поведения и мышления. Для обоснования этого вывода критические теоретики используют психоанализ. Детство — наиболее ранняя форма социализации. Ребенок воспитывается в семье. А семья уже давно потеряла статус независимого источника формирования личности. С одной стороны, беззащитность индивидов перед современными системами доминирования стала тотальной. Это подрывает авторитет отца в семье. В результате дети мужского пола становятся еще более беззащитными перед искушениями со стороны культурной индустрии, масс-медиа и политической пропаганды. С другой стороны, задачи детского воспитания, которые прежде выполняла семья, оказались перехвачены внешними силами. В их состав входят школа, улица, СМИ, работники социальных служб. Эти социальные структуры стали элементами политической бюрократизации и социокультурной манипуляции.

В первом параграфе данной главы уже рассматривалось содержание прежней формы социальной критики. Она включает два постулата: гражданское общество есть регулятор поведения и мышления индивидов; гражданское общество создает моральные основания для оценки правомочности политической власти.

Критическая теория не выходит за рамки данных постулатов. Она сохраняет нормативный идеал общества независимых и разумных индивидов, но при этом для анализа ценностей гражданских обществ современного мира используются идеи Маркса, Вебера и Фрейда. В любом случае они не дотягивают до идеалов почти 300-летней давности.

На Востоке и в России гражданского общества не сложи-

МАРКСИЗМ

лось. На Западе гражданское общество оказалось в подчинении сил, которые навязали индивидам ложные потребности и желания. Люди ощущают эти потребности и желания как сферу свободы. А на самом деле ею еще и не пахло. Современное гражданское общество так и не смогло создать основания для независимой моральной критики политической власти. Для того чтобы свобода действительно могла возникнуть, «...надо подавить гетерономные потребности и удовольствия, которые организуют жизнь в данном обществе» (14, 300).

Данный вывод вряд ли можно назвать оптимистическим. Критические теоретики в его контексте переоценивают роль Просвещения. При этом они пользуются предостережениями Вебера относительно последствий рационализации. На одном уровне она ведет к обесмысливанию жизни, а на другом — к подчинению бюрократии всех индивидов. Поэтому отношение членов Франкфуртской школы к Просвещению и разуму амбивалентно. С этой точки зрения существуют *параллели* между вторым поколением критических теоретиков и выводами Фуко, Деррида и других постмодернистов.

Данное сходство может быть проиллюстрировано на примере работ Ю.Хабермаса, который предпринял попытку поставить критическую теорию на более прочный фундамент. Первым результатом этого труда была книга «Структурные изменения публичной сферы: исследование категории гражданского общества», опубликованная в 1962 г. Германский философ описывает становление и развитие гражданского общества в XVIII — XIX вв. и процесс его распада и деформации в XX в. С одной стороны, это исследование является детальной разработкой проблем, поставленных первым поколением критических теоретиков. С другой стороны, критический заряд книги направлен против способа трактовки рациональности в трудах данного поколения. И выстрел раздался в двух пухлых томах «Теории коммуникативных действий», для сочинения которых автору потребовалось почти два десятка лет.

По мнению Хабермаса, первое поколение критических теоретиков отличалось такой трактовкой проблемы условий существования разума и знания, при которой они описывались с точки зрения отдельного индивида. Это поколение не обращало внимания на интерсубъективные условия рациональности. В том числе — на проблему формирования индивида в процессе взаимодействия с другими индивидами. Этим объясняется негативная характеристика рационализации в трудах учителей Хабермаса. Прилежный ученик полагает, что негативные свойства рационализации были следствием социальных условий, в которых осуществлялся процесс рационализации.

Отцы-критики ставили на первое место философию субъекта. Способный критический сын предлагает повесить в красный угол интерсубъективную интерпретацию рациональности. И использует для отделки этой иконы все, что подвернулось под руку, — феноменологическую социологию, символический интеракционизм и аналитическую философию. При этом интерес Хабермаса сконцентрирован на жизненном мире индивидов. И в этом мире уже не машут кулаками, а мирно беседуют между собой. Поэтому язык выполняет главную роль в человеческих отношениях. Само использование языка уже предполагает определенный уровень взаимопонимания. Хабермас предлагает подняться выше: «Стремление к достижению взаимопонимания — первичная цель языковой практики» (15,288). Другие способы использования языка производны от этой цели. В частности, инструментальная рациональность функционирует за счет коммуникативной рациональности. Вторая и является фундаментом первой.

Одновременно такая концепция языка служит для Хабермаса исходным пунктом двух линий рассуждения.

Во-первых, ориентация на взаимопонимание предполагает наличие принципов, с которыми согласен каждый индивид, вступающий в коммуникацию с другими. Эти принципы — суть допущения о рациональности других индивидов и коммуникативных процессов между ними. Они определяют

уровень взаимопонимания и не зависят от классовых и прочих интересов. Принципы обеспечивают возможность решения эстетических, познавательных и нормативных споров.

Иначе говоря, Хабермас конструирует образ идеальной коммуникативной ситуации. Она создается и организуется для достижения рационально обоснованного взаимопонимания. Первое поколение критических теоретиков пользовалось нормативным идеалом независимых индивидов. Хабермас постулирует наличие идеализированного жизненного мира, приспособленного к требованиям идеальной коммуникативной ситуации. Без него невозможна современная организация общества. И она же заслуживает отрицательной оценки.

Во-вторых, характер существующего жизненного мира нарушает коммуникативные процессы. Хабермас утверждает, что развитие рациональности тормозится традицией. Здесь он повторяет веберовскую оценку восточных мировоззрений. И в то же время идет дальше: Восток существует на Западе, поскольку все интерпретации жизненного мира, которые определяются традицией, *закрываются для критики*. Только на этом основании возможно взаимопонимание. Оно становится все более реальным, поскольку стремится к рационально обоснованному согласованию позиций. Существенным элементом так понятого процесса рационализации является появление публичной политической сферы. Она стала центром постоянной критики и изменила условия правомочности господства.

Однако рациональность жизненного мира была деформирована под влиянием внешних факторов. К ним относятся власть и деньги. Они влияют на контекст всех коммуникативных действий и навязывают свои собственные императивы маргинализованному жизненному миру. Вмешательство денег и капитала ведет к таким формам коммуникации, которые не имеют ничего общего с рационально обоснованным взаимопониманием. Эти формы есть результат тотального подчинения, страха и неопределенности. Тем самым происходит *ослабление рациональности*.

Ранее упоминалось, что в книге «Структурные изменения публичной сферы» этот вывод относился к предмету анализа. Доказательство сводилось к импликации: если публичная сфера не является ареной свободной дискуссии, то она деформирована капиталистическим обществом. В трудах 1980-х гг. Хабермас повторяет тот же самый выход, но отбрасывает марксистскую терминологию, в которой он формулировался. Теперь современный марксист пользуется теорией систем Т Ларсонса и Н. Лумана. И доказывает, что процесс рационализации помог преодолеть наиболее болезненные следствия влияния традиции на жизненный мир. Одновременно тот же самый процесс создал условия, при которых власть и деньги стали *социальными медиями*.

Это значит, что власть и деньги уже не просто обслуживают интересы тех, кто ими обладает. Нынче они преобразовались в универсальный социальный механизм, выполняющий задачи в целях сохранения системы. Данный механизм и объясняет тотальную деформацию мира. Власть и деньги — это следствия патологического разрыва связи между системой и жизненным миром, в котором медиация стала колонизацией. Вебер и первое поколение критических теоретиков приписывали отрицательные свойства самой рационализации. Хабермас считает эти свойства следствием неблагоприятных условий, в которых развивалась рационализация.

Можно ли считать этот вывод преобразованием оснований критической теории? По крайней мере, он сохраняет ее от угрозы негативных следствий веберовского двусмысленного отношения к рациональности. К их числу относится прежде всего приписывание рациональности экономике и бюрократии Запада. Если первое поколение Франкфуртской школы сомневалось в Просвещении, то Хабермас выступает в качестве его решительного защитника. Теперь он рекомендует себя как бескомпромиссный критик консерватизма, с одной стороны, и постмодернизма, с другой (см.: 16).

Таким образом, положительный ответ на поставленный вопрос остается проблематичным. Хабермасоведы показали,

что затеянное предприятие не увенчалось успехом, поскольку основания критики Хабермаса не выходят за рамки утопии идеального гражданского общества (см.: 17).

2.2. Структурализм

Л.Альтюссер был профессиональным философом и активным членом французской коммунистической партии. Его главные труды «О Марксе» и «Читать "Капитал"» вышли в Париже в середине 1960-х гг. Затем главный теоретик ФКП отказался от ряда тезисов, высказанных в данных книгах, и частично вернулся на позиции марксистской ортодоксии. В результате его влияние ослабло.

Наиболее примечательная черта марксизма в исполнении Альтюссера — решительная и бескомпромиссная борьба с гуманизмом. То есть с проблематикой человеческой природы, или сущности человека. Эта борьба была направлена против гуманистического марксизма Сартра и других французских мыслителей, стремящихся соединить марксизм с экзистенциализмом и христианством. Теоретический антигуманизм Альтюссера может быть направлен и против описанной традиции критической теории. Данная установка сближает Альтюссера с антигуманизмом Ж. Деррида и другими левыми хайдеггерианцами. Хайдеггер рассматривал гуманизм как неискоренимое свойство всей западной культуры и в то же время как главную опасность, которую следует учитывать при философском и теоретическом анализе современности.

Альтюссер предлагает такую версию марксизма, которая окончательно освободилась от гуманизма и преобразовалась в полноправную науку: «О людях невозможно ничего узнать до тех пор, пока не будет стерт в порошок философский (теоретический) миф человека» (18,229). Эта установка наиболее ярко проявляется в следующих аспектах трудов Альтюссера:

- критика эмпиристской концепции знания;
- интерпретация науки и идеологии как совершенно различных видов знания;

- преобразование марксовской модели общества, состоящей из трех уровней (экономика, политика, идеология).

Альтюссер использует оборот «эмпиристская концепция знания» для обозначения традиционной гносеологической схемы. В соответствии с ней знание понимается как отношение между субъектом и объектом познания. При этом субъект может трактоваться по-разному: как эмпирически существующий единичный индивид, трансцендентальный субъект, научное сообщество и т.д. Следует напомнить, что порочный круг такой концепции знания отмечался неоднократно. Например, во введении к «Феноменологии духа» Гегеля. В этом смысле Альтюссер не оригинален.

Необычность его подхода состоит в том, что он не пытается спасти эмпиризм посредством его преобразования. Вместо этого он разрабатывает концепцию, в которой знание рассматривается как результат практики. А практика есть усилие по преобразованию людей, средств и методов использования данных средств. Это усилие всегда осуществляется в специфической структуре. И потому центральная проблема теории познания заключается в анализе данной структуры. При одновременном исключении из поля зрения людей, действующих в ее рамках, а также оснований знания.

Альтюссер обосновывает правомерность такого подхода посредством ссылок на Марксов анализ производства. Согласно данной установке, наука описывается как особый способ производства знания. А сам процесс производства не имеет ничего общего с намерениями и целями отдельных ученых. Теоретики выступают в роли наемных рабочих проблематики (система понятий и отношений между ними), которой они занимаются.

Проблематика определяет способ постановки и тип вопросов, видимые и невидимые трудности и разновидность сведений, которые должны быть накоплены. Существует тождество между обслуживанием конвейерной линии и теоретической деятельностью. В обоих случаях задачи деятельности людей имеют внешний источник. Вслед за Г.Башляром Аль-

тюдсер полагает, что правила научной деятельности не могут быть выведены ни из какой вненаучной (философской) эпистемологии. Нет единого научного метода. Есть разные научные методы, каждый из которых определяется проблематикой данной науки.

По этой причине идеологическое знание кардинально отличается от научного. Идеология — это переживание связи между индивидами и социальными условиями их существования. Но данная связь существует исключительно в воображении. Поэтому идеология совпадает с эмпиризмом, но идеологическое знание не есть знание действительности. Аристотелевская физика, додарвиновская биология и немарксистская социальная наука — разновидности теоретических идеологий. В любом случае они отражают и конкретизируют живые и воображаемые связи между индивидами и условиями существования. С одной стороны, каждая из указанных идеологий обладает своими проблемами, специфической системой понятий и связями между ними. В этом смысле идеологии аналогичны науке. Однако вся идеологическая проблематика есть результат форм сознания человеческих субъектов. А эти формы детерминированы социальными условиями. Следовательно, идеология не имеет ничего общего с наукой. Научные и идеологические проблемы возникают на совершенно разных основаниях.

По мнению Альтюдсера, теоретическая идеология отличается от науки двумя фундаментальными свойствами:

- теоретическая идеология в любом случае является разновидностью эмпиризма, тогда как любая наука обладает своей особой специфической проблематикой;
- идеология есть предмет игры классовых интересов, а любая научная проблематика обладает собственной автономной динамикой.

Нетрудно заметить недостатки предлагаемого вывода.

Первый из них относится к произвольности самого разграничения идеологии и науки. Согласно Альтюдсеру, теоретическая идеология страдает неизлечимым эмпиризмом.

Она пользуется внегеоретическими элементами, которые кажутся самоочевидными. Однако они привносятся в теоретический дискурс идеологией, а не действительностью как таковой. Под этим углом зрения Альтюссер проанализировал дискурс политической экономии и пришел к выводу о его неудовлетворительности. Несмотря на теоретическую рафинированность, в этом дискурсе можно обнаружить все признаки идеологии. Такое заключение относится к домарксовской политической экономии.

Но проблема состоит в том, что в «Капитале» Маркса тоже содержится множество эмпиристских симптомов идеологии. Альтюссер утверждает, что такое состояние вещей обусловлено фактом эпистемологического перелома, революционной перестройки способа производства знания. Эту задачу выполнил Маркс, заменив идеологическую проблематику научной. Причем эпистемологический перелом можно обнаружить в текстах самого Маркса: существует резкая граница между гуманистическим содержанием работ раннего и научным содержанием текстов зрелого Маркса. Из такого истолкования процесса генезиса социальной науки вытекает, что они не возникают в абсолютной чистоте и находятся перед вечной угрозой идеологического вмешательства.

Например, у Маркса не было большого выбора при создании социальной науки (в данном случае политической экономии). При формулировке собственных положений он вынужден был пользоваться элементами теоретической идеологии. Зато он упорно работал над созданием новой науки. Поэтому «Капитал» надо читать как научный текст, который не свободен от идеологических пережитков. И он может быть очищен от них посредством особой процедуры, которую Альтюссер называет «проявляющим чтением». В книге «Ленин и философия» Альтюссер доводит это рассуждение до конца и формулирует вывод: задача философии состоит в защите науки от идеологического вмешательства. А главная задача философии марксистской — проведение классовой борьбы в сфере теории.

Такой ход мысли поражает бездоказательностью. Например, если мы читаем тексты всех немарксистских философов, экономистов, социологов, историков и т.д., то должны заниматься поиском симптомов идеологии в каждом из них. А когда читаем «Капитал» и другие тексты марксистской теории, то должны фиксировать в них исключительно научное содержание, поскольку нам априорно известно, что такое содержание в них существует и должно быть открыто. И сам процесс чтения устанавливает границу между дискурсами теоретической идеологии и дискурсом научным. Одновременно эта граница устанавливает, как должны читаться такие курсы.

Порочный круг данной процедуры очевиден. Тем самым рушится достоверность утверждения Альтюссера: наука независима и не подчиняется экономическому детерминизму, который управляет теоретической идеологией. Если наука независима и свободна от влияния экономики, то зачем ее защищать?

На этот вопрос в текстах Альтюссера нет ответа. С ним связан еще один недостаток предлагаемой концепции. Речь идет об утверждении: любая наука обладает самостоятельной динамикой, которая определяется ее собственной специфической проблематикой.

Прежде всего заметим, что аналогия с процессом производства ничего не доказывает. Безусловно, задачи рабочих у конвейера определяются их местом в процессе производства. Но отсюда не следует, что они функционируют только как исполнители данного процесса. Кроме того, сам процесс производства подчиняется воле капиталиста, директора или непосредственного руководителя работы. Без такой воли еще не функционировало ни одно производство. Между тем в антигуманистической концепции науки функция управления вообще не рассматривается. Вместо этого Альтюссер выдвигает два противоположных тезиса: ученые являются продуктами проблематики собственных исследований; одновременно они — продукты общества, в котором живут. Для согласо-

ния данных положений Альтюссер предлагает концепцию структурной детерминации.

Ранее уже упоминалось, что проблема соотношения экономики и других форм социальной жизни в марксизме всегда была яблоком раздора. С одной стороны, экономика является базисом общества, хотя и «в конечном счете». С другой стороны, право, политика, идеология являются самостоятельными, но только относительно. Альтюссер вводит понятие структурной причинности для объяснения взаимосвязи между автономностью и детерминацией различных сфер социальной действительности.

Концепция и понятие структурной детерминации направлены прежде всего против интерпретаций марксизма в духе Гегеля. Они были и остаются составной частью марксистской ортодоксии, а в систематическом виде изложены в работе Г.Лукача «История и классовое сознание». В СССР ту же самую интерпретацию марксизма после смерти Сталина давал Э.В.Ильенков. По мнению Альтюссера, гегельянские интерпретации марксизма анализируют общество в категориях отражения. Такой подход позволяет рассматривать право, политику и идеологию как отражение некой сущности, которая находится в совершенно других местах — отношениях производства и противоположных классовых интересов.

Структурная причинность — это определенное отношение между структурой и ее частями. Оно состоит в том, что части определяют условия существования структуры, а она устанавливает условия существования частей. Такая причинность значительно отличается от всех гегельянских версий марксизма.

Во-первых, экономика в концепции Альтюссера выполняет двойную роль: определяет сеть отношений между отдельными уровнями структуры; сама является одним из уровней в рамках сети отношений, которые она устанавливает. С одной стороны, экономика является детерминирующим фактором. С другой стороны, испытывает воздействие со стороны политики, права, идеологии.

Во-вторых, структура в понимании Альтюссера не содержит принципа своего собственного упразднения. Наоборот, постоянство и преемственность структуры логически гарантированы ее существованием. По этой причине Альтюссер определяет структуру как «вечность в Спинозовском смысле слова» (19,159).

Что касается первого вывода, то в нем трудно найти отличие от традиционной марксистской трактовки отношения между экономикой и остальными сферами действительности. Зато второй вывод кардинально отличается от традиционной марксистской концепции классово-борьбы и материалистического понимания истории.

Но наиболее важный пункт альтюссеровской перестройки трехуровневой модели общества связан с жестким и однозначным антигуманизмом. Из концепции структурной причинности вытекает, что условия существования структуры определяются ее собственными действиями. Тем самым действие человеческих индивидов детерминировано структурой, к которой они принадлежат. Иначе говоря, индивиды являются исполнителями задач, вытекающих из их положения в структуре.

Концепция структурной причинности — основа понимания человека. Рассуждения на эту тему содержатся в работе Альтюссера «Идеология и идеологические институты государства». Здесь он рассматривает проблему воспроизводства капиталистических отношений производства. Индивидам принадлежат определенные места в социальном разделении труда, а также идеологические формы, которые соответствуют данному месту. В обоих случаях главную роль исполняет система образования. В современном капиталистическом обществе дифференциация производительных сил осуществляется за счет развития особых способностей. В их состав входят как профессиональные навыки, так и соблюдение правил пристойного поведения. Каждый участник разделения труда обладает тем и другим в соответствии с профессией, для выполнения которой он «предназначен».

Иначе говоря, Альтюссер не теряет веры в успешность существующей системы образования. В этом контексте идеология рассматривается как особый уровень в рамках общественно-экономической формации. Этот уровень есть сфера идеологической практики. Она воздействует на сознание индивидов путем создания иллюзорных представлений о связях индивидов с социальными условиями их существования. Идеология конституирует сознание индивидов. А они живут в идеологии, поскольку все акты индивидуального сознания являются неизбежно идеологическими. Именно идеология делает из индивидов субъектов, которые сами себя считают свободными: «Индивид определяется как свободный субъект, который должен свободно подчиниться приказам Субъекта. Индивид «сам по себе» совершает любые жесты и действия, санкционирующие его подчинение» (19,169).

Обоснование добровольного подчинения идеологии всех человеческих индивидов — суть интенции Альтюссера, хотя он пишет также о классовой борьбе в сфере образования, особо подчеркивая роль тех учителей, которые борются с навязанной им ролью. А намерение сводится к доказательству тезиса: социальные отношения отражаются в процессе формирования сознания индивидов в соответствии с задачами, исполнение которых требуется от них.

Тем самым человеческое поведение в целом рассматривается как результат действия структуры. Исчезает различие между структурной причинностью и причинностью отражения. В лучшем случае структурная причинность может объяснить формирование индивидов как представителей определенного типа, обладающих свойствами, желаниями и мышлением, которые соответствуют их жизненной позиции. Но такой подход совершенно недостаточен для объяснения поведения индивидов. Как известно, дела индивидов зависят от обстоятельств, в которых они находятся. Но обстоятельства Альтюссер не объясняет.

В заключение отметим, что в концепции Альтюссера индивиды рассматриваются как существа, обладающие способ-

ностью опыта; эта способность позволяет интериоризировать те формы субъективности, которые изначально предназначены для индивидов в рамках структуры. Следовательно, альтюссеровская концепция идеологии не объясняет формирование человеческих индивидов как субъектов. Она исходит из того, что индивиды уже конституированы как субъекты. С этой точки зрения структурный детерминизм Альтюссера базируется на молчаливой посыпке о существовании человеческой природы.

По сути дела, Альтюссер предлагает не столько систематический антигуманизм, сколько превращенный образ традиционного гуманизма, с которым пытается бороться. В либеральном и марксистском воображении люди рождаются свободными. А в действительности находятся в оковах. Эту проблему пытается решить еще одна разновидность марксизма.

2.3. Аналитический марксизм

Альтюссер трактует индивидов как исполнителей задач, вытекающих из их положения в структуре. Аналитический марксизм предлагает анализ социальной жизни в категориях бескомпромиссного методологического индивидуализма. В 1986 г. издан коллективный труд под названием «Аналитический марксизм». В предисловии его редактор Д.Ремер пишет: «Те, кто занимается аналитическим марксизмом, в значительной мере вдохновляются Марксовой проблематикой, которую они развивают посредством использования средств современной логики, математики и теории моделей. Авторы осознают, что они являются продуктом Марксовой и не-Марксовой традиции одновременно и в равной степени» (20). Кроме Ремера представителями аналитического марксизма являются Г.Козн, Д.Эльстер, А.Пшеворски.

Действительно, последовательные марксисты всегда стремились использовать результаты современной науки, хотя приоритет тех или иных отраслей знания для развития марк-

сизма всегда был предметом дискуссии. Аналитический марксизм предлагает развивать традиции аналитической философии и экономической теории.

Аналитический марксизм — это стиль научной работы, а не целостная доктрина. Но среди аналитических марксистов существует принципиальное различие мнений относительно природы познавательных процедур и методов.

Например, Г.Коэн считает, что исторический материализм связан с использованием общенаучного метода функционального объяснения, а естественное развитие производительных сил (среди которых человек занимает главное место) есть мотор исторического развития. Д.Эльстер полемизирует с первой частью приведенного положения и полагает, что функциональное объяснение неизбежно полагает наличие некоего причинно-следственного механизма. А в обществе такие механизмы не действуют. Кроме того, развитие производительных сил зависит от преобразования отношений собственности. Без изменения данных отношений невозможно развитие. А поскольку преобразование отношений собственности всегда связано с классовой и политической борьбой, то она и является мотором исторического развития.

Несмотря на указанное различие во мнениях, аналитические марксисты согласны с тем, что методологический индивидуализм является главным методом научного познания. Причем этот метод связан с отбрасыванием любых макроэкономических моделей при объяснении социальных явлений. Для современной экономической теории характерен переход к микроэкономическому способу объяснения. Поэтому методологический индивидуализм должен создать микроэкономические основания для исторического объяснения. Для этого могут использоваться также результаты современной экономической социологии. Но в любом случае объяснение исторических изменений должно основываться на посылке о рациональном поведении индивидов. Критерием рациональности является стремление к достижению определенных целей.

Д. Эльстер и А. Пшеворски предприняли попытки целостной реконструкции социальной теории Маркса. Эти попытки существенно отличаются друг от друга. В то же время они могут рассматриваться как наиболее интересные достижения аналитического марксизма в сфере философии и политической мысли.

Д. Эльстер в книге «Осмыслить Маркса» утверждает, что причинное объяснение социальных феноменов в категориях индивидуальных действий «является специфически марксистским вкладом в методологию социальных наук» (21, 4). Со всеми остальными частями марксистской доктрины можно расстаться без сожаления. Речь идет о теории стоимости и экономическом анализе в целом, функциональных и телеологических объяснениях. Данные процедуры были следствием методологического коллективизма Маркса.

Показательный пример методологического коллективизма — цитированный ранее фрагмент из предисловия к первому немецкому изданию «Капитала» Маркса. Он основан на посылке о том, что «...существует надындивидуальное бытие, которое обладает приоритетом над индивидуальным бытием в порядке объяснения» (21, 6). Этот принцип не оставляет места для интенционального анализа человеческих действий. Альтюссер считал гуманистические вкрапления в работах зрелого Маркса идеологическими пережитками, которые надо отбросить. Эльстер видит в них ядро марксова наследия. В его состав входят: моральная критика эксплуатации, отчуждения и методологический индивидуализм.

Нетрудно понять, что методологический индивидуализм связан с отбрасыванием как ортодоксальных, так и ревизионистских версий марксизма. Можно ли согласовать структурный анализ капиталистического общества, характерный для зрелого Маркса, с методологическим индивидуализмом? Эльстер показывает, что в текстах Маркса дан положительный ответ на этот вопрос. Речь идет об объяснении всей экономической и социальной истории в категориях *непредвиденных следствий человеческих действий*.

Такие следствия появляются во всех сферах социальной действительности — от экономики до идеологии и культуры. Например, в экономической сфере они возникают тогда, когда участники рыночной игры руководствуются такими убеждениями о поведении друг друга, которые являются примером ошибки сложения (см.: 21, 48).

Для аргументации Эльстер предлагает идеальный образ капиталистической экономики, которая была полностью воплощена в советском социализме. В этой модели одно предприятие платит своим рабочим намного меньше по сравнению с другими предприятиями. Его прибыли тем самым возрастут. Непредвиденные следствия начинаются тогда, когда другие предприятия начинают следовать примеру первого. Каждое из них руководствуется мотивом повышения прибыли при одновременном снижении зарплаты. В итоге понижается как общий уровень зарплаты, так и общий уровень прибыли. С точки зрения одного предприятия такие действия кажутся рациональными. Однако социальные следствия данных действий становятся крайне иррациональными.

Тем самым структурные тенденции экономики можно объяснить как непредвиденные следствия множества индивидуальных решений, каждое из которых было рациональным: «Данный механизм вызывает социальные изменения не только при капитализме, но и при любом социальном устройстве, в котором экономические решения страдают отсутствием координации» (21,26). История социалистической экономики показала, что ни один пятилетний план не был выполнен в соответствии с первоначальным проектом. И это следствие имеет место независимо от того, что думали друг о друге директора предприятий, партийная номенклатура и генеральные секретари.

Проблема в том, что коллективные следствия множества индивидуальных решений (каждое из которых было рациональным) порождают такое состояние общества, которого не хотел никто. Но этот факт не может считаться принципом объяснения любого индивидуального поведения. Дело в том,

что капиталистические предприятия действуют с целью понижения расходов, руководствуясь своими *собственными представлениями* о рациональности и о ситуации, в которой они находятся. Система данных представлений объясняет структурную тенденцию экономики. А она, в свою очередь, является функцией социального положения капиталистов. Иначе говоря, данное объяснение базируется на структуралистской посылке: наиболее значимые свойства субъективного восприятия ситуации определяются социальным положением индивидов как членов конкретного класса. Поэтому нельзя полагать, что концепция Эльстера целиком свободна от альтюссеррианства.

Эльстер предлагает отбросить методологический коллективизм Маркса. А.Пшеворски считает, что следует отвергнуть еще один стереотип социалистической теории и политики: стремление рабочих к материальным благам приведет к социализму. Пшеворски не отрицает, что социализм — если бы его удалось воплотить в действительность — может более эффективно удовлетворить материальные потребности рабочих по сравнению с капитализмом. Но даже в этом случае *социалистический выбор рабочих*, которые находятся в капиталистическом обществе, *не может считаться рациональным*.

Во-первых, потому, что переходный период на пути к социализму требует понижения уровня жизни. Об этом свидетельствует опыт всех стран, пытающихся построить социализм.

Во-вторых, не менее вероятны компромиссы рабочего класса с господствующим классом. При этом рабочие отказываются от борьбы за свои права в обмен на высокий уровень капиталистических инвестиций. Такая ситуация характерна для западных стран в XX в.

В обоих случаях стремление рабочих к социализму не является рациональным.

В первом параграфе главы я уже упоминал о том, что в марксизме существует противоречие между двумя пониманиями класса:

- как множества индивидов, ^рходящихся в определенном экономическом положении;
- как активной социальной и политической силы.

Это противоречие еще более обострено в концепции Пшеворски по причине бескомпромиссного методологического индивидуализма. Пшеворски утверждает, что классы не являются объективными структурами, обусловленными характером отношений собственности: «Классы формируются в результате борьбы, а классовая борьба преобразует условия, при которых формируются классы» (22, 92).

В приведенном определении смешиваются два совершенно разных вопроса: если классы не являются коллективными субъектами, то как они могут участвовать в борьбе? если субъекты формируются в коллективных действиях, то почему такой способ формирования следует считать только классовым? Иными словами, данное определение по-прежнему рассматривает классовые интересы таким образом, как если бы они были объективно существующими вместе со структурой отношений собственности.

Об этом свидетельствует еще одно определение. Пшеворски утверждает, что индивиды вынуждены продавать свою способность к труду за заработную плату: «Объединенные таким образом индивиды связаны общими интересами. Данные интересы определяются в категориях определенного числа второстепенных свойств дистрибутивного характера, что ведет к понятию трудящихся людей» (22, 91). В этом смысле рабочие описываются как «...единственный потенциальный сторонник классовой организации, политики. Если никакие другие политические силы не стремятся к мобилизации рабочих как класса, отличающегося от всех остальных классов и находящегося в оппозиции к ним, то класс не существует как принцип политической организации» (23, 11).

Стало быть, Пшеворски считает классовые интересы объективными свойствами общества. А коллективные действия, направленные на реализацию данных интересов, являются случайным продуктом политической борьбы. Однако

если интересы полагаются объективно существующими, то не менее объективен выбор разумных индивидов. А выбор определяется через интересы и условия действия, в которых находятся данные индивиды. Опять-таки получается круг в определении. Пшеворски пытается реконструировать марксистскую теорию в категориях методологического индивидуализма. Однако эта попытка наталкивается на скрытую структурную детерминацию.

Таким образом, аналитический марксизм можно считать лишь промежуточным пунктом на пути последовательного отбрасывания ортодоксальной и ревизионистской версий марксизма. Нельзя считать, что аналитический марксизм является завершенной теорией, которая может быть использована против критической теории и систематического антигуманизма одновременно.

Прежде всего потому, что аналитический марксизм оперирует моделью индивида как рационального субъекта действия. Индивид стремится к достижению собственных интересов по мере своих возможностей. При этом он находится в условиях, которые являются результатом множества единичных действий.

Кроме того, аналитический марксизм использует модель индивида как исполнителя задач, которые определяются структурой социальных отношений. В этой структуре происходят действия индивида.

Данные модели обладают рядом общих свойств:

- индивиды рассматриваются как продукты социального положения;
- индивиды руководствуются наиболее рациональным способом действия с учетом ситуации, в которой они находятся;
- индивиды интериоризируют существующие социальные нормы и действуют в соответствии с ними.

Нетрудно убедиться, что в данных моделях делается акцент на *подчинение* индивидов той ситуации, в которой они

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

находятся. Механизмы этого подчинения могут быть различными. Но окончательный результат остается одним и тем же.

Таким образом, модификации современного марксизма — критическая теория, структуралистский антигуманизм и аналитический марксизм — не в состоянии преодолеть противоречия, которые содержатся в трудах его классиков. Но те же самые свойства могут быть зафиксированы и в других политических идеологиях — либерализме, консерватизме и социализме.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛИЗМ

Социализм развивался в борьбе с капитализмом подобно тому, как либерализм возникал в борьбе с феодализмом. В обеих идеологиях содержится решительная критика существующего социально-экономического порядка. Она связана с образом будущего общества. Однако либерализм — более последовательная система взглядов по сравнению с социализмом. Либеральные концепции связаны с появлением такой формы социального строя, которая на протяжении XX в. стала доминирующей во всем мире. Эта форма связывает капитализм с либеральной демократией. Но пока не существует такого социально-экономического порядка, который может быть строго и последовательно связан с идеями социализма. В либерализме и социализме связь между теорией и существующим порядком была и остается предметом дискуссии. Но в истории социализма эта связь является особенно проблематичной.

1. «Кошмар над умами живых»

Либерализм провозгласил доктрину свободной конкуренции и обмена между отдельными индивидами. Эти отношения должны быть освобождены от оков аристократических прав и привилегий и регулироваться государством с помощью права. Феодализм — это консервативная система иерархически организованных классов и наследственного господства. Борьба с этой системой заняла много времени. Еще перед первой мировой войной феодальные порядки господствовали в Германской, Австро-Венгерской и Российской империях. Кроме того, установление либеральной демократии в ряде стран повлекло за собой ослабление и отход от индивидуалистических оснований либерализма. После второй мировой войны окончательно оформилась мировая система капитализма. На этом фоне происходит возрождение либерализма. Его наиболее оголтелые сторонники (типа Ф.Фукуямы) пишут о мировой победе либерализма и даже «конце истории». Как было показано в первой главе, теория и практика либерализма все более расходятся. Поэтому воспевание либерализма следует скорее сравнить с визгом свиньи после того, как нож уже достиг ее сердца.

1.1. Утопия, наука и религия

История социализма насчитывает около двухсот лет. Его ранние теоретики создавали свои труды в первой половине XIX в. Их отношение к развитию промышленного капитализма было двойственным: страх перед нищетой смешивался с надеждой на достижение всеобщего благосостояния. Эти установки до сих пор довлеют над социализмом.

Сен-Симон создал проект будущего индустриального общества, в котором технократия выполняет функции планирования, управления и контроля. Этот образ противопоставлялся феодальным порядкам, обнаружившим свою неэффектив-

СОЦИАЛИЗМ

ность. Одновременно концепция Сен-Симона повлияла на становление социалистического движения. Например, фабианский социализм первым записал в свою программу идею государственного планирования, которое противопоставлялось расточительности капитализма.

Оуэн выдвинул идею самоуправляемых трудовых кооперативов. На ее основе возник корпоративно-цеховой социализм. В его рамках промышленные рабочие принимают самостоятельные решения о производстве и образе жизни в целом.

Фурье принадлежит идея фаланстеров, которая предполагает свободный выбор форм труда. Эта идея стала толчком для множества коммунальных экспериментов. Они пока еще не закончились.

Прудон вдохновлялся верой в равенство и свободу индивидов. Это послужило основанием считать его отцом социалистического анархизма (см.: 1).

Разнородность перечисленных концепций не нуждается в доказательстве. В то же время в них зафиксированы общие мотивы и конфликты будущего социалистического общества:

- провозглашение справедливости главной социальной ценностью переплетено с предложениями различных экономических реформ;
- идея достоинства отдельного работника сочетается с принципом сотрудничества и солидарности;
- идея централизованного планирования выступает в единстве с идеей промышленной демократии.

Данный комплекс идей можно считать знаменем и проклятием социалистического дискурса.

Дело в том, что Маркс определил множество перечисленных концепций и идей как «утопический социализм». Влияние марксизма на социализм было гигантским. От такого воздействия социализм до сих пор не освободился. Поэтому всякое новое обоснование социалистической идеологии должно быть согласовано с наследством марксизма.

Разбор основных противоречий марксизма дан в предыдущей главе. Но они не отменяют силы марксизма. Она обусловлена тем, что его классики создали науку и религию одновременно, которые осветили дорогу возникающему рабочему движению. В марксизме содержится справедливая критика крайнего неравенства и нестабильности, характерных для капитализма. Маркс и Энгельс обратили внимание также на то, что капитализм стремится к всесторонней поддержке государства, одновременно провозглашая «свободу» общества. Разумеется, капитализм существенно изменился со времени деятельности Маркса и Энгельса. Поэтому многие их предсказания оказались ошибочными или неактуальными. Однако критическая традиция анализа общества остается по-прежнему продуктивной.

Например, в начале XX в. Д.А.Гобсон проанализировал методы капиталистической эксплуатации колоний для создания новых рынков сбыта и повышения прибыли. В результате этого процесса сами рабочие развитых капиталистических стран были включены в международную систему эксплуатации и становились косвенными участниками всеобщего грабежа. Он продолжается до сих пор, а рабочие развитых стран не собираются отказаться от части своих доходов в пользу «братьев по классу» стран отсталых. После второй мировой войны контроль государства над экономическими процессами стал всеобщим явлением. Но он оказался связан с расширением социальной опеки. И пока жители развитых стран не собираются отказаться от пособий по безработице и других форм социальной помощи. Вмешательство государства в экономику стимулировало развитие империализма в международном масштабе. Мир превратился в гигантскую систему оборота капиталов и финансовых спекуляций. Поэтому далеко не случайно, что со второй половины 1960-х гг. наступил ренессанс неомарксистской критики современного общества.

Эта критика не смогла преодолеть внутренних противоречий марксизма. В то же время появились многочисленные труды современных марксистов, описывающих свойства нео-

колониализма в странах «третьего мира», причины финансового кризиса государства и современные способы извлечения прибыли. Благодаря им даже урбанизация и развитие пенсионного фонда стали полем деятельности новых отрядов капиталистов (см.: 2; 3).

Правомерность данной критики неоспорима. Но с ней связана мнимонаучная теория о нарастании классовых конфликтов и поляризации общества, предшествующих общему краху капитализма. Эта теория является ложной. Неомарксисты (особенно Франкфуртская школа) неплохо описывают механизмы, с помощью которых государство манипулирует массами и перекупает трудящихся на свою сторону. Эти механизмы начали широко использоваться и в современной России по мере введения в ней демократии (см.: 4). Однако они не объясняют причины усложнения и дифференциации социальных классов.

Иначе говоря, марксизм стал жертвой собственного экономического детерминизма. Марксизм упрощает историю, недостаточно учитывает влияние политики на общественную жизнь и предлагает иллюзорный образ будущего бесклассового общества, свободного от конфликтов. С другой стороны, экономическое истолкование социально-экономических процессов было значимым шагом на пути формирования реалистической социальной и политической мысли. Для большинства людей экономические мотивы деятельности по-прежнему стоят на первом месте. Поэтому марксизм может считаться зеркальным отражением прошлых и современных форм экономического индивидуализма.

Религиозный элемент марксизма выражается в надежде рабочих на освобождение от эксплуатации, отчуждения и нищеты в будущем бесклассовом обществе. Тогда как марксистские теоретики снабжают пролетариат «наукой», согласно которой его победа неизбежна. Капитализм неминуемо должен рухнуть под грузом собственных противоречий. Невозможно отрицать гуманистическое содержание такого образа будущего общества. Марксизм стремился соединить экономический

и социальный прогресс, осуществляемый при капитализме, с переходом к такому обществу, в котором всем индивидам будут обеспечены благосостояние и свобода. В этом обществе не будет классового угнетения и эксплуатации. Тем самым исчезнут все проблемы, связанные с согласованием индивидуальной свободы с социальным равенством и солидарностью. Такой очерк будущего общества содержится во всех работах Маркса, начиная с «Экономическо-философских рукописей» и заканчивая «Критикой Готской программы». Поэтому противопоставление «раннего» и «зрелого» Маркса, характерное для различных модификаций марксистской ортодоксии и ревизионизма, ложно *по определению*. Прежде всего потому, что Маркс никогда не уточнял детали будущего общества и способы перехода к нему. Следовательно, Марксов проект будущего общества *был намного более утопическим по сравнению с утопиями ранних социалистов*. По крайней мере в работах последних дан очерк реальных проблем и конфликтов будущего общества, не решенных до сих пор. На этом фоне марксизм может быть определен как смесь науки и религии, в основе которой лежит чувство социальной несправедливости. Эта смесь помогала вербовать в ряды сторонников марксизма «проклятым заклеянным» трудящиеся массы. А для руководителей рабочего движения марксизм стал мощной идеологией, обосновывающей необходимость политической борьбы.

1.2. Политический раскол

Маркс сделал немало для того, чтобы обеспечить возникающие социалистические партии Западной Европы общей идеологией. Главная цель формулировалась предельно просто — общественная собственность на средства производства и распределения. Такая формулировка помогла соединить разновидности социалистической веры в солидарность и самоуправление рабочих. Конкретными формами соединения были I и II Интернационалы — международные организации рабо-

чих. Их деятельность базировалась на общих интересах трудящихся и марксистской идеологии. Для выражения интересов и достижения поставленной цели создавались социалистические и социал-демократические партии. Наиболее сильные из них существовали в Германии и Франции. Вплоть до 1914 г. казалось, что авторитарно-бюрократические и социально-демократические тенденции рабочих партий не противоречат друг другу, согласуются с марксистской идеологией и базируются на ней.

Однако социалистическая вера была слишком неопределенной для того, чтобы полностью замкнуться в рамках одной-единственной политической доктрины и интерпретации марксизма. Рабочее движение в Великобритании и США оставалось равнодушным к догматическим и революционным элементам марксизма. В этих странах акцент был сделан на мирное демократическое продвижение к поставленной цели. Причем фабианское общество в Англии (основанное в 1883 г.) первым отбросило и саму цель. Взамен предлагалось консервативно-прагматическое сотрудничество с государством, составной частью которого выдвигалось государственное планирование и благотворительность. Германская социал-демократия была наиболее сильной и в наибольшей степени содержала революционные элементы марксистской идеологии. Однако и здесь Э.Бернштейн уже в 1899 г. доказывал, что Марксов диагноз направления развития капитализма ошибочен, поскольку отрицательные свойства капитализма преодолеваются с помощью демократических средств.

Социалистический анархизм был не менее мощной силой в рамках данного периода. Анархисты предлагали ряд насильственных и мирных средств для свержения существующего политического порядка. Что касается демократических институтов государства, то анархисты первыми начали систематически фиксировать их недостатки. Они также раньше всех остальных отметили авторитарно-бюрократические тенденции марксизма как политической доктрины. Анархисты сформулировали такую концепцию социального переустройст-

ва, пр» которой оно осуществляется снизу. И базируется на индивидуальной свободе и свободном сотрудничестве трудящихся. Маркс стал инициатором борьбы с анархистами, хотя последующее развитие коммунистических партий и социалистических государств подтвердило их правоту. I Интернационал рухнул в результате конфликтов между марксистами и анархистами. Влияние анархизма было наибольшим как раз в тех государствах (Россия и Испания), в которых политические режимы были наиболее репрессивными.

На рубеже XIX—XX вв. в ряде стран возникли также христианско-социалистические партии. Они руководствовались религиозной верой в моральное возрождение общества и делали акцент на его мирные и эволюционные формы.

Первая мировая война и революция в России привели к полному преобразованию социализма и его политическому расколу на коммунистические и демократические формы. Русская революция произошла в результате совпадения множества исторических обстоятельств. Среди них наиболее важную роль сыграла организация профессиональных революционеров, а не массовое движение пролетариата и трудящихся в целом. Кроме того, русская революция имела место в экономически и политически отсталой стране. Для приспособления марксизма к обстоятельствам политической борьбы в ней Ленин осуществил наиболее ревизионистскую интерпретацию марксизма. Поэтому русская революция крайне слабо связана с теорией и ожиданиями Маркса.

В то же время развитие русской революции обнажило наиболее слабый пункт марксистской политической теории — положение о том, что правительство есть только средство насилия в руках экономически господствующего класса. Тем самым была затушевана роль государства и его аппарата сверху донизу как самостоятельного и независимого источника власти. Сталин продемонстрировал, до каких пределов может пойти абсолютное соединение экономической, политической и идеологической власти в руках государства (см.: 5), Советское государство создало новые привилегированные классы.

СОЦИАЛИЗМ

А военно-полицейская тирания советской власти вышла за пределы всех гипотез относительно «временного характера» диктатуры пролетариата. Следовательно, неудача коммунистического эксперимента в России и других странах Восточной Европы может считаться критерием окончательного краха ленинско-сталинской версии социалистической идеологии. Для этой версии характерна вера в то, что господство революционной партии над всеми сферами социальной жизни является исторической необходимостью. Маоистская и другие версии социализма пока смогли устоять. Поэтому преждевременно говорить о крахе всех авторитарно-бюрократических версий марксизма.

Они повлияли и на социал-демократию. Первая мировая война нанесла ей ряд чувствительных ударов. Рухнули все попытки объединить промышленных рабочих в борьбе против войны. А победа революции в России надолго обеспечила интеллектуальную гегемонию коммунистов. III Интернационал стал послушным орудием советских коммунистов. Они способствовали приходу Гитлера к власти и значительно ослабили влияние социал-демократии во всех европейских странах. СССР стал отождествляться с социалистическим обществом, успешно строящим коммунизм. А после победы над Германией Советский Союз провозгласил себя «вершиной мировой цивилизации». Многие европейские интеллектуалы (например, Б.Шоу, супруги Вебб и др.) поверили в этот образ. И даже сообщение о преступлениях сталинского режима не способствовало освобождению от иллюзий таких фигур, как Ж.-П.Сартр.

Короче говоря, идея международного братства рабочих как единого класса рухнула под напором авторитарно-бюрократических тенденций русской революции. Эта идея сошла со сцены и уже не занимает центрального места в социалистической идеологии. После победы революции в России идея о различии путей строительства социализма в разных странах стала господствующей. Однако по мере развития империализма в период после второй мировой войны давление меж-

дународного капитала становилось все более ощутимым в разных странах, независимо от их специфики. Тем самым потребность придания социализму международного характера становится все более актуальной.

Социал-демократия потратила много времени для того, чтобы разрушить отождествление социализма с авторитарными коммунистическими режимами. Следует подчеркнуть, что эта работа не может считаться завершенной. Например, в современной России такое отождествление является стереотипом массовой психологии. И он базируется на веских основаниях. В обозримом будущем вряд ли удастся провести строгую границу между марксизмом, с одной стороны, и множеством его авторитарно-бюрократических интерпретаций, с другой. К ним относятся ленинизм-сталинизм, маоизм, титоизм, кастоизм, разновидности исламского, африканского, латиноамериканского и прочего социализма. На протяжении XX в. эти интерпретации были господствующими. После распада СССР произошло даже их усиление за счет имперских и националистических идеологий (см.: б). И все же наиболее сильные из них уже рухнули, а остальные движутся к окончательному краху.

Социал-демократия развивалась медленно и на небольшом пространстве. Постепенно некоторые социалистические партии приходили к власти в Скандинавии и Западной Европе. По мере становления еврокоммунизма даже коммунистические партии Запада начали заигрывать с демократией. Принципиальное изменение произошло в 1959 г. на съезде социалистической партии Германии в Годесберге. Впервые в истории германская социал-демократия явно отбросила марксизм и высказалась за постепенные демократические реформы.

Однако положительное отношение к демократии — не панацея. Если социализм связывает возможность достижения конечных целей с *демократическими* процедурами, то *его практическое воплощение все в большей степени зависит от множества случайностей*. Конечно, демократическая ориентация противоречит коммунистическому догматизму и авто-

ритаризму. Одновременно она связана с уступками в пользу политического прагматизма. Требуется также культивирование толерантности в отношении множества различных традиций и взглядов внутри самого социалистического движения.

1.3. Возможна ли социалистическая идеология?

Все сказанное позволяет сделать промежуточный вывод: *выработка собственно социалистической идеологии была и остается крайне рискованным делом.* Главная опасность теперь исходит от политического прагматизма.

После прихода к власти в некоторых западных странах социалисты начали обнаруживать те же свойства и стереотипы мысли, которые характерны для либерализма и консерватизма. Тем самым угроза социалистическим идеалам со стороны реальной действительности ничуть не уменьшилась. Связь между теорией и политикой все более слабеет. Например, современные консервативные партии даже не упоминают имен Э.Берка и М.Оакшота, хотя руководствуются их идеями. В то же время существует строгая граница между консерватизмом и социализмом: «Социализм в принципе противостоит всем формам консерватизма, включая капиталистическое общество и либеральную философию «собственнического индивидуализма», которая поддерживает данное общество» (7, 51).

Но такое противостояние становится все более затруднительным. Политические партии (включая социалистические) полностью перешли на содержание собственных правительств, а в России они стали целиком продажными (см.: 8). Профсоюзы всесторонне приспособились к капиталистическим интересам и прибылям. Профсоюзы отстаивают идеал корпоративной организации общества. Для такой организации дифференциация и неравенство социальных групп и классов являются главными принципами. Тогда как социализм отстаивает

вает ценность равенства. Чем более эффективно развивается экономика, тем более политические партии и профсоюзы заинтересованы в том, чтобы «...сосать молоко капиталистической коровы» (7, 35 у. Вхождение профсоюзных лидеров в состав политического истеблишмента стало постоянной темой журналистской и художественной критики. В постсоветской России независимые от руководства предприятий и правительства профсоюзы так и не смогли возникнуть. Защищать отечественных рабочих от властно-управленческого произвола практически некому. Но они и не очень стремятся к независимости.

Короче говоря, современные социалистические партии и профсоюзы настолько приспособились к капиталистической рыночной системе, что ограничивают свои задачи «социальным обеспечением». Тем самым *цель преобразования капиталистического общества отодвигается в неопределенное будущее*. Эта тенденция стирает уже и без того тонкую линию, отделяющую демократический социализм от либеральной социальной демократии. Что же остается от социалистической идеологии?

Марксизм в своих модификациях остается по-прежнему верным традиции критики капитализма. Однако экономическое и политическое поражение СССР до крайности обострило проблему бюрократизации государственного аппарата. Не говоря уже о множестве других проблем, неразрывно связанных с государственным управлением экономикой и социальной жизнью в целом.

В социализме была сформулирована цель «общественной собственности на средства производства и распределения». Однако в СССР эту роль выполняли государственный аппарат и руководство промышленных предприятий. В современной России эта функция осталась за ними по-прежнему. С другой стороны, для социал-демократических партий Запада указанная цель была и остается предметом чистой риторики. Едва они приходят к власти, как эта цель сразу забывается. По крайней мере даже национализация некоторых отраслей про-

мышленности в капиталистических странах Запада на протяжении XX в. (особенно в период после второй мировой войны) была результатом воплощения либерально-консервативной политики, а не следствием деятельности социалистических партий. После второй мировой войны правительства западных стран начали заимствовать и воплощать в жизнь советскую модель связи власти, собственности и идеологии (см.: 9). Но ни одна социалистическая партия не выступила против данного процесса и не предложила никаких конкретных мер по его предотвращению. Само выражение «общественная собственность на средства производства и распределения» устраниено из словаря политики социалистических партий.

Следует ли отсюда, что данная цель потеряла значение для социалистических партий, а их вожди окончательно выродились в клику людей, воюющих за портфели (о чем предупреждал Ж.Сорель в начале XX в.)? Или же социалисты стремятся ее ограничить и связать с другими элементами социалистической доктрины, которая медленно модифицируется под влиянием новых реалий?

Некоторые исследователи отмечают, что в 1980-е гг. начался процесс возрождения социалистической мысли. Социалисты заняты анализом уроков, связанных с распадом мирового коммунизма и неразрешимыми проблемами марксизма. «Социалистическая философия, — пишет А.Райт, — крайне осторожно движется в направлении нового синтеза принципов и способов их возможного применения. Прежде всего сегодня мы имеем дело с множеством «социализмов». Заново открывается богатое наследие социалистической мысли, длительное время, заслоненное слишком простыми панацеями. Идея о том, что существуют различные возможные формы социализма, соответствующие разным временам и обстоятельствам, согласуется с новой верой в свободу, разнообразие и эксперимент. Но сама по себе эта идея была бы неубедительной и неопределенной, если бы она не была одновременно возвратом к традиционным представлениям» (10, 44).

Иначе говоря, современный социализм претендует на воплощение в жизнь и разработку *ценностей либерализма и консерватизма*. Как было показано в первой и второй главах, эти идеологии весьма разнообразны. Современные социалисты стремятся возродить этический социализм. Прежде всего — его главное убеждение: социализм должен базироваться на моральных принципах достойного общества и быть их отражением. Марксизм высмеял и отбросил веру в вечные этические ценности. Однако до прихода к власти марксисты постоянно использовали моральное возмущение пороками капитализма. А после прихода к власти ленинско-сталинской партии в России и учреждения Коминтерна мораль окончательно была подчинена политике. Крах СССР и мировой системы социализма показал, что марксистский проект строительства бесклассового общества, пренебрегающий принципами морали, на практике оказался более утопичным, нежели проекты его социалистических предшественников. В результате утопические представления были и остаются до сих пор элементом политической и властно-управленческой деятельности на всем пространстве бывшего СССР (см.: 11). Поэтому противодействие им на практике и в теории становится значимым направлением разработки социалистической идеологии.

Из истории известно, что моральные цели были необходимым элементом всех видов духовной деятельности, включая мировые религии. Однако абстрактная формулировка моральных принципов уже недостаточна. Они должны реализовываться в повседневной практике. А это требует разработки *принципиально новых теорий экономики, политики и социальных преобразований*. Современные социалисты лишь приступают к такой разработке, обосновывая ее обращением к различным сторонам социалистического наследия и радикально порывая с ленинско-сталинской версией марксизма.

Вряд ли стоит доказывать, что мир сильно изменился по сравнению с той эпохой, когда начали выдвигаться первые

социалистические доктрины. Поэтому следующая часть главы может рассматриваться как очерк некоторых проблем, связанных с разработкой указанных теорий.

2. Мораль как критерий политики

По сравнению с консерватизмом и либерализмом в социализме содержится более позитивная и оптимистическая оценка человеческой природы. Эта оценка питается идеей о том, что моральная ценность каждого индивида одна и та же. Данная идея отражает длительную традицию христианской и гуманистической мысли. В концентрированном виде она выражена в моральной философии Канта. Он исходил из того, что каждый человек должен рассматриваться как цель сама по себе, а не в качестве средства для достижения других целей. Самостоятельность и моральное равенство индивидов отражают фундаментальные свойства универсума, которые Кант обозначил афоризмом: «Звездное небо надо мною, а моральный закон во мне».

Итак, существует убеждение в равной моральной ценности индивида и его способностей. Из него следует право индивида требовать соблюдения данного равенства. Это убеждение не является специфически социалистическим. Для консерватизма характерно одобрение иерархического порядка привилегий и способностей. Либералы одобряют все формы неравенства, которые порождаются свободным рынком. Различие между консерваторами и либералами, с одной стороны, и социалистами, с другой, состоит в том, что последние извлекают из принципа одинаковой моральной ценности индивидов важные экономические, социальные и политические выводы.

2.1. Главные ценности

Наряду с равенством социалисты отстаивают приоритет сотрудничества над соперничеством. Причем сотрудничество должно базироваться на свободном моральном выборе, а не на экономическом и физическом принуждении. Это требование связано с верой в потенциальную доброту людей, которая восходит к пелагианству. Социалисты полагают, что моральный человек может существовать в неморальном обществе, а не наоборот. Отсюда вытекает, что социальные преобразования и институциональные реформы могут способствовать высвобождению полезной человеческой энергии.

Это представление нетрудно подвергнуть критике за нереалистичность. Со времени своего появления социалисты выступали от имени бедного и эксплуатируемого люда. В такой ситуации резонно было предположить: добро будет господствовать в мире, если плохой социальный порядок будет свергнут. Итоги попыток построения идеального общества наглядно показали легковесность веры в естественную доброту людей. В то же время нельзя отрицать, что она может быть главной целью человеческих стремлений. По крайней мере данное представление ничуть не меньше способствовало улучшению человеческой природы, нежели современные версии «первородного греха». Они пропагандируются либеральными теоретиками, убежденными в том, что «... каждый индивид является рациональным эгоистом, механически рассчитывающим собственную материальную пользу в любой ситуации — как в рыночной деятельности, так и в политике» (12, 69).

Этический социализм использует наследство христианства в его протестантской версии. С 1980-х гг. начался и продолжается до сих пор ренессанс идей Р.Тауни — главной фигуры этического социализма. Тауни предсказал нелегкий путь социализма: «На этом пути станут необходимыми как кодекс индивидуального поведения, выдвигающий жесткие требова-

ния, так и комплекс правил социальной организации. Оба они вытекают из одних и тех же принципов социального общежития» (13, 240).

По мнению Таунн, индивиды должны приложить все усилия для развития социальных норм и осуществления институциональных реформ. От этого зависит становление общества, основанного на сотрудничестве, равенстве и достоинстве. И лишь после выработки бескомпромиссных моральных норм, в основе которых лежит провозглашение безусловного приоритета ценности труда, возможно перевоспитание общества. Социалисты должны показать в этом пример, исключив из своей среды лентяев и себялюбцев. Таким образом возможно высвобождение энергии, необходимой для сотрудничества и развития индивидуальных способностей. Это — медленный, но верный путь социализма, свободный от утопии. Он зависит от выработки действительного чувства общности и сопричастности каждого индивида общим делам класса.

Французская революция выдвинула лозунги свободы, равенства и братства. В настоящее время они стали главными социалистическими ценностями. Невозможно отрицать наличие конфликтов между интерпретациями данных ценностей. Свобода противоречит равенству и братству. Отсюда вытекает пристальный интерес современных социалистов к ценности свободы. Но проблема состоит в том, что ценности нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. *Требуется анализ их взаимосвязей внутри целостной социалистической идеологии.*

Для социализма наиболее характерной является ценность равенства. Она стала претендовать на ранг главного социалистического требования после того, как наступило всеобщее разочарование в ленинско-сталинской версии марксизма. Ее воплощение в жизнь в СССР показало, что государственная собственность на средства производства и распределения связана с воспроизводством и усилением неравенства (см.: 14). Разумеется, абсолютное равенство недостижимо и не может

быть серьезной политической целью. В свое время Б.Шоу выдвинул предложение: государство должно давать каждому 1000 фунтов стерлингов ежегодно (с постоянной скидкой на инфляцию), предварительно убедившись, что человек того заслужил. Так что казарменно-распределительные тенденции были типичны не только для советского социализма, но и для европейских «властителей дум». Во всех случаях речь идет о компрометации равенства.

Концепция абсолютного равенства пренебрегает различиями индивидуальных способностей, вкусов и потребностей. Она влечет за собой необходимость жестокого принуждения. Но, несмотря на это, проблема рационального учета индивидуальных потребностей, вкусов и талантов остается крайне актуальной. Всегда существует определенный *предел равенства*, хотя невозможно установить его с абсолютной точностью. Зато можно утверждать: после нарушения этого предела стремление к равенству распадается на множество критериев потребностей и заслуг. Эти критерии тоже согласовать невозможно.

Что же является целью социализма? Выбор должен быть сделан в пользу равенства. Вслед за таким выбором в отношении конкурирующих идеологий может быть выдвинуто политическое требование: «Приведите убедительные для всех аргументы, обосновывающие противоположный подход». Проблема состоит в том, что защитники неравенства всегда найдут аргументы даже для обоснования расовой сегрегации. В современной России аналогичную роль выполняет концепция «этнуса», с помощью которого можно обосновать любой произвол властно-управленческого аппарата. В целях его предотвращения следует требовать, чтобы все аргументы были обоснованы с точки зрения морали. Речь идет о признании универсальности основных человеческих потребностей и стремлений.

Но эта процедура есть только возврат к исходному пункту социалистической идеологии: природа человека и его потребности универсальны. Если же конкуренты не признают этого

положения, возникает ситуация, при которой надо находить средства для прозрения слепых.

Социалисты уже давно обращают внимание на практическую возможность решения таких проблем. При современном капитализме экономические неравенства настолько велики, что для их устранения не требуется подробный разбор конкурирующих потребностей. Например, в США и Великобритании в настоящее время 10% населения располагают 90% всех доходов. В России эта пропорция стала еще более кричащей. Нарастает контраст между богатыми и бедными странами. Почти 70% населения мира находятся в постоянной нищете. Следовательно, стремление к равенству следует понимать как *массированную атаку на существующее неравенство*. Такое положение вещей противостоит самой идее ценности и достоинства человека. Как писал Р.Тауни: «.. после того, как будет построено более достойное и человеческое общество, легче будет решать частные проблемы о дифференциации потребностей и прав» (13, 27).

Следует подчеркнуть, что *стремление к равенству не зависит от развития экономики*. Этические аргументы в пользу равенства не зависят от какого бы то ни было уровня экономического развития общества. Речь просто идет о справедливом распределении общественной собственности и богатства, независимо от его величины. Более того, моральный императив справедливого распределения в тяжелые времена имеет большую социальную значимость, нежели в периоды процветания. Повседневный опыт свидетельствует, что богатые не отличаются сочувствием к ближним. Скорее, наоборот.

По мнению социалистов, либералам не принадлежит монополия на ценность индивидуальной свободы. В первой главе уже упоминалось о разделении свободы на позитивную и негативную. В радикальном либерализме это различие сведено к тезису: только негативная свобода — в смысле отсутствия непосредственного принуждения — обладает ценностью. Тогда как позитивная свобода, понятая как развитие свободы воли и моральной самостоятельности, является

доступной даже для раба. Однако никакие благоприятные обстоятельства недостаточны для того, чтобы индивиды стремились к позитивной свободе: «Возможность пользоваться свободой зависит от масштабов случайностей, доступных для каждого индивида, а также от того, насколько он в состоянии осуществить свободный выбор образа жизни и карьеры» (15, 81).

2.2. Проблема насилия

На протяжении всей истории и в настоящее время существуют различные формы ограничения индивидуальной свободы. К ним относятся государство со всеми его институтами, экономическая система и санкции общественного мнения. Одновременно данные формы несвободы содержат комплекс случайных обстоятельств, способствующих свободе. Кардинальный вопрос состоит в следующем: как изменить данную сеть ограничений и случайностей, окружающих индивида?

Марксисты и радикальные либералы рассматривают государство как источник и аппарат насилия. Несомненно, государство располагает единственной в своем роде силой непосредственного принуждения. В результате возникают наиболее отвратительные формы тирании. Следовательно, каждый социалист должен быть *предельно бдителен* в отношении любого расширения государственной власти от непосредственного насилия до политической и идеологической манипуляций. С учетом опыта воплощения в жизнь лешгаско-сталинской версии марксизма, породившей разветвленный аппарат экономического, политического и идеологического насилия внутри СССР и за рубежом, современный социалист должен подавать остальным гражданам примеры теоретической и практической реализации указанной бдительности.

В то же время нельзя отрицать тот факт, что система капиталистической экономики обладает огромной властью над жизнью и поведением индивидов. Эта власть осуществляет-

ся при поддержке государства. Оно создает и воплощает в жизнь законы, защищающие институты собственности и договора. А богатство, в свою очередь, дает возможность громадного политического влияния.

И. Берлин пишет: «История экономического индивидуализма отмечена кровью и железом. Она привела к грубейшим нарушениям негативной свободы. Поэтому сохраняет свою силу рациональный аргумент в пользу вмешательства государства или других успешно действующих сил. Такое вмешательство должно гарантировать для индивидов как позитивную, так и негативную свободу, хотя бы в минимальных размерах» (16, 56). Эти строки были написаны в 1969 г., тогда еще существовала надежда на то, что государство сможет обуздать и ограничить капитализм. Однако развитие радикального либерализма (или либертшизма) на протяжении последнего 30-летия в очередной раз доказало бесплодность такой надежды. Следовательно, социализм должен обратиться к разработке такой концепции свободы, которая связана с человеческим опытом и повседневной жизнью. При этом либеральное требование о соблюдении права собственности как предпосылки свободы становится все более анахроничным.

Иначе говоря, социалист может поддерживать повышение роли государства. Но эта поддержка связана с тем, насколько государство в состоянии устранять вопиющее неравенство. Государство должно последовательно бороться с любой экономической властью и увеличивать сферу возможностей индивидов. Особенно бедных, «униженных и оскорбленных». Свободный человек не может согласиться с тезисом Ф. Хайека: существующий экономический строй является поистине аморальным, но вмешиваться в него нельзя, поскольку это приведет к росту государственного насилия в недопустимых размерах. Хайек просто эпигонски повторяет аргументы Гоббса. С той лишь разницей, что для Гоббса анархия была пугалом, тогда как для Хайека таким чудовищем является государственная власть.

Проблема равновесия между насилием и свободой останется вечной. В то же время предпосылки для ее анализа многообразны. Одну из них сформулировал Т.Грин в виде вопроса: кто является более несвободным — богатый человек, который обязан платить высокие налоги, или бедная семья, которая не может обеспечить здоровье и образование детей? Т.Грин верил в благодетельность государства и считал, что оно должно устранять преграды на пути к достойной жизни. Прошедшее столетие подорвало эту веру. Однако в этическом социализме сохраняется аристотелевское убеждение в том, что государство должно поддерживать индивидуальные способности саморазвития и реализации личности. В этом требовании выражено также отличие от либерализма, который полагает достойную жизнь предметом исключительно индивидуального выбора и вкуса.

Ранние социалисты питали иллюзии о высшей ценности образования и культурного развития индивидов. В рамках социалистического движения возникла традиция кружков самообразования, воскресных школ и т.д. Однако опыт создания «рабфаков» в СССР показал, что система образования может быть использована для небывалого расширения поля идеологической индоктринации. Кроме того, по мере развития средств массовой информации стремление к приобретению действительного образования и культуры все более поддается древним принципам «хлеба и зрелищ». Поэтому у социализма нет альтернативы, кроме выработки *программы противодействия* систематическому оболваниванию населения со стороны коммерческих и государственных средств информации.

Без воплощения таких программ в жизнь «.. невозможно достичь ответственного гражданства, без которого невозможно создание социалистического мира демократическим способом» (17,101). Ответственное гражданство предполагает обогащение свободного времени. Но не только. Социалисты выдвигают также требование преобразования всей системы труда таким образом, чтобы она способствовала выработке чести,

(ответственности и достоинства на каждом рабочем месте. Этот идеал не смог воплотить ни ленинизм-сталинизм, ни современный капитализм. Следовательно, государственная монополия на образование и средства массовой информации не способствует развитию индивидов. Она обслуживает либо рынок, либо государственную власть. Обе функции отвергаются социалистами.

2.3. Братство и преобразование власти

Братство — третья ценность социализма (см.: 18,98—106). Она выполняет функцию основания для воплощения и согласования равенства и свободы. Тауни считал братство основной ценностью и называл ее «общностью». Речь идет о добровольно взятом на себя обязательстве взаимной заботы.

В прошлом братство ограничивалось рамками промышленного рабочего класса, состоящего преимущественно из мужчин. Оно воплощалось в формальном и неформальном сотрудничестве и взаимопомощи (общие кассы, союзы, рабочие клубы, культурные фестивали и т.д.) Все это было направлено на пробуждение чувства солидарности рабочих и противопоставлялось холодному индивидуализму и расчетливой благотворительности буржуазии. Однако такое братство ограничивалось замкнутым характером групп и мужским шовинизмом. Поэтому современные социалисты стремятся разрушить все барьеры, стоящие на пути к братству. Эти барьеры определяются половыми, этническими, национальными и имущественными различиями (см.: 19).

Проблема братства будет рассмотрена в главах, посвященных коммунитаризму и феминизму. Здесь я затрагиваю только некоторые аспекты, значимые для этического обоснования социалистической политики.

эД'Можно исходить из того, что моментально сломить полные, этнические, национальные и имущественные барьеры на пути к братству невозможно. Поэтому социализм вынужден идти путем постепенного расширения сферы взаим-

ного понимания. При этом в первую очередь должны учитываться потребности слабых и бедных групп. Затем надо создавать политические институты для уменьшения напряжения между группами. Ни капиталистическое государство, ни советский вариант социализма здесь помочь не могут. В лучшем случае они культивируют холодную бюрократическую любезность. А выработка чувства братства невозможна без непосредственного и постоянного контакта с другим человеком. Характерно, что в последние десятилетия как либералы, так и социалисты проявляют усиленный интерес к проблематике локальных общностей. Это свидетельствует о трудности конституирования братства в более широких масштабах. Но тот же процесс можно рассматривать как попытку возрождения социалистического наследия непосредственной (прежде всего трудовой) общности.

Главная моральная проблема социализма состоит в том, что стремление к братству обычно вело к его отрицанию. Эта проблема является крайне острой для революционного социализма. Наиболее отрицательным примером был и останется ленинизм-сталинизм. В результате его практической реализации социализм достиг вершины своего развития в условиях полного уничтожения социальных связей, независимых от государственного вмешательства. А современный переход к капитализму в России еще больше способствует разрыву таких связей.

В то же время эта проблема является универсальной. Ни один мыслитель не дал ответа на вопрос: как согласовать идеал добровольного сотрудничества с использованием государственной власти? Правда, социалисты показали, что рост государственного насилия проявляется не столько в непосредственном принуждении, сколько в бюрократизации всех направлений государственной власти, регламентации социальных отношений и манипуляции общественным мнением. Право собственности до сих пор существует в условиях неравенства и нестабильности. Поэтому его защита с помощью средств принуждения ведет к действиям ничуть не менее реп-

рессивным по сравнению с репрессиями, которые осуществляются по политическим мотивам.

Таким образом, проблема государственного насилия выдвигается в число центральных проблем социалистической мысли. В марксизме была сформулирована идея отмирания государства при коммунизме. И многие социалистические идеалисты верили в то, что развитие производительных сил позволит решить все экономические проблемы. И тогда каждый индивид вступит в «царство свободы», в котором будет процветать как индивидуальная свобода, так и свободная общность людей. Не говоря уже о добровольно избираемой и сменяемой профессии и свободном времени как мере развития индивидуальности. Такой проект будущего общества содержится в работах Маркса. И нельзя утверждать, что все социалисты от него освободились.

С другой стороны, М.Бубер выдвинул идею постепенного преобразования политической власти в социальную власть (см.: 20). И многие социалисты верят в эту идею. Речь идет о мирной революции снизу, в рамках которой создаются общины по типу производственных коммун. Эти коммуны по мере распространения преобразуют общество изнутри. Однако христианский мыслитель не был оригинален. Он просто переписал заново концепцию корпоративного или цехового социализма. Она восходит к практике представительства интересов средневековых корпораций в структурах городского самоуправления. В корпоративном социализме тоже пропагандируется создание системы рабочего самоуправления, которая пронизывает промышленность снизу доверху. В современном обществе отголоском таких взглядов является создание союзов потребителей. Однако все они разбиваются при столкновении с жестокой реальностью. В ней господствуют не производственные кооперативы, а органы государственного планирования и социального обеспечения. Они создаются сверху, а не снизу. Для социалистов такое состояние вещей выглядит как отход от подлинной общности и сотрудничества.

В социализме более ста лет продолжается спор между сторонниками централизованного планирования и адептами социализма «снизу». Первые обычно подчеркивают значение равенства и производительности труда. Вторые настаивают на свободе и солидарности. До сих пор большинство таких споров выигрывали сторонники централизма. Действительно, социализм — в отличие от классического либерализма и консерватизма — настаивает на необходимости целостных и радикальных социальных изменений. С этой точки зрения поддержка всех преобразований, которые проводятся сверху, соответствует сути социализма. Даже наиболее либеральные социал-демократы не свободны от веры в эффективность централизованного планирования. А эта вера способствует укреплению государственной власти. И никакая децентрализация пока не в состоянии сломить эту тенденцию. Правда, предпосылки для противодействия ей формируются в современном анаρχизме. Они будут рассмотрены в соответствующей главе.

Путь к братству отягчен не только внешними барьерами, но и внутренними помехами. От сторонников других идеологий социалисты отличаются страстной верой в дело, которому они служат. Я имею в виду действительных последователей социализма, а не тех, кто принадлежал к коммунистическим и социалистическим партиям принудительно, в зависимости от конъюнктуры или карьерных соображений. Хорошо известно, что всякая страстная вера затрудняет толерантность. Внутри социалистического лагеря всегда существовали споры о целях и средствах. В ленинизме-сталинизме они заканчивались репрессиями, вплоть до массового уничтожения сторонников другой версии социалистической идеологии. При таких условиях братство кажется досужей выдумкой.

Существуют и принципиальные вопросы, уступка в которых невозможна по определению. Причем различия во мнениях в этом случае раскалывают даже группу соратников, не говоря о противниках. Принцип толерантности в этом случае

не действует. Но отсюда не следует запрет свободы выражения различных взглядов. Единственной гарантией против такого запрета и употребления власти во зло являются самостоятельно мыслящие граждане. Однако их воспитание — с учетом совершенствования средств манипуляции сознанием — остается делом будущего.

Я не исчерпал всех проблем, связанных с этическим обоснованием социализма. Если мораль полагать основанием социалистической идеологии и политики, то как определить социализм?

2.4. Дефиниция

Существует множество определений социализма. Одни из них подчеркивают общественную собственность на средства производства и распределения, другие — необходимость централизованного планирования, третьи конструируют очередные проекты будущего общества. В контексте наших рассуждений наиболее предпочтительной является дефиниция, в которой равенство и свобода выступают во взаимосвязи: «Социализм — это создание такого социального порядка, при котором существует максимально возможное равенство доступа всех людей к экономическим ресурсам, знаниям и политической власти, а также сведенное к абсолютному минимуму господство одного индивида или социальной группы над всеми остальными» (21, 190).

Нетрудно заметить, что эта дефиниция акцентирует необходимость максимального рассеяния власти в обществе. Такое требование ранее выдвигал рыночный либерализм, но не смог его реализовать.

В определении подчеркивается также ограниченный характер политических прав, если они связаны с неравенством экономической власти. Фиксируются ограничения демократии, если она не используется на месте работы и в зале заседаний. Обращается внимание на то, что понятие гражданства

должно быть расширено на сферы социальных и экономических прав.

Все это крайне отличается от традиционного понимания социализма. Если целью ставится создание указанного социального порядка, то понятие братства переплетается с политическим контекстом «ответственного гражданства», концепт которого разрабатывается в коммунитаризме.

3. Как достичь благосостояния?

Благосостояние людей — главная тема социалистов. Они всегда ставили на первое место достойную жизнь всех, а не только богатых индивидов. На протяжении XX в. нарастал кризис окружающей среды. Сегодня он достиг критической точки. Поэтому социалисты расширили тему благосостояния на потребности будущих поколений и общее качество жизни всех людей, в том числе и богатых. При этом социал-демократия поддерживает идею автономии индивидов и их ответственного участия в социальной и политической жизни. Современный социализм стремится к обогащению политических концепций в сфере благосостояния общества и демократических процедур.

Однако для современного мира характерно пренебрежение к указанной теме и вытекающим из нее приоритетам. Социалисты всегда критиковали капитализм за расточительство и неэффективность. Сегодня эта критика усилилась, поскольку международная экономическая система вступила в эпоху «капитализма казино». Он увеличивает число человеческих трагедий, обусловленных массовой безработицей и экономической нестабильностью. Целые общества и государства ввергаются в пучину социальных бедствий вследствие финансовых решений. Они принимаются небольшими группами людей, находящимися к тому же на расстоянии

многих тысяч километров от мест, на которых разыгрываются социальные катаклизмы. Грабительская эксплуатация природных ресурсов привела к катастрофическим последствиям в сфере экологии. Социалисты пытаются в систематическом виде описать комплекс данных явлений и предложить рекомендации по их устранению. Прежде всего это относится к сфере экономики.

3.1. Экономические альтернативы

Не только в общественном мнении, но и среди специалистов-обществоведов бытует убеждение в том, что капитализм располагает целостной экономической теорией. Эта теория сводится к доказательству нехитрого постулата о всеобщей полезности общего результата обмена в рамках рынка, подчиняющегося законам свободной конкуренции. Однако современная капиталистическая система совершенно противоречит данному постулату. В ней господствует неравенство индивидов и групп, а экономическая власть сосредоточена в руках небольшого числа лиц. Например, теория свободной конкуренции не в состоянии объяснить тот факт, что средства массовой информации во многих странах (включая Россию) принадлежат нескольким собственникам. Видимо, не надо специально доказывать, что СМИ — канал информации и образования всех граждан. Между тем журналистские боссы считают его еще одной отраслью промышленности. И многие экономисты им в этом помогают.

Между тем Р.Хейлбронер показал: «Неоклассическая рыночная теория есть не что иное, как удобное обоснование интересов капитализма как господствующей формы общества. Эта форма обладает специфической динамикой и стремится 'расширить возможности личного обогащения» (22, 341). % Безусловно, развитие капитализма привело к общему подъему уровня жизни в капиталистических странах. Это относится прежде всего к продуктам питания, одежде и предметам домашнего обихода. Но из этого факта авторы типа

Ф.Хайека и М.Фридмана делают вывод: дальнейший рост капитализма приведет к еще большему росту благосостояния людей. Но этот вывод не подтверждается действительными процессами социальных и институциональных изменений. Отметим лишь некоторые из них.

Прежде всего речь идет о росте производства статусных благ, связанного с ним способа потребления и его пропаганды через СМИ. Такие блага либо предназначены для узкого круга лиц, либо их предложение ограничено. Такое производство сужает конкуренцию и влечет за собой уничтожение естественной среды обитания. Между тем число автомобилей, яхт, дач, вилл и других личных благ постоянно возрастает. Их производство меняет направление экономического развития. Вследствие этого еще больше увеличивается социальное неравенство. Ограничивается доступ людей к основным ресурсам земли и воды. Новые технологии используются для производства все более рафинированных предметов личного потребления. Вследствие этого уменьшается численность рабочей силы и падает занятость. Для благосостояния людей наиболее важными являются такие отрасли, как сохранение естественной среды, реконструкция городской инфраструктуры, социальные службы, создание домов для престарелых и безработных. Однако даже в богатых странах эти отрасли финансируются по «остаточному принципу».

Есть ли альтернатива такому развитию событий? Социализм всегда был более силен в критике капитализма, нежели в разработке концепции совершенно иного социального строя. Некоторые социалистические и социал-демократические партии западных стран во второй половине XX в. считали такой альтернативой кейнсианство. Действительно, Кейнс много писал о рассогласовании процессов накопления и инвестирования и вытекающей отсюда безработице. Для преодоления этой тенденции Кейнс считал необходимым разработать программу инвестиций в социальную сферу. Ее воплощение в жизнь оказалось связано не столько с реальным

помощью бедным людям, сколько с громадным ростом бюрократии, занятой социальными вопросами. По крайней мере еще никто не подсчитал возникающие здесь диспропорции.

Это предложение Кейнс высказал еще в период между первой и второй мировыми войнами. После второй наступил период высокой занятости, а вместе с ним началась инфляция заработной платы и цен. Для объяснения этого процесса теоретики свободного рынка выдвинули постулат: если бы нарушение рывка (в виде заработной платы) было сведено к нормальному уровню, то капиталистическая система по-прежнему функционировала бы эффективно, хотя и за счет высокой безработицы.

Однако такой вывод не является удовлетворительным. В нем не учитывается громадное институциональное окостенение всей экономической системы капитализма. Если считать вмешательство государства панацеей, то его деятельность должна состоять в корректировке всей системы инвестиций. Следовательно, средство от инфляции должно принимать форму закона, регулирующего политику доходов и цен. Тем самым вся система экономических институтов подлежит пересмотру, в результате которого функционирование капитализма должно измениться.

Если даже согласиться с таким выводом, то для социалистов он представляет очередную модификацию пустого реформизма. Например, А.Пшеворски пишет: «Если социализм состоит в полной занятости, равенстве и производительности труда, то шведские социал-демократы ближе всех к его достижению, особенно если они решатся обобществить большую часть промышленности» (23,243). Пшеворски признает необходимость этого шага и даже полезность, но не считает его социализмом. Д.Донн определяет социализм как кардинальное культурное изменение всех человеческих отношений (см.: 24,106). Правда, остается неясным, как реализовать тот и другой проекты — полную занятость, равенство и высочайшую производительность труда вместе с кардинальным культурным преобразованием всех человеческих отношений. Сколь

бы ни были они привлекательны, эти проекты остаются в сфере утопии.

Иначе говоря, традиция социалистической утопии, связанная с формулировкой возвышенных социальных идеалов, но крайне слабая в их практической реализации, существует и в настоящее время. Однако само наличие данной традиции позволяет поставить реальную проблему: до какой степени современные социалисты убеждены в возможности «общественной собственности» и не является ли она признаком единства социализма с капитализмом?

3.2. Общественная собственность и рыночный социализм

Прежде чем отвечать на этот вопрос, надо отметить, что в Швеции сделаны решительные шаги на пути реализации всех социалистических идеалов — равенства, свободы и братства. В Швеции политика полной занятости давно стала главным направлением деятельности правительства. Она способствует сохранению достоинства человека труда и увеличивает его свободу. Кроме того, шведская политика в сфере заработной платы предусматривает систематическое отчисление от заработной платы высококвалифицированных рабочих в пользу малоквалифицированных. Тем самым реализуется ценность братства и равенства. В Швеции широко развита социальная служба, что также способствует равенству людей и устранению тех форм неравенства, которые связаны с различиями индивидуальных способностей людей. В том числе и со случайностями, от которых не застрахован никто.

Правда, шведская модель социализма вызывает противоречивые оценки. Одни авторы полагают, что она ведет к ослаблению семьи и локальных связей людей, другие авторы пишут об укреплении семейных связей (см.: 2S). Оба вывода

подтверждаются фактами, так что можно исходить из того, что шведская модель социализма вызывает как положительные, так и отрицательные последствия.

Повышение степени участия рабочих в управлении производством — следующий шаг к социализму в рамках капиталистического строя. Такие действия укрепляют чувство общности в профессиональных группах и оставляют простор для индивидуальной автономии. Однако их успешность зависит от технологии. Как известно, она может способствовать полному отупению рабочих и увеличению их независимости одновременно. Эмпирические исследования показали, что участие рабочих в управлении производством нередко ведет к повышению производительности труда. И в то же время наталкивается на сопротивление менеджеров, стремящихся сохранить за собой руководящую роль в управлении производством. Профсоюзные лидеры тоже сдержанно относятся к такому участию, поскольку оно подрывает их роль посредников между работодателями и рабочими. В любом случае введение новых технологий способствует появлению более самостоятельных форм труда. Однако руководство обычно предпочитает технологии, которые ограничивают роль и умения рабочих (см.: 26; 27).

Иначе говоря, «экономическая демократия» не является исключительной принадлежностью социализма. Ее вполне могут поддерживать либералы типа Р.Даля (см.: 28). Тогда как социалисты настаивают на необходимости развития различных форм трудовой кооперации, усматривая в этом реализацию специфических социалистических ценностей. В любом случае речь идет о провозглашении «общественной собственности» главной целью.

Но эта цель корреспондирует не столько с социалистической идеологией, сколько с фактическим обобществлением производства. Оно обусловлено содержанием системы образования, результатами научных исследований в сфере организации и управления и связанными с ними многообразными трудовыми навыками и профессиональными умениями. В лю-

бом случае требуется осуществлять выбор между альтернативными формами технологии и организации. Поэтому экономическая или производственная демократия не может считаться полной и завершенной моделью управления промышленностью.

Данный вывод переплетен с вопросом о «рыночном социализме». Сам термин является двусмысленным, хотя имеет широкое хождение. Прежде всего потому, что большинство социалистов отождествляет рыночную систему с капитализмом. Если принять данный термин всерьез, то это значит, что рыночная система должна господствовать при социальном строе, к которому стремятся социалисты. Бессмысленность такого толкования не нуждается в доказательстве.

В то же время конкурирующие рынки являются реальностью современного мира. Конкуренция способствует тому, что рынок становится эффективным каналом информации об интересах и вкусах потребителей. Причем речь идет об индивидуальных благах, а не товарах общего пользования. Как известно, в Советском Союзе была реализована наиболее последовательная попытка разделить решения о производстве и потреблении. К чему она привела — не надо разьяснять. Но отсюда не следует, что нынешний переход к капитализму на пространстве бывшего СССР устраивает всех социалистов.

Значительная часть современных социалистов отрицательно относится к любой форме социального строя (как бы он ни назывался), если она транслирует получение прибыли и удовлетворение своекорыстия отдельных групп за счет трудящихся масс. Взамен предлагается модель экономики со следующими свойствами: все проблемы производства решаются рабочими отдельных предприятий, которые объединяются в союз производителей; прибыли каждого предприятия ограничиваются в соответствии с принципом справедливости и потому не играют значительной социальной роли; производственная демократия становится нормой функционирования экономики; она обеспечивает такую переориентацию ин-

СОЦИАЛИЗМ

вестиций, которая гарантирует реализацию социальных приоритетов и сохранение природной среды; существует единая программа использования рабочей силы, в соответствии с которой рабочая сила направляется в те отрасли, которые связаны с реализацией социальных приоритетов; прибыль и рентабельность таких отраслей не является обязательной; существует специальный орган для координации действий предприятий, дающих доход, и социальных служб, которые содержатся за счет налогов; существуют строго установленные экономические и социальные приоритеты, которые при любых обстоятельствах преобладают над индивидуальным потреблением; правительство сохраняется только для координации и поддержки указанных форм активности, каждая из которых не требует непосредственного вмешательства государства; поэтому государственный аппарат либо ликвидируется, либо сводится к абсолютному минимуму (в зависимости от обстоятельств).

Такая модель экономики резко модифицирует капиталистическую рыночную систему, устраняет ее злоупотребления и воплощает значимые социальные ценности, полностью отсутствующие или пренебрегаемые при капитализме. Одновременно социалистическая экономика сохраняет конкурентную и распределительную функцию рынка. Например, Д.Миллер предлагает такую модель «рыночного социализма», при которой существует система рыночной конкуренции между самоуправляемыми объединениями рабочих. Они получают капитал от инвестиционных банков, которые являются общественной собственностью и одновременно подвергаются постоянному контролю со стороны независимых органов: «Таким образом происходит обобществление капитала, а собственность на производственное оборудование распределяется среди рабочих, хотя эта система по-прежнему мотивирована механизмами цен и прибыли» (29, 163).

Иначе говоря, в этой модели регулирующая роль капитала сохраняется для того, чтобы обеспечить максимум конкуренции. Такая политика помогает также сохранить малые фир-

мы, поскольку они обеспечивают максимальные возможности для развития рабочего самоуправления. Одновременно главная масса капитала направляется на региональное развитие и охрану среды.

Нетрудно заметить, что предлагаемая модель социалистической экономики обостряет проблемы управления инвестиционными банками и сохранения малых фирм в условиях современной технологии. Но главные проблемы имеют политический характер: как обеспечить переход к совершенно новой системе экономики? как предохранить от злоупотреблений новые центры власти, которые появляются при такой системе?

3.3. Вопросы без ответа

Ясно, что предлагаемая модель выходит далеко за рамки обычного реформизма, который стремится к улучшению, а не преобразованию капиталистического строя. Цели так понятой социалистической экономики являются достаточно радикальными и выходят за пределы капитализма. Это видно на примере многочисленных конфликтов, которые возникли в связи с планами реализации собственности производителей даже в относительно благоприятных условиях Швеции. Сторонники либеральной демократии обычно полагают, что производственные кооперативы и союзы производителей можно создавать в рамках капиталистических институтов. Однако эти институты представляют собой крайне жестокую форму экономической власти. Опыт показал, что она является убийственной для любых объединений рабочих, которые движимы иными мотивами и обладают значительно меньшими размерами по сравнению с центрами капиталистического бизнеса.

Поэтому многие современные социалисты отрицательно относятся к самому понятию «социализма, возможного для воплощения» (см.: 30). Оно сохраняет рынок, прибыль и кон-

курению. Кроме того, идеал абсолютно добровольного сотрудничества не может быть воплощен без экономического изобилия. А такого в современном мире не существует. В социалистическом идеале проблема производства решена только в воображении. Ибо предполагается, что индивид может свободно избрать способ жизни, соответствующий его личной самореализации. Со времен Маркса социалисты поддерживают экономическое развитие, поскольку оно приближает наступление социалистической эры. Следует подчеркнуть, что цель добровольного сотрудничества сохраняет свою актуальность, поскольку она связана с обеспечением достойных материальных условий жизни для всех граждан. Тем не менее эта цель по-прежнему остается отдаленной.

Современные социалисты симпатизируют ценностям постматериалистического общества. Они выступают за сохранение природной среды. Взамен обычного умножения все новых потребительских товаров предлагают концепцию качества жизни, в которой духовные блага преобладают над материальными. Говорят о необходимости поднять авторитет честного, достойного и самостоятельного труда. Требуют отказа от множества сомнительных торговых сделок, заключаемых государством. Все это завершается призывом ограничить экономический рост.

Такое ограничение неизбежно потребует дополнительных расходов. Социалисты выступают за то, чтобы они были распределены между классами и группами населения в соответствии с критерием справедливости. При этом на первом месте должно стоять удовлетворение основных материальных потребностей. Постматериалистическое общество создает для людей новые возможности и шансы развития. Социалисты требуют, чтобы они не ограничивались вкусами радикальных представителей среднего класса.

Все эти требования и постулаты относятся не столько к будущему, сколько могут быть обнаружены в прошлом. Речь идет о социалистическом идеале скромной и простой жизни. Накопление богатства в ней не имеет большого значения. На

первое место выдвигается культивирование индивидуальных способностей и форм общественной жизни.

Можно ли реализовать проект социалистической экономики? По крайней мере попытки в этом направлении наталкиваются на ряд трудностей. Прежде всего потому, что современное общество совершенно противоречит социалистическим идеалам. В нем доминируют центры международного капитала, а проблемы стран «третьего мира» и природной среды становятся главными. Современный мир не имеет ничего общего с обстоятельствами, при которых русские большевики во главе со Сталиным выдвинули лозунг «строительства социализма в одной стране». А китайские и другие последователи его подхватили и пытались реализовать. Все пути закончились крахом.

С другой стороны, не составляет труда составить длинный реестр проблем, неразрешимых в условиях капиталистического общества. Именно в них и содержится слабый огонек надежды на движение в направлении социалистических идеалов, охватывающее множество стран и народов. Не исключено, что на этом пути придется воспользоваться новыми формами «смешанной экономики», если они смогут помочь в создании общества будущего.

Для этого социалисты должны прежде всего отвергнуть либеральные концепции, связывающие капитализм с добродетельной формой экономического развития. Требуется *разработанная система доказательств* того, что даже периоды процветания капитализма деформируют отношения, деятельность и сознание громадных масс людей. Ведь большинство из них до сих пор руководствуются своекорыстием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Не говоря уже о множестве других свойств, которые способствуют выработке безразличия к неотложным социальным потребностям.

В настоящее время существует огромная литература, которая может служить материалом для указанной системы доказательств. А Россия и другие страны, реализующие лозунг «Назад к капитализму», дают такое число отрицательных приме-

СОЦИАЛИЗМ

ров, которые и в голову не приходили наиболее последовательным критикам капитализма. Задача социализма — выработка и обоснование теории человеческого благосостояния, на основе которой можно определять, оценивать и достигать тех социальных целей, невозможность реализации которых показывает почти двухсотлетний опыт существования капитализма.

Таким образом, даже проект социалистической экономики не является завершенным. Его создание порождает многочисленные теоретические и практические проблемы. Нет определенного ответа на вопросы: как достичь и поддерживать равновесие между центральным планированием и местными инициативами? возможно ли вообще равновесие между разными формами экономической организации общества? как согласовать систему государственных налогов с совокупностью законов, не поддающихся систематизации? Хотя общий ответ на эти вопросы уже существует: «Социалисты не могут пренебрегать экономическими вопросами эффективного распределения, размещения, калькуляции и оценки, хотя всегда будут рассматривать эти вопросы на основе ценностей, принципиально отличающихся от капиталистических. Социализм не располагает добродетелью исчерпывающей экономической теории. Однако с этой точки зрения мнимое преимущество капитализма в значительной степени базируется на методологической иллюзии. Неоклассическая экономическая теория достигла элегантной целостности благодаря абстрагированию от социальных и институциональных условий. Но любая теория, которая зависит от целенаправленного совокупного действия, по необходимости обязана быть более прагматической и институциональной. Отсюда следует, что она хуже абстрактной экономической теории» (30, 213).

Стало быть, однозначная и строго определенная теория совокупного действия невозможна. Результаты такого действия зависят от множества мотивов, средств и действительных-способностей общества формировать свою судьбу и будущее.

4. Общество и государство

Стремление КПСС воплотить в жизнь ленинско-сталинскую версию марксизма привело к созданию мощного репрессивного и бюрократического государства. Но этот факт либералы, начиная с Л.Мизеса и Ф.Хайека, использовали для создания главного жупела антисоциалистической пропаганды. Речь идет о перманентном кликушестве на тему полезных результатов «свободного рынка» и удручающих последствий «централизованного планирования».

На протяжении последнего десятилетия либеральные шаманы получили дополнительный импульс для пляски. В СССР и других странах Восточной Европы рухнул социально-политический строй, присвоивший себе имя «социалистического». Три четверти XX в. он выступал как главный соперник капитализма. Однако конфронтация между ними является мнимой. Прежде всего потому, что организованный капитализм почти не имеет ничего общего с теорией свободного рынка. Государства западных стран заимствовали опыт своего многого конкурента. И начали вмешиваться во все стороны социальной жизни. Кроме того, современные социалисты считают, что некоторые страны Западной Европы подошли значительно ближе к воплощению социалистических ценностей, нежели СССР и другие государства «восточного блока». Для такого вывода существуют веские основания.

4.1. Строительство снизу

По отношению к государству в современном социализме существуют две тенденции:

1. Решительная критика государства, независимо от специфики его форм.
2. Гипотеза о том, что социализм не может обойтись без использования сильной и эффективной политической власти.

Обе тенденции подтверждаются многочисленными фактами политического развития в XX в. Поэтому социалисты стремятся использовать власть прежде всего для искоренения злоупотреблений, присущих экономике и политике капитализма и ленинско-сталинской версии социализма. Если власть рассматривается как единственный способ изменения экономической системы, то социалисты вынуждены доказывать, что современные государства Запады слишком слабы. Они зависят от специфических сил рынка и интересов организованного капитализма. Тем более, если учесть его международный характер и влияние.

С другой стороны, социалисты стремятся «облагородить» власть. Она рассматривается как средство помощи индивидам в достижении материального благосостояния и шансов самореализации. Власть обязана защищать людей от настоящих и будущих последствий деградации природной среды, устранять безработицу, создавать новые рабочие места и т.д. Для обоснования такого образа власти социалисты вынуждены ссылаться на положительные примеры ее использования. Речь идет о правовом регулировании социальных отношений, государственных налогах, субсидиях, системе стимулирования, научных исследованиях, образовании, технической экспертизе и т.д. Все это должно быть направлено на более достойные цели.

Социалисты не теряют веры в возможность коллективной организации здравоохранения и образования. Пишут о положительной ценности братства при поддержке общественного имущества — улиц, парков, институтов культуры и отдыха, общественного транспорта. Все это противопоставляется расточительству и неравенству общества, в котором доминирует индивидуальное потребление. «Но эта вера, — пишет Б.Барри, — не связана ни с какой органической и идеалистической теорией государства и не отрицает ценность индивидуального выбора. Однако индивидуальный выбор всегда структурирован. Роль государства состоит в изменении параметров, на основании которых делается такой выбор.

Например, государство может изменить баланс доходов и расходов в пользу общественного транспорта, а не личных автомобилей. Тем самым оно должно поддерживать интересы цивилизации в целом, а не гарантировать права собственности и их бесконечный рост» (31, 45).

Приведенная картина, конечно, вдохновляет. И все же не дает ответа на вопрос: как должны осуществляться социалистические преобразования для того, чтобы они принимались добровольно большинством граждан? Ленинско-сталинский социализм был связан с «революцией сверху» и навязыванием своих целей всем жителям громадной страны. Переход к капитализму в современной России опять-таки осуществляется сверху. Но из истории известно, что такой способ поведения типичен для фашистских, авторитарных и элитарных политических движений и правительств. Можно ли от него освободиться и сколько времени это потребует?

По крайней мере современные социалисты выдвигают на первое место постулат: *демократические формы участия и контроля должны существовать на всех уровнях государства и экономики*. Имеются в виду такие формы децентрализации власти, как рабочие кооперативы, участие в производственных решениях, независимость локальных властей, непосредственное участие клиентов в функционировании здравоохранения и образования.

4.2. Возможен ли безгосударственный социализм?

Эти идеи могут рассматриваться как поворот современного социализма к традиции анархизма. Однако данная тенденция требует уточнения: как понимать децентрализацию в действительных условиях современного мира? Конечно, можно дать полную свободу действия всем низовым структурам, как властно-управленческим, так и профессиональным. Однако если они отстаивают только свои интересы, то это ведет

к воспроизводству и усилению существующего неравенства (см.: 32). Для его предотвращения требуется сохранение определенных структур контроля и распределения средств на центральном уровне государственной власти. Перечень таких структур пока не установлен. Кроме того, для реализации множества экономических и экологических целей в современном мире требуются структуры международного уровня. Э. Лунар в книге «Социализм без государства» показал, что создание таких структур постепенно приведет к делегитимизации большинства направлений государственной деятельности (см.: 33). Однако процесс упразднения традиционных государственных министерств и ведомств затянется на неопределенное время. И хотя страны Европейского Союза вступили на этот путь, каждый шаг вызывает ожесточенное сопротивление со стороны властно-управленческого аппарата государств. Для поддержания статус-кво он инициирует социальное недовольство местных производителей. Не говоря уже о манипулировании лозунгами патриотизма и национализма. Во всяком случае перспектива появления социалистической политической власти не может быть реализована без учета существующих реалий. Главная из них — наличие экономической власти в рамках каждого государства.

Можно допустить, что для решения проблемы чрезмерной централизации необходимо введение социализма сразу в нескольких высокоразвитых странах: «Такой социализм способствует реструктуризации экономической системы и использованию поразительной эластичности и изобретательности современных технологий. Данные мероприятия необходимы для создания *относительно небольших и самодостаточных политических организмов*. Они связаны между собой таким образом, который одновременно усиливает и уменьшает их взаимную зависимость» (34, 162).

Нетрудно увидеть связь тезиса о самодостаточных политических организмах с идеями анархо-коммунизма П.А.Кропоткина. В частности, русский князь был первым крупным теоретиком анархизма, который критически проанализировал

идеи своих предшественников: «В этом он усматривал одну из возможностей преодолеть утопизм анархизма. От анархистов-индивидуалистов Кропоткина выгодно отличает стремление превзойти индивидуализм как исходный принцип построения социальной теории» (35,124). Что касается утопичности анархизма, то этот вопрос будет детально рассмотрен в соответствующей главе. А здесь я хотел бы подчеркнуть: современный социализм солидарен с анархизмом в стремлении выйти за пределы индивидуализма.

При этом идея самодостаточных и небольших политических организмов обосновывается эстетическими и культуротворческими соображениями. «Большие социальные образования, — пишет Э.Шумахер, — являются эстетически отталкивающими. Красота — свойство малого, а не грандиозного» (34, 99). Только малые социальные общности создают условия для стабильности, автономии и братства. Они культивируют такие системы труда и свободного времени, которые отличаются индивидуальным творчеством и заботой об окружающей среде. В данных общностях значение производства и торговли падает, поскольку эти направления активности ставятся в зависимость от возможности реализации гуманистических ценностей.

Короче говоря, современный социализм стремится воплотить прежние идеалы индивидуального творчества и добровольного сотрудничества. И хотя это стремление не подтверждается реалиями современной жизни, момент истины в нем есть: в условиях больших организационных структур индивидуальное творчество и добровольное сотрудничество невозможно.

Но современный социализм непоследователен в отстаивании и обосновании такого вывода. Особенно это заметно по его отношению к *проблеме бюрократии*..

Если исключить из поля зрения ленинско-сталинский вариант социализма, то другие варианты не только не смогли решить, но и адекватно осознать данную проблему. Русские большевики пытались найти ключ для ее решения в наследстве Маркса, отношение которого к бюрократии было двой-

ственным (см.: 36, 37, 38). Европейские социалисты двигались в русле фабианской и веберовской традиций, в рамках которых бюрократия квалифицировалась как рациональный, постоянный и существенный элемент общества (см.: 39). В обоих случаях теоретическая бесплодность дополнялась политической импотенцией. Обе тенденции нетрудно обнаружить в современном социализме.

Например, Э.Этциони-Галеви пишет: «Бюрократия остается существенной для достижения целей социализма, поскольку она обеспечивает эффективное и беспристрастное применение законов. Демократия нуждается в бюрократии для защиты от постоянной угрозы политического патернализма. Одновременно бюрократия необходима с учетом ее технической эффективности, поскольку одним из наиболее значимых достоинств социализма является привлекательность публичной службы для талантливых и идеалистически ориентированных индивидов» (40, 146).

Таким образом, провозглашение безгосударственного социализма сопровождается выдвижением идеи о том, что он должен создать какую-то «творческую бюрократию». Предполагается, что она должна обладать двумя взаимоисключающими качествами:

- высокой квалификацией для решения технических проблем политики;
- самостоятельностью и независимостью, поскольку без них невозможно беспристрастное осуществление такой политики.

Однако создание такой бюрократии было и остается «голубой мечтой» социализма. Прежде всего потому, что осознание опасности профессиональных знаний, очень косвенно связанных с моральными и политическими коллизиями современного мира, становится все более распространенным (см.: 41, 42). Рухнула троцкистская надежда на то, что менеджеры-технократы смогут обеспечить переход к социализму и эффективное управление новым обществом. Но это не значит,

что связанные с ней иллюзии окончательно ушли в прошлое. Они органически связаны с содержанием социалистической доктрины.

С одной стороны, социализм стремится к обществу, в котором удовлетворение основных потребностей обладает приоритетом перед целью достижения прибыли. В таком обществе технология должна использоваться для проектирования более творческих систем труда и решения неотложных экологических проблем. Поэтому профессиональное знание и экспертиза имеют смысл лишь в той степени, в которой они способствуют выдвижению продуктивных идей. Без них невозможно создание принципиально нового общества.

С другой стороны, ни ленинско-сталинский вариант социализма, ни современный капитализм не в состоянии создать таких условий. При обоих типах политического строя бюрократия руководствуется экономической или политико-идеологической ортодоксией. Независимая мысль, ставящая под сомнение основания данных типов политического строя, либо подвергается репрессиям, либо маргинализируется. А отбор политических советников соответствует произволу очередных первых персон государства, независимо от того, избираются ли они в соответствии с демократическими процедурами или стандартами политико-идеологического отбора. В обоих случаях на вершину политической власти попадают индивиды, отличающиеся следующими свойствами: отсутствие объективности при изображении социальной действительности, волонтаризм, идеализм, отсутствие социальной инициативы и политическое эпигонство. Как среди таких свойств прописать «творческую бюрократию», ни один социалистический мыслитель и практик не ответил.

Зато довольно много выходит литературы, в которой повествуется о необходимости покончить с тайной бюрократических мнений и оценок. Раздаются призывы к открытой и творческой дискуссии в среде правительственных экспертов и консультантов. Трансляция идеала независимого и неподкупного чиновника разбивается о множество финансовых ис-

кушений, которые создаются по мере вмешательства государства в социальную жизнь. Ни одно правительство и ни одна бюрократия современного мира не свободны от неправовых, корпоративных, клиентельных и парантельных отношений (см.: 43). Независимо от типа социально-политического устройства бюрократия всегда выступает главным механизмом блокирования социальных реформ в любом направлении — социалистическом или капиталистическом. История последнего десятилетия в России в очередной раз доказала эту банальную истину (см.: 44). Так что проблема бюрократии остается открытой.

4.3. Демократия и отсутствие идей

Проблема бюрократии переплетается с не менее кардинальной проблемой социализма: как создать теорию социальных преобразований, которая смогла бы заменить марксизм? В марксизме была сформулирована идея пролетариата как господствующего класса. Освобождая себя, он освобождает человечество в целом, поскольку единичный интерес пролетариата совпадает со всеобщими интересами. Однако история XX в. не подтвердила это пророчество. Классы разделились на множество слоев и групп. Поэтому понятие классового сознания утратило эвристический и политический потенциал.

Социальным основанием современного капитализма является множество атомизированных социальных групп. Они неспособны к объединению и успешному действию. Промышленный рабочий класс уменьшился по сравнению с началом XX в. Правда, автоматизация привела к появлению новой армии низкооплачиваемых служащих, социальное положение которых во многих случаях хуже положения промышленных рабочих. Понятие среднего класса тоже потеряло эвристический потенциал и не соответствует реальности рубежа XX—XXI вв. Многочисленный слой домашних слуг вообще исчез с социальной сцены. При таких обстоятельствах

крайне сложно судить, какая социальная группа является потенциальным базисом социальных преобразований и радикальных политических действий (см.: 45).

Политические партии заменили понятие пролетариата как носителя социализма. Социалистические партии стремятся найти союзников среди новых социальных движений — экологических, феминистских, этнических, региональных и т.д. Однако эти движения обладают своими целями и независимой динамикой. Во многих странах новые социальные движения постепенно заменяют социализм. Такая ситуация связана с рядом проблем и опасностей.

Безусловно, социалистические партии могут взаимодействовать с новыми движениями. Речь идет о совокупной критике капитализма и стремлении решить неотложные социальные проблемы, которые образуют главный предмет деятельности указанных движений. Однако надо учитывать, что любые союзы с ними не могут идти ни в какое сравнение с силой защитников существующей системы. Разочарование в капитализме стало повсеместным. И оно может способствовать победе партий, в названии которых содержится термин «социалистическая». Но приход к власти втягивает их в обычную политическую конкуренцию. Тем самым партии вынуждены проводить партикуляристскую и оппортунистическую политику, которая может привести к полному отказу от социалистических целей. Если социализм соглашается с принципами демократии, то перед ним возникает крайне трудная задача — как обеспечить радикальные социальные преобразования поддержкой большинства общества?

В теории социализма нет ответа на этот вопрос. Сегодня большинство социальных движений и политических партий выступают в поддержку демократического плюрализма. Он стал банальной мудростью политической теории и практики. Социализм расширяет понятие демократии на сферу экономических и социальных прав. Тем самым каждый гражданин обеспечивается большими полномочиями по сравнению с либерализмом. Однако стремление к равенству не обя-

зательно ведет к развитию демократии. Невозможно утверждать, что общественное мнение в какой-либо современной стране смогло полностью освободиться от тирании и апатии. Хотя критическое отношение к данным свойствам общественного мнения характерно уже для классиков либерализма, эта критика остается по-прежнему актуальной.

Для решения данной проблемы в современной теории демократии разработана концепция ответственного гражданства. Она фиксирует не столько государственную принадлежность индивидов, сколько стремление большинства населения к широкому участию в подготовке, принятии и осуществлении политических решений. А именно к этому стремится социализм. Кроме того, ответственное гражданство означает способность населения противостоять любой манипуляции со стороны властно-управленческих структур государства. Эта способность связана с решительными политическими действиями, включающими все методы сопротивления. Гражданское сопротивление — это способность населения любой страны противостоять властно-политическим технологиям, включающим все методы насилия и манипуляции (см.: 46, 81—113).

И хотя социализм нуждается в ответственном гражданстве, его еще нет ни в одной стране мира. Большинство пока руководствуется мотивами потребления и удовольствия, из которых вытекает социальная и политическая апатия. Понятие ответственного гражданина не имеет ничего общего с либеральной концепцией холодного и расчетливого индивида. Ответственный гражданин обладает социальными и политическими идеалами. И потому серьезно относится к политике. Отсюда вытекает социалистическое требование реформы СМИ и всей системы образования. Данные институты пока не в состоянии обеспечить выявление разнородных мнений относительно всех событий и проблем социальной действительности. Требуется более широкая и полная информация и трактовка данных проблем.

Не исключено, что перспективы социалистического преобразования общества связаны с «понимающей» теорией политических изменений. Она сформулирована У. Коннолли и определяет общество как «... пористое множество взаимных институциональных зависимостей, участники которых сохраняют определенную способность к рефлексии» (47, 43). Такое общество базируется на мощном фундаменте: сужении всех политических дебатов до незначительного множества шансов и ожиданий индивидов; стремлении большинства людей к одобрению со стороны других индивидов, без которого невозможна жизнь в данном обществе. Отсюда не следует абсолютный структурный детерминизм, поскольку большинство индивидов сохраняет способность к постепенному осознанию *разрыва* между идеологией существующей системы и их непосредственным жизненным опытом.

Данная концепция может быть отнесена как к ленинско-сталинскому варианту социализма, так и к капитализму. Я имею в виду факт стихийного распада СССР и других стран «восточного блока», поскольку разрыв между официальной идеологией и действительным жизненным опытом людей в них достиг критической точки. Но тот же самый диссонанс можно зафиксировать между рыночной теорией и реальным капитализмом. Если экстраполировать эту тенденцию в будущее, нельзя исключать *перспективу стихийного распада капитализма*.

Конечно, политические системы либеральных демократий намного более изощрены в искусстве выживания. В них вмонтировано множество клапанов безопасности в виде свободного общественного мнения и политического выбора. Однако эти механизмы все более ослабляются по причине всеобщей апатии. В результате политический выбор постоянно ограничивается и сужается. И. Шумпетер в период между первой и второй мировыми войнами высказал мнение: капитализм рухнет по причине отсутствия доверия и легитимности. Начиная с 1960-х гг. падение доверия к власти и кризис легитимности власти стали общей тенденцией всех высоко-

развитых стран Запада. Сегодня та же самая тенденция развивается в России (см.: 48). Так что предсказание Шумпетера постепенно обретает социологическую и политическую конкретность и репрезентативность.

Современный социализм вынужден отбросить как исторический и структурный детерминизм различных версий марксизма, так и психологизм либерального индивидуализма. В обоих случаях акт выбора отрывается от его социального контекста. Социализм оказывается в такой ситуации, при которой он вынужден собирать под свои знамена всех «униженных и оскорбленных» существующим порядком. Его политический потенциал уже не может определяться интересами пролетариата, сходящего с исторической сцены: «Прежде социализм был идеей, занимающейся поиском электората. Сегодня он стал электоратом, который ведет поиск идей» (49, 115-116).

Но в состоянии ли социализм предложить какую-либо вдохновляющую идею для потенциального электората? Кое-какие клочки и обрывки есть, но даже их интеграция вызывает множество трудностей. При таких обстоятельствах крайне трудно найти последовательных сторонников. Социальная апатия и разочарование в политике стали универсальным явлением современного мира. Перед социализмом возникает проблема противодействия данной тенденции. Надо переубедить большинство населения. И доказать, что социалистические партии и лидеры смогут осуществить кардинальные социальные преобразования без политического хаоса, коррупции и бюрократизации власти. До сих пор этого не удалось сделать никому.

Следовательно, перед социализмом стоит задача такого преобразования политики, при которой она станет средством преобразования условий и улучшения жизни громадных масс населения. Пока в общественном сознании господствуют либерально-бюрократические представления о политике. Действительно, до сих пор политический театр является полем игры конкурирующих интересов и самодовлеющих индиви-

дов и учреждений. Чтобы сломать такое положение вещей, социализм должен сделать акцент на *выработку и укрепление моральных оснований гражданского сопротивления и ответственного гражданства*. Апелляция только к материальным интересам потенциальных сторонников ни к чему новому не приведет.

Сегодня общество состоит из более или менее рациональных эгоистов. Они преследуют только свои собственные интересы в экономике и политике. «Следовательно, общество по-прежнему движется по наклонной плоскости. Поэтому социализм мечется внутри мира искалеченных и увечных индивидов. Социализм полагает, что чувство братства является основанием достойного общества. Однако его призывы ограничиваются отдельными группами. На гражданском и политическом уровнях они почти незаметны. Попытки расширить понятия «общности» и «братства» на сферу политики столкнулись с таким числом преград, что привели к временному крушению социалистических идеалов. Но в настоящее время социализм может использовать чувства страха, тревоги и беспокойства. Все большее число людей движимы такими чувствами, поскольку они наблюдают упадок общих ценностей в современном мире под влиянием экономического индивидуализма» (50, 18).

Социалисты должны также доказать свою способность к практическому созданию новых политических институтов, которые могут успешно реализовать социалистические цели. Эта проблема не менее сложна. С одной стороны, необходимо расширять сферу демократии до самых широких пределов. С другой стороны, надо создавать новые политические институты для надзора за действием рыночных механизмов. Между данными направлениями деятельности на протяжении последнего столетия развивался конфликт. Поэтому всякие попытки осуществить социалистические преобразования вызовут целый комплекс страхов, связанных с использованием государственной власти. Ведь с помощью политики можно формировать и менять социальную струк-

туру. Любые действия такого рода связаны с политическим риском, если даже они осуществляются с самыми благородными целями. Единственное, что можно утверждать с полной определенностью, — *создание политических институтов на основе рыночной системы себя исчерпало.*

Конечно, никому не возбраняется сохранять веру в неограниченные возможности человеческой природы и разума. Но любые утопические надежды, связанные с этой верой, можно отбросить без всякого сожаления. Любой шаг в направлении социализма должен способствовать укреплению социальных принципов сотрудничества и взаимопонимания. Но все сделанные до сих пор шаги к этому не привели. В прежние времена социализм был пророком пролетарской революции. Сегодня он становится предпосылкой нового понимания демократии и социальности. Для усиления данной посылки требуется исключить всякий экономический, политический и идеологический оппортунизм из процесса осуществления социалистических преобразований. В этих целях нужна выработка общезначимых моральных аргументов в пользу социализма. Всякие попытки отложить в сторону решение этой задачи будут воспроизводить множество проблем, часть которых описана в этой главе.

**

Таким образом, у социализма нет раз и навсегда установленных целей. Всякая цель и любое практическое действие в направлении прогресса надо сопоставлять с фундаментальными принципами общечеловеческой морали. Следует похоронить все попытки отождествления социализма с тем строем, который существовал в России с 1917 г., а в других странах — после ее победы во второй мировой войне. То же самое можно сказать о стремлении легитимировать это прошлое за счет извлечения из белогвардейского

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

сундука геополитических концепций типа «евразийства». Они просто пренебрегают анализом реальных проблем и транслируют излишний оптимизм в новые обстоятельства.

Социализм нуждается в выдвижении множества проектов будущего общества. А также в еще большем числе интерпретаций конечных целей общества. Ведь большинство людей убеждены, что они могут формировать свою общую судьбу. Пока это убеждение не рухнуло, у социализма остается почва для вербовки новых сторонников в свои ряды.

ГЛАВА 5

ФЕМИНИЗМ

До сих пор шла речь об идеологиях, обладающих солидным возрастом — от трехсот до двухсот лет. Все описанные ранее идеологии сложились в XVIII — XIX вв. И обладают действительными или мнимыми конотациями в виде экономических систем, государств и политических партий. Феминизм — идеология юная. Она возникла во второй половине XX в. Пока нельзя утверждать, что феминизм обладает всеми признаками идеологии. Это — движение, в рамках которого сформулированы исходные идеи и осуществляются попытки их пропаганды и воплощения.

1. Цель и движение

Феминизм является не систематической теорией, а определенной политической позицией. В этом смысле он подобен консерватизму. Феминизм вытекает из непосредственного жизненного опыта и стремится к изменению мира. Его мысль неразрывно связана с действием. С этой точки зрения феминизм имеет родство с марксизмом и другими движениями, которые стремятся к политическим изменениям. Однако марксизм был создан одним человеком — Марксом.

Энгельс никогда не претендовал на роль творца марксистской теории. В отличие от марксизма феминизм отличается плюрализмом. Это — некое множество идей, связанных с опытом каждой женщины, которая сопротивлялась мужскому господству.

Отсюда вытекают главные свойства феминизма:

1. Приписывание опыту особого значения. Феминистки стремятся определить смысл мира, в котором они живут. Поэтому опыт каждой женщины квалифицируется как важная часть движения. С гносеологической точки зрения это свойство является индукцией: мысль восходит от знания единичного к знанию общего.

2. Бессистемность. Опыт и способы его восприятия индивидуализированы. На этом основании невозможно построить завершённую теорию или сложить все элементы индивидуального опыта в единое целое. <ч

3. Приписывание личной жизни политического значения. Господство мужчин над женщинами проявляется прежде всего в сексуальной сфере. Эта сфера индивидуализирована. Поэтому женский опыт подчинения разрушает все границы, отделяющие публичную жизнь от частной. Для их объяснения необходима политическая теория, соединяющая интерпретацию личной и публичной жизни.

Главная цель феминизма — свергнуть господство мужчин над женщинами. Для этого нужно объяснить и понять причины данного господства. Теория феминизма строится для того, чтобы изменить существующее положение вещей.

При реализации данной цели теоретики феминизма приходят к выводам, бросающим новый свет на традиционные отношения и идеи. В феминизме сформулирована установка на систематическую критику всех идей великих мыслителей и политиков прошлого и настоящего. С учетом женского опыта главные понятия политики нередко приобретают совершенно иное значение.

Главный предмет анализа феминистских теоретиков — отношение «Я — другие». На основе женского опыта они предлагают иной образ данного отношения. Женщины непосред-

Феминизм

ственно ощущают процесс и результаты господства и власти в сексуальной и домашней сфере. Поэтому женский опыт может быть использован для анализа наиболее тонких и интимных параметров человеческих отношений.

Перечисленные аспекты исчерпывают сходство позиций внутри феминистского движения. Затем наступает разнობой мнений.

1.1. От разноголосицы к равенству

Несходство суждений теоретиков феминизма вытекает из различий опыта и его интерпретации. На протяжении 1980—1990-х гг. в США и других странах Запада возник ряд классификаций. Если их суммировать, то в настоящее время существуют следующие разновидности феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический, культурный, психоаналитический, черный феминизм и даже лесбийская этика (см.: 1). Во всех случаях речь идет о линиях интеллектуальных и политических разделов. В России тоже возникает феминистское движение, которое опирается на тендерные исследования. Однако говорить о какой-либо теоретической самобытности постсоветского феминизма пока преждевременно.

Белый феминизм первоначально возник в США. Его инициаторы, лидеры и представительницы приписывали собственному опыту универсальность. Однако спустя непродолжительное время оказалось, что эти претензии не имеют никаких оснований. Личный опыт белых женщин переполнен множеством предрассудков. Он не имеет никакого отношения к опыту женщин с другим цветом кожи. Поэтому сегодня в США наряду с белым существует черный и желтый феминизм. Правда, белые феминистки задают тон в публичных дискуссиях. Но стремление к усвоению иного опыта и взглядов становится все более распространенным.

Пределы взаимопонимания определяются различным отношением к конкретным политическим вопросам. То же са-

мое можно сказать о целях и средствах феминистского движения.

В период борьбы за избирательное право женщин феминистки выступали единым фронтом. Первым камнем преткновения стал вопрос: как понимать равноправие женщин и мужчин? Если равенство прав толковать буквально, то женщинам следует отказаться от множества прав, обретенных на протяжении последнего столетия. В орбиту дискуссии вошли и другие вопросы: надо ли поддерживать введение «сухого закона»? следует ли выступать в защиту мира, пропагандировать разоружение и противодействовать призыву молодежи на военную службу? Различные ответы на эти вопросы способствовали расколу феминистского движения.

Он все более углублялся по мере обсуждения производных вопросов, связанных с тактикой движения: следует ли действовать через правительство и другие традиционные политические институты или сосредоточиться на массовых политических действиях? сотрудничать ли с мужчинами? можно ли быть феминисткой, оставаясь в половой и семейной связи с мужчиной? являются ли женщины классом, расой или представителями угнетенного меньшинства? надо ли поддерживать распространение порнографии, если она является выражением права на свободу слова? Ни по одному из этих вопросов нет единства мнений.

Последние десятилетия ознаменовались широким распространением постмодернизма в интеллектуальных кругах. Возникла постмодернистская ветвь феминизма. Его сторонники подчеркивают уже не столько различие между женщинами и мужчинами, сколько различия женщин. Глашатаи и эпигоны постмодернизма отбрасывают абсолютную ценность любой последовательной системы мышления. Отсюда вытекает отказ от выработки общей концепции и политики феминистского движения. Тогда как сторонники традиционного феминизма продолжают настаивать на сходстве женского опыта и необходимости выработки универсального понимания прав и справедливости. Без этого нельзя улучшить положение женщин.

Феминизм

Географическое распространение феминизма тоже способствует расхождению мнений и тактики движения. В мусульманских странах раскол усугубляется, поскольку Коран категорически отвергает саму идею равенства женщин и мужчин. Нет единства взглядов и относительно того, как быть с ношением чадры, удалением клитора и других обычаев мусульманских женщин. В странах Латинской Америки возникла и реализуется инициатива движения женщин-матерей против военных ведомств и министерств, влияния военных на политическую жизнь и любых профессий, прямо или косвенно связанных с милитаризмом. Латиноамериканские женщины сформулировали также идею о том, что женщины-матери могут способствовать «чистоте» политической жизни, поскольку мужская политика была и остается грязным делом.

В развивающихся странах продолжается дискуссия о стратегических и непосредственных интересах женщин. Странники первых стремятся к принципиальному изменению отношений между полами. Предлагают создавать женские комиссариаты полиции и особые суды. Их главный предмет деятельности — ведение всех вопросов, связанных с мужским насилием над женщинами. Адепты непосредственных интересов женщин не отвергают традиционное отношение между полами. Зато требуют правовой регламентации ответственности женщин на все без исключения предметы семейного пользования.

Во многих странах современного мира продолжается господство военных и полицейских. Авторитарные режимы стали наиболее распространенной политической практикой. В этих обстоятельствах женщины выдвигают идею принципиального отказа от сотрудничества с государством для достижения целей феминистского движения. Тем самым авторитаризм способствует распространению анархизма среди последовательных борцов за права женщин.

Таким образом, в отношении современного феминизма традиционные экономические, социальные, этнические, политические, религиозные и культурно-цивилизационные

различая *сохраняются и усиливаются*. Г.Зиммель еще в начале XX в. отмечал, что подобие порождает вражду. В результате в каждом политическом движении усиливается тенденция деления на секты. Они начинают вести между собой ожесточенную борьбу. В предыдущих главах было показано, что такое явление можно обнаружить во всех прогрессивных движениях — либерализме, марксизме и социализме. А также в консерватизме, если он не свободен от авторитаризма, фашизма и элитаризма. В феминистском движении тенденция к сектантству пока только формируется. Какие модификации она внесет в мужское, так сказать, сектантство, еще неясно. Можно указать лишь несколько специфических свойств феминизма, проливающих дополнительный свет на поставленный вопрос:

1. Превращение феминизма в своеобразную интеллектуальную и политическую моду. Пионером этой тенденции выступают США, в которых идентификация с феминизмом (как женщин, так и мужчин) стала неписаным правилом хорошего тона.

2. Интеллектуальная неопределенность феминизма. Как ранее было показано, в его составе можно указать наличие всех политических идеологий — от либерализма до социализма.

3. Преобладание риторики над строгим следованием правилам доказательства и вывода. В феминизме личный опыт занимает центральное место. А большинство женщин стремятся просто выговориться, а не строго сформулировать и отстаивать собственную позицию. Тем самым различие личного опыта теряет ранг стимула для мышления.

Единственный пункт определенности феминизма — провозглашение равенства мужчин и женщин. А поскольку концепции и практика воплощения равенства — изобретение мужского ума, то и это определение может быть отвергнуто. Стремление к ниспровержению авторитета мужчин во всех сферах деятельности — наиболее значимая тенденция феминизма.

1.2. Долой мужскую мысль!

Теория феминизма группируется вокруг трех основных вопросов: как возникло господство мужчин? почему оно встретило широкую поддержку и одобрение? каковы его следствия?

Дело в том, что почти во всех цивилизациях, государствах и нациях женщины до сих пор исключены из участия в политике. Причем такое исключение сохраняет видимость правового действия. История формировалась мужчинами. И это наложило сильнейший отпечаток на человеческие отношения, политику и философию.

Правда, время от времени в некоторых государствах женщины из состава правящей династии получали доступ к власти. Но такие ситуации были исключением из общего правила и потому ничего не доказывают. А *общее правило* состоит в универсальном исключении женщин из мира политики. Абсолютное большинство жителей земного шара до сих пор с ним согласны. Следовательно, за этим правилом скрываются определенные идеи и представления. Они все еще не познаны в деталях. И потому незаметно воздействуют на наш способ интерпретации действительности. В том числе политической. Невозможно утверждать, что мышление современных людей совершенно свободно от указанных идей и представлений. Поэтому главная задача феминистской идеологии — *выявление и анализ философско-мировоззренческих оснований мужского господства*.

При этом важнейшее значение приобретают идеи великих политических мыслителей относительно половой дифференциации человечества. Эти идеи конституируют их мысль. Следовательно, они могут прояснить положительные и отрицательные следствия представлений о полах.

Политическая мысль возникала как составная часть философской рефлексии. Аристотель считал греческий полис наиболее совершенной формой социального и политического устройства. Эта форма способствует достижению достойной жизни как высшего блага индивида и общества. Аристотель первым противопоставил государство и домашнее хозяйство.

Последнее не может идти ни в какое сравнение с первым. В результате политика начала рассматриваться как кульминация человеческих способностей. Одновременно из сферы политической женщины исключались. Политика и высшее благо определялись путем противопоставления домашнему хозяйству и женщинам. Эти идеи способствовали не только исключению женщин из политической жизни, но и из политической мысли. Целые тысячелетия оказались потраченными на то, чтобы опровергнуть мысль, содержащуюся в текстах Аристотеля- женщины по природе низшие существа по сравнению с мужчинами. И нельзя утверждать, что она целиком отвергается в современной социальной, политической, производственной и всякой иной практике, выходящей за пределы семьи и домашнего хозяйства.

Не менее известен классический афоризм Руссо: человек рождается свободным, но всюду находится в оковах. Феминистки-теоретики считают это высказывание высокопарной бессмыслицей. Потому что люди рождаются матерями и зачинаются отцами. И родившиеся существа не располагают физической свободой жизни независимо от матери. Она тоже несвободна от своего ребенка, если выполняет принадлежащую ей функцию, не говоря уже о чувственно-эмоциональной связи с ребенком. Если же такой связи нет, то мать и отец обладают свободой отказаться от своих детей. Руссо, как известно, поступил именно так. Поэтому абстрактное провозглашение свободы может быть связано с бесчеловечностью. Она подтверждается обычаем умерщвления девочек у многих народов вплоть до настоящего времени и все более распространяющейся практикой отказа не только отцов, но и матерей от своих детей.

Теоретики феминизма отвергают также социальную теорию и теорию воспитания Руссо. Французский мыслитель полагал, что источником права является община, а не индивид. В то же время жизнь Руссо показывает, что всякое подчинение он считал злом. Однако этот опыт не помешал ему отождествлять власть с волей. «Эмиль» Руссо был первым текстом, в котором изложены идеи прогрессивной теории

воспитания и романтического движения. Согласно Руссо, человек обязан приобретать уроки естественной честности, непредвзятой оценки естественной добродетели и умения самостоятельно вырабатывать принципы собственного поведения. Однако и в этом тексте главная обязанность женщины сводится к послушанию.

По политическим взглядам Руссо был эгалитарным радикалом, что помогло ему сформулировать относительно новую идею о том, что перед половым сношением неплохо бы спросить женщину, желает ли она отдаться. Иначе говоря, женщина должна дать разрешение на половую связь. Но каким образом мужчина может убедиться в наличии такого разрешения? Оказывается, женщина должна говорить «Нет», имея в виду «Да». А мужчина должен слушать не ее слова, а догадываться о действительном согласии по движениям тела. Тем самым принцип естественной честности не относится к женщине, а женская речь приобретает смысл, совершенно противоположный словам.

Мужской шовинизм такого вывода очевиден. Руссо не был свободен и от типично мужского верхоглядства. Чисто спекулятивным путем он пришел к выводу: если женщина не хочет, она не отдастся, поскольку располагает достаточной силой для сопротивления. Следовательно, имеющие место факты насилия над женщинами в большинстве случаев не являются действительными. Это значит, что Руссо считал действительное согласие женщин на половую связь менее важным по сравнению с волей, которая лежит в его основании. Суть дела состоит в том, что толковать женскую волю имеют право только мужчины. Но отнюдь не женщины (см.: 2).

Руссо резко критиковал придворную и салонную жизнь, обязательным элементом которой были женщины. В его времена женщины были лишены формального права участвовать в политике. Им приходилось надеяться на собственное обаяние, силу интеллекта, удачное стечение обстоятельств, происхождение, умение водить мужчин за нос и т.д. Все это женщины делали для того, чтобы оказать хоть какое-то вли-

яние на общественную и политическую жизнь Парижа и Версаля. Вся эту практику Руссо отвергал.

Взамен он предлагал республиканский вариант домостроя. Идеал республиканской матери — сидеть дома, воспитывать в детях республиканские добродетели и не лезть в политику.

Таким образом, содержание взглядов Руссо обусловлено не столько его социальной принадлежностью и прогрессивным значением, сколько типично мужскими предрассудками.

От них несвободна и моральная философия И.Канта. Кенигсбергский философ учил, что только долг, базирующийся на разуме, обладает действительной моральной ценностью. Душа женщины склонна к сочувствию, и женщины в общем случае стремятся распространять вокруг себя радость. Эти действия заслуживают снисходительной похвалы, но ни в коем случае не уважения. Женщины не в состоянии различать добро и зло, поскольку они руководствуются чувством. Всякую обязанность и долг они отвергают и обычно поступают по велению чувства, на которое накладывают сильнейший отпечаток ситуация и множество других случайных обстоятельств. Поэтому прекрасный пол не в состоянии руководствоваться принципами.

Стало быть, Кант выстраивал два ряда понятий: долг, обязанность и разум противопоставлялись сочувствию, склонности и чувству. За этой констелляцией скрывается различие между полами. Кант выработал такую моральную теорию, которая базируется на дихотомии источников моральных действий: «Первому приписывается действительная моральная ценность, а второй квалифицируется как не заслуживающий уважения» (3, 18).

Д.С.Милль выступал против любых ограничений свободы женщин. И полагал, что эта часть человеческого рода тоже способна к саморазвитию. Поэтому он ставил под сомнение саму идею естественных различий между мужчинами и женщинами, полагая их равными. Однако и взгляды Милля не свободны от типично мужских суеверий. С одной стороны, он защищал демократию, поскольку участие в политике спо-

способствует развитию индивидов и общества в целом. С другой стороны, утверждал, что большинство женщин по собственной воле избрали бы замкнутую домашнюю жизнь. А она ограничивает возможности участия в политике. Милль выступал поборником избирательного права для женщин. И полагал весь комплекс сложившихся установлений мощным барьером на пути к свободе. «Однако и Милль не понял того факта, насколько личные отношения между полами могут влиять на политическую жизнь» (2, 79).

Непонимание этой проблемы характерно и для теории справедливости Д.Роулса. Он разработал такую концепцию общества, в котором принцип справедливости является конституирующим. К такому обществу стремятся свободные, равные и рациональные индивиды, руководствующиеся собственными интересами. Одновременно они не располагают никаким особым знанием о самих себе. И в конечном счете Роулс считает, что такое общество должно базироваться на институте семьи. Такой, которая вырабатывает у ее членов чувство взаимной симпатии и опыт внутрисемейной справедливости. Однако и Роулс не в состоянии связать данную констатацию с традиционным философским доверием к социальной и рациональной стороне дихотомии разума и чувства. А она базируется на различии полов.

Противоположную концепцию справедливости предлагает Р.Нозик. Справедливость всегда должна ориентироваться на производителей, а не потребителей любых товаров. С такой справедливостью, по мнению Нозика, должны согласиться все даже в том случае, если бы никто не знал, кому какой товар достанется. Однако этот постулат Нозика ничуть не менее бессмыслен по сравнению с максимами философии Руссо. Нозик полагает, что производитель — господин своей собственности. Тогда как женщины в муках рожают и с громадным трудом воспитывают детей. Занимаются постоянным детопроизводством, не надеясь на то, что дети являются их собственностью. Наоборот, неблагодарность детей в отношении родителей стала правилом современного общества: «Следовательно, производство есть толь-

ко один из факторов сложной социальной структуры собственности» (4, 105).

Таким образом, теоретики феминизма отвергают коллективистский и индивидуалистический варианты либерализма, а также марксистскую концепцию производства. Все они базируются на дихотомии между домашним хозяйством и публичной сферой, а поскольку данная дихотомия восходит к Аристотелю, а затем бесконечно повторяется вплоть до настоящего времени, то и весь канон социально-политической мысли ставится под сомнение. Ведь публичная сфера до сих пор была занятием мужчин, определяя мораль и течение социально-политических событий. Следовательно, указанная дихотомия теоретически бесплодна и политически опасна не только для женщин, но и для общества в целом. Опыт в человеческой жизни превалирует над понятиями. Политика должна учитывать обе константы человеческой деятельности. Следовательно, всякое абстрагирование и недооценка личной и семейной сфер не отражают реальную сложность человеческой жизни.

1.3. Дом и спальня — детерминанты истории и политики

Отбрасывание традиционной дихотомии не означает, что феминистки полностью отрицают любые различия между частной и политической сферами. Наоборот, в феминизме провозглашается лозунг: «Личная жизнь — это политика». И этот призыв с энтузиазмом был встречен миллионами женщин разных континентов, цветов кожи и национальностей. До недавних пор женщины считали свою личную жизнь индивидуальной, домашней и частной проблемой. Теперь она стала универсальной, структурной и политической проблемой. Такое преобразование осуществлено в феминизме. А все остальные женщины должны поскорее осознать его важность.

Критика дихотомии личной и публичной жизни не значит, что феминизм отрицает разное значение данных фено-

менов и понятий. Ценность личной жизни тоже не ставится под сомнение. Зато отвергается любое унифицированное подчинение общества государству. Дело в том, что всякий переход от индивидуальных к групповым решениям связан с нарастанием трудностей. Например, материнство до сих пор было частной добродетелью. Она глубоко индивидуализована. И значительно отличается от добродетелей, которые нужны при общении с чужими людьми.

Короче говоря, отрицание дихотомии личного и политического означает, что *любое действие квалифицируется как потенциально политическое*. До сих пор большая часть политики конституировалась силой. Эта сила выражает отношения господства между людьми и присуща им с момента рождения. Она включает вербальные и невербальные формы поведения. Социальные убеждения и политические рассуждения и аргументы никогда не могут целиком освободиться от телесных, эмоциональных и языковых конотаций. А последние образуются в сфере личных отношений между людьми.

Отсюда вытекает, что личные, глубоко интимные и семейные проблемы не являются пустыми и тривиальными. Эти проблемы должны учитываться в публичных и политических дискуссиях. Отношения между мужчиной и женщиной дома и даже в спальне в значительной степени определяют сферу политических и исторических событий.

Зависимость между личной и политической сферами является двусторонней:

1. Существование, сфера и границы личной (или частной) жизни определяются комплексом социальных решений. Они принимаются формально и неформально в законодательных, судебных и исполнительных органах власти и выражаются письменно и устно. Тем самым сфера публичных решений создает неравенство сил в семье и дома.

2. Политические предпочтения и вкусы людей первоначально формируются дома и в семье. В семейно-бытовой сфере существует домашнее разделение труда. В его рамках забота о детях квалифицируется как обязанность женщин. Этот пред-рассудок образует основание целого комплекса социальных

неравенств. Они характеризуются господством мужчин над женщинами.

Стало быть, феминизм стремится взломать традиционные барьеры политики. Правда, это стремление не является целиком оригинальным. Феминисты находят союзников в среде анархо-синдикалистов и сторонников производственной демократии. В данном направлении социально-политической мысли политическими считаются те решения, которые принимаются в рамках промышленных предприятий и других сообществ людей. Кроме того, феминизм пользуется результатами научных исследований в сфере сравнительной политики. Эта сфера опирается на такое понимание политического, при котором имеются в виду акты неформального сопротивления существующей власти. Наконец, в марксизме содержится идея о том, что граница между политической и частной сферой намного полезнее для развития капитала, нежели для трудящихся классов. Существующая система права регулярно укрепляет существование данной границы. К этому положению теории феминизма добавляют постулат: *данная граница и система права ставят мужчин в привилегированное положение.*

2. Основные понятия

Феминизм значительно расширяет политический дискурс за счет привнесения в него женского опыта. В этом контексте два тезиса приобретают главное значение:

1. Семейная связь конституирует сферу человеческих отношений.

2. Политическое и экономическое господство глубоко укоренено в сексуальных отношениях.

Первый тезис направлен против главного постулата либерализма: индивид отделен от других людей и находится в конфликте с ними. Второй тезис является развитием марк-

ФЕМИНИЗМ

сизма и социализма за счет использования теории Фрейда и его школы.

2.1. Связь

Уже говорилось, что феминистки охотно соглашаются с приписыванием женщинам особых добродетелей и потому не желают всеобщего равенства. В то же время они отбрасывают дихотомии, базирующиеся на половых различиях. И призывают мужчин к тому, чтобы те усвоили женские добродетели наравне с мужскими. Это требование относится не только к характеру, но и к политическим идеалам мужчин.

На переломе 1970—1980-х гг. в психоаналитическом феминизме начался поиск корней традиционных женских добродетелей. Исследователи обратились к опыту раннего детства. Известно, что мужчины легче идут на разрыв семейных связей, нежели женщины. Этот факт был истолкован так: мальчики обладают потребностью создания оппозиционной идентичности по сравнению с матерью, тогда как у девочек такой потребности нет: «Мужественность определяется своеобразием, а женственность — привязанностью. Поэтому для половой идентичности мужчин тесная связь образует угрозу, тогда как для половой идентичности женщин такой угрозой является подчеркивание собственной отдельности. Для самцов типичны проблемы, порождаемые слишком тесной связью. А для самок индивидуализация образует проблему» (5, 8).

Для проверки этой гипотезы были проведены многочисленные эмпирические исследования среди американских женщин. Они показали, что женщины в большей степени связывают себя с контекстом человеческих отношений. Мужчины больше склонны ориентироваться на собственные права и установленные законы. Но всякий разрыв семейных и просто сексуальных связей порождает определенные моральные проблемы. Женская мораль отличается от мужской. Для женщин важнее сохранение и укрепление сложившихся связей, а

не соблюдение прав. Следовательно, моральные ориентации людей зависят от пола.

Правда, этот вывод относится только к образованным слоям общества и не всегда связан с отбрасыванием традиционных ролей обоих полов. По крайней мере эмпирические исследования чувствительности и раздражимости мужчин и женщин показали, что существует связь между половыми стереотипами и мерой чувствительности. Различие полов порождает дихотомию самостоятельности и связи. Иначе говоря, эти результаты не привносят чего-либо нового в древнюю классификацию женщин как «эмоциональных», а мужчин как «рациональных». Естественно, мера эмоциональности женщин и рациональности мужчин зависит от культурно-исторических особенностей стран и народов. Но независимо от них женщинам всегда приписываются качества понимания, сочувствия, незаинтересованной заботы о других, хранения семейного очага и т.д.

Эти качества фиксируют особенность женщин и их отличие от мужчин. Теоретики феминизма не призывают отказываться от указанных качеств. Они обращают внимание на то, что понятия философии обусловлены половой принадлежностью (в данном случае — мужской). И пытаются использовать женскую искушенность в интимных связях для переформулировки теории демократии.

Прежде всего речь идет о критике либерализма. Согласно его канонам, независимость индивидов достигается путем выстраивания стены между каждой отдельной особью и остальными людьми. На основании опыта семейных связей феминистки предлагают другую модель независимости. В этой модели способность действовать для достижения собственных интересов и претендовать на определенные права формируется в процессе создания связей с другими людьми. Тем самым границы личности становятся эластичными, а другие люди просто часть нас самих.

В либеральной традиции обязанность рассматривается как нечто такое, что индивид принимает на себя добровольно. Опыт материнства показывает, что множество человеческих

обязанностей не являются добровольными. Это — онтологическая данность, элемент целого комплекса наличных человеческих отношений. По мере изменения человеческих потребностей, способностей и оценок обязанности становятся предметом переговоров. Так создается пространство особого бытия индивидов.

Либерализм рассматривает негативную свободу как первичное определение индивидов. Взаимодействие между людьми начинается с отрицания всех внешних преград, стоящих перед индивидами. Затем уже возникает договор как условие человеческих связей. Но все такие связи базируются на состоянии взаимной изоляции. И его сохранение при любых обстоятельствах — основа человеческой свободы. Феминизм отвергает эти постулаты опять-таки на основании опыта материнства. Мать и дитя — первичная исходная базисная связь между людьми. Она есть воплощение позитивной свободы, и только на ее основе возможна негативная свобода. Причем она состоит в сохранении первичного опыта позитивной свободы.

Власть трактуется либералами как принуждение людей к определенным действиям с помощью силы или угрозы применения санкций. Причем само понятие власти предполагает наличие противоположных интересов. Тогда как в феминизме подчеркивается роль убеждения в политике и наличие общих интересов, связанных с обоюдными обязанностями и симпатией. В длительной перспективе общие интересы становятся условием индивидуальных интересов. Поэтому власть является не столько принуждением, сколько энергией, силой и успешным взаимодействием между людьми, связанными принципом дружбы.

Таким образом, ключевые понятия либерализма подлежат пересмотру. Опыт материнства и семейной жизни совершенно не учитывается в либерализме, который исключает частную сферу из политики. Тем самым либерализм не в состоянии постичь глубокие конфликты, характерные для данной сферы.

2.2. Господство

Некоторые из конфликтов обусловлены спецификой сексуальной сферы. Женщинам была навязана принудительная гетеросексуальность. Поэтому они вынуждены формулировать свои потребности таким образом, который нравится мужчинам. Всякое сопротивление наказывается. Сам секс определяется как путь к мужскому оргазму. К.Мак-Киннон — одна из ведущих теоретиков феминизма — пишет: «Господство мужчин над женщинами укоренено в сексуальной сфере. Поэтому мужские и женские роли не могут быть оторваны от сексуальной сферы. Сексуальность обусловлена полом, а пол — сексуальностью. Эротизация господства и подчинения формирует мужчин и женщин. Различие между мужчинами и женщинами и динамика господства-подчинения взаимно определяют друг друга» (6, 113).

Власть мужчины над женщиной крайне дифференцирована — от потакания женским прихотям до грубого насилия. Но она существует во всех формах отношений между мужчинами и женщинами. Феминистическая теория власти строится на основе нескольких фундаментальных идей:

- положения К.Маркса о том, что идеи господствующего класса являются господствующими идеями;
- концепции культурной гегемонии, разработанной А.Грамши;
- понятия «непринятия решения», введенного в политическую науку П.Бахрахом и М.Барацем; речь идет о таком интеллектуальном и политическом порядке обсуждения любых проблем, когда альтернативные решения исключаются из повестки дня;
- определения власти как капиллярной силы, которая протекает через тончайшие сосуды социальной и политической системы (М.Фуко).

Но феминистический анализ власти идет еще дальше. Власть существует даже в сфере образования Я: «Ни одна женщина не в состоянии избежать смысла быть женщиной в рам-

ках социальной системы, которая определяет ее в соответствии с полом» (6,38).

Феминистки-афроамериканки из США детально исследовали феномен влияния внешней власти на создание индивидуальной собственной личности. Белые феминистки путем многократного разглядывания всех частей собственного тела в зеркале установили: эти части либо не обладают никакой ценностью, либо только такой, которая приписывается им мужчинами. Кроме того, в расистском обществе пол неразрывно связан с расой. Образ красивой женщины включает расовую компоненту, от которой крайне трудно освободиться. В этом смысле «вечно женственного», как полагали немецкие романтики, не существует. Даже деколонизация не в состоянии устранить сложившуюся систему представлений. Вековое политическое угнетение проникает в сферу личности и становится средством ее самоопределения.

Указанные феномены власти снимают различие между публичной и приватной сферами. Господство мужчины над женщиной, обусловленное множеством социальных и биологических факторов, универсально. Оно проявляется в постели, на улице, на службе и в зале парламента. Во всех этих местах женщину насилуют или унижают. Поэтому перед женщиной нет никакого иного выхода, *кроме тотального сопротивления*.

С.Бовуар показала, что женская борьба должна быть направлена прежде всего на категорию «Другие». Эта категория определяется господствующим классом и направлена на социальную маргинализацию подданных (см.: 7). В современном индустриальном обществе нормы абсолютного большинства направлений деятельности устанавливаются мужчинами: «Физиология мужчин, — пишет К.Мак-Киннон, — определяет большинство видов спорта. Их потребности определяют сферу услуг по обслуживанию автомобилей и в здравоохранении. Социальная биография мужчин детерминирует ожидания по месту работы и образцы карьеры. Их взгляды и интересы определяют качество научного труда. Их опыт и предубеждения определяют заслуги. Искусство определяется

типично мужской тенденцией к объективированию жизни. Военная служба мужчин определяет гражданское бытие. Наличие мужчины — главный критерий существования семьи. Неспособность мужчин к сотрудничеству — одна из причин войн, а осуществление ими власти определяет историю. Мужские представления определяют добро, а мужские гениталии определяют секс» (6, 36).

Господство мужчин выражается и в языке. Например, в английском языке нормой является мужской род, а женский квалифицируется как нечто иное. М.Сандел, философ коммунитаристского направления, пишет: «Личность конституируется таким типом общности, который отличается общим словарем дискурса и комплексом видов практики и представлений, принимаемых имплицитно» (8, 172—173). Аналогичное мнение высказывает другой коммунитарист, Ч.Тейлор: «Нормы, цели, институты и виды практики данного сообщества функционируют как разновидность языка, создавая и одновременно требуя обоюдного взаимопонимания» (9, 89).

Теоретики феминизма солидарны с коммунитаристами в том, что общий словарь не является нейтральным в среде людей, которые им пользуются. В результате социальный и политический мир упорядочивается и концентрируется вокруг категорий «Я» и «Другие». Каждое слово имплицитно подразумевает доминирующую подкатегорию, смысл которой устанавливается большинством данного общества. Тем самым категории, обозначающие более слабых существ и социальные меньшинства, исключаются из словоупотребления. Например, слово, «человек» в значении «человеческое существо» теоретически *>хватывает женщин. Но одновременно обладает такими конотациями и ассоциациями, которые исключают женщин.

В свою очередь представительницы черного феминизма показали, что слово «женщина» теоретически включает афроамериканских женщин. Однако в США белые женщины являются большинством. Поэтому термин «женщина» обладает такими конотациями, которые исключают опыт меньшинства афроамериканских женщин: «Короче говоря, каждая категория адресуется господствующему элементу большинства,

имплицитно исключая лиц, опыт которых отличается от опыта большинства» (10, 848).

На этом основании в феминизме сформулирован вывод: *в любом словесном общении людей скрывается насилие*. Проблема заключается в том, чтобы обнаружить все элементы насилия, воплощенного в языке, и подвергнуть их решительной критике.

Различие полов обуславливает также акт высказывания, которое предполагает или исключает политическую возможность. Например, женщины в большинстве случаев пользуются такими языковыми выражениями, в которых содержится неопределенность. Тогда как мужчины обладают большей склонностью прерывать речь других. В присутствии мужчин женщины, как правило, молчат. Причем это относится не только к приватной, но и к публичной сфере. Даже эмансипированные женщины — члены парламента и других законодательных структур — говорят обычно меньше мужчин. Замечено также, что если за то или иное законодательное предложение решительно высказываются женщины, то это автоматически влечет за собой обесценение их действительного значения. В то же время во всех культурах мира пословицы и поговорки обвиняют женщин в чрезмерной болтливости.

Феминистки зафиксировали феномен возрастания господства мужчин. На этом основании подвергается критике вся система либеральных понятий. Например, согласие в идеальном смысле слова имеет место только тогда, когда ни один из партнеров ни в малейшей степени не пользуется силой и манипуляцией. Но на практике таких ситуаций почти не встречается. Поэтому согласие не является полностью добровольным, как утверждает либеральная теория демократии.

То же самое можно сказать о понятии справедливости. Оно предполагает беспристрастность при решении любого вопроса. Однако если понятие беспристрастности не уточняется, то справедливость означает норму, связанную с опытом господствующей стороны. В результате исключаются или дискриминируются индивиды, опытом которых пренебрегает данная норма. Поэтому теоретики феминизма при опре-

делении справедливости делают акцент не столько на распределении благ, сколько на исключения институционального господства.

Наконец, понятие самостоятельности тоже подлежит пересмотру. В либеральной традиции самостоятельность означает «истинное» или «аутентичное» Я. Оно возможно только тогда, когда устранены любые внешние влияния. В марксизме Я означает свободу от влияния идеологии как «ложного сознания». Однако ни либеральная, ни марксистская традиция не отражают сложность и изменчивость индивидуального бытия. Индивида можно призвать субъектом и творцом собственной истории только в том случае, если он живет в ней и существует вместе с ней. Следовательно, самостоятельность не может быть достигнута, если индивид отбрасывает все институты социализации. В этом случае они обращаются против Я. Самостоятельность — это не индивидуальное бытие или состояние, а практика, глубоко укорененная в существующих отношениях силы: «Самостоятельность должна быть постоянной тренировкой собственной компетенции. Это — множество внутренне организованных способностей, которые обеспечивают интеграцию личности. Самостоятельность подлежит постоянной проверке в контексте различных уровней и видов сил. Это — постоянное испытание наших возможностей и возможностей вещей в контексте таких целей, которые никто, кроме нас самих, не может нам предписать» (11, 87).

3. Направления анализа

Связь и господство — главные понятия феминизма. Как было показано, они связаны с пересмотром ключевых представлений либеральной и вообще мужской философии и политической мысли. Но относительно различия мужчин и женщин в феминизме нет единства мнений. К настоящему времени сложилось три подхода к анализу данной проблемы.

1. Акцент на подобие подчиненной и господствующей групп.

2. Подчеркивание их различия.

Ъ. Выдвижение господства на первый план.

В рамках первого подхода отвергается идея о том, что естественные различия между мужчиной и женщиной влекут за собой различия в других сферах. Женский опыт не может быть основанием для пересмотра мужского способа понимания главных понятий философии и социально-политической мысли. Второй подход связан с разработкой понятия связи. Третий подход представляет множество попыток пересмотра всей системы мужских понятий.

3.1. «... одна сатана»

В большинстве культур нормы и образцы поведения мужчин и женщин различаются. Они занимаются разными видами труда, носят разную одежду, обладают разными ритуалами и даже языком. Во всех культурах принадлежность к тому или иному полу фиксирует отличия людей. На основе данных различий строятся целые схемы информации, которые передаются и усваиваются из поколения в поколение. Так формируется система предубеждений и предрассудков, связанных с полом. В настоящее время даже социальные науки от нее не свободны. В научных журналах больше публикуется статей на тему отличия мужчин и женщин, нежели материалов, фиксирующих подобия человеческих полов (см.: 12).

Пропасть между полами огромна. В этой ситуации женщинам крайне трудно бороться с мужскими привилегиями. И значительная часть феминистских исследований посвящена сбору информации и доказательств об отсутствии существенных различий между мужчинами и женщинами. Другими словами, большинство женщин до сих пор согласно с господством мужчин. Подчеркивает их единство, а не различие.

Такая ориентация лишь увеличивает сферу незнания о значимости биологических различий между полами. В XVIII—XIX вв. акцент на различия был больше и потому естественным реакциям — комплекс врожденных и приобретенных инстинктов и рефлексов — приписывалось моральное значение. В XX в. эта схема была отвергнута и биологические различия уже не являются существенными. Кардинальные изменения в технологии производства ликвидировали традиционное разделение мужских и женских видов труда.

Кроме того, многолетние психологические исследования доказали необоснованность множества прежних стереотипных представлений о мужчинах и женщинах. Правда, в большинстве культур до сих пор считается, что воспитание детей — привилегия и прерогатива женщин. Она одновременно квалифицируется как критерий отличия полов. В таком случае возникает вопрос об особой биологической способности женщин к выполнению данной функции. Можно ли измерить данную способность и в каких контекстах она обладает существенным значением? При ответе на этот вопрос нельзя обойти опыт множества мужчин, воспитывающих детей, с теми же последствиями, которые типичны для женщин-матерей. Если различия все же есть, то измерить их крайне трудно.

Короче говоря, существует немало аргументов в пользу принципиального подобия мужчин и женщин. Проблема биологического различия смещается к выработке программы исследования биологической предрасположенности разных полов к выполнению тех или иных профессий.

3.2. «Две большие разницы»

Однако мужчины по-прежнему господствуют над женщинами, хотя формы такого господства существенно изменились. Динамика господства и подчинения делит человеческий опыт на две неравные части. При этом опыт подчиненной стороны обычно детально не рассматривается, поскольку он квалифицируется как несущественный. Значительная часть теоретиков

ФЕМИНИЗМ

феминизма несогласна с этой тенденцией, стремится противодействовать традиционной недооценке женского способа бытия и мышления и выявлять такие его элементы, которые могут существенно обогатить абстрактное мышление.

В этом случае подчеркивается различие между полами. Отвергается сама идея о том, что женские добродетели и пороки имеют биологическую природу. Психоаналитический феминизм акцентирует телесные различия между полами. Женщины более эластичны и открыты для общения и менее отделены от собственного тела. При этом определенные части тела приобретают символическое значение и не имеют ничего общего с биологией. Например, Л.Иригарай пишет: «Женские гениталии, их две срамные губы есть основание женской речи. В отличие от лакановского «фаллоса» это такой способ языка и мышления, который охватывает все одновременно, не знает никаких ограничений, схватывает многое, связывает активность с пассивностью. Мужской и женский синтаксис принципиально чужды и несводимы друг к другу» (13, 24).

Правда, не все феминистки согласны с такой трактовкой женского тела. Дело в том, что еамо акцентирование различий между мужчиной и женщиной вытекает из традиционных структур господства. Тем самым способ анализа рационализирует и поддерживает данные структуры.

3.3. Бессилие

Если господство мужчин над женщинами пронизывает общество и культуру, то любое различие скрывает отношение господства и подчинения: «По отношению к полу различие означает господство. Если женщины подтверждают существование таких различий, то это значит, что они согласны с теми качествами и свойствами, которые подтверждают их собственное бессилие» (6, 51).

На протяжении целых поколений ряд женских качеств ассоциировался с бессилием и вытекал из него. Например,

женщины склонны подчеркивать значение интимных связей в жизни человека. Однако это женское качество в значительной степени определяется тем, что женщины были исключены из политических отношений. Склонность женщин к бесконечным уговорам там, где надо употреблять совсем другие средства, объясняется тем, что они были отстранены от власти. Женская заботливость определяется отсутствием прав и порождает погруженность женщин в морально-психологические проблемы. В отношениях с людьми женщины склонны руководствоваться интуицией, симпатией и антипатией. Эти качества являются просто защитными чувствами индивидов, которые не в состоянии добиться осуществления собственной воли.

Стало быть, во всех качествах, традиционно приписываемых женщинам, можно обнаружить элементы женского бессилия. Они определяются властью, обладающей иерархической структурой

Нетрудно убедиться, что фиксация подобия, различия и господства-подчинения в отношениях между полами позволяет описать их реальное многообразие. Если считать интересы определяющим качеством социальных отношений, то господствующие группы в отношениях с подчиненными руководствуются тремя мотивами:

1. Подчеркивание множества различий между властвующими и подвластными.
2. Пренебрежение к свойствам, характерным для подвластных.
3. Маскировка собственного господства.

Следовательно, в феминизме накапливается материал, который может быть использован для противодействия всем указанным мотивам поведения. В зависимости от конкретных целей такого противодействия в пространственно-временных обстоятельствах может осуществляться субординация эмпирического материала, понятий и концепций. Процесс борьбы с мужским господством помогает выработать новые средства, позволяющие устанавливать баррикады там, где они до сих пор казались совершенно неуместными.

4. От права к идеологии

Речь идет о феминистских исследованиях права и государства. Первоначально они сводились к документации, систематизации и критике многообразных способов угнетения женщин с помощью права. Оно все еще служит механизмом мужского господства. Затем происходила кристаллизация специфического подхода к праву как таковому. В чем суть правового господства, основанного на различии полов? Стремление ответить на этот вопрос способствовало появлению феминистской юриспруденции. На протяжении последних десятилетий в ее рамках сформулированы весомые аргументы для доказательства общего вывода: *право как таковое — мужское изобретение*. Поэтому исследование мужского господства с помощью права позволяет демаскировать сексуальное ядро мужского насилия и иерархии в отношениях между полами.

4.1. Юридическое злорадство

В отношении женщин к праву можно отметить специфическую амбивалентность.

С одной стороны, никто не отвергает успехов женского движения. На протяжении XX в. удалось ликвидировать правовые ограничения, не допускающие женщин к политике и определенным видам труда. Было введено формальное равенство женщин и мужчин. Происходило усовершенствование гражданского и уголовного кодексов за счет включения в него статей, регламентирующих семейные отношения.

С другой стороны, существует и усиливается неравенство между мужчинами и женщинами в сферах занятости, материального благосостояния и доступа к политической власти. Оказалось, что с помощью права это неравенство устранить невозможно. Насилие в семье дополняется дискриминацией по месту работы. Это питает скептицизм женщин в отношении к роли и значению права в современном обществе.

Например, К.Смарт подчеркивает перманентный характер неравенства полов и ставит вопрос: «Почему же право столь упорно сопротивляется вызову со стороны феминистской мысли и критики?» (14, 2). Она отвечает на этот вопрос, используя открытую М.Фуко связь авторитарных источников знания с социальной властью. Речь идет о феномене юридического злорадства, которое состоит в срастании права с мужской культурой. Эта культура использует право для такого определения социальных категорий и норм поведения, которое лишает женщин правомочности. Это находит выражение в совокупности юридических процедур:

1. Право декларирует, что половые отношения не регламентируются правом. Тем самым возникает иллюзия о нейтральности права в отношении такого явления, как проституция, связанного с эксплуатацией женщин.

2. Право устанавливает, что в материал доказательства может быть включена сексуальная история жертвы, а не обвиняемого. Там самым множество юридических решений по делам о насилии обращается против женщин.

3. Правовая аргументация формулируется в категориях случаев-прецедентов. Апелляция к прецедентам способствует воспроизводству типично мужских предубеждений относительно женщин. Причем это мотивируется защитой интересов женщин, которые являются объектами судопроизводства.

В результате юрист оказывается перед альтернативой: быть профессионалом или становиться на феминистскую позицию. Все это приводит к тому, что женщины крайне подозрительно относятся к праву.

Феминистки выдвигают требование радикальной реформы права для ликвидации эпистемологических источников мужского господства. Иначе говоря, требуется новое определение границ между публичной и приватной сферами. Такое определение неизбежно связано с вопросом: что является и не является правом? Ответ необходим для того, чтобы эффективно защищать интересы женщин в сексуальной и экономической сферах. Природа права остается мужской.

Дело не в том, что мужчины присвоили право и сделали из него идеологическое оружие для защиты собственного господства. А скорее в том, что сама *идея права выражает мужской тип ментальности*. Как лапидарно определил Л. Фуллер: «.. право — это предприятие, имеющее своей целью подчинить человеческое поведение власти правил» (15, 96). Для реализации такой власти требуется проведение строгих линий раздела, создание дихотомий и формулировка простых ответов («да» или «нет») на сложные вопросы. Поэтому правовые дискуссии ведутся в категориях прав и правил, а не взаимных связей и приспособления. В этом смысле право есть мужская парадигма: «Исторический образ мужского — объективного, рационального и публичного — есть доминирующий образ права» (16, 92).

Такая трактовка права непосредственно связана с либерализмом. Капитализм исключает женщин из публичной сферы. Это объясняется правом договора, который выражает авторитет мужчины и исключает женщин из торгово-промышленной деятельности. Теоретики феминизма несогласны с этой тенденцией. Они ставят под сомнение мужскую парадигму власти права, а не само право. Предлагают отбросить абстрактные правовые универсалии и сосредоточиться на фиксации наблюдаемых подобий, разных классах лиц и типов поведения. Правовые абстракции мало что дают для устранения конкретных видов социального неравенства.

Например, в большинстве развитых стран существует закон, запрещающий дискриминацию женщин, имеющих детей дошкольного возраста. Одновременно существует множество профессий и должностных инструкций, исключающих прием на работу таких женщин. Тем самым формальное равенство укрепляет фактическое неравенство. Все аналогичные виды неравенства должны быть интегрированы в систему социальных фактов. На ее основе возможно систематизировать моральные аспекты правовых дискуссий и обнаружить недостаточность правовых абстракций. Это необходимо для элиминации социального унижения женщин с помощью права.

Женский подход к праву отбрасывает все разновидности правового позитивизма. Судьи должны принимать решения на основе обобщения и типологии видов социального неравенства. Так возникает *альтернативное право*. Его идея состоит в сравнительном анализе всех правовых систем с точки зрения того, насколько каждая из них способствует злоупотреблениям господствующих социальных групп. Опыт показал, что системой правовых абстракций можно манипулировать без особого труда ради достижения политических целей. В этом случае законы и подзаконные акты формально признают, а на деле исключают интересы подчиненных групп. Социальное неравенство неизбежно ведет к тому, что *правовые системы фактически легализуют насилие*.

Таким образом, в современном феминизме отвергается длительная традиция либерального права и правового государства. Данная традиция не способствует устранению социального неравенства. Наоборот, она укрепляет индивидуализм и абстрактность права. Феминизм развивает идеи социалистической критики либерального капитализма и его права. Женский подход к праву демаскирует идеологическую роль современного права, которое в сущности лишь транслирует и пропагандирует либеральный индивидуализм. Феминизм стремится подорвать господствующую парадигму права, предлагая взамен альтернативную теорию государства.

4.2. Государство — насильник

Эта теория разрабатывается в уже неоднократно цитированной книге К.Мак-Киннон «На пути к феминистской теории государства». Она отбрасывает тезис о биологической сущности женщин. Все женские качества социально обусловлены и выражены в языке альтруизма. И хотя он остается привлекательным, но, по сути, скрывает подчинение и целиком игнорируется силами мужского господства. Женщины в большинстве случаев бездумно принимают и выражают мужские

представления о том, какими они должны быть и что говорить. Поэтому так называемые «гендерные исследования» не могут считаться репрезентативными.

Мак-Киннон пытается построить такую социальную теорию, которая бы удовлетворительно объясняла природу мужского господства. Одновременно эта теория должна быть сильным конкурентом социалистических теорий классовой эксплуатации. Базисом данной теории служит феномен мужской сексуальности как причины неравенства полов. Согласно Мак-Киннон, власть определяется половой принадлежностью. Отсюда не следует, что все властные отношения обладают сексуальным характером. Но они содержат значимый элемент сексуальности. Этот элемент определяется господством и насилием, коренящимися в мужской сексуальности.

Тем самым отношения между мужчинами и женщинами являются по существу политическими, ибо они содержат элемент насилия. Само государство по методам и целям есть продукт мужской деятельности: «Государство принудительным, репрессивным и авторитарным образом охраняет социальный порядок в интересах мужчин как отдельного пола. Оно осуществляет это посредством норм легитимности, формализма, отношения к обществу и главных направлений своей деятельности. Их исполнителем является государственный аппарат — главный насильник современного общества» (6,62).

К.Мак-Киннон формулирует общую теорию мужского насилия и описывает его проявления в сфере права. Она анализирует законы о кровосмесительстве, абортах, принуждении к сожителству, насилию и порнографии. Анализ насилия является наиболее показательным для понимания сути данной теории.

В большинстве цивилизованных стран существуют статьи уголовного кодекса, предусматривающие наказание за насилие. На первый взгляд, эти статьи защищают женщин. А фактически они оправдывают рутинную склонность мужчин к насилию как внутри, так и вне сферы сексуальных отношений. На основе социологических исследований, проведенных в разных странах в 1970—1980-е гг., Мак-Киннон показывает,

что заявления в суд о насилии подает незначительное число женщин. Большинство жертв мужского насилия хранят молчание. Еще меньше число судебных приговоров за насилие. Но дело не только в этом.

Уже сам факт, что определенные сексуальные отношения определяются как недобровольные и потому уголовно наказуемые, базируется на молчаливой посылке: «нормальное» половое сношение не содержит никаких проблем. Между тем сексуальные отношения имеют место в обществе, основанном на социальном неравенстве. Поэтому согласие женщин на половую связь есть просто *опосредованная форма недобровольного подчинения*. В этом смысле «нормальный» мужчина обычно является насильником, поскольку его господство над женщиной считается культурно-исторической «нормой». А государственный аппарат — прежде всего его военно-репрессивные органы — соединяет сексуальное и социальное насилие над обществом с политико-бюрократической манипуляцией правовыми системами и законодательными институтами.

К.Мак-Киннон полагает, что главными характеристиками либерального права являются иерархичность, произвол и непредсказуемость. Чтобы устранить эти качества, требуется детально описать сексуально-политический фундамент данного права и государства. Различие полов есть социальный конструкт, а сексуальность — источник неравенства. Существующее право и государство воплощают сексуально-политическую волю мужчин. Поэтому современная массовая культура пропагандирует порнографию, которая стимулирует мужское насилие и господство. Это соответствует интересам государственного аппарата, который не желает сломить данную пропаганду, мотивируя ее свободой слова.

Более того, само убеждение в существовании некой универсальной истины, которую должно отражать и воплощать право — есть мужской предрассудок. Чтобы его сломить, женщины должны осознать собственное положение и выработать собственную методологию социального исследования. Она необходима для борьбы с мужской методологией незаинтересо-

ванного, непредвзятого и бесстрастного наблюдения, которая воплощена в либеральном образе науки.

На пути к созданию феминистской теории государства нужно не только реагировать на существующее зло. Требуется систематическое перевоспитание женщин. Современные гендерные исследования не решают эту задачу, поскольку они фиксируют опыт большинства женщин, которые получают удовольствие от подчинения в сексуальной сфере. Этот опыт не является репрезентативным для выражения аутентичной женской точки зрения на проблему мужского насилия. Феминистская теория должна способствовать устранению мужского господства и связанного с ним видения мира: «Ни один эпистемолог-мужчина не в состоянии отрицать общий опыт женщин в ситуации насилия и его правовых последствий. В этой сфере выражается постоянный женский опыт бытия как предмета мужской сексуальности» (6, 235).

Таким образом, феминистская теория права и государства подтверждается многочисленным эмпирическим материалом. Существующие правовые процедуры отражают господство мужчин и не дают возможности изменить отношение к женщинам как подчиненным существам. Поэтому требуется пересмотр всей системы правового правления и государства. Его либеральные стандарты не дают возможности осуществить *систематическое описание всех недостатков и поражений права как социального института.*

4.3. Социальная политика

Указанный выше вывод относится уже не только к феминизму, но и ко всем современным политическим идеологиям, которые не желают замечать данную проблему. Правда, и феминистское движение еще не освободилось от правовых иллюзий. Например, в 1970—1980-е гг. большинство феминистски ориентированных юристов в США полагало, что право может и должно быть совершенно нейтральным в отношении пола. И не признавать никаких различий в этой сфере.

Сторонники формального равенства полов существуют и сегодня.

Они ведут систематическую борьбу с нормативными актами, предоставлявшими отпуск женщинам по беременности, родам и уходу за ребенком. Главный аргумент сторонников формального равенства полов — государство не гарантирует аналогичных льгот для представителей противоположного пола по причине других форм неспособности к труду. Правовое закрепление различий между мужчинами и женщинами подрывает равенство полов и культивирует феодальную систему привилегий. Тогда как теоретики различия между мужчинами и женщинами утверждают, что право должно учитывать особое положение женщин. Ведь они до сих пор вынуждены жить в мире, запрограммированном мужчинами и для мужчин. Теоретики господства, как уже говорилось, стремятся положить конец систематическому доминированию мужчин над женщинами. Оно выражается в актах насилия, принуждении к сожителству, кровосмесительстве и порнографии.

Дискуссии между представителями разных точек зрения на проблему отношения полов продолжаются. Видимо, они просто отражают общую ситуацию *неопределенности*. В настоящее время невозможно ответить на вопрос: какая социальная политика будет наиболее полезной для женщин в близком и отдаленном будущем? Можно только строить предположения.

Например, право может вдохновляться идеей различия полов и создавать шансы для устранения неравенства полов в доступе к экономической и политической власти. Но на практике невозможно решить, сколько времени потребуется для устранения такого неравенства. В настоящее время женщинам предоставляются многочисленные льготы по уходу за детьми. На практике это ведет к тому, что работодатели предпочитают мужчин женщинам. Согласование семейного и трудового права образует особую проблему.

Но независимо от ее решения в современном обществе глубоко укоренилось убеждение: забота о детях (и престаре-

лых родителей) — обязанность женщин. Маловероятно, чтобы в ближайшем будущем мужчины добровольно взяли на себя эту обязанность. И так построили свою жизнь и профессиональную карьеру, чтобы в ней данная обязанность стала главной. Весьма сомнительно также, что спустя непродолжительное время государства введут законодательные акты, обязывающие обоих родителей уходить в отпуск после рождения ребенка. Швеция первой ввела длительные отпуска для женщин по уходу за ребенком и возможность работать на полставки. Вслед за этой страной пошли другие. Однако такая социальная политика лишь укрепила традиционные стереотипы, связанные с полами (см.: 17, 207—225).

4.4. Замкнутый круг бабьей кривды

В последнее десятилетие эпицентр дискуссий смещается к обсуждению вопроса о различиях среди женщин. Феминистские теории выдвигают разные суждения о женщинах в целом. Как правило, такие суждения высказываются от имени женщин. Однако социологическое исследование таких теорий показывает, что они опираются на опыт тех женщин, которые их сочиняют.

Например, французский феминизм развивается под влиянием постструктурализма и постмодернизма. Эти интеллектуальные ориентации связаны с резкой критикой просвещения и эссенциализма. Женщины никогда не были свободны от влияния моды. А женщины-интеллектуалы тем более. Вот и французские феминистки выработали язык и критику, которая подчеркивает отличие женщин от мужчин. Одновременно эта тенденция связана с отбрасыванием категории «женщина» по той причине, что всякая генерализация сомнительна: «Предрассудок "Я — женщина", — пишет Ю.Кристева, — не менее абсурден и реакционен, нежели предрассудок "Я — мужчина"» (18, 63).

Иначе говоря, ставится под сомнение возможность обобщения, идентификации и выражения общего женского опы-

та. Он историчен и подлежит разным способам наблюдения. Однако господство мужчин над женщинами было и остается универсальной культурно-исторической характеристикой. Она и составляет ядро женского опыта. В разных культурах существуют разные законы, права, нормы и обычаи. «Но в любом случае они лишь различным образом унижают и оскорбляют гетеросексуальных женщин и лесбиянок, бедных и аристократок, жительниц городов и деревень, христианок и мусульманок, имеющих детей и бездетных. То же самое можно сказать обо всех остальных способах различия женщин с точки зрения индивидуальной и социальной истории» (18, 203).

Эти способы ведут к различию политических приоритетов. Пропускная способность политических систем ограничивается конечным числом вопросов. Поэтому женщины вынуждены вести политическую борьбу за приоритетные цели.

Таким образом, несмотря на множество различий, можно дать *общую характеристику феминизма как борьбы с мужским господством*, которое пронизывает все социальные отношения современного общества. Этим определяются политические приоритеты феминизма сегодня и в ближайшем будущем:

- борьба со всеми формами насилия над женщинами;
- проблемы здравоохранения, болезни и смерти. Во многих современных обществах женщины по настоянию мужчин вынуждены делать аборты зародышей женского пола. А в странах «третьего мира» женщины голодают и умирают значительно чаще мужчин;
- борьба со всеми формами традиционного домостроя, который укрепляется современными правовыми и бюрократическими процедурами. Данные процедуры до сих пор рассматривают домашнее хозяйство как единицу, интересы которой выражает мужчина— глава семьи;
- борьба с неравными экономическими шансами и социальной дискриминацией женщин в сфере образования и во всей совокупности существующих профессий;

- создание такой системы права, которая смогла бы устранить реальное неравенство женщин;
- борьба с неравенством в доступе к политической власти и политическим дискуссиям (см.: 19).

Нетрудно убедиться, что в современном феминизме на первый план выдвигается устранение разнообразных форм насилия над женщинами, начиная от сексуального и заканчивая политическим. С ним связано расширение права женщин на контроль собственной деторождаемости, поскольку в абсолютном большинстве стран современного мира женщины по-прежнему остаются «детородной машиной». Социальная политика должна быть направлена на разрыв феномена, который в феминизме квалифицируется как «замкнутый круг унижений и оскорблений». Он определяется тем, что женщины по-прежнему вынуждены выполнять самую черную и неблагодарную работу дома, включая заботу о детях, больных и престарелых членах семьи. Вовлеченность в выполнение этой обязанности вызывает непосредственную и опосредованную дискриминацию женщин по месту работы. А трудовое и профессиональное неравенство с мужчинами ведет к тому, что влияние женщин уменьшается даже в семье.

Ни одно правительство мира пока не смогло разорвать этот круг. Но главная проблема состоит в том, что даже реализация всего комплекса политических приоритетов будет действовать в пользу одних и во вред другим женщинам. Так что его воплощение в жизнь повлечет за собой множество противоречий. Единой панацеи для их разрешения нет. И не существует политической уверенности в том, что каждый отдельный шаг и реформа породят однозначно положительные следствия для всех женщин.

4.5. Множество идеологических нарративов

В предисловии к книге говорилось, что идеология может пониматься как средство упорядочивания действительности в целях ее понимания. Это средство влияет на восприятие

действительности, но не всегда служит существующей власти. С этой точки зрения в феминизме можно выделить главную идеологему: различие полов есть кардинальная социальная проблема, поскольку существующее положение вещей не может считаться равенством между полами.

Эта идеологема несводима лишь к одному источнику неравенства между полами. В то же время феминистки подчеркивают самодовлеющий и самоконструируемый характер господства. Указанный акцент сближает феминизм с постмодернизмом и постструктурализмом. М.Фуко и Ж. Деррида детально описали телесную и социальную микрофизику отношений силы и бинарные оппозиции современного общества. Однако постмодернизм и постструктурализм заинтересованы преимущественно описанием социокультурных феноменов. Тогда как феминизм однозначно ориентирован на политику. Этим определяется ряд его дилемм.

С одной стороны, все ныне существующие концепции справедливости и связанные с ними юридические аппараты содержат элементы произвольного конструирования и потому не могут считаться абсолютно объективными и удовлетворительными. С другой стороны, феминизм вынужден высказываться в пользу одной из концепций справедливости и права, которая выходит за рамки одного общества.

С одной стороны, идеология как ложное сознание формируется множеством факторов социальной действительности. С другой стороны, феминизм вынужден предпочитать женский опыт как главный фактор создания собственной идеологии. Не надо специально доказывать, что в этом опыте элементов лжи ничуть не меньше, нежели в мужском.

С одной стороны, любая совокупность социальных отношений порождает неравновесие сил и потому любое насилие ограничивает свободу. С другой стороны, феминизм вынужден принимать участие в насилии с помощью права или политики, поскольку без такого участия невозможны никакие социальные изменения.

Эти дилеммы в обозримом будущем разрешить не удастся. Но если иметь в виду предшествующую историю феминизма, то можно утверждать, что он будет пользоваться преимущественно идеями консерватизма. Как было показано во второй главе, для консерватизма как раз характерно подчеркивание значимости опыта как источника политического действия.

Феминистки заимствуют также положения современного коммунитаризма, в котором разрабатывается теория традиции как основы человеческой социализации. Традиция есть способ индивидуального конструирования личности, а не безличное начало. В ее рамках возникают индивидуальные нарративы о множестве человеческих судеб. Чтобы участвовать в традиции, требуется создать свой собственный нарратив. Без него невозможно культурное общение.

Итак, если рассматривать феминизм как идеологию — способ видения и осмысления мира, — то по мере его распространения он будет принимать все новые формы. Предвидеть их невозможно. Зато можно утверждать, что политический опыт западных стран будет постепенно терять универсальность. В этом контексте формируется российский и постсоветский феминизм.

Для политического опыта Запада характерна дихотомия публичной и приватной сферы. С этой дихотомией связывается проблема пола, а феминизм настаивает на преодолении указанной дихотомии. Тогда как в России ее никогда не было, поскольку русская власть всегда была переплетена с собственностью и идеологией. Какое влияние оказывает данное переплетение на классические бинарные оппозиции («чистое — нечистое», «война — материнство», «духовное — звериное»), предлагаемые для анализа западным феминизмом? На этот вопрос можно ответить только в процессе конкретного исследования русской культуры в сопоставлении с другими культурами. В политических понятиях отражается различие полов, преломляясь специфически в каждой культуре.

Задача российского и постсоветского феминизма — демаскировка всех следствий воздействия русской и советской власти на женское мышление и поведение. В том числе изуче-

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

ние сознательных и бессознательных половых конотации, которые содержатся в главных философских и политических концепциях России. По крайней мере сравнение России с бабой — общее место русской мысли. И пока неясно, как это представление воздействует на политику.

Зато не вызывает никакого сомнения, что господство мужчин над женщиной в истории и современном состоянии России принимало самые звериные формы. Смогут ли русские женщины так преобразовать экономические, социальные и политические структуры страны, чтобы в них не осталось и следа мужской звериности? Сколько времени потребуется для ответа на этот вопрос — предсказать невозможно. Лишь постепенное накопление женского опыта, политики и философии будет создавать почву для русской модификации главного постулата европейского феминизма: приватная сфера есть политическая сфера.

ГЛАВА 6

ЭКОЛОГИЗМ

В 1870 г. германский зоолог Э.Геккель определил термин «экология» как исследование комплекса отношений животных к органической и неорганической среде. Но уже в начале XX в. сфера данного термина расширилась. Он начал означать анализ процесса жизни растительных и животных организмов, а также человеческих обществ. В 1970-е гг. в науку был введен термин «инвайронментализм». Он используется для обозначения специальной социологической теории, в соответствии с которой различия человеческих культур объясняются такими факторами, как почва, климат и запасы продовольствия.

Примерно с 1970-х гг. начинается также история экологического или инвайронменталистского движения. Речь идет уже об определенной социополитической силе, а не о конкретной научной теории и направлении исследований. Данная модификация отразилась в таких выражениях, как экополитика, экофеминизм, экосоциализм и т.п. В большинстве случаев выразителями данного движения являются политические партии «зеленых». Иногда возникают особые группы давления, которые стремятся модифицировать программы уже существующих партий. В последнее время представители этого движения все более переходят к непосредственным политическим действиям. Поскольку ни политические партии, ни группы давления не в состоянии пока реализовать цели эко-

логического или инвайронменталистского (в дальнейшем эти термины будут использоваться как тождественные, если для уточнения не потребуется специальных оговорок) движения.

1. Проблематика

Существует взаимосвязь между прежним и новым смыслами указанных понятий. Представители инвайронментализма обычно подчеркивают социологическое значение природы. Она не является пассивной «средой», а оказывает глубокое и разностороннее влияние на все виды социальной практики. Тогда как экологи склонны делать акцент на биологических взаимодействиях между обществом и средой. Инвайронменталисты враждебно относятся к науке и технике, усматривая в них главную причину деградации природной среды. Но независимо от данных различий экологизм отличается от традиционных политических идеологий и движений.

Экологи постоянно ссылаются на данные естественных наук. Используют понятия теплового эффекта, озонного слоя, пищеварительного тракта и другие термины словаря естествознания. В то же время экологизм не отказывается от применения классических социальных и политических понятий. При этом экологи требуют проведения радикальных социально-политических изменений.

Например, в программе Германской партии «зеленых» 48 страниц из 54 посвящены описанию программ децентрализации, отказа от насилия, демократии участия, эгалитаризма, отказа от ядерного оружия и атомных электростанций, регулярной ротации всех постов в исполнительной, законодательной и судебной власти. Причем все эти требования являются лишь предпосылкой проведения фундаментальной экологической реформы. Эта реформа не может быть проведена в рамках социально-политических структур капитализма и государственного социализма. Ни наука, ни техника, ни госу-

дарственные налоги, ни уголовное право, ни существующие политические партии недостаточны для проведения данной реформы.

Естественно, радикализм указанных постулатов слабеет или усиливается в зависимости от связей экологизма с другими политическими движениями и идеологиями.

1.1. Концепция среды

В биологическом смысле слова термин «среда» означает все, что влияет на сохранение, размножение и развитие организмов. В состав среды данного организма входят другие организмы. Например, комары входят в состав человеческой среды. И наоборот: человек — часть среды комара. В малых количествах комары создают только неудобства для человека. А в больших могут даже угрожать его жизни (таежный гнус, малярийный комар). Правда, люди комаров не едят. Тогда как для комара человек служит одновременно источником пищи и смерти.

Принято выделять три разновидности человеческой среды: социальную, искусственную и естественную.

Каждый человек рождается в обществе, образующем множество видов социальной практики. Данное множество и есть социальная среда индивида. Он может настолько интернализировать те или иные виды практики, что последние неотделимы от образа жизни и мысли человека. Природа социальной практики влияет на сохранение, размножение и развитие индивидов.

Экологизм отличается от вышеприведенных банальностей тем, что в нем впервые было осознано: социальная среда влияет на выживание человеческого рода в целом. Множество видов социальной практики способствуют деградации человеческой среды. Знание об этом является одним из источников экологического движения и идеологии.

Человечество на протяжении истории сознательно создало множество физических предметов для удовлетворения че-

ловеческих потребностей, желаний, прихотей и причуд. Эти предметы образуют искусственную среду человека. Ее создание было реакцией на угрозы природы. Сегодня эти предметы сами стали угрозой для человека. Например, даже изобретение и применение инсектицидов (если ограничиться насекомыми) вредно влияет на здоровье человека.

Экологи полагают, что любой предмет, созданный человеком, содержит в себе ту или иную угрозу. Так, распространение компьютеров резко увеличило число глазных и психических заболеваний.

Существует также и естественная среда, причем ее отличие от искусственной не является абсолютным. Конечно, в некоторых медвежьих углах нынешнего мира еще сохранилась дикая природа, не оскверненная человеком. В промышленных странах сама природа стала частью социальной среды. Например, сегодня мухи и воронье кружат и выются не над полями битв, а нашли себе пристанище в городах. Вследствие контактов с людьми они изменили структуру пищи. Но эта модификация не имела ничего общего с сознательной деятельностью человека. Во всяком случае ни один ученый не ставил перед собой цель кормить мух отходами человеческого жилья. В то же время парки, клумбы и даже цветы на подоконнике есть продукт сознательной деятельности человека. Но даже отбор таких растений должен соответствовать строгим правилам городской жизни. Почему-то нет любителей выращивать первобытные мхи и папоротники вдоль проезжих дорог.

Ситуация в аграрных регионах несколько иная. Здесь природа может быть предоставлена самой себе, но ее окружение тоже меняется в зависимости от потребностей человека. Поля разбиваются в соответствии с принципами геометрии, лесополосы насаждаются для защиты полей, террасы на возвышенностях пропаханы тракторами и т.д. Животные тоже подверглись длительному генетическому отбору и вивисекции, осуществляемой человеком. Несмотря на эти изменения, экологи борются за сохранение углов живой природы в неизменном виде. Человек смог изменить растения и животных, но

не был их создателем. Реки, моря и климат принадлежат к той же категории, если даже они загрязнены в результате человеческого вмешательства.

Экологи стремятся сохранить природу, вернуть ее в первобытное состояние или, по крайней мере, предотвратить вырождение природы. Для достижения этих целей требуется изменение множества видов социальной практики и искусственной среды. Различия между участниками экологического движения относятся к мотивам и средствам предполагаемых изменений. Это движение неоднородно, причем сторонники тех или иных средств ведут борьбу между собой. В этой борьбе формируются модификации экологизма.

1.2. Модификации

В общем, можно сказать, что главным врагом экологов является государственный аппарат. Особенно военно-промышленный, аграрный, горнодобывающий, топливный и лесопромышленный комплексы. В принципе все виды промышленности, в том числе ее научно-техническое обеспечение, могут считаться явными или тайными врагами экологизма. И классификация экологического движения до сих пор осуществлялась его противниками.

Существуют радикальная и умеренная разновидности движения. В состав первой попадают те лица и группы, которые не идут ни на какие переговоры с государственной администрацией и технократией. Предпочитают методы прямого непосредственного действия. Противники экологических радикалов обычно прибегают к аргументации, которая имеет в виду экономический рост и благосостояние людей. Но радикалы именно эту цель и не признают. Они отбрасывают саму концепцию устойчивого развития, изложенную в докладе ООН «Наше общее будущее» (см.: 2). Так или иначе данная концепция легитимизирует развитие промышленности. Предшествующий опыт показал, что оно способствует деградации среды. По мнению радикалов, надо двигаться в противопо-

ложном направлении. Только таким образом можно решить экологические проблемы.

Внутри экологизма существует другая типология. А.Несс предлагает проводить различие между «поверхностным» и «глубоким» инвайронментализмом (см.: 3). Нетрудно заметить, что эта типология экологического движения имеет оценочный характер. Мало найдется охотников выступать под знаменами движения, являющегося поверхностным по определению. Тогда как всякое глубокое проникновение в суть любого дела всегда было привлекательным для большинства людей.

Есть и более нейтральные классификации. Они разделяют инвайронментализм на гуманистический (антропоцентрический) и биоцентрический. Однако и эта классификация ставится под сомнение феминизмом, который усматривает в ней проявление мужского господства. Кроме того, само выражение «гуманистический» связано с определенной метафизической концепцией. Она ставит человека в центр природы, которая существует только благодаря и с учетом человеческого бытия. Но никакой серьезный эколог не может согласиться с таким подходом.

Цель гуманистических инвайронменталистов — изменить всю социальную практику человека, поскольку она наносит вред среде. Прежде всего речь идет о военно-промышленном, научно-техническом, лесотехническом, добывающем и (в меньшей степени) аграрном комплексах. До сих пор они были главными виновниками нарушения баланса между средой и человеческим обществом. А рынок, ориентированный на прибыль, только укреплял такие ориентации. Поэтому все указанные виды промышленности и рынок в конечном счете вредят человеческим интересам.

Цель биоцентрических инвайронменталистов — сохранение биосферы в целом. С этой точки самоуничтожение человеческого рода не является ни новым, ни важным событием. Биоцентристы готовы согласиться и с такой перспективой при условии: самоубийство человеческого рода не помешает сохранению биосферы в целом. А она сможет породить новые

и неизвестные до сих пор классы и виды высокоорганизованной жизни.

Существует также локальный инвайронментализм — наиболее узкая форма гуманистического и универсального экологизма. Она наиболее распространена и сводится к попыткам решать экологические проблемы в рамках производственных и ведомственных структур, а также местных органов власти. Например, сторонники такого подхода могут выступать против загрязнения рек и других результатов производственных процессов. Но главный мотив такой деятельности — материальные и другие интересы жителей данной местности и других органов власти. Так, для жителей и властей Ростовской области загрязнение Дона считается более важным, нежели деградация биосферы Байкала.

Универсальный экологизм стремится выйти за узкие рамки принципа «Моя хата с краю». Его представители борются за сохранение среды в районах, в которых сами не живут. А также обсуждают перспективы появления отдаленных экологических угроз во времена, превышающие продолжительность обычной человеческой жизни. Кроме того, универсальный экологизм стремится систематически описать отрицательные последствия достижения экономических и материальных интересов. Они до сих пор были главным мотивом человеческих действий и порождают множество экологических опасностей. Не надо специально доказывать, что освобождение от этого мотива остается пока голубой мечтой.

В этих условиях представители универсального экологизма выдвинули лозунг «Глобальное мышление и локальное действие»). Например, если речь вести о Ростовской области, то экологическое движение в ней должно располагать информацией обо всех экологических опасностях России и всей планеты. Эту информацию можно использовать как при решении локальных вопросов, так и для давления на местные органы власти, которые всегда будут отстаивать свои хуторские интересы. И в конечном счете способствовать еще большему обострению экологических проблем.

Однако девиз «Глобальное мышление и локальное действие» пока еще не нашел политического воплощения среди представителей разных отрядов экологического движения. Союзы между ними имеют временный характер и не в состоянии разорвать замкнутый круг социальной и политической беззаботности. Она характерна для абсолютного большинства жителей Земли и существующих властно-управленческих структур. Такой разрыв становится насущной политической задачей всех инвайронменталистов.

1.3. Государственный неокOLONIALИЗМ

Экологическое движение пока еще находится в фазе локального развития. Его успехи ограничиваются отдельными местностями. Наиболее показательными примерами могут быть устранение смертоносной мглы над Лондоном и возвращение рыбы в Темзу. Если исключить из рассмотрения огромные державы, то большинство экологических проблем имеют наднациональный и надгосударственный характер. При этом большие индустриальные державы создают это большинство. Множество рек пересекают несколько государств (классическими примерами могут быть Дунай и Рейн), а многие моря расположены между государствами (например, Балтийское). В результате реки стали сточными канавами, а моря — гигантскими отстойниками нечистот. Кислотные дожди и катастрофы атомных электростанций тоже не знают национальных границ, как и озоновые дыры и общее потепление атмосферы. Все эти явления — результаты деятельности промышленности. Следовательно, деградация среды в одной стране оказывается вредной и для других стран. Тем самым национальные государства все в большей степени угрожают человеческим интересам.

Эта ситуация породила множество трудноразрешимых проблем, главной из которых является *государственная автаркия*. Каждое государство до сих пор ведет себя так, как если бы оно было единственным островом на Земле. Тем самым

оно дает множество поводов для объединения экологического движения. Например, если систематизировать все последствия вырубания лесов в европейской и сибирской частях России для изменения климата, то неминуемо возникает вопрос об экологической ответственности всех правительств, существовавших в России на протяжении XX в. Нетрудно понять, что данная проблема является прежде всего политической.

До сих пор правительства действовали в соответствии с принципом государственного суверенитета. Этот принцип привел к тому, что источник экологических проблем может находиться в одной стране, а страдают от них не только жители данной страны, но и множества других. В каждой стране существует множество предприятий ранее перечисленных комплексов. Их руководство все еще действует в соответствии с принципом ухода от экологической ответственности. Технократия стремится к тому, чтобы правительство данной страны игнорировало экологические проблемы.

Аргументы технократии не отличаются оригинальностью. Например, жители Ростовской области выступают против пуска Волгодонской АЭС. А руководство самых различных рангов (с привлечением специально нанятых ученых-экспертов) отвечает, что экологи тормозят хозяйственное развитие региона, способствуют энергетическому кризису и т.д. В этом смысле технократический подход к решению социальных проблем тоже обладает универсальностью. Например, вряд ли кто-либо из руководства Ростовской области задумывался над вопросом: что общего между ним и лесопромышленниками Аргентины и Бразилии? Между тем общее есть. В 1980-х гг. лидеры экологического движения в Южной Америке выступали против массового вырубания лесов в долине Амазонки. А местное руководство им отвечало, что экологи выступают в защиту неокOLONИализма, способствуя экономической отсталости собственной страны.

Таким образом, технократия оперирует жупелом колониализма — старого или нового, внешнего или внутреннего (см.: 4). Но в любом случае колонизатором выступает она сама, перекаладывая ответственность на экологов. И чем боль-

ше страна, тем сильнее тенденции правительства к колонизации собственной территории. Обычно правительства ее уничтожают для достижения сиюминутных экономических и политических целей. В этом смысле идеалом была власть, существовавшая в России после 1917 г. Она пожирала собственную территорию намного успешнее по сравнению с внешними колонизаторами. Властно-управленческий аппарат современной России выступает наследником данной традиции (см.: 5).

Как уже говорилось, биоцентрические экологи отрицательно относятся к самой тенденции экономического роста — скачкообразного или устойчивого. Реальная проблема состоит в том, что до сих пор экономический застой страны или отрасли хозяйства был связан с безработицей, низким уровнем жизни, политической нестабильностью и насилием. Эти факты, а также их следствия в отношении отдельной страны или группы стран игнорировать невозможно. Поверхностный экологизм как раз и состоит в приписывании ценности экономическому развитию. Тем самым он смыкается с такими идеологиями, для которых данная цель является приоритетной.

Но отсюда не следует, что радикальные экологические требования должны быть отброшены. Экономическая прибыль не в состоянии отменить факта деградации природной среды. Поэтому проблема смещается к такой реорганизации экономической деятельности, чтобы все предприятия, нарушающие экологический баланс, постоянно стояли перед перспективой закрытия. Если правительство не отказывается от вмешательства в экономическую жизнь (а эта тенденция характерна для либерализма, консерватизма, марксизма и социализма) и от принципа суверенитета, то его непосредственная обязанность заключается в выработке и предложении альтернативных решений. Задача экологического движения состоит в постоянном давлении на правительство, все органы власти и политические партии с целью ускорения выработки таких альтернатив. В этом случае не приходится рассчитывать на особую популярность экологической идеологии.

Опыт показывает, что в развивающихся странах (в число которых переместилась Россия) экологическое движение не обладает значительной силой. В обозримом будущем текущие политические потребности здесь будут заслонять важность экологических проблем. Кроме того, перед самым экологическим движением возникает множество угроз.

Главная из них — как сохранить самостоятельность экологического движения и идеологии? Депо в том, что политическую борьбу за экологические ценности приходится вести в рамках сложившихся государственных и политических структур. Отсюда вытекает распространенная иллюзия: экологическое движение использует существующие правительства и политические партии для «правого дела». На самом деле эти структуры используют экологов в собственной борьбе за достижение политической власти. В этом смысле экологи находятся в ситуации, не отличающейся от типичного положения меньшинств в любых социальных и политических структурах. Всякое меньшинство нуждается в союзниках для поддержки собственных требований. А затем начинает отождествляться с собственными союзниками. Ими могут быть правительства и политические партии, совершенно чуждые целям экологического движения, но широко применяющие экологическую риторику, создающие особые законы и учреждения по «природоохранной деятельности». Как правило, такие законы остаются на бумаге, а учреждения превращаются в очередные бюрократические конторы.

Данная проблема не решена еще ни в одной стране мира. Поэтому не исключено, что в ближайшем будущем *следует ожидать радикализации экологического движения*. Этот процесс обусловлен рядом других трудноразрешимых проблем.

2. Будущие поколения

Забота о будущих поколениях существует издавна. Она воплощается в различных формах. Например, широко рас-

пространена практика составления завещаний. Люди склонны передавать наследство (если оно у них есть) детям, внукам и организациям. Передавая наследство потомкам, люди незначительно отличаются от высокоорганизованных животных, для которых тоже характерна забота о подрастающем поколении. Правда, есть люди, которые всю свою жизнь потратили на определенную деятельность. И желают, чтобы она продолжалась и после их смерти. В этом случае они вынуждены передавать свое наследство организациям, будучи уверенными, что те продолжат их дело. Короче говоря, фактор заботы был и остается существенным компонентом человеческой жизни.

Наиболее распространенная форма передачи наследства — потакание желаниям будущего поколения. Для этого значительная часть людей стремится накопить собственность и деньги. Однако естественные богатства не поддаются накоплению и не созданы человеком. Их можно лишь сохранять. Экологическое движение создано в предположении, что его институты продолжат такое сохранение. При этом в состав природоохранной деятельности входит не только сохранение биосферы. Гуманистически ориентированные экологи стремятся также сохранять и развивать либерально-демократическое общество во всей его разнородности. А такое общество до сих пор существовало лишь в городах. Города в большей или меньшей степени грабили деревню и прилегающие территории. В этом контексте забота о сохранении природных ресурсов не свободна от корпоративно-группового эгоизма.

2.1. Ресурсы

Эта проблема была первоначально сформулирована в докладе Римского клуба «Границы роста», опубликованном почти тридцать лет назад. Его авторы забили тревогу, описывая ряд тенденций, связанных с потенциальным истощением природных ресурсов. Характерно, что экономисты, технократы и представители властно-управленческих структур

ряда индустриальных государств подвергли доклад критике. Теперь своекорыстие данных групп прикрывается христианскими ценностями надежды и оптимизма. Авторы доклада были обвинены в недооценке технологии как средства открытия новых минеральных богатств и производства субститутов, благодаря которым человечество в обозримом будущем может прекрасно обойтись без природных ресурсов.

О справедливости такой критики судить еще рано, поскольку мрачные прогнозы авторов доклада обладают запасом времени для осуществления. В то же время нельзя отрицать самоочевидный факт ограниченности природных ресурсов — полезных ископаемых, чистой воды и воздуха, биосферы в целом. Тридцать лет назад казалось абсурдом, что чистая вода станет товаром. Сегодня она продается во всех ларьках. И люди вынуждены платить за нее цену, установленную без их согласия. Если даже предположить, что естественные ресурсы никогда не будут исчерпаны, то по мере их уменьшения цена на элементарные условия жизни (а вода относится к их числу) будет расти. А высокие цены будут влиять на развитие будущих поколений. Например, сегодня далеко не каждый житель российских городов может позволить себе роскошь покупки экологически чистой воды. То же самое можно сказать о субститутах, поскольку их производство связано с использованием других видов естественных ресурсов.

Наиболее распространенным ответом на эти и другие экологические проблемы является традиционная человеческая беззаботность. Людям свойственно замыкаться в своем собственном кругу повседневных забот. Тем самым будущие поколения встанут перед проблемами, ответственность за которые лежит на нынешнем поколении. Но оно от них традиционно отмахивается. Если исходить из неизменности темпов научно-технического прогресса, то крайне сложно предвидеть, что именно наши потомки будут считать проблемами и какими средствами располагать для их решения. По крайней мере будущее всегда было предметом страха и тревоги. Нарастание темпа социальных изменений усиливает неопределенность будущего.

Следовательно, основания экономического и технократического оптимизма все более сужаются. Тогда как информация, необходимая для принятия решений, наталкивается на множество барьеров — от психологических до политических и цивилизационных. Зато можно утверждать со всей определенностью: люди, которые станут нашими наследниками на земле, будут нуждаться в воде, питании, чистом воздухе, тепле и пространстве, подходящем для жительства. Эти потребности являются вечными. Поэтому всякие изменения состава атмосферы, температуры земного шара, уровня суши над уровнем моря, количества лесов, минеральных ресурсов, почвы и рек ставят указанные потребности под вопрос, и только морально-интеллектуальные хуторяне, заселяющие сегодняшние города, могут отмахиваться от данных проблем (см.: 6).

Следует подчеркнуть, что будущее поколение с теоретической точки зрения не тождественно нашим детям, внукам и правнукам. Иначе говоря, *кровнородственные связи не являются критерием экологической заботы о будущем*. Таким критерием могут быть только определенные социально-политические концепции, детерминирующие поведение большинства людей. Например, в классическом утилитаризме любое действие имеет смысл, если оно способствует наибольшему счастью наибольшего числа людей. А общее благо легитимируется критерием ответственности в отношении данных людей. В других политических идеологиях кровнородственные связи тоже не являются главным критерием межпоколенческих контактов. Это правило относится и к истории советского общества, образующего основу современных российских преобразований (см.: 7). Природоохранная деятельность осуществляется в данном контексте. Тем самым чувство удовольствия и неудовольствия настоящего и будущего поколений (а именно на основе данного чувства строится либерально-утилитаристская концепция всеобщего счастья) не может быть критерием экологической деятельности. Требуется разработка принципиально новой системы критериев, основанной на сравнении различных концепций хорошей или достойной жизни.

Создание такой системы происходит в условиях неопределенности, связанной с действием множества факторов.

2.2. Возможен ли отказ?

Среди факторов надо отметить прежде всего политическую проблему: настоящее поколение должно отказаться от определенных потребностей и благ, если оно желает обеспечить удовлетворение потребностей и достойную жизнь будущим поколениям; однако обеспечить равномерность такого отказа всех стран и отдельных регионов внутри страны в настоящее время невозможно.

В экологической идеологии пока нет строгого определения самого понятия «отказ от потребностей». Например, в настоящее время жители Москвы потребляют значительное количество энергии для того, чтобы приблизиться к уровню потребления в соответствии с международными стандартами. Этот уровень не идет ни в какое сравнение с потреблением энергии жителями других регионов России. Чтобы добиться хотя бы исходного равенства (причем это понятие тоже допускает множество интерпретаций), Президент России или мэр Москвы должны были бы издать указ, регламентирующий потребление энергии. Этим указом можно было бы обязать жителей Москвы отказаться от использования личных автомобилей, ездить только общественным транспортом или ходить пешком до того времени, когда потребление энергии жителем Москвы и самой захудалой российской деревни сравняется. В этом случае жители столицы должны были бы пойти на определенную жертву.

Не надо доказывать, что такие указы не встретили бы никакого энтузиазма со стороны жителей Москвы. В результате конкретно-социологических исследований экологического сознания жителей различных регионов России установлено: в общем виде большинство согласно с требованием сохранения среды; но ни один социальный слой и группа не собира-

ются отказываться от материальных и социальных благ для реализации данных требований (см.: 8).

Таким образом, с экологической точки зрения меньшее потребление энергии есть одна из характеристик достойной человеческой жизни. Однако приведенный пример показывает, что настоящее поколение не желает нести жертвы во имя будущих поколений. Такой способ поведения является наиболее распространенным. Поэтому политики всегда имеют возможность сослаться на опросы общественного мнения для того, чтобы отодвигать решение экологических проблем в неопределенное будущее.

Другой пример. Если сравнить чистоту улиц в европейских и российских городах, то сравнение будет не в пользу нашего отечества. Между тем сохранение чистоты не требует больших затрат энергии. Однако завалы грязи в самых неожиданных местах — от городских подъездов до станций метро — элемент унылой отечественной реальности. Причем его не смогла устранить ни диктатура Сталина, ни современная демократическая власть. В то же время ясно, что поддержание чистоты не требует никаких радикальных социально-политических изменений. И экологические требования в этой сфере могут быть осуществлены безболезненно. Но и в этом случае элементарные санитарные преобразования наталкиваются на вековые стереотипы повседневной жизни. В результате ни прошлые, ни настоящее поколения не могут служить для будущих примером даже в минимальной степени.

Вообще говоря, завалы мусора — реальность индустриального общества. Экологи уже давно требуют, чтобы потребители перестали выбрасывать многообразную тару и упаковку, на производство которой расходуются миллионы тонн естественного и искусственного сырья. Это требование способствует сохранению естественных ресурсов и уменьшает завалы мусора. Но даже для его реализации требуются энергия, новые машины и производственные процессы. Они ведут к появлению побочных последствий и поддерживают иллюзию в том, что запасы ресурсов никогда не исчерпаются.

Экояогизм

Во всех приведенных случаях требуется отказ нынешнего поколения от сложившихся стандартов потребления и стереотипов поведения. Проблема осложнится еще больше, если во имя будущих поколений потребуются ввести запрет на определенные профессии. Например, для сохранения запасов кислорода надо закрыть или существенно ограничить деятельность лесопромышленных предприятий и министерств. Вследствие такого запрета возникнет безработица не только среди лесопромышленников, но и обслуживающего персонала. Как решить эту проблему?

Видимо, здесь может помочь опыт перехода от тоталитаризма к демократии в странах Восточной Европы. На протяжении последних десяти лет все работники партийного аппарата, значительная часть служащих тайной политической полиции, офицеров и генералитета потеряли свои должности, и Никакого социального катаклизма не произошло. Наоборот, такие социальные изменения оздоровили страны бывшего социалистического лагеря. Принесли пользу настоящему и будущему поколениям. На этом основании может быть построена система доказательств, ограничивающих деятельность лесопромышленного комплекса. Причем предполагаемые изменения уже не могут считаться чисто локальными, поскольку они затрагивают целые профессиональные группы и управленческие структуры.

Следующая проблема связана с соблюдением прав человека не только в отношении настоящего, но и будущих поколений. Что касается классических прав (типа свободы слова), то нет никаких сомнений в том, что они должны неукоснительно соблюдаться. Но как связать либерально-демократические ценности с экологической идеологией? Некоторые инвайронменталисты предлагают построить систему воспитания и пропаганды таким образом, чтобы она постоянно внедряла в сознание населения мысль: деградация природной среды неизбежно приведет к появлению тоталитарных или военно-авторитарных режимов, которые не будут соблюдать права человека (см.: 9). Между тем демократические государства загрязняют среду ничуть не меньше тоталитарных.

Кроме того, тоталитарные тенденции существуют в самом экологическом движении. Например, Д.Каллико пишет: «Перспектива общества, жертвующего правами человека во имя общего блага, является вполне приемлемой. По сути дела можно утверждать, что именно сейчас мы должны стать таким обществом» (10, 337). Такой способ рассуждения завершает длительную традицию вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь. Как было показано в первой главе, либеральные правительства с конца XIX в. регулярно нарушают права собственности и право на труд. Тем самым они способствуют и усиливают процесс бюрократизации, создавая бесконечное число многообразных предписаний. Следовательно, экологическое движение не свободно от данного процесса. Если учесть, что бюрократия существует как раз для того, чтобы создавать социальные проблемы, а затем бесконечно их решать, то идентичность экологической идеологии не может быть достигнута без освобождения от этой тенденции. Но ее пока не в состоянии решить ни одна из ранее описанных идеологий и политических систем.

Возможно ли контролировать прирост населения в интересах будущих поколений? Многие экологи утверждают, что мир перенаселен или будет таковым в ближайшем будущем; «Если население Земли превысит определенный уровень, то вследствие деградации среды человеческая жизнь станет крайне неприятной, brutальной и краткой» (11,67). В то же время такая точка зрения оспаривается. Не меньшее число экологов надеется на научно-технический прогресс, благодаря которому в ближайшем будущем станет возможной колонизация ближайших планет. Тем самым прирост населения не представляет угрозы. Особенно с учетом того, что на протяжении последних десятилетий удалось резко повысить производительность сельского хозяйства. Однако эта тенденция оспаривается. Инвайронменталисты отмечают, что повышение производительности аграрной сферы произошло за счет загрязнения почвы химическими удобрениями.

При обсуждении данной проблемы высказывается и такая точка зрения, согласно которой всякое ограничение есте-

свнного прироста населения является моральным злом: «Эта проблема была уже поставлена в классическом утилитаризме. Если требуется обеспечить максимум всеобщего счастья, то нельзя исключить, что вначале мы должны стремиться к созданию большой популяции людей. Каждый член такой популяции обладал бы частичкой счастья. И наоборот: не следует стремиться к созданию значительно меньшей популяции, члены которой были бы более счастливы. Конечно, если можно доказать, что жители густонаселенного мира будут вынуждены жить в страшной нищете, то результаты вычислений окажутся совершенно иными. Однако такой аргумент найти крайне трудно» (см.: 12, 153).

Таким образом, утилитарно-либеральный подход к проблеме контроля прироста населения в интересах будущих поколений создает методологические тупики. Один из них состоит в доказательстве того, что густонаселенный будущий мир будет содержать меньше счастья по сравнению с миром, в котором ограничен прирост населения, второй заключается в предположении, что в таком мире не существовала бы политическая свобода и потому достойная жизнь была бы невозможной. Но в ибих случаях по отношению к ограничению прироста населения можно выдвинуть моральные возражения.

Некоторые из них связаны с фактом: контроль рождаемости связан с применением противозачаточных средств и абортов. Однако если такие действия осуществляются добровольно, то этот факт не является возмутительным с моральной точки зрения. Более важно то, что контроль рождаемости на мировом уровне в ближайшем будущем не приведет к уменьшению населения Земли. В то же время существуют аргументы для доказательства положения: перенаселение есть главная причина деградации среды.

Короче говоря, проблема соотношения цели и средств имеет самое непосредственное отношение к экологической идеологии. Как было показано ранее, данная проблема стоит перед всеми политическими идеологиями. В том числе и перед теми, для которых цель является разновидностью утопии. Ни биоцентрические, ни гуманистические инвайронменталисты

не в состоянии предложить решения, позволяющие регулировать отказ от чувственных удовольствий во имя будущих поколений.

2.3. Тотальные потребители

Природа издавна воспринималась человеком как источник страха или ресурсов. Причем ресурсы до сих пор понимаются как средства, позволяющие поддерживать и увеличивать темп экономического развития. Тем самым противоположность между человеком и природой конституирует человеческий способ существования. Экологи не согласны с такой трактовкой и рассматривают человека как часть природы. При этом они подчеркивают значение непосредственных и опосредованных потерь, которые несет человек вследствие деградации природной среды. Для преодоления такой ситуации предлагаются различные стратегии.

Наиболее распространенная из них — учет влияния среды на человеческое здоровье. В этом пункте разновидности экологов согласны между собой. Их политическое влияние зависит от того, насколько они в состоянии устранить конкретные причины ухудшения человеческого здоровья. Однако и эта проблема далека от решения.

Современное производство в большей или меньшей степени загрязняет среду. Все промышленные предприятия выступают источниками такого загрязнения. С деятельностью данных предприятий связана профессиональная структура общества. Представители аграрной сферы не собираются отказываться от применения химических удобрений и других искусственных средств повышения урожайности. А руководство и персонал промышленных предприятий продолжают отравлять воду и атмосферу. Угроза безработицы для них значительно важнее экологических угроз. Ученые обеспечивают тех и других технологиями, в которых экологическая чистота не идет ни в какое сравнение с технической эффективностью.

Все эти профессиональные группы пользуются поддержкой акционеров, властно-управленческого аппарата и правительств. Последние опасаются социальных и экономических следствий запрета экологически вредных производств. Конкуренция стимулирует такое поведение, причем ее влияние тем больше, чем более индустриализована та или иная страна. Развивающиеся страны — в силу своей зависимости от развитых — не в состоянии выступить единым фронтом против экологически вредного производства. Ситуация обостряется из-за того, что не существует единой методики измерения экологического вреда. По этому вопросу у ученых единства мнений нет.

В результате нанесение вреда стадо универсальным явлением современного индустриального общества. Его близкие и отдаленные последствия еще не систематизированы. Пока экологи акцентируют экономические потери, связанные с экологически вредным производством, но постепенно становится ясно, что такое производство несет с собою гибель и исчезновение целых видов растительных и животных организмов. Тем самым рушатся целые биологические структуры, издавна населявшие землю. Некоторые из них содержат в себе редкие биологические субстанции, которые в будущем могли бы оказаться полезными для человека. По крайней мере пропадают объекты потенциальных научных исследований. Наконец, исчезает красота окружающего мира во всей его разнообразности проявлений.

Эти и множество других тенденций и фактов способствуют появлению новой разновидности инвайронментализма.

3. Цена прогресса

Речь идет о расширенном или широком гуманизме. Он располагается между биоцентрическим и гуманистическим инвайронментализмом. Его сторонники не придают особого

значения интересам людей в целом и одновременно не считают главными интересы экосистемы в целом. Предметом их заботы являются некоторые разновидности животных. Экологические требования вытекают из этой заботы. При этом человеческие понятия интересов, равенства, права и свободы распространяются на всех членов экологической системы.

3.1. Бесплодный морализм

Широкий гуманизм исходит из положения: прогресс в сфере морали является существенной характеристикой человеческого рода. Ранее отмечалось, что этот тезис сформулирован в современном либерализме и разделяется далеко не всеми. Однако широкий гуманизм базируется на указанном постулате. В качестве аргументов приводятся следующие соображения:

- люди смогли ликвидировать рабство и продолжают борьбу с расизмом и господством мужчин над женщинами;
- теперь люди вступают в такую фазу развития, для которой характерно создание обществ охраны животных и даже особых статей уголовного кодекса, в которых предусматривается наказание за истязание животных;
- тем не менее люди все еще склонны считать себя «вещью природы» и потому относятся к животным хуже, чем к самому опустившемуся человеку, ведущему чисто вегетативный образ жизни;
- такое отношение морально недопустимо и должно быть отвергнуто.

В свое время Бентам утверждал, что отношение человека к другим разновидностям живых существ зависит от того, способны ли они к страданию. Это положение стало главной темой книги П.Зингера «Освобождение животных» (см.: 13). Автор исходит из тезиса о равенстве животных в страдании. И усматривает в этом главное свойство равенства всех людей. Причем характерные свойства любого класса живых су-

ществ устанавливаются по наличию данных свойств у всех индивидов без исключения. В этом смысле биологическое понятие класса тождественно математическому и логическому понятию множества. Отсюда вытекает, что приписывание рациональности только человеку не имеет под собой никаких оснований. Многие люди были и остаются дураками, доводы разума на них не действуют, и они ведут чисто животную жизнь.

Такой подход к человеческому обществу своеобразен и ставит под сомнение распространенные стереотипы. Например, даже биологи утверждают, что «юбаки — четвероногие животные. При этом не принимается во внимание то обстоятельство, что некоторые из них рождаются с тремя лапами. Существуют также сиамские близнецы. Но факт их существования не фальсифицирует обобщений, связанных с человеческой анатомией. Сторонники освобождения животных отбрасывают тезис об исключительной рациональности человека.

Безусловно, сумасшедшие на земле не перевелись. А М.Фуко построил целую теорию, показывающую, как в эпоху классицизма (для которой понятие разума было конституирующим) все большее число людей квалифицировалось как умалишенные. Сегодня сумасшествие излечимо в результате терапевтического или генетического вмешательства. Но еще неизвестен ни один случай, когда бы в результате медицинского вмешательства собака остановилась человеком (я не имею в виду научно-фантастические романы, в которых все возможно). И если человеку отрежут ногу, это еще не доказывает, что люди одноногие.

К этим банальностям можно присовокупить еще одну. Некоторые индивиды в рамках рода обладают исключительными способностями. Таких индивидов принято считать гениями. Но значительно чаще встречаются абсолютно никчемные люди. Тогда как большинство не отличается ни особым умом, ни хотя бы своеобразием. Различия между индивидами самоочевидны и не составляют особой проблемы. Однако П.Зингер считает возможным свести эти различия к общему

знаменателю страдания. Тезис о страдании — существенный элемент анализируемой концепции.

Здесь тоже существуют различия. Большая часть человеческих страданий связана со страхом перед будущим, чувством вины в отношении прошлого и состраданием другим людям. По мнению Зингера, таким же чувством надлежит руководствоваться в отношении животных. Правда, он не требует, чтобы все люди стали вегетарианцами. Зато выступает против любых экспериментов над животными, в том числе и откармливания их до убойного веса. В этом случае человек нарушает права животных.

О каких же правах идет речь? Далекое не о тех, что записаны в «Декларации прав человека и гражданина». Человеческие права охватывают сферу взаимосвязей между людьми, которые живут в обществе особого рода. Каждое человеческое право есть способ защиты одного человека от посягательств других индивидов. Эти права возникают в рамках правовых систем, транслирующих и генерирующих требования индивидов в отношении общества и политики.

Животные кардинально отличаются от людей. Ни одно животное не выдвигает каких-то особых требований, которые бы противоречили интересам членов данного класса. Например, при восприятии тоталитарных систем XX в. либералы обычно выдвигали требование соблюдения прав человека. Причем это требование выдвигалось от имени людей, живущих в обществе, которое ни теоретически, ни практически не признавало таких прав. Если же аналогичное требование выдвигалось бы от имени муравьев — членов трудолюбивого муравейника — то оно было бы просто смешным. Даже пресловутое право на труд является в данном случае бессмысленным.

То же самое можно сказать о вытекающем из христианства и декларированном в XX в. А.Швейцером «праве на жизнь». Это право связано с представлением о святости человеческой жизни. И в этом смысле используется противниками противозачаточных средств, абортов и эвтаназии. Расширенное толкование данного права означает универсальный

запрет любого произвольного убийства. Речь идет о запрете не только убийства животных, но и растений. В этом случае возникает вопрос о содержании термина «произвольный».

Не надо специально доказывать, что дерево не может выдвигать требование защиты от лесопромышленников и всех остальных людей, рубящих деревья без сожаления. В то же время известно, что функция адвоката означает защиту людей, права которых были нарушены. На этом основании К.Стоун пытается ответить на вопрос: «Каким образом можно требовать возмещения ущерба от имени рыб, вынужденных жить в грязной воде, в отличие от рыбаков, которые тоже несут потери, связанные с загрязнением среды?» (14, 9). Его ответ гласит: во всех случаях выигрыша таких судебных дел средства по возмещению ущерба должны направляться по адресу организаций, занятых охраной природы.

На этой основе возможно появление особой политической деятельности, связанной с защитой природы. К ней только приступают некоторые страны. В результате такой деятельности формулируются законы, запрещающие вырубание лесов и загрязнение рек. Отрицательным основанием экологического права являются законы, которые не признают никаких прав за внечеловеческими существами и лишают их людей. Именно по этой причине сама идея экологического права крайне противоречива, поскольку она обычно воспринимается как ограничение, а не расширение прав. Истцом по экологическим делам обычно выступает правительство или его отдельные ведомства. Практика показывает, что они делают это крайне неохотно. Может существовать множество законов-запретов, предусматривающих наказание за загрязнение природы. С одной стороны, такие законы могут рассматриваться как свидетельство успешной деятельности экологического движения. С другой стороны, по экологическим вопросам редко возбуждаются уголовные дела. А если они все же принимаются к производству, то на виновников накладываются смехотворные штрафы. «Все это указывает на то, что успех экологического движения является пока еще мнимым даже в индустриально развитых странах. Что же касается стран

развивающихся и периодов экономического застоя в индустриальных государствах, то даже идентичность экологического движения в них остается делом будущего» (15, 79).

В состав расширенного гуманизма входит также идея равенства, хотя сторонники его утилитаристской модификации проводят различие между сознательными и несознательными существами. Но аргументация обычно начинается, с подчёркивания преимущества между всеми живыми существами и людьми. Особое внимание при этом уделяется высшим животным. Сторонники расширенного гуманизма больше интересуются судьбой китов и дельфинов, нежели остальных обитателей морей и океанов. И выступают против проведения экспериментов над обезьянами, собаками, кошками и крысами, ничего не имея против экспериментирования над земноводными, пресмыкающимися, насекомыми и т.д.

В этом контексте на протяжении последних 20 лет возникло целое направление исследований. П. Рейган попытался систематизировать проблематику в книге «Очерк прав животных» (см.: 16). Основное содержание книги сводится к доказательству тезиса: только млекопитающие животные могут иметь права. Другие авторы пишут, что только некоторые животные обладают богатым опытом. Например, дельфины в этом отношении стоят выше акул: «Смерть дельфина вызывает скорбь остальных индивидов, поэтому мы должны оказывать им особую заботу. У живописных животных значительно больше шансов возбудить симпатию, нежели у представителей менее красочных видов» (17, 207).

3.2. Биоцентризм

Уже говорилось, что отношение экономической и политической бюрократии к экологическому движению является отрицательным. Критики экологизма обычно приписывают ему экстремизм и на этом основании выступают против всех его разновидностей. Например, с точки зрения директора ка-

кого-либо свинооткормочного комплекса даже расширенный гуманизм выглядит по меньшей мере эксцентричным. Так всегда бывает, когда та или иная концепция подрывает материальные интересы и своекорыстие той или иной социальной группы. И если стать на позицию технократии, то биоцентрический инвайронментализм покажется бредом сумасшедшего.

Но для начала следует провести различие между биоцентрическим инвайронментализмом и множеством метафизических, политических и религиозных взглядов, на нем спекулирующих.

Биоцентрический инвайронментализм (или биоцентризм) — это определенная биологическая теория, из которой вытекают практические следствия. Эта теория базируется на понятии экосистемы. В состав данного понятия не входит жизнь и смерть растений, животных и человека, вред которым наносит сложившаяся социальная практика. Она включает систематическое загрязнение среды и эксперименты над животными и человеком. В рамках экосистемы страдание и смерть отдельных индивидов не имеют значения. Суть дела состоит в сохранении данной системы, благодаря которой возможно бытие живых существ. По мнению биоцентристов, главная цель человечества состоит в постоянном здоровье экосистемы. Для описания данного процесса используется фундаментальное понятие «сеть жизни».

Сеть жизни отличается от понятия экологического равновесия, которым прежде пользовались экологи и биологи. Понятие экологического равновесия статично и базируется на послышке о божественном провидении, воплощенной во множестве телеологических концепций. Тогда как понятие сети жизни включает конфликты, борьбу, страдание и смерть. Используя данное понятие, мы одновременно утверждаем, что некоторые классы живых существ могут погибнуть, причем без человеческого вмешательства. Пионером в разработке данного понятия является Д.Ловелок, развивающий фундаментальные послышки дарвинизма (см.: 18, 19). По его мнению, классы живых существ модифицируют

атмосферу посредством процессов мутации и естественного отбора. Эти процессы способствуют сохранению классов живых существ.

Практическая значимость концепции сети жизни состоит в том, что главный акцент делается на поддержку биосферы в ее отношении к отдаленным, мельчайшим и совершенно незаметным биологическим процессам. Давно известна Концепция всеобщей связи явлений. Она несвободна от предрассудков. Если я срываю лист с тополя, растущего под моим окном, то это никак не влияет на выживание крокодилов в Ниле. В то же время концепция всеобщей связи явлений выражает удивление человека, когда он открывает совершенно неожиданные взаимосвязи: «Но речь идет только об определенных конкретных связях. Если бы все наши действия влияли на состояние озонного слоя, то мы не смогли бы определить роль холодильников в нашей жизни» (19, 43).

С политической точки зрения биоцентризм ставит экологов перед множеством проблем. Загрязнение среды — явление повседневное. Чтобы его зафиксировать, не надо обладать никаким биологическим знанием. Случаи и систему такого загрязнения можно показать по телевидению. Все это до сих пор помогало сторонникам экологических программ. Биологи открыли также связь между производством и использованием холодильниками, уменьшением озонного слоя атмосферы и раковыми заболеваниями кожи. Страх перед раком может помочь в привлечении сторонников в ряды экологов. Однако существуют более сложные случаи: деградация среды в одном регионе мира влечет за собой отдаленные во времени и пространстве следствия и включает сложные, зачастую гипотетические взаимосвязи. В этой ситуации крайне сложно добиться даже политического рассмотрения, а не только решения вопроса.

Уже шла речь о том, что даже решение элементарных экологических проблем требует международного сотрудничества. Оно становится еще более насущным, если человечество стремится сохранить данную флору и фауну. Множество классов животных не живет в одной стране. Перелетные

птицы, рыбы, киты не знают никаких границ. Чтобы добиться их сохранения, требуется соответствующая запись в международном праве. Если страна отказывается подписать и выполнять соответствующий договор, то она несет ответственность за гибель целого класса животных. Значит, и за последствия, которые повлечет эта гибель в масштабах всего человечества.

Таким образом, *биоцентризм — это систематизация взаимосвязей, которые выходят за национально-государственные границы и требуют строгого соблюдения международных договоров.*

Биоцентризм базируется на научных открытиях и теориях, которые могут быть подтверждены или опровергнуты только дальнейшими исследованиями. Последовательный биоцентризм требует отбрасывания множества гуманистических суеверий (см.: 20, 37—42). В частности, люди до сих пор полагают, что по собственному произволу могут менять, манипулировать и управлять сетью жизни. Не менее того они убеждены, что все естественные ресурсы принадлежат только им. Однако на самом деле эти ресурсы принадлежат всем классам живых существ. В биоцентризме исчезает понятие одной среды. В рамках биосферы существует множество конкретных видов среды (ниши). Тем самым любые разновидности рационализма, обосновывающие особое место человека в природе, становятся крайне сомнительны.

Зато биоцентризм может быть согласован с различными философиями процесса, восходящими к Гераклиту. В них подчеркивается значение борьбы, динамики, активности, взаимодействия и существования в постоянных превращениях. Следовательно, сама идея субстанциализма (согласно которой существуют неизменные субстанции, между которыми возникают чисто внешние связи) тоже должна быть отброшена.

Но отсюда не следует, что род людской есть лишь один из множества биологических родов. Само существование экологического движения оказывается весомым аргументом для обоснования противоположного утверждения.

Во-первых, само экологическое движение существует потому, что люди отличаются от всех остальных живых существ способностью уничтожения среды. Люди стремятся преодолеть естественные границы собственной жизни с помощью медицины и сельскохозяйственной технологии. Все остальные живые существа пользуются ресурсами окружающей среды без вредоносных последствий. Если человек до сих пор наносит вред природе (причем масса нанесенного вреда постоянно растет), значит, он не в состоянии изменить свое собственное положение в природе. Хотя и является ее частью.

Во-вторых, экологическое движение обретает смысл лишь в той степени, в которой благодаря информации и убеждению можно склонить людей к изменению собственного способа поведения. Биоцентризм требует, чтобы человек выступил против самого себя — большинства присущих ему навыков. Остается неясным, как это сделать.

Если иметь в виду человеческую историю, то на ее протяжении человек сохранял, создавал и уничтожал не только окружающую среду, но и себе подобных. Таким образом он проявлял свою человеческую природу. В природе не существует таких классов живых существ, которые бы сравнялись с человеком по степени ненависти к собственному роду. Поэтому инвайронменталисты обычно не доверяют творчеству и сосредотачиваются на задаче сохранения. Здесь они смыкаются с реакционерами, поскольку пропагандируют возврат к прошлому. А все процедуры такого типа связаны с уничтожением данного состояния вещей.

Однако такая пропаганда принадлежит к исключениям, а не правилам экологизма. Абсолютное большинство экологов пропагандируют свои взгляды, сочиняя книги и статьи. Тем самым они приглашают публику привести в движение мысль и воображение, которые всегда были составной частью творческого процесса.

Итак, концепция сети жизни, на которую опирается биоцентризм, базируется на солидных научных основаниях. В то же время против биоцентризма выступают не только противники экологии, но и гуманистические инвайронменталисты.

Дело в том, что данная концепция нередко включается в состав противоположных идеологий. По крайней мере она решительно противостоит различным модификациям либерализма. Именно либералы стремятся истолковать сеть жизни монистически, сводя ее к объекту, который может обладать собственным сущностным благом. Либералы обвиняют также этноцентризм в тоталитаризме, поскольку выдвигается требование пожертвовать правами и счастьем индивидов во имя существования системы. На самом деле концепция сети жизни может использоваться для международной интеграции экологического движения.

3.3. Перспективы политической интеграции

На этом пути следует освободиться от множества метафизических спекуляций, порожденных данной концепцией.

Например, экофеминизм отождествляет сеть жизни с мифологемой матери-Земли. При этом вводится понятие «насилие над природой» для обоснования типично феминистского убеждения: деградация среды есть следствие мужского господства (см.: 21). Другие теоретики феминизма пытаются связать понятие сети жизни с идеологиями, возникшими в Индии, Китае и Японии. И утверждают, что данные идеологии позволяют сформировать надлежащее отношение к природе. При этом совершенно не обращается внимание на поразительное пренебрежение к природе в странах, в которых возникли данные идеологии. Существуют также попытки связать концепцию сети жизни с пантеизмом и панпсихизмом: «В результате возникают доктрины, согласно которым каждый фрагмент сети жизни обладает одной и той же ценностью, в том числе материальная среда, в которой обитают живые существа. Тем самым эгалитаризму придается наиболее крайняя форма» (22,101).

Этот список может быть продолжен без труда. Но важно подчеркнуть, что большинство партий «зеленых» не имеет ничего общего с тоталитаризмом. Обычно они связывают ин-

вайроиментализм с демократией, в том числе с производственной. Выступают против строительства суперсовременных зданий в старых частях городов. Такие акции свидетельствуют, что далеко не все экологи признают доктрину равной ценности материальной среды. Характерно также, что увлечение восточными доктринами и стремление связать их с биоцентризмом присуще молодым женщинам (главным образом лесбиянкам) с антиинтеллектуальной ориентацией. И хотя санитарные исследования показывают, что женщины менее склонны к чистоте по сравнению с мужчинами, это не мешает экофеминисткам утверждать: «Только женщинам принадлежит исключительно заботливая ориентация в отношении природы» (23,137).

Даже беглое перечисление показывает, что для экологического движения характерна разобщенность. Экологи обычно сотрудничают при проведении конкретных действий. Что касается политического единства, то существуют громадные различия между идеей платоновского государства и концепцией демократии. То же самое можно сказать о христианстве, буддизме, индуизме и атеизме. Различные модификации экологического движения признают все перечисленные религиозные и светские идеологии.

И все же можно выделить общие цели экологического движения: редуция естественного прироста населения, сведение к минимуму всех форм загрязнения среды, экономное расходование природных ресурсов, охрана диких животных и их среды. Все экологи согласны с идеей кардинальных изменений не только искусственной социальной среды, но и комплекса убеждений, которые привели к нынешнему состоянию. С исторической точки зрения предшественниками экологов были перфекционисты, которые искали спасения в малых самодостаточных общинах (см.: 24).

Но процесс реализации данных целей порождает множество вопросов: какие средства должны использоваться для достижения желаемых изменений? какие убеждения и позиции надо пропагандировать? как изменять искусственную и социальную среду? Ни по одному из этих вопросов единства

мнений нет. Кроме того, обычно экологи отрицательно относятся к силе и авторитарному законодательству. Могут ли данные методы использоваться для реализации экологических целей? Города были и остаются искусственными скоплениями людей. Но как их расформировать без сокращения и того малого свободного пространства для жителей Земли?

По причине отсутствия единого ответа на данные вопросы экологи предпочитают действовать как группы давления или индивидуально. Попытки создания экологических партий моментально ведут их к заражению всеми мерзостями политики. А использование парламентских институтов способствует тому, что разные отряды экологического движения занимают место по разные стороны баррикады. Политическая интеграция экологизма пока остается делом будущего.

ГЛАВА 7

КОММУНИТАРИЗМ

Французская революция выдвинула лозунги свободы, равенства и братства. На протяжении XIX—XX вв. они были главными социальными и политическими идеалами. Формирование и развитие либерализма, консерватизма, марксизма и социализма испытало сильнейшее влияние со стороны данных идеалов. Каждая из указанных идеологий разработала и пыталась реализовать собственную концепцию идеалов свободы, равенства и братства. Феминизм и экологизм тоже возникли в данном смысловом контексте.

Идеал братства воплощался во множестве форм. Либерализм предлагает доктрину свободного и равного гражданства. В консерватизме сформулирована концепция общего этнического и национального происхождения, а также культурной идентичности. Марксизм и социализм настаивают на классовой солидарности трудящихся и эксплуатируемых классов. Феминизм подчеркивает значение половой принадлежности. Экологизм пытается растворить человека в растительном и животном мире. Но во всех случаях братство либо определяется косвенно, либо вообще не является предметом специального исследования.

Действительно, после кровавого опыта мировых войн и революций XX в. идея братства потеряла популярность. Это относится ко всем перечисленным идеологиям как в России, так и за рубежом. Например, уже неоднократно упоминае-

мый Д.Роулс разработал собственную интерпретацию понятий свободы и равенства. Что касается понятия братства, то он о нем почти не упоминает. В отечественной социально-философской и политологической литературе практически нет работ, специально посвященных обоснованию значимости идеала братства. Причем это относится и к советскому периоду, когда ленинско-сталинская версия марксизма была официальной государственной идеологией, и к современному состоянию России, когда ведется поиск новой государственной идеологии.

Не является ли эта ситуация симптомом того, что идеал братства прекратил свое существование как предмет идеологических дискуссий? Или же он оказался слишком податливым на манипуляцию со стороны расистских, фашистских и тоталитарных режимов, которые господствовали в большинстве стран мира на протяжении большей части XX в.?

По крайней мере большинство современных философов и политических мыслителей ничего не говорят о состоянии и идеале братства. А если и упоминают о нем, то как о феномене, производном от свободы и равенства (либеральная традиция), или от этнических и национальных связей (консервативная и националистическая традиции).

Между тем в политической философии в 1980—1990-е гг. сложилась целая школа социальной и политической мысли под названием коммунитаризм. Его главными представителями являются М.Сандел, М.Уолцер, А.Макинтайр и Ч.Тейлор. В эти же годы они опубликовали ряд капитальных исследований, которые сегодня широко обсуждаются в международном научном сообществе. В России об этих концепциях и главных темах дискуссии, порожденной коммунитаризмом, почти ничего не известно. В то же время коммунитаризм постепенно превращается во влиятельную политическую идеологию современности.

Суть коммунитаризма — обсуждение различных аспектов братства как состояния общества и социального идеала. На пути к воплощению данного идеала коммунитаристы ставят и решают три взаимосвязанных проблемы:

ГЛАВНЫ! ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

- тотальная критика современного индустриального общества в его капиталистической и социалистической формах, включая все его социальные и политические институты;
 - отбрасывание главных политических идеологий современности (либерализма, консерватизма, марксизма и социализма), поскольку каждая из них внутренне противоречива и породила множество непредвиденных следствий на практике;
 - обоснование значимости идеала братства.
- Рассмотрим эти темы более конкретно.

Современное общество

В коммунитаризме главная задача философии и всей системы социальных наук усматривается в разработке теоретических основ глубинной критики современного общества. А также всей системы политических дебатов, посредством которой обсуждаются проблемы этого общества. В демократических странах Запада данная система претендует на «рациональность». По мере социальной трансформации она заимствуется Россией и другими странами Восточной Европы. Данная система считается эффективной и не отвергается целиком ни одним из направлений современной социально-политической мысли и практики. Либерализм, консерватизм и социализм находят в демократии свою нишу.

То же самое относится и к академическим дискуссиям в системе социальных наук. Наряду с политическими дебатами они характеризуются абсолютным произволом и не имеют никакого отношения к рациональности. В современных политических спорах и академических дискуссиях используются несоизмеримые аргументы. Альтернативные послылки каждой из сторон не содержат никаких рациональных критериев для оценки аргументов другой стороны.

Политические дебаты и дискуссии ученых — это столкновение различных волей. Каждая из них руководствуется произвольным выбором. Посылки, концепции и аргументы дискутирующих сторон восходят к разным историческим истокам и контексту. А философы и теоретики всегда неполно и избирательно отражают историю культуры. При таком положении любое использование так называемых «объективных и безличных» критериев — в виде логики, юридических и академических процедур — ведет к доминированию воли психически более сильного и ловкого типа над другими.

Иначе говоря, научные и властно-политические критерии в современных политических дебатах и академических дискуссиях уже давно стали неразличимыми. Эмотивизм в этике и волевая концепция власти в политике служат «теоретическим» обоснованием их отождествления. Но если эмоции и воля превращаются в комплексы классов суждений, то возникает логический круг в доказательстве. Эмотивизм в этике и волюнтаризм в политике являются наиболее распространенными концепциями. Если согласиться с их сторонниками, то никаких существенных различий между противоположными суждениями об одних и тех же фактах и объектах не существует. Однако само выражение чувств и воли является не функцией суждений, а функцией их использования в определенных обстоятельствах. В результате открывается широкое поле для манипуляций.

Таким образом, коммунитаризм ставит под сомнение всю методологию социального познания. *Акцент на исследование манипулятивных отношений в обществе, использующем демократические институты*, — главный нерв коммунитаристской концепции (см.: 1).

1.1. Социальные фигуры и демократическая личность

Современное так называемое «гражданское общество» разделено на две сферы: множество организаций, в которых цели

и ценности полагаются данными и не подлежат обсуждению; множество индивидов, вовлеченных в обсуждение вопроса о ценностях, но не обладающих возможностями рационального решения социальных проблем. В каждой из данных сфер отражены интернализация и репрезентация индивидов. Но главные фигуры социальной жизни полагаются неизменными и не подлежат обсуждению. О каких же фигурах речь?

При ответе на этот вопрос коммунитаристы отвергают ролевую концепцию общества и связанную о ней либеральную социологию. Современное общество состоит не из множества социальных ролей, а из нескольких ключевых фигур.

Социальная фигура — это типологическая конструкция. Она предписывает определенные правила поведения людям, выполняющим социальные роли. Фигура содержит в себе драматические и моральные мотивации. В ней сливаются роль и личность. А возможности действия определяются более конкретно.

Социальные фигуры представляют определенную культуру. Специфика культур определяется типичными свойствами выступающих в них фигур. Для описания данной специфики требуется выделить в них и описать фигуры, обладающие репрезентативностью на длительных промежутках времени. Независимо от социальных и политических преобразований. Идеи и теории могут воплощаться в жизнь только благодаря фигурам. Одновременно фигуры служат масками. Человек надевает их на себя под влиянием общественного мнения, философских, этических и политических теорий.

Например, культура викторианской Англии определялась фигурами Директора школы, Путешественника и Инженера. А культура вильгельмовской Германии — фигурами Офицера, Профессора и Социал-демократа. В современном обществе типичными фигурами являются Эстет, Менеджер и Терапевт.

Первообраз Эстета восходит к аристократии прошлых веков. Она обладала свободным временем для воспитания и культивирования этического и эстетического вкуса. На протяжении последнего столетия Эстет преобразовался в тоталь-

ного Потребителя. У него нет времени для формирования самобытного вкуса, и потому он довольствуется шаблонами, которые культивируются рекламой. Первообраз Менеджера восходит к прусскому Офицеру. Фигура Терапевта восходит к представителям юридических и духовных (идеологических) сословий. Они уже давным-давно пытаются врачевать общественные нравы. Все фигуры могут сосуществовать в одном и том же индивиде. Они порождают и укрепляют друг друга.

Общая характеристика современных социальных фигур — *ликвидация различия* между машшулятивными и неманипулятивными социальными отношениями во всех сферах действительности. Менеджер не интересуется вопросом о целях организационных структур, а Терапевт считает пустым звуком вопрос о целях человека. Эти цепи устанавливаются без соотношения с комплексом концепций человека (экономического, политического, религиозного, производящего, играющего и т.п.), существующих в культуре. Менеджер сосредоточен на технологии преобразования сырья в готовый продукт, инвестиций — в прибыль, неквалифицированной рабочей силы — в квалифицированную. Терапевт занят технологией по преобразованию тела и души индивидов в идеальные винтики современного социального организма. По сути дела, весь комплекс социальных ролей и профессий вписывается в данные характеристики.

Все фигуры при выполнении ролей не обсуждают проблему оснований собственного социального статуса. Они осознают себя и воспринимаются другими людьми как «необходимые» элементы социальной жизни. Поле деятельности социальных фигур ограничено стремлением к достижению «консенсуса» с кем угодно. А сама сфера деятельности предстает перед ними как комплекс фактов, средств достижения целей и калькулируемого успеха. В результате ценность истины в современном обществе *подменяется* ценностью успеха — экономического, организационно-управленческого, психологического, политического, идеологического. Однако успех любого действия нисколько не свидетельствует о его истинности. Тем не менее подмена истины на успех легитими-

руется главными идеологиями современности (либерализмом, консерватизмом, марксизмом) и их философскими продуктами (прагматизмом и постмодернизмом). Словарь потребительских, менеджерских и терапевтических действий сегодня пронизывает всю сферу повседневной жизни, образования, религии, средств массовой информации, политики и социальной науки.

Социальный статус Эстетов-Потребителей, Менеджеров и Терапевтов определяется их местом в иерархии знаний и навыков. Сама же иерархия как определенное и потому ограниченное социально-историческое отношение не ставится под сомнение. В результате устраняется принципиальная противоположность между демократическим содержанием познавательных, моральных и политических проблем, на решение которых нет ни у кого монополии, и монополией отдельных социальных групп на менеджерскую и терапевтическую деятельность. Столетний спор между представителями разных направлений элитаризма (см. вторую главу) в политике, управлении и социальных науках маскирует данную противоположность.

Все указанные характеристики социальных фигур отражены и в личностной сфере современного общества.

Демократическая личность не обладает ни стабильной социальной идентификацией, ни устойчивыми моральными принципами, ни постоянными политическими предпочтениями. В результате все сложившиеся в новое время теории социальной структуры, системы морали и политические идеологии потеряли смысл. Демократическая личность готова быть кем угодно. Выполнять любую социальную роль. Голосовать за любого кандидата в политические структуры государства. Исповедовать любую религию. И соглашаться с любой концепцией и точкой зрения, если только они не нарушают общих правил потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности.

Демократическая личность сама по себе ничего не значит и не обладает никакими отличительными признаками, кроме преемственности тела. Правда, люди обладают памятью. Од-

нако в современном обществе память подвергается постоянной коррозии. Функционирование памяти в тоталитарных и демократических обществах в принципе одинаково. *Забывье стало главной характеристикой современного общества.* Гонка информации и интеллектуальные моды (типа постмодернизма) заменяют обсуждение принципиальных моральных, политических и мировоззренческих проблем. Поэтому предметность тела стала главным носителем демократической личности.

А тело было и остается комплексом желаний, потребностей и эмоций. В итоге *тотальный произвол* стал нормой жизни современного общества. Ни о какой его рациональности не может быть и речи. В настоящее время не существует такой рациональности, которая способна нарушить приоритет средств над целями в любой сфере социальной и индивидуальной жизни. Произвольный субъективный выбор, освященный в либерализме, стал пределом обоснования любых действий. В его основании лежит принцип «я хочу». Он не базируется ни на каких строгих рациональных критериях и потому без труда проник в методологию исторических и социальных наук.

Между тем политические дебаты и академические дискуссии в современном обществе не фиксируют ни раскол общества, ни причины господства в нем описанных социальных фигур со всеми их свойствами. Дебаты и дискуссии продолжаются в русле старого спора между индивидуализмом и коллективизмом. Индивидуальные и коллективные ориентации могут выступать в любых доктринальных и политических формах — либерализме, консерватизме, марксизме и социализме. На одном полюсе выступают сторонники индивидуальной свободы, на другом — апологеты государственного контроля и распределения благ. Но никто не противодействует господству в обществе указанных социальных фигур. Следовательно, индивидуалисты и коллективисты в либеральном, консервативном, марксистском и социалистическом «маскхалатах» согласны с расколом общества на две стороны: индивиды, обладающие свободой, суверенностью и выбором, и властно-управленческие аппараты государства, обладающие

теми же свойствами для пресечения свободного и суверенного выбора индивидов.

В результате такого «консенсуса» политика современного общества осциллирует между негативной и позитивной свободой. Иначе говоря, предельно несвободные социальные фигуры ведут борьбу за свободу: «Наше общество является обществом, в котором бюрократия и индивидуализм в равной мере являются партнерами и антагонистами. Именно в таком культурном климате бюрократического индивидуализма эмотивистская личность чувствует себя как дома» (2, 81).

Предварительно заметим, что в коммунитаризме понятие бюрократического индивидуализма выполняет методологическую и эвристическую роль. Оно позволяет систематизировать ряд исследовательских, социальных и политических проблем, неразрешенных в либерализме, консерватизме, марксизме и социализме. *Коммунитаризм — это попытка выйти за пределы институционализованной социальной науки, политики и идеологии.* Речь идет о первом этапе на пути осознания бесплодности либеральных, социалистических и консервативных реформ и революций. Требуется интеграция знания о властно-управленческих аппаратах государства, под каким бы политическим и идеологическим прикрытием они ни выступали. Надо создавать такие концепции, которые могут стать основанием политических программ, направленных против любых правительств и властно-управленческих аппаратов. В коммунитаризме уже сформулированы конкретные предложения для реализации данной задачи.

1.2. Манипуляция и политическая риторика

Бюрократический индивидуализм определяет сферу манипулятивных отношений в современном обществе. Менеджер выступает в маске демиурга социальной жизни. Потребители и Терапевты созерцают его действия и заморожены умениями. Бюрократические структуры существуют во всем

мире в виде частных, семейных, национальных, транснациональных корпораций и правительственных агентств. Они устанавливают задачи абсолютного большинства членов современного общества и охватывают социальную жизнь в целом. Любая организация вовлечена в борьбу за средства достижения сверху установленных целей. Ее руководство занято управлением материальными, финансовыми и человеческими ресурсами. Все организации руководствуются официальной и неофициальной (явной и скрытой) дефиницией расходов и прибылей. *Теневая экономика, полишка и идеология стали универсальными явлениями современного мира.* Именно из этого феномена вытекают критерии «рационального» и «успешного» отбора средств для достижения любых целей.

Критерии рациональности и успешности были первоначально сформулированы М.Вебером. В настоящее время они широко используются в различных социологических, политологических и организационно-управленческих концепциях. А также в абсолютном большинстве всех экономических, политических и идеологических структур современного мира. Коммунитаристы предлагают отвергнуть веберовскую (и родственные ей) теорию целиком. Прежде всего потому, что она легитимизирует сферу манипулятивных отношений независимо от специфики социальных и политических систем. Концепция Вебера — частный случай тотального змотивизма и произвола. Оба не может использоваться для анализа современного общества.

Цели бюрократических организаций порождают конфликты ценностей. Эти конфликты не могут быть разрешены рационально. Выбор всегда связан с предпочтением одной иерархии ценностей всем другим. Этот выбор укоренен также в существовании классов, групп, наций, партий, аргументов, политических и религиозно-мировоззренческих систем. Следовательно, конфликт ценностей в концепции Вебера играет ту же роль, которая характерна для выбора классовой позиции в философии Маркса и Сартра или партийной позиции в политике Ленина и Троцкого.

С мировоззренческой стороны все эти выборы вытекают из ницшеанской концепции «переоценки всех ценностей». Во всех случаях обоснование выбора остается чисто субъективным, хотя используемые аргументы претендуют на «объективное» отражение происходящих процессов. В этом контексте веберовская теория ценностей, социальной структуры и политического господства не являются либеральными и рациональными (как полагают до сих пор большинство последователей и исследователей Вебера), а марксистскими, экзистенциалистскими и эмотивистскими.

Для обоснования этого вывода коммунитаристы обращают внимание на повсеместный факт: в современном обществе индивидуальный выбор любой ценности, обязанности и способа поведения не может быть более рационален, чем выбор любого другого индивида. Отсюда следует, что все оценки, символы веры, религиозные и мировоззренческие системы в равной мере нерациональны. Это — чисто субъективные ориентации, вытекающие из чувств и тела индивидов. Тогда как стратегия внешнего воздействия на тело является универсальной характеристикой не только европейской, но и всех остальных культур. Поэтому никаких различий между религиозной, либеральной и социалистической репрессивной политикой не существует. Легальное господство с присутствием ему бюрократическим способом управления ничуть не более рационально по сравнению с традиционным и харизматическим. Наконец, веберовская концепция власти и авторитета не дает возможности адекватно отразить специфику организаций, функционирующих в европейской культуре. Она затушевывает различие между машшулятивными и неманипулятивными отношениями.

Согласно Веберу, цели бюрократии являются лишь средствами поведения и не могут избежать обслуживания материальных и властных интересов и идеалов. Кроме бюрократии никто не может апеллировать к «рациональности» и «успешности». Само использование таких аргументов означает, что только бюрократический авторитет может обладать властью. Однако в современной социологии организаций до-

казано, что всякий начальник влияет на мотивы и реальное поведение индивидов путем создания ситуаций, при которых подчиненные начинают мыслить и вести себя в соответствии с «логикой» начальства. Отношение такой «логики» к рациональным критериям было и останется проблематичным.

Надо учитывать и тот факт, что большинство индивидов заняты в организациях, которые тоже были созданы по частному и государственному произволу. Да и сами государства создаются и рушатся по произволу основателей государств, внутренних и внешних врагов. И чем больше организаций и государств существует в мире, тем больше сфера институционализованного произвола. Значит, поле рационального поведения индивидов на протяжении XX в. последовательно *сужалось, а не расширялось*. Следовательно, сами понятия свободы и суверенитета все больше теряют смысл.

Короче говоря, концепция «рациональной бюрократии» должна быть обращена против любых случаев ее использования в качестве «теоретического обоснования» приоритета одних обществ и систем управления перед другими. То же самое относится и к популярной ныне концепции «открытого общества» К.Поппера. Теоретики коммунитаризма обобщили главные направления критики всей методологии и социальной теории М.Вебера и К.Поппера. В итоге обобщения сформулировано принципиальное положение: *стремление к устранению конфликтов и «консенсусу» не является основанием легитимной власти правительств всех стран и руководства всех корпораций.*

Дело в том, что бюрократический индивидуализм и иллюзия о «рациональности» систем государственного управления — следствия либерализма на практике и в теории. В либеральном обществе люди полагают, что они являются автономными и суверенными субъектами. Одновременно эти субъекты не противодействуют потребительским и бюрократическим видам практики. Рынок, бюрократия и правительства индустриальных стран втянули людей в систему

манипулятивных отношений. Она воплощена в социальных фигурах Потребителя, Менеджера и Терапевта, постоянно развивается и совершенствуется. Каждый индивид в большей или меньшей степени является ее представителем и носителем.

С одной стороны, люди стремятся сохранить самостоятельность и суверенность. Приписывают данным качествам ценность. В ней отражено несогласие индивидов с тем, чтобы их трактовали как объекты манипуляции. С другой стороны, люди преследуют свои частные интересы и связанные с ними вкусы. Такое поведение возможно только в рамках манипулятивных отношений, быть свободными от которых не удастся почти никому. Поэтому *поведение абсолютного большинства индивидов в современном, обществе не может быть последовательным.*

Непоследовательность выражается в том, что индивиды не ставят перед собой задачу отвергнуть рынок и властно-управленческие аппараты государств одновременно. Люди вынуждены определяться в отношении последних, а не наоборот. Об этом свидетельствуют продолжающиеся на всем протяжении XX в. дискуссии о роли рынка в обществе. И не менее бесконечная критика бюрократии, которая пока не привела ни к каким последствиям: «Неовеберовские теоретики организации и наследники Франкфуртской школы объединяются в театральный хор современности» (2,74). Иначе говоря, понятия рынка и бюрократии, а также связанные с ними концепции гражданского общества и государства потеряли теоретическое содержание, превратились в элемент манипуляции. Более того, вся структура наиболее популярных понятий современного общества стала разменной монетой политической риторики правительств, политических партий и социальных наук.

Теоретики коммуитаризма, аргументируют этот вывод путем тщательного лингвистического анализа содержания понятий прав человека, оппозиции, пользы и рациональности.

1.3. Как профессионально валять дурака

Понятие естественных прав человека возникло в классическом либерализме. Сегодня оно используется для обоснования банальности: индивидам не надо мешать в их стремлении к реализации жизненных целей, свободы и счастья. В период появления и обоснования данное понятие имело негативный смысл. Оно означало свободу человека поступать независимо от любых внешних обстоятельств. В XX в. смысл прав человека изменился. Под ними начали понимать некие позитивные права — на труд, образование, отдых, социальную защиту, — якобы присущие человеку от рождения. Однако ни в одном языке (древнееврейском, греческом, латыни, арабском, староанглийском, японском) нет термина для выражения того, что указанные права принадлежат человеку на основании факта его рождения и принадлежности к особому роду живых существ.

Существование таких прав (т.е. их онтологический статус) еще не удалось доказать ни одному религиозному и светскому мыслителю: «Рональд Дворкин, последний защитник прав такого типа, признает, что существование таких прав доказать невозможно. Но одновременно он утверждает, что из факта невозможности доказательства какого-либо утверждения не вытекает, что оно не является истинным. Это правда, — саркастически замечает А.Макинтайр, — но такой аргумент можно не менее успешно применять для защиты утверждений о существовании единорогов и ведьм» (2, 141).

В Декларации прав человека, принятой ООН, тоже не приведено ни одного аргумента для доказательства. А со времени ее принятия отсутствие доказательств стало общепринятой практикой международных отношений. В ее рамках наряду с традиционными правительственными организациями возник ряд международных организаций. Все эти структуры заняты производством многочисленных документов, несмотря на отсутствие доказательств ключевого понятия прав человека. Следовательно, на протяжении XX в. практика отношений между государствами стала *воплощенным произволом*.

По сравнению с началом века число государств на земном шаре увеличилось более чем в три раза. Значит, число субъектов произвола пока возрастало.

То же самое относится и к внутренней политике государств. Речь идет об оппозиции и других формах социального и политического протеста.

Слово «протестовать» в латыни и французском языке первоначально означало свидетельство в пользу человека или констатацию существующего положения вещей. Оно содержало позитивный смысл. По мере становления демократических институтов смысл оппозиции стал негативным. Она начинает протестовать, когда нанесен вред несуществующим правам человека. Люди могут высказывать протест на улице, в СМИ и в парламенте. В любом случае они не в состоянии привести ни одного доказательства для обоснования истинности своих взглядов. Смысл протеста стал чисто эмоциональным, поэтому в любых странах оппозиция уже обращается не ко всем гражданам, а только к тем, кто согласен с ее послылками.

Следовательно, риторика оппозиции тоже каприз произвола. А успех оппозиционных движений или партий не может служить доказательством истинности или рациональности их концепций. Ни одна из классических политических идеологий (либерализм, консерватизм, марксизм, социализм) полностью не подтвердилась. Кроме того, З.Фрейд показал, что обнаружение скрытых мотивов произвола других людей обычно служит для маскировки собственного произвола. В современном обществе оппозиция выполняет именно эту функцию. Оппозиционные движения и партии институционализировались и перешли на содержание собственных правительств. Так возникла еще одна сфера иллюзорной политической деятельности.

В современном либерализме (в трудах И.Бентама) были введены понятия пользы и успеха. Но они внутренне противоречивы. Не дают возможности суммировать опыт и действия по достижению пользы как «суммы удовольствий» и не имеют конкретного смысла в жизни индивидов. Абстракт-

ность данных понятий еще более увеличивается в политической и управленческой сферах.

Большинство практиков и теоретиков управления считают, что властно-управленческие аппараты корпораций и государств могут сохранять *нейтральность*, обладая знанием для успешного достижения поставленных целей. Критерий успеха служит основанием социального авторитета данных аппаратов. Однако этот критерий крайне сомнителен: «Саму концепцию успеха невозможно отделить от определенного способа человеческого существования, при котором отбор средств для достижения целей есть главный элемент манипуляции людьми» (2, 148). Данная концепция способствовала появлению ряда дополнительных критериев эффективности, экономичности, оптимальности и т.д. Они господствуют в политическом и властно-управленческом жаргоне и большинстве книг по управлению.

Однако указанные критерии крайне абстрактны. Они могут обозначать любую деятельность в корпорациях, правительственных агентствах, профсоюзах и политических партиях. Кроме того, между любыми общими критериями и реальной деятельностью всегда существует *зазор*. Рано или поздно он приводит к конфликту. Поэтому концепция успеха и дополнительные критерии не могут использоваться для анализа и оценки деятельности властно-политических и управленческих аппаратов. Речь идет не только о веберовской концепции бюрократии, но и о множестве других подходов — бихевиористском, реляционистском, структурно-функциональном, системном и т.п. Все они объединены общей идеей о возможности научного или рационального управления обществом. Первоначально данная идея возникла в либерализме, а затем была позаимствована марксизмом, социализмом и неоконсерватизмом (см.: 3). Это идея ложная по своей сути.

Вебер считал, что главным основанием легитимности бюрократии служит ее успешность, эффективность и рациональность. Но никаких конкретных указаний о возможности использования данных критериев при оценке властно-политических и управленческих аппаратов его теория не со-

держит. Поэтому все свойства бюрократии могут связываться с успехом. Однако долговременные социальные и политические цели не могут служить критерием успеха ни отдельного чиновника, ни управленческого, ни властно-политического аппарата. По крайней мере политическая динамика всех правительств XX в. этот критерий не подтверждает. Влияние случайных факторов увеличивается по мере роста периода времени. Тогда как оперативные цели постоянно меняются и тоже не могут служить критерием успеха. При таких обстоятельствах правительства и властно-управленческие аппараты могут манипулировать целями для доказательства собственной необходимости и профессиональной пригодности. Такая манипуляция достигает апогея в период избирательных кампаний. Поэтому успех действий правительств всегда обманчив: «Понятие успеха служит для того, чтобы поддерживать авторитет политиков и власть управленцев» (2, 150). Следовательно, никаких оснований легитимности правительств, государственных и управленческих аппаратов не существует.

Отбрасывание легитимности государства со всеми его институтами — один из принципиальных выводов коммунизма. Вся структура главных понятий современного общества есть множество юридических и политических фикций. Они направлены на обеспечение индивидов, социальных и политических институтов «объективными и безличными» критериями. Но эта цель недостижима. Существуют фикции гражданского общества, государства, рынка, бюрократии и т.д. Все они являются следствием изобретения либеральной идеи о свободном и автономном человеческом индивиде. Эта идея не поддается рациональному обсуждению. Она оставляет открытым вопрос: какой тип утверждений об индивиде и обществе следует признать приоритетным и как в его контексте оценивать другие утверждения?

Несоизмеримость системы фикций и реальной практики определяет суть политики современного общества. Индивидуализм формулирует свои требования в языке фиктивных прав человека. Бюрократические организации форму-

лируют те же самые требования в языке фиктивной пользы и успеха. В итоге юридический и политический язык маскирует реальное положение дел: «Фиктивная, мнимая рациональность политических дебатов образует прикрытие произвола власти. Именно такой произвол есть решающий фактор современного общества» (2, 143). В политических дебатах и академических дискуссиях теория и практика оценки полагаются воплощением «объективных и безличных» норм, образующих легитимизацию государства и власти, политики и управления. Но никаких универсальных правил рационального обоснования данных оценок и норм не существует. Поэтому сами постулаты «объективности и безличности», из которых либерализм, марксизм и веберизм выводили идею рационального управления обществом, являются иллюзорными.

Однако представление о рациональности государства и политики, власти и управления широко распространено. На нем базируется концепция «открытого общества» К.Поппера. Это представление и концепция в современном обществе функционируют таким же образом, как функционировало понятие Бога в средневековье. Во всех случаях речь идет о названии фиктивного объекта, который полагается существующим. На деле это представление выражает лишь произвол (чувства и убеждения) индивидов. История мысли показала, что все попытки рационального доказательства бытия Бога закончились крахом. То же самое относится ко всем современным попыткам доказательства «рациональности» властно-управленческих систем.

Правда, большинство политиков и управленцев полагают, что они занимаются делом, а не валяют дурака. Система СМИ внедряет в сознание жителей земного шара такой образ политико-управленческой деятельности. К Веберу и другим классикам теории организации и управления восходит идея о профессионализме (специализации) политико-управленческой деятельности. В современном обществе пиетет перед профессионализмом стал неписанным правилом социальной жизни. Широкое распространение получил институт советников-экс

пертов, подвизающихся во всех государственных и корпоративных структурах. Представление о социальной значимости политико-управленческой деятельности базируется на убеждении: властно-управленческие аппараты обладают знанием, позволяющим создавать организационные, социальные и политические структуры и управлять ими. Насколько обоснованно это убеждение?

В коммунитаризме сформулирован однозначный ответ на этот вопрос: никакого профессионального политического и управленческого знания не существует, хотя контроль бюрократии над обществом стал реальностью; представление о профессионализме управленческого труда служит для идеологического маскарада такого контроля.

Этот вывод радикально отличается от представлений, широко распространенных в общественном мнении, политико-управленческих сферах и социальных науках. Для его обоснования теории коммунитаризма приводят эмпирические и теоретические аргументы.

1.4. Замкнутый круг ошибок

Эмпирические аргументы черпаются из наблюдения над социальной и политической жизнью США — одной из наиболее развитых демократических стран. В ней импотенция власти стала тотальной. Руководители корпораций не в состоянии контролировать их деятельность. Правительство уже давно предоставило обществу его собственной участи. Поэтому граждане угнетаются не столько избытком, сколько полным отсутствием власти.

Одновременно происходил рост разнообразных учебных учреждений по бизнесу и менеджменту. Но связь между действиями управленцев и социальными процессами примерно такова, как между молитвой шамана о ниспослании дождя и реальным дождем. В обоих случаях никакой причинно-следственной связи не существует. Властно-управленческий профессионализм может приводить к успеху лишь случайно.

Власть обычно стремится скрыть этот факт. Ибо при его обнародовании ее легитимность тоже надо рассматривать как случайную.

Фиксация случайности результатов властно-управленческого воздействия на общество связывает эмпирические аргументы против политико-управленческого профессионализма с теоретическими.

Управленческое знание должно включать совокупность обобщений вероятностного характера, позволяющих предвидеть последствия управленческих действий. Главные претензии политиков и управленцев на социальный авторитет состоят из двух элементов: наличия определенной сферы фактов, относительно которых предполагается, что они не имеют отношения ни к каким аксиологическим системам; обобщений вероятностного характера и их применения к отдельным случаям и ситуациям.

Обе претензии выражаются в так называемой «теории управления» или «науке управления». Она уже давно институционализована. Существуют многочисленные вузы по бизнесу и менеджменту, а также система подготовки кадров для государственной службы. В большинстве индустриальных стран эти структуры процветают и принадлежат к самым престижным. Весь этот бюрократический Левиафан базируется на представлении об *аксиологической нейтральности*, управленца. Оно совпадает с бродячим сюжетом о нейтральности естественных наук, а также с веберовским постулатом о возможности социальных наук, «свободных от ценностей».

Смысл данных претензий, представлений и постулатов может быть понят в контексте вопроса: как понятие факта стало мировоззренческой и идеологической предпосылкой бюрократии, ученых и политиков? Речь идет о проблеме фактуальности и ее значении во всей системе социальных наук.

В современной интеллектуальной культуре существует убеждение: наблюдатель и деятель находятся «лицом к лицу» с внешним миром и не испытывают никакого влияния со стороны теоретических конструкций. Однако это убеждение ошибочно. Оно связано с историческими фазами восприятия внеш-

него мира. Эти стадии всегда были включены в мировоззренческие системы. Например, наблюдатели прошлых эпох видели на небе не звезды и планеты, а щели в небосклоне. Следовательно, любое непосредственное восприятие модифицировано общей картиной мир? и определяется теоретически нагруженными понятиями (см.: 4).

В частности, указанное убеждение опирается на эмпирическое понятие опыта. Оно было культурной инновацией рубежа XVII—XVIII вв. Эта инновация послужила средством разрыва между иллюзией и реальностью. И стала основанием для выработки представления об объективном существовании мира фактов. Однако понятие опыта ничуть не менее частично, нежели приватные сны, галлюцинации и иллюзии.

Первоначально опыт означал действие по испытанию и проверке. В современной науке этот смысл фиксируется понятием эксперимента. В повседневном языке опыт означает длительность занятий какой-либо деятельностью (например, в суждении «У него десять лет опыта руководящей работы»). Эмпиристское понятие опыта оставалось неизвестным на протяжении почти всей человеческой истории, за исключением последних трехсот лет. Естествознание просто установило новую демаркационную линию между иллюзией и реальностью. Механистическая схема объяснения связана с данной демаркацией.

Согласно У.Куайну, наука о поведении людей возможна лишь в том случае, если ее базисные утверждения описывают это поведение с помощью строго определенных понятий. Такие утверждения должны формулироваться в языке, который исключает цели и намерения индивидов. Но даже в этом случае об утверждениях социальных наук нельзя сказать, что они являются функцией истинности, поскольку данные утверждения не могут быть изложены в исчислении предикатов. Понятия социальных наук остаются неопределенными и не могут использоваться для доказательства и опровержения законов.

А.Макинтайр предлагает поставить Куайна «с головы на ноги». Из человеческого поведения невозможно исключить

цепи, намерения и ценности. Поэтому социальные науки не могут быть совокупностью обобщений вероятностного характера. Однако на основе эмпирического понимания фактов Просвещение разработало постулат о предвидимости и возможности манипуляции человеческим поведением. Этот постулат связывает Просвещение со всеми формами либерализма. Если субъект согласен с традицией Просвещения и либерализмом, то он воспринимает свои действия совершенно иначе, нежели поведение других людей: «Поведение людей, подвергаемых манипуляции, протекает в соответствии с намерениями и целями субъекта, которые он рассматривает как не подлежащие власти законов, управляющих поведением манипулируемых людей» (2,74).

В результате современное общество опало объектом произвола политиков, управленцев и ученых одновременно. Либеральное убеждение об авторитете рационального диалога и тезис Вебера о рациональности властно-управленческого аппарата отразил эту тенденцию. В социальной действительности интеллектуальный проект Просвещения преобразовался в комплекс *социальных ритуалов*, которые выдаются за факты. Этот процесс был связан со становлением класса государственных чиновников и шел по-разному в каждой конкретной стране. Но ни буржуазные, ни социалистические, ни националистические политические революции и реформы не смогли его прервать. Одновременно возникала специальность ученого-эксперта по манипуляции разными сферами социального бытия. По мере унификации направлений государственной деятельности функции чиновника все более переплетались с задачами ученых-экспертов. После второй мировой войны эти функции стали неразличимыми. Данные процессы привели к тому, что политические лидеры и режимы могут меняться, а бюрократия и ученые-эксперты живут и здравствуют независимо от социальных и политических изменений.

В коммунитаризме поставлен принципиальный вопрос: можно ли вообще прервать эту тенденцию и в состоянии ли социальная наука предложить что-либо существенное для реализации задачи, которую не смогла пока выполнить ни одна

революция? Дело в том, что либеральная и социалистическая идеологии способствовали становлению еще одной фигуры — Социального Реформатора. На него распространяются все характеристики других социальных фигур. Социальный Реформатор был продуктом воображения Сен-Симона, Конта, утилитаристов-либералов и фабианцев-социалистов. Они выработали еще один шаблон политической мысли: все социальные проблемы можно решить, если управление обществом станет научным. И в XX в. оно стало таковым. Ни один Социальный Реформатор до сих пор не поставил задачу освобождения от потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности.

Теперь правительства требуют от государственных служащих специального образования. Оно позволяет признать их экспертами по конкретным вопросам жизни общества. Современные правительства обеспечивают подготовку и трудоустройство наследников Социальных Реформаторов XIX в. И они вмешиваются во все сферы социальной жизни. Аналогичные процессы идут в корпорациях. Профессиональное знание чиновников-экспертов стало товаром. За обладание им конкурируют частные фирмы и правительственные агентства. Этот товар продается с биркой «Компетентный специалист».

Таким образом, либеральная и социалистические идеологии способствовали появлению веберовской теории бюрократии. А она воплотилась в жизнь как идеология, оправдывающая социальный статус управленцев. Конечно, современные теории организации и управления отличаются от веберовской концепции. Но в каждой из них присутствуют постулаты о рациональности, успешности, эффективности, научных основаниях управленческого труда и тому подобная идеологическая абракадабра.

Процесс воплощения в жизнь данной идеологии включал следующие исторические этапы: просвещенческий идеал научного управления обществом завершился социальными революциями и реформами в различных европейских странах; революции и реформы легитимизировали бюрократическую

практику и привели к ее небывалому расширению; этот процесс завершился кодификацией бюрократической практики в книгах теоретиков организации и управления; затем на основе данных книг были написаны учебники, которые сегодня изучаются в школах бизнеса, менеджмента и государственной службы.

Так завершился « замкнутый круг ошибок», если воспользоваться выражением М.Крозье. Сегодня во всех развитых странах господствует убеждение: властно-управленческие аппараты обладают оценочной нейтральностью и потому имеют право на вмешательство в социальную жизнь и манипуляцию гражданами.

Однако понятие профессионализма управленческого труда предельно расплывчато. А представители социальных наук пока не в состоянии ни предвидеть социальные события и процессы, ни классифицировать такие предвидения. Например, ни один экономист не предвидел стагфляции, пока она не проявилась на практике. Теоретики монетаризма систематически ошибаются в прогнозах степени инфляции.

Правда, в социальных науках сформулированы более конкретные обобщения: революции возникают в период роста социальных требований, которые вначале удовлетворяются, а затем тормозятся, из-за чего возникает массовая фрустрация; в жилых домах показатель преступности возрастает пропорционально до 12-го этажа, а затем выравнивается; существует принципиальное различие в понимании и трактовке права (законов) между полицейскими и судебными органами и ни одна политическая система не смогла его преодолеть; показатели социальной стабильности и преступности зависят от темпа модернизации, так что модернизирующиеся общества наиболее нестабильны и поражены социальным и политическим насилием.

і Эти обобщения базируются на конкретно-социологических исследованиях и подтверждаются большим числом примеров. Однако все они обладают следующими свойствами: функционируют в социальных науках наряду с опровергающими примерами; лишены квантификаторов, определяющих

сферу достоверности; не содержат никаких указаний о том, как их применять в изменившихся условиях.

Иначе говоря, *использование любого обобщения в процессах управления обществом лишь укрепляет манипулятивные отношения.*

1.5. Ослепление и эффект «дохлой рыбы»

Традиция Просвещения способствовала появлению такой схемы объяснения, согласно которой оно состоит в ретроспективном обобщении вероятностного характера, а предвидение — в проспективном использовании того же обобщения. Тем самым постепенное уменьшение числа *неудачных предвидений* есть признак прогресса науки. Однако еще никто не занимался систематизацией неудачных предвидений, высказанных на протяжении последних двухсот лет экономистами, социологами и политологами. Сами ученые обходят эту тему. В результате нынешнее поколение ученых в сфере социальных наук ничуть не больше может предвидеть будущие социальные процессы, войны и революции, нежели астрологи и другие чародеи. Практика использования результатов социальных исследований в манипулятивных целях стала правилом функционирования социальных систем. И ученые не выступают против этой практики, поскольку она обосновывает их социальный статус.

Итак, концепции факта, опыта, объяснения и профессионализма, сложившиеся в рамках Просвещения, породили хронические болезни всей системы социальных наук. Поэтому теоретики коммунитаризма предлагают называть Просвещение *эпохой Ослепления*. В ее рамках сформировались главные идеологии современности. А также сложились познавательная, институциональная и организационная структуры естественных и социальных наук и образования. Они существуют до сих пор практически в неизменном виде.

В эту эпоху философы, ученые и политики создали настолько сильнодействующие иллюзии, что сами потеряли спо-

способность видеть мир и мыслить о нем. Абсолютное большинство представителей естественных и социальных наук не смогли отказаться от сотрудничества с властью и использования науки во властно-политических процессах. Ученые стали государственными чиновниками. Это породило множество познавательных деформаций. Архетипическим примером может быть следующая ситуация.

Однажды Карл II попросил членов Королевского Общества (одна из первых организационных форм науки нового времени, которая стала основой организации национальных академий наук) объяснить ему, почему дохлая рыба весит меньше, чем живая. В объяснениях недостатка не было. Выслушав ученых, король сказал, что живая и дохлая рыба весят одинаково. И продемонстрировал истинность своего суждения взвешиванием.

Эффект «дохлой рыбы» многократно усилился на протяжении XX в. Например, применение теории игр для объяснения социальных процессов не учитывает неопределенности и обратимости ситуаций. Они связаны с неполным знанием индивидов, зависимостью их поведения от интересов, организационными и институциональными барьерами и т.д. Коротко говоря, любое использование науки в процессах социального управления не учитывает принципиальной непредсказуемости будущих социальных событий.

В состав причин такой непредсказуемости входят: специфика радикальных понятийных инноваций; связь непредсказуемости индивидуального поведения и социальных (коллективных) действий; природа социальной реальности; возможность случайного совпадения обстоятельств.

Правда, в социальной жизни существуют и элементы предвидимости. Они связаны с необходимостью планирования и координации социальных действий, статистическими закономерностями, знанием причинно-следственных связей в природе и обществе. Однако социальная материя не имеет никаких других шансов противостоять манипулированию со стороны политиков, бюрократии и ученых-экспертов, кроме действительного стремления большинства индивидов к свободе.

Для реализации такой свободы каждый индивид *обязан* сохранять непредсказуемость собственного поведения относительно всей системы социальных структур, институтов и технологий: «Мы существуем в мире, в котором стремимся сделать предвидимым окружающее нас общество, а самим оказаться непредсказуемыми» (2, 141).

При таком понимании существа социальной жизни социальные науки должны культивировать другую модель объяснения: базироваться на тщательных социологических исследованиях, но вследствие индуктивного характера последних не претендовать на универсальные законы; строгие формулировки правил поведения социальных объектов сосуществуют с опровержениями любых обобщений; никакое множество обобщений (социальная теория и идеология) не имплицитно подразумевает другое множество контрфактических суждений.

Отсюда вытекает, что по любому вопросу социальной жизни одновременно существуют взаимоисключающие конкурирующие теории. Но *ни одна из них не может быть признана основанием для принятия любого политического и властно-управленческого решения*. Для выработки такой модели вся система социальных наук должна прежде всего отвергнуть традицию Слепления и сложившиеся в ее рамках идеологии — либерализм, консерватизм, марксизм и социализм. Но выполнить эту задачу крайне сложно. И все же предпосылки для ее реализации существуют в линии Н.Макиавелли, особенно в его концепции Фортуны. Можно согласиться с итальянским мыслителем в том, что элемент Фортуны неустраним из социальной жизни. Остается неясным, как его измерить. Предварительная рекомендация теоретиков коммунизма звучит так: ученые в сфере социальных наук обязаны трактовать ошибку в предвидении как обычную неудачу, если она не является решающим примером-экспериментом фальсификации. ❖

Для этого вся история всех социальных наук (политической экономики, социологии, политологии) должна быть переписана заново — под углом зрения ошибок и фальсификаций, а не успехов. Позиции ученых в социальных науках в

решающей степени зависят от выбора определенных идеологий. Следовательно, теории либерализма, консерватизма, марксизма и социализма должны включать опровержения *своих главных постулатов*. То же самое относится ко всем концепциям, разработанным в рамках указанных идеологий.

Такой истории социальных наук пока не существует. Но чисто гипотетически можно сказать: предполагаемый реестр ошибок и фальсификаций не будет совершенно случайным. На его основе станут возможными новые классы обобщений. Какими они будут, пока невозможно сказать. Для этого вначале надо написать историю ошибок, неудач и поражений всех идеологий и социальных наук.

В социальной деятельности взамен ненаписанной истории организаторы социальной жизни (т.е. политики) стремятся преодолеть непредсказуемость путем создания новых организаций. Ученые «специалисты-эксперты» поддакивают политикам. Все организации до сих пор создавались для воплощения в жизнь определенных социальных проектов — от достижения дохода до создания государства и полного преобразования действительности в соответствии с целями той или иной идеологии. «Отцы-основатели» всех организационных структур стремились сделать собственную организацию абсолютно предсказуемой, направить ее на успешное достижение поставленной цели, сохранение в социальной среде, которая подлежит изменению. Наиболее яркими примерами в этом отношении являются Ленин и Гитлер и созданные ими партии.

Однако предвидимость и успех как свойства организаций исключают друг друга. Поэтому сами проекты создания целиком предвидимой в своих действиях организации, направленной на создание не менее предсказуемого общества, были осуждены на поражение с самого начала. Как известно, фашистская и большевистская партии рухнули. Но вторая просуществовала в три с половиной раза больше времени, нежели первая. Созданные в рамках фашистского и коммунистического социальных проектов государственные аппараты существуют до сих пор. Они обладают несокрушимой тенденцией

собственного воспроизводства. Эта тенденция в коммунизме выражена значительно сильнее, нежели в фашизме.

Речь не идет об обычной политико-бюрократической рутине — смене людей на множестве постов. Государственные аппараты индустриальных стран до сих пор опираются на просвещенческую идеологию и философию социальных наук. Пока ни одна страна не осознала в полной мере ослепляющий характер данной идеологии и философии. По крайней мере еще не было такого прецедента, чтобы какая-либо страна взялась за *систематическое искоренение* организационных структур, социальных групп, профессий и ролей, возникших на протяжении последних двухсот лет. Все они шагнули в жизнь под эгидой просвещенческой идеологии и философии.

Зато в конце XX в. стало совершенно ясно: идеи успешности, рациональности, эффективности и профессионализма государственных и управленческих аппаратов являются наиболее опасными иллюзиями. Способности этих аппаратов к предсказанию социальных событий были и остаются нулевыми. А мера ответственности за отсутствие такой способности еще даже не сформулирована ни в одной системе конституционного и уголовного права. Кроме того, установившиеся способы социального управления не связаны ни с каким особым успехом. Здесь ситуация остается прежней: «Наш социальный порядок лежит за пределами любого контроля. Обществом не руководит никто, поскольку никто не в состоянии этого сделать» (2, 148).

2. Исчерпание политики

В современном обществе продолжают бесконечные академические дискуссии и политические дебаты. В них участвуют фигуры Потребителя, Менеджера, Терапевта и Социального Реформатора. Каждая из них транслирует систему опи-

санных иллюзий. Так возникают феномены, претендующие на «новизну».

2.1. Идеологические гибриды

Среди них важное место занимает переплетение разных идеологий. Например, становится все труднее провести различие между либерализмом и консерватизмом. Это видно из трудов теоретиков неоконсерватизма (И.Гилмора, Г.Кальтенбруннера, Р.Скрутона, Г.Шумана) и их политического закрепления в «Консервативном манифесте 1979». В число главных ценностей неоконсерваторы включают: нерушимость частной собственности; традиционализм; органическое общество; иерархический социальный порядок; демократические институты; сильное государство. По сути дела, неоконсерваторы списали лозунг частной собственности и демократии у либералов. Одновременно неоконсерваторы пренебрегают анализом реальных проблем, поставленных в процессе исторического и теоретического развития либерализма.

Об этих проблемах уже шла речь в первой главе. Здесь заметим, что провозглашение частной собственности гарантией личной свободы породило неразрешимое до сих пор противоречие между экономическим человеком и гражданином. То же самое относится к принципу договора как основной социальной связи: «Договорные отношения, которые навязаны под принуждением, в сущности, не имеют договорного характера» (2, 29). Такие договорные отношения иллюстрируют лишь моральную нищету современного общества. Теоретическое юродство либералов ничуть не меньше.

С точки зрения либерализма не имеет значения тип контрактов, заключаемых индивидом. Договоры должны лишь соответствовать праву, главными принципами которого являются нерушимость частной собственности и негативная свобода. В результате не существует возможностей зафиксировать и теоретически отразить различие договорных отношений между агентами рынка в условиях свободной кон-

курении, врачом и пациентом и женщиной, продающей свое тело сутенеру по причине материальных недостатков семьи. А неоконсерваторы включили принцип нерушимости частной собственности в число основных ценностей. Тем самым их моральная нищета, теоретическое юродство и политическая близорукость только усилились по сравнению с классическим консерватизмом.

Что касается стремления согласовать традицию с прогрессом, то эта процедура осуществляется за счет восходящего к Э.Берку разграничения между эмпирическим и рационалистическим мышлением. Предполагается, что только первое может быть источником прогресса. Основные возражения коммуитаристов против такого хода мысли были описаны в предыдущем параграфе. Здесь можно добавить, что неоконсерваторы совершенно сбрасывают со счета аналитическое содержание понятия традиционализма хотя бы у М.Вебера. Германский социолог включал в состав традиционализма не только принцип «Лучше меньше работать, чем больше зарабатывать», но и государственные налоги, финансирование правительств и политических партий, торговлю валютой и ростовщичество с опорой на политическую власть и надеждой на большие дивиденды в будущем. Этим действиям он противопоставлял производительный капитализм, главной ценностью которого является труд, а прибыль — лишь неожиданным следствием.

Возникает вопрос: какое из государств и правительств на протяжении последних двухсот лет отказалось от государственных налогов и займов, финансирования правительств и политических партий, торговли валютой и ростовщичества? Достаточно этот вопрос поставить, чтобы убедиться в бесплодности неоконсервативного понимания традиции.

В свою очередь концепция органического общества списана неоконсерваторами у Руссо и Гегеля. Тот и другой была этатистами и обосновывали необходимость государственной регламентации социальной жизни. Тогда как идея иерархии обосновывает культ государства, является следствием соединения в мышлении теоретика религиозных и

властных стереотипов мышления без серьезного анализа религии и власти.

В частности, если считать иерархию необходимым элементом социального порядка, то следует признать бюрократию не менее «органичным» социальным образованием по сравнению с семьей, соседской общиной, вероисповедальной, этнической и национальной общностью, гражданским обществом и т.д. В любом случае мы имеем дело с перенесением характеристик отдельной особи (животной или человеческой) на надындивидуальные образования. Спекулятивный характер такой процедуры обсуждался во второй главе. Кроме того, номиналистическая традиция в социальных науках оказалась ничуть не менее продуктивной, нежели традиция социального реализма. Последняя обычно питает консервативный способ мысли.

Короче говоря, современный консерватизм не является более последовательным по сравнению с современным либерализмом. Либерально-консервативные теоретики и политики не ставят под вопрос манипулятивное содержание политических институтов демократии. Если же государство ставит перед собой задачу защиты прав и свобод (несмотря на их мнимость), то оно не может быть гарантией органичности общества. Следовательно, неоконсерватизм лишь закрепляет стереотипы экономической, социальной и политической жизни и мысли, сложившиеся в Европе на протяжении последних двухсот лет. Против них как раз направлена коммунитаристская концепция.

Из предшествующего изложения видно, что коммунитаризм использует ряд положений марксизма для критики современного общества. Они применяются также для отбрасывания либерализма и консерватизма как форм теоретической рефлексии данного общества. Коммунитаристы считают марксизм как форму социальной критики по-прежнему актуальным для анализа главных проблем современности. В этом отношении позиция коммунитаристов значительно отличается от позиции большинства современных философов и политиков, считающих марксизм устаревшим.

ГЛАВНЫЕ ИДЕИ И МЫСЛИ О СММЕННОСТИ

Но для усиления теоретической значимости социальной критики коммунитаристы предлагают соединить марксизм с идеей радикального отбрасывания мира, сформулированной в христианстве. & этом случае теологическая, критика земной действительности соединяется с философским отрицанием существующего положения вещей. Широко распространено представление о противоположности марксизма и христианства. Однако с точки зрения морадж это убеждение- является ложным.

Прежде всего потому, что марксизм был модификацией просвещенческой: верига христианской теологии в интерпретации Гегеля. Марксизм — одна из многих, христианских ересей. Об этом свидетельствует его формальная структура — комплекс мировоззренческих, метафизических и моральных проблем, подлежащих анализу и решению. Так, вслед за Фомой Аквинским Маркс придавая: большое значение идее социальной справедливости. Эта идея была почти полностью позабыта официальной церковью и христианской теологией на протяжении XVHI—XIX вв. Маркс раньше других мыслителей заметил, что ктиталистическое общество пренебрегает проблемой справедливости. Христианское представление о справедливости включает идею посмертного воздаяния за прожитую жязаб. Маркс преобразовал эту идею в понятие земной справедливости. Она может быть достигнута в брениной человеческой жизни.

В этом смысле марксизм никогда не устареет, как не устарели раннее христианство и протестантизм. Раннее христианство отвергало «блудницу Вавилонову» — погрязший в коррупции и разврате Рим. Протестантизм отбросил инстжтуционализованную религию с ее идеологическим аппаратом В обоих случаях генерировался мощный критический потенциал. Он определил на тысячелетия и столетия главные направления социальной борьбы Такой потенциал содержится и в марксизме Он позволяет отбросить социальную реальность современного общества вместе с либерализмом и консерватизмом, обосновывающими необходимость сохранения ста-

тус-эсю Но в состо5жин л и юридические аашарать! воплощать справедливость в каждом конкретном случае?

2.2. Справедливость и юридическая бюрократия

А Макинтайр показал, что главный нерв связи либералов с консерваторами — манипуляция процедурной и распределительной концепциями справедливости. На первый взгляд, эти тонцетции противостоят друг другу. А в действительности обе -они являются следствием мнимых прав человека И не дают -возможности справедливо решать юридические споры На практике постоянно встречаются ситуации, тогда невозможно точно определить право частной собственности (приобретения, наследования и обмена) Поэтому оно устанавливается в самом судебном процессе. Аппарат измерения справедливости стал «необходимым» элементом разрешения споров Следователыго, все характеристики -«рациональной бюрократии» •относятся к юристам как социальной группе Это значит, что ее поведение и мышление есть воплощение произвола и непоследовательности.

Социальная роль юристов полностью вписывается в фигуру Терапевта, пытающегося врачевать нравы. Еще никому не удалось доказать, что нравственность юристов выше, чем у других социальных групп Наоборот, развитие юриспруденции привело к полному выталкиванию моральной проблематики за пределы судебного рассмотрения. В этом смысле юристы тождественны политикам Одновременно те и другие не менее продажны, чем все другие люди Они не свободны от произвольного толкования законов в пользу привилегированной стороны. Чем менее богат человек, тем более вероятность того, что применение любых концепций справедливости нанесет ему вред. В современном обществе нет согласия относительно базисных понятий прав, пользы и справедливости. И потому нет оснований считать существующие социальные связи органическими. Тем самым рушится базис

политической жизни. Юристы уже почти двести лет пропагандируют концепцию правового государства. Но она уже давно стала элементом политического маскарада¹.

То же самое можно сказать о бесконечной дискуссии между сторонниками процедурной и распределительной концепций справедливости. Есть ли в ней какой-либо смысл? Помогает ли она понять юридические аспекты манипулятивных отношений?

Р.Нозик отстаивает процедурную концепцию. По его мнению, собственность принадлежит каждому индивиду справедливо, если он обладает ею на основании справедливого приобретения, распределения и обмена. Полностью справедливый мир должен состоять исключительно из людей, которые своим собственным трудом приобрели собственность или передали ее другим.

Д.Роулс защищает распределительную концепцию. Соци-

¹ Для доказательства этого положения А.Макинтайр детально проанализировал практику решения имущественных споров. Типичную ситуацию он иллюстрирует судебным процессом между индейским племенем вмпаноаг и городом Мэшпи в штате Массачусетс. Город расположен на исконной земле племени. Поэтому потомки прежних владельцев утверждают: земля была отнята у них бесправно и неконституционно; она должна быть возвращена племени в соответствии с законом.

После обращения в суд началась обычная юридическая казуистика. Судебный процесс длится долго. Причем затягивают его сами юристы. Если та или иная сторона проиграет процесс в низшей инстанции, она имеет право обратиться к высшей. Однако во время процесса стоимость земли и недвижимой собственности в городе резко упала. Несмотря на это, продать ее стало невозможно. Это создало проблемы для домовладельцев, особенно пенсионеров и стариков. В соответствии с существующими законами они имеют полное право продать собственность. А по соображениям возраста желают переехать поближе к детям или родственникам. Теперь у них такой возможности нет.

В чем же должно состоять справедливое решение? И правильно ли поступил суд, принявший решение в пользу города, а не индейцев — наследников бывших владельцев земли?

альные и экономические неравенства должны распределяться так, чтобы они приносили наибольшую пользу наименее привилегированным индивидам и группам. Существуют два главных принципа справедливости: каждый индивид должен обладать правом на самую широкую и целостную систему равных основных свобод, которая должна быть согласована с аналогичной системой другого индивида; существующие неравенства должны распределяться таким образом, чтобы они соответствовали принципу справедливого сбережения и доступности должностей в условиях действительного равенства шансов.

Однако приведенная ситуация (судебный спор между индейским племенем и жителями города) показывает, что на практике невозможно установить, какие индивиды и группы являются наименее привилегированными и какие субъекты имеют право на спорную собственность на основании ее приобретения и обмена. Право такого определения принадлежит юридической бюрократии и служит основанием социального статуса и авторитета сословия юристов. Может ли быть справедливой эта социальная группа?

В коммунитаризме сформулирован однозначный ответ: *юристы не могут быть справедливыми!* Потому что в современном обществе нет каталога основных человеческих добродетелей. Принципы измерения, содержание и характер добродетелей остаются неопределенными. Понятия пользы, негативной свободы, прав человека, рационально действующего индивида и т.д. тоже не могут служить основанием моральных и политических добродетелей. Ибо данные понятия просто не соответствуют действительности. Следовательно, использование юридическим аппаратом процедурной и распределительной концепции не может дать справедливого решения социальных проблем.

Причем различные представления о справедливости существуют также в странах (Германия, Италия, Россия), в которых моральные и политические критерии длительное время преобладали над правовыми. В этих странах концепция «правового государства» обычно используется для маскиров-

ки фундаментальных и неразрешимых проблем. Особенно опасно, если за их решение берутся юристы. Процедура и распределительная концепции не могут освободиться от правового позитивизма и точно описать данные конфликты. Чем больше мораль и политика довлеют над правом, тем больше шансов несправедливого решения всех юридических дел.

Для доказательства этого положения в коммуитаризме разработаны идеальные типы фигур, вступающих в конфликт во всех судебных делах.

На одном полюсе находится *честный индивидуалист*, воспетый идеологами либерализма. Он может выполнять любую профессиональную работу. Зарабатывает все блага честным трудом, используя их для воспитания детей, призрения родителей и т.д. Однако его честный труд находится под постоянной угрозой роста государственных налогов. Например, подоходный налог был установлен в Англии более двухсот лет назад как временная мера. Затем он стал постоянным и ни одно правительство не собирается от него отказываться. Священники взимали требу за крещение, свадьбу и отпевание мирян. Но, например, самое атеистическое государство (СССР) перехватило у клира эту инициативу и сделало ее направлением фискальной политики. Честный индивидуалист считает любой рост государственных налогов несправедливым. Если накопление собственности не было связано с нарушением законов, то государство не имеет права проводить фискальную и финансовую политику (т.е. устанавливать цену денежных единиц) без предварительного согласия всех граждан. Но ни одно государство даже не ставит этот вопрос. Следовательно, оно было и остается главным нарушителем справедливости.

На другой стороне находится честный *коллективист*. Он тоже может заниматься любым профессиональным трудом, но приобрел собственность по наследству. Одновременно он обеспокоен социальным неравенством в экономической (распределение благ и доходов) и политической (доступ к власти) сферах. Считает его несправедливым. Если развитие экономики помогает улучшить положение бедных и устранить не-

равенство, то государство поступает справедливо, увеличивая налоги для финансирования сети социальных служб. В этом случае государство выступает носителем и гарантом справедливости¹.

Есть ли нечто общее между данными фигурами? Логическая несовместимость обеих концепций является не следствием нарушения правил логики, а результатом тотального произвола. Он типичен для общества в целом и аппарата измерения справедливости как его части. В результате практического применения обеих концепций *цена за их реализацию возлагается на противоположную сторону*[^]. В этом смысле

Любое представление о справедливости связано с выдвиганием кандидатов на все роли в политическом театре. Антрепренером выступает политическая структура демократии. Каждая из сторон обладает собственным мнением о принципах справедливого устройства общества. Однако спор между *честным индивидуалистом* и *честным коллективистом* не обязательно должен перерастать в конфликт.

Обе фигуры являются членами общества, в котором осуществляется перераспределение благ, доходов и власти. Если оно производится в соответствии с ценностями *честного индивидуалиста* без нарушения ценностей *честного коллективиста*, то они могут голодовать за одних и тех же политиков. Если же экономические условия требуют от одного отказаться от своей собственности и реализации жизненных планов в пользу другого, то они будут защищать разные концепции справедливости.

Честный индивидуалист считает, что принципы справедливого пользования правами для приобретения благ устанавливают границы экономической и перераспределительной политики государственных органов. Однако в результате их практического применения обычно возникает значительное неравенство. Терпимое отношение к нему есть цена, которую следует заплатить за реализацию справедливости[^]

Честный коллективист полагает, что принципы справедливого распределения должны устанавливаться надиндивидуальными силами. Поэтому терпимое отношение к вмешательству государства в социальную жизнь есть цена, которую должно заплатить общество за соблюдение справедливости.

В обоих случаях принцип толерантности становится средством идеологического маскарада.

нет различия между обеими фигурами. Обе руководствуются произволом. Поэтому ни один из принципов справедливости не является нейтральным в теоретическом и политическом отношении. Этим определяются также пределы толерантности — либерального лрзунга, который может заимствоваться и другими политическими силами.

Существует множество попыток обосновать равенство или неравенство — религиозных и светских, либеральных, консервативных и социалистических. Все они до сих пор приводили к противоположным экономическим и политическим следствиям. Сам язык формулировки требований и определения справедливости восходит к совокупности понятий, сложившихся в новое время. Они были закреплены в философии Просвещения — в ее рационалистическом и эмпирическом направлениях. Поэтому спор между представителями разных концепций справедливости не имеет решения. В основании рационализма лежит произвол. А эмпирическое решение связано с перекадыванием всех тягот за реализацию справедливости на другую сторону.

Честный индивидуалист обосновывает свое представление о справедливости ценностью индивидуального труда, потраченного на приобретение благ. Но он не в состоянии применить принцип отмены права наследования в отношении собственных благ и капиталов. При становлении современного либерального общества его вожди выдвигали лозунг отмены права наследования в отношении феодальной аристократии. Это требование было записано и в «Манифесте Коммунистической партии». Однако ни либералы, ни марксисты не рискнули применить это требование к самим себе. Речь идет о *добровольном отказе от собственности*.

Либералам она досталась в результате индивидуального труда и предприимчивости. Марксистам — в итоге захвата власти во время революций в России, Китае и других странах. Если бы либералы и марксисты были последовательными, они должны были бы юридически закрепить невозможность передачи накопленной индивидуальной и групповой собственности, знаний и власти своим потомкам. Только в

этом случае каждое поколение и каждый ребенок начинали бы свою жизнь заново. «С чистого листа», как это первоначально и предполагалось либеральной и марксистской концепциями прогресса. Это означало радикальный разрыв с прошлым. Однако ни капиталистическое, ни социалистическое общество на это не пошло. Следовательно, и либералы, и марксисты были и остаются консерваторами в наиболее «интимной» сфере собственности.

А *честный коллективист* был консерватором изначально. Поэтому он даже не заикается о применении лозунга отмены права наследования к самому себе. Особенно если собственность и капиталы достались ему по наследству. Поэтому он усматривает справедливость лишь в равенстве прав индивидов, выраженных в потребностях и средствах их удовлетворения. Отказаться от унаследованного богатства, знания и власти он тоже не в силах.

Короче говоря, *собственность и право распоряжения ею были и остаются глубинным основанием тотального произвола*. Юридическая бюрократия вообще не утруждает себя анализом этой проблемы. Она занята лишь регулированием данного произвола по собственному желанию. Так происходит удвоение произвола. В обществе продолжается спор между *честным индивидуалистом* (отстаивающим право собственности) и *честным коллективистом* (защищающим право, основанное на потребностях индивидов). Однако современная плюралистическая культура стран Запада с ее аппаратом измерения справедливости не располагает рациональными критериями разрешения данного спора. За процедурной и распределительной концепциями справедливости стоят целые школы социальной, экономической, юридической и политической мысли. Ни одна из них не помогает разрешить этот спор. А манипулятивный потенциал данных концепций в сфере социального знания и практики не имеет пределов.

В коммуитаризме зафиксированы пункты совпадения данных концепций. Они отражают взаимно однозначное несоответствие позиций *честного индивидуалиста* и *честного коллективиста*, хотя социальные основания обеих позиций

тождественны. Обе полагают общество, состоящим из индивидов, которые преследуют свои интересы и на этом основании устанавливают принципы совместной жизни. Тем самым происходит удвоение иллюзий: миф естественных прав человека дополняется мифом калькулируемой рациональности. Обе концепции популярны в обществе, которое состоит из чужих друг другу людей без прошлого. Эти люди в каждой стране украли общую землю у своих же соотечественников. Процесс становления современного общества есть последовательная реализация воровства.

Только анархисты имели мужество сказать об этом прямо. Коммунитаристы тоже подчеркивают, что государство лишь закрепляет это воровство. Чем больше оно выступает верховным собственником земли (принцип государственной территории и национализации земли) и закрепляет эту собственность в системе законов (от конституционного до земельного права), тем больше государство становится вором по отношению к любому обществу и нации. Нынешние демократические государства в этом отношении пошли за авторитарными и тоталитарными. И вслед за ними стали янституционализированным воровством. Аппарат измерения справедливости на протяжении всей своей истории занимался только легитимизацией данного воровства. Процедурная и распределительная концепции справедливости не позволяют понять этот процесс и факт современной социальной жизни.

Таким образом, в современном обществе ни моральные, ни экономические, ни политические споры неразрешимы. Аппарат справедливости лишь запутывает существо дела. Вся структура понятий социальных наук выражает противоположные идеалы и политические программы. Она снабжает риторикой противостоящие социальные и политические силы, в равной степени заинтересованные в сокрытии глубоких социальных конфликтов. Конкурирующие концепции справедливости сложились в результате жизни различных социальных групп. Юридическая бюрократия выполняет функцию Терапевта в процессах политической манипуляции. Она заимствовала эту функцию у религиозного клира. Но ни те ни другие

не в состоянии понять глобальные проблемы современного мира.

В коымунитаризме дан очерк этих проблем.

2.3. Бог и новые варвары

В современном обществе вера в рациональность и профессионализм властво-управленческого аппарата аналогична вере в Бога. Хотя процесс секуляризации длится более трехсот лет, большинство людей не смогло отбросить веру во власть, с помощью которой можно решить социальные проблемы и устранить зло из мира. Эта вера снимает различие между религиозным, юридическим и политическим языком. Данный язык включает множество эпитетов, глаголов и метафор. Он выражает убеждения людей, а не констатацию положения вещей. Не дает возможности провести четкое различие между дескриптивным и оценочным смыслом каждого понятия. Тем самым право и политика транслируют критерии религиозной ортодоксии¹. Из-за этого правовые и политические споры заканчиваются логическим тупиком. «Выход» из него предоставляется произволу юридической бюрократии, политиков и властно-управленческого аппарата.

Соответствие между принципами религиозной ортодоксии и политического суверенитета далеко не случайно. Оно характерно для католицизма, православия и протестантизма. Во всех случаях основанием суждений о Боге главным авто-

¹ «Право, определяющее суверенность в данной политической общности, является эквивалентом религии. Философы политики обычно стремятся решать вопрос «что такое суверенность?» путем указания на личность, или тело, которое следует признать центром суверенности. А по сути дела центр суверенности данного общества всегда определяется правилами, которые устанавливают, что следует признавать правом и законом. Правила, определяющие суверенность власти, сами по себе не могут быть выражением власти суверена. Но поскольку они являются окончательным критерием права и закона, постольку не содержат никакого дальнейшего логического обоснования» (5, 244).

ритетом выступает фигура Христа. Эта фигура содержит в себе те же самые манипулятивные характеристики, которые типичны для Потребителя, Менеджера и Терапевта. В суждениях о суверенитете роль такой фигуры могут выполнять индивидуальные (основатели государств и изобретатели законов) и надындивидуальные (армия, партия, государственный аппарат) силы, устанавливающие законы. Основанием признания истинности суждений Христа являются суждения его апостолов. Основанием признания справедливости существующих законов являются высказывания политиков и юристов. В обоих случаях появляется фигура верховного авторитета. Опять возникают круг в доказательстве и возможность произвольного толкования любого закона.

Власть не в состоянии устранить этот произвол, ибо в противном случае рухнут основания ее социального статуса: «Действия тупоголовых юристов и управленцев-прагматиков направлены на создание такого образа социального мира, в котором они играют главные роли» (2, 204). В результате товарный и денежный фетишизм переплетается с юридическим и политическим. Правительства и корпорации реализуют свои цели, используя попеременно процедурную и распределительную концепции справедливости. Но лишь в тех пределах, в которых они позволяют реализовать индивидуальные и групповые интересы. А проблема их обоснования, в том числе указание на эмотивистский и произвольный характер данных интересов, при этом даже не ставится.

Итак, ни процедурная, ни распределительная концепции справедливости не мешают существованию класса чиновников с его подотрядами ученых-экспертов и юристов. Данные концепции есть разновидность глобальных иллюзий. И принимают конкретно-исторические формы в зависимости от множества обстоятельств. Их следствием стала театральная имитация «рационального управления обществом». В современном обществе популярность политических артистов и циркачей возрастает. Даже профессия циркового и театрального гримера неожиданно приобрела политический смысл в имиджмейкере. Популярность с помощью имиджа стала признаком вла-

сти и авторитета: «Наиболее успешно действующий бюрократ одновременно является непревзойденным актером» (2, 205).

Синтез религиозной веры с политическими убеждениями и социальной наукой привел к небывалому росту организационных структур во всех сферах социальной жизни. Правительства и корпорации оплели общество и превратили его во множество административных машин. Сегодня уже не существует социальных движений и политических партий, которые были бы свободны от указанных свойств. Нет пока и таких способов легитимизации авторитета власти, которые были бы свободны от представления о ее рациональности. Это относится к либерализму и марксизму¹. В итоге проблема бюрократии не только не решена, но даже и не осознана ни одним из направлений социально-политической мысли как *центральная проблема современности*. Мо-

¹ Как было показано, либерализм органически связан с бюрократическим индивидуализмом. Поэтому либеральная критика бюрократии (содержащаяся, например, в работах Н. Паркинсона и его многочисленных последователей) является разновидностью «светских разговоров». Ни к каким практическим следствиям она не привела.

Марксизм содержал мощный антивластный, антигосударственный и антибюрократический заряд, но надежд не оправдал. В процессе практической реализации марксизм оказался веберизмом в превосходной степени. После русских революций и становления «мировой системы социализма» рост бюрократии в ней намного опередил капиталистические страны. В этом отношении СССР действительно «догнал и перегнал» капитализм, как призывал это сделать Сталин. И прогресс в этой сфере сопровождался постоянными кампаниями по «борьбе с бюрократизмом» — от Ленина до Горбачева. Под влиянием СССР страны Запада были вынуждены заимствовать идею государственного регулирования экономики. Опыт показал, что эта идея может быть вплетена в любую политику — либеральную, консервативную и социалистическую. Левая интеллигенция стран Запада бросилась «догонять и перегонять» СССР. После второй мировой войны в странах Европы пришли к власти социалисты. В результате лавинообразный рост бюрократии стал реальностью и на берегах Атлантики.

яht **быть**, нужен шиши Гитлер дом ее окончательного решения по типу «енрейошгожшпроса»? 1&да абсолютное большинство теоретиков модернизации *t* нового индустриального общества обосшэшшают «необходимость» роста бюрократам жз-за усложнения социальной реальности и управленческих функций.

В !ОММуНИХарНЗМе

му другим странам учввися у неав уже нечего. Повсеместный рост врофетявскою иррационализма стал реиг^ийй на тотздьяую '

Профепкесыш «ррацидиатиigem возии!ает в новыж идеологиях — феминизме, зкологнзме, нацноааяизме. Ни одна из них еще окончательно не конституировалась. Зато хнш уже отражают несогласие отдельных индивидов и групп с рынком, вмешательством государства в социальные процессы и тотальной бюрократизацией культуры, Веберианство и ницшеанство образуют фундаментальные теоретические артикуляции современного социального порядка. Новая парадигма идеологии может строиться на основе переосмысления вебериавства и ницшеанства с одновременной реанимацией критического потенциала марксизма.

При этом надо учитывать кардинальный факт: в современной культуре нет устойчивой связи между моралью и практическим разумом. Провозглашение «рациональности» экономики, властно-управленческого аппарата и политики — свидетельство такого отсутствия. Оно обнажает также всепронизывающую деморализацию общества. Сегодня проблемы со-

Профетический иррационализм восходит к опыту ницшеанской «переоценки всех ценностей». Кроме ницшеанства современна! европейская культура не располагает никакой другой интеллектуальной традицией, позволяющей отвергнуть экономические, социальные, моральные, организациоЕшо-управленческие, политические и идейные основы бытия данной культуры. Марксизм исчерпал свой ио'дошяия. Его нужно заменить такой теоржй, которая бы не давала никаких цивилизацгонных преимуществ Европе.

цнальной морали к политической этики ехали нустьнк звуком. Они интересуют только, некоторых теоретиков и сохраняют значение в жизни маргинальных социальных групп. Если консерватизм к социализм хотя бы частично заимствуют ценности либерализма (прежде всего идею о рациональности рынка *ж* бюрократии), они легитимируют бюрократический индивидуализм в геории и на ирам икс.

На протяжетши насждаил двухсот лет возростало- господство рышка^прож^водсттамбю^хшратии над индашадамя. Следовательно, нет смысла говорить о каком-либо прогрессе. Наоборот, ирояююдила дегенерация европейского общества и культуры. Европейские интеллектуалы по-прежнему мусолят две концепции индивида: как независимого и рационального субъекта, который может осуществлять суверенный выбор собственной позиции и образа жизни; как продукта обстоятельств, о благе которого необходимо заботиться- Но данные предикаты 1н«дшн»;ду!итг.ниго бытия нотержпя смысл. Ни о каком индивидуальном выборе не может быть речи. А нолиитико-бюрократические структуры заботятся преимущественно о собственном воспроизводстве, а не об обществе. Ни о дна из классических идеологий не направлена против социальных фигур Потребителя, Терапевта и Менеджера во всей совокупности их профессиональных ролей. Значит, все идеологии способствовали укреншЮкши- **ПОЗИЦИИ** Gtupwupaimf.

Описанные процессы породили феномен глобальной *исчерпанности политики*. Он отноехгся не только к авторитарным и тоталитарным, но и к демократическим государствам.

ПОКЗ

неясно. Зато очевидно, что политика выродилась во множество пустых и бесеодержатеяьных ритуалов внутри государств и на международном уровне. Кроме того, « . . политика современного общества есть гражданская война, осуществляемая другими средствами» (2, 450). Правительства и властно-управленческие аппараты ведут гражданскую войну с помощью средств, выработанных в эпоху Ослепления.

К их числу относите* прежде всего конституционное право. Оно есть разновидность утопий и не может считаться ни

отражением общих интересов, ни критерием демократии¹. Опыт многих стран в XX в. показал, что нет ничего проще формального принятия конституций и параллельной эскалации самого жестокого произвола и террора. Примеры СССР, Китая и Кампучии здесь наиболее показательны. Так что конституционализм ничуть не лучше других утопий.

А в демократических государствах законы выражают конфликты между социальными группами и между правительствами и обществами. Эти конфликты не могут быть разрешены юридически. Правительства монополизировали функции Терапевта, Социального Реформатора и Менеджера. Общество мажет оставаться только Эстетом-Потребителем. Да и то в рамках, предписанных властно-управленческим и юридическим аппаратом². Следовательно, законы отражают не столько масштабы социальных конфликтов, сколько меру их подавления правительствами.

В результате рационализации политики и управления из повседневной жизни выталкивается эмоциональная связь индивидов со странами, в которых они родились. Одновременно происходит эскалация националистической и патриотической фразеологии. Она инспирируется политиками и идеологами бывших колониальных и социалистических государств и стала разменной монетой политической манипуляции. Поэтому индивиды уже не в состоянии испытывать чувства, связанные с понятиями отечества и родины. Либералы частично правы в том, что в современном мире патриотизм стал ширмой для

Например, изобретатель либерального утилитаризма И.Бентам прославился одновременно как сочинитель конституций для многих европейских и внеевропейских стран и как автор проектов новых тюрем. Так что связь конституции и тюрьмы — не случайный эпизод, а правило социальной истории, детально изученное М.Фуко. Например, даже концепция С.Кьеркегора превратилась в архаизм. Датский философ рассматривал эстетическую стадию жизни как этап на пути движения к этической и религиозной. Но в результате секуляризации религия потеряла роль главного мотива при обосновании человеческого поведения. А этика превратилась в сферу ученых штудий и не отражает социальную мораль.

прикрытия национализма, шовинизма и империализма. Однако то же самое можно оказать о всех либеральных ценностях. Отрицательное отношение к патриотизму не мешает либералам быть сторонниками бюрократического индивидуализма.

Действительная проблема состоит не в квалификации патриотизма как положительной или отрицательной ценности. А в невозможности его практического воплощения. В современных демократиях правительства уже давно не выражают ни моральную, ни политическую общность граждан. Правительства стали сетью бюрократических служб для навязывания обществу политического произвола. В обществе нет ни морального, ни политического согласия. А сделки между Потребителями, Терапевтами и Менеджерами лишь увеличивают сферу манипуляции. Права и обязанности индивидов есть комплекс неопределенных юридических и политических фикций. То же самое относится к принципу консенсуса. В современном обществе согласие в принципе невозможно. Поэтому принцип консенсуса лишь устанавливает рамки процедурных правил демократии и не объясняет причин социальных и экономических конфликтов.

В коммунитаризме патриотизм рассматривается как следствие братства. Патриотизм универсален, поскольку он фиксирует чувственно-эмоциональную связь индивида с определенной социальной и моральной общностью. Тогда как политическая общность есть недобровольная привязанность индивида к правительству, политической системе и законам данной страны. Она имеет смысл лишь тогда, когда отражает чувственно-эмоциональную связь индивида с социальной и моральной общностью. Но из-за бюрократизации властно-управленческих и юридических аппаратов связь между моралью, обществом и политикой оказалась *разорванной*. Весь комплекс понятий социального знания маскирует данный разрыв (подробнее о проблеме братства речь будет идти в следующем параграфе).

Коммунитаристы обратили внимание еще на один любопытный феномен. Во всех странах мира существуют органы иностранных и внутренних дел, обороны, безопасности и раз-

ведки. Они издавна считаются самыми важными. После второй мировой войны к *шел* добавились министерства информации. В результате щюнзошла!гасяпуцнонализация манипуляции. Существуют также привилегированные учреждения по подготовке кадров для эти* органов. Однако опыт XX в. показал: число изменников родины (а процентном исчислении) да оэсташ главных государстваевзак ведомств зяачигЕельно опередило число таких изменгаш» из других социальных групп. Следует ля отсюда, что родину чаще предают люди из состава социальных элит и политического иетепблштиетя, нежели рядовые граждане? Этот вопрос нуждается в тщательном социологическом исследовании с применением методов компаративистики.

По крайней мере нет оснований считать, что мораль элит выше морали обычных граждан. Скорее наоборот. От Древнего Рима до современных государств наблюдается устойчивая тенденция деморализации политических элит. А целая традиция политической мысли (восходящая к Н.Макиавелли) противопоставляет мораль и политику. Следовательно, традиционное понятие патриотизма утратило смысл. В современном мире патриотизм может базироваться только на принципиальном конфликте между связью индивида с социальной общностью и лояльностью индивида в отношении законов и правительства.

Правительства лишь по воле случая осуществляют власть над гражданами. А государство никогда не было формой морального осуществления власти. Оно не обладает легитимностью даже при демократическом устройстве. Поэтому общества; все более дистанцируются от государств и правительств. Но эти процессы жоха еще не нашли выражения в конституционно-правовых системах. В этом тоже выражается исчерпанность политики как сферы деятельности*.

В современном обществе невозможно быть моральным человеком. С одной стороны, современные концепции человека экономического несовместимы с хозяйственной этикой в смысле Локка — Смята — Вебера. Честность ушла из экономики. С другой стороны, современные концепции челове-

ка политического противоречат героической политической этике в смысле Макиавелли. Гражданское мужество ушло из политической жизни. Следовательно, акцент на какие-то особые этические ценности капитализма и политические ценности социализма потерял смысл.

Общество не может <ялть моральным, если рынок занимает в нем место главной ценности, а бюрократия квалифицируется как необходимый элемент общества. Общество не может быть свободным, если в нем господствует бюрократический индивидуализм в либеральном, социалистическом и консервативном воплощении тети в гибридных формах данных идеологий. Чтобы создать предпосылки морали, надо отбросить современный социальный, экономический и политический порядок. Демократия и правовое правление имеют смысл лишь в той степени, в которой они помогают осознать эту задачу. Что касается ее выполнения, то в обществе пока не сложилось антипотребительского, антименеджерского и антитерапевтического большинства.

Однако программы всех ныне существующих политических партий такой задачи даже не ставят. Партии фактически перешли на содержание своих и чужих правительств и корпораций. Оппозиция потеряла смысл. Так что политическая структура реальной демократии базируется на полном отбрасывании морали. Главные социальные фигуры целиком деморализованы и закрепляют политическую рутину. В ней тоже нет ни грана морали. Значит, все современное общество надело «Новое платье короля». Но крикнуть об этом пока *яе* решается никто.

Марксизм пытался сыграть роль мальчика из сказки Г.Х.Андерсена. Но практическое воплощение ленинско-сталинской версии марксизма в СССР продемонстрировало наибольшую политическую исчерпанность. Однако исчерпанность марксистской политики *не тождественна* теоретической исчерпанности марксизма. В теоретическом отношении определенные элементы марксизма не устарели. Это относится к теории отчуждения и теории фетишизма. Они помогают обна-

ружить моральную, политическую и теоретическую нищету современного либерализма и консерватизма.

Практическое воплощение либеральной и консервативной идеологии не смогло преодолеть ни отчуждения, ни фетишизма. Наоборот, оно только усилило эти процессы. Следовательно, любые попытки синтеза либерализма с консерватизмом в конкретно-исторических обстоятельствах теоретически ложны, а политически опасны. Прежде всего речь идет о связи либерально-консервативной политики с фактом существования империй и национальных государств. То же самое относится к прагматизму и постмодернизму. Эти направления социально-политической мысли объявляют ценность успеха универсальной, а ценность истины устарелой. Вслед за этим происходит идеализация атлантических стран и культур.

Теоретики коммунитаризма формулируют противоположный вывод: *в странах Западной Европы и США наступила эпоха всеобщего варварства*. Но теперь орды варваров не стоят у границ Европы, как это было неоднократно в истории континента — от гуннов, вандалов, монголов и турок до российских и советских оккупационных войск. Атлантическая цивилизация породила своих собственных варваров, осуществляющих власть над нею. Главный из них — современный рациональный государственный чиновник. Э.Геллнер назвал этот класс людей «технократическими мамелюками». Другие социальные фигуры давно с ним породнились. И уже не выступают против орд современных рациональных варваров. Поэтому победа над ними становится все более проблематичной. Экономические и политические институты демократии не позволяют вести систематическую борьбу с этими ордами, легитимизируя их социальный и политический статус.

Таким образом, цивилизационный коллаборационизм стал универсальным свойством науки, искусства, политики и культуры атлантических стран. Если политическая структура демократии базируется на полном отбрасывании морали, то не следует ли отбросить демократию со всеми ее социальными фигурами и институтами?

3. Проблема братства

Ни экономические, ни юридические, ни властно-управленческие, ни политические институты современного общества, ни политические идеологии, сложившиеся в эпоху Ослепления (либерализм, консерватизм, марксизм и социализм) не в состоянии решить комплекс перечисленных проблем. Тем не менее теоретики коммунитаризма ставят задачу создания оснований братского общества. Эта задача сегодня кажется курьезной и привлекает мало сторонников. Особенно с учетом того, что идеал братства входил в число основных характеристик коммунистического общества, которое КПСС собиралась построить к 1980 г. в Советском Союзе. Крах данного проекта привел к тому, что даже современные социалисты почти не упоминают о братстве. А если и говорят о нем, то как о модификации идеалов либерального общества. Согласно либералам, принадлежность к братскому обществу базируется на обладании гражданскими и политическими правами. Тогда как социалисты делают акцент на социальные права и даже вводят понятие «социального гражданства» (см.: 6). Но в обоих случаях братство рассматривается как производное от свободы и равенства. О его самостоятельной ценности ни либералы, ни социалисты не говорят. Тогда как коммунитаристы полагают, что братство — совершенно самостоятельный феномен, несводимый к обществу свободных и равных индивидов. Кроме того, сама идея прав человека, составной частью которых являются свобода и равенство, подвергнута коммунитаристами сокрушительной критике.

В целом коммунитаристы убеждены: социальная теория и политическая философия должны выявить и описать такие связи и соглашения между членами общества, которые не сводятся к потребительским, менеджерским, социально-реформаторским и терапевтическим отношениям. Для этого надо модифицировать традиционные принципы социального устройства. Как это сделать?

К настоящему времени в коммунитаризме сформулировано несколько ответов на этот вопрос:

- братство устраняет необходимость принципа справедливости;
- братство может быть согласовано со справедливостью при модификации последней;
- братство является источником принципа справедливости;
- братство должно играть большую роль в содержании принципа справедливости.

Рассмотрим последовательно аргументы, стоящие за каждым ответом.

3.1. Образ жизни

Либералы полагают, что справедливость есть главная добродетель социальных институтов. Коммунитаристы с этим не согласны. Справедливость — это лишь второстепенное дополнительное средство для устранения неполадок в социальном бытии. Человек нуждается в справедливости только тогда, когда у него отсутствуют благородные качества доброжелательности и солидарности с другими людьми: «Если бы люди спонтанно реагировали на потребности других людей, — пишет М. Сендел, — руководствуясь при этом любовью и общностью целей, то у них не возникала бы необходимость борьбы за собственные права. С этой точки зрения интенсивная забота о справедливости отражает скорее ухудшение состояния морали, а не моральный прогресс. Семья — это такой социальный институт, который не нуждается в справедливости. Акцент на роль справедливости в семье может уменьшить чувство любви и тем самым привести к появлению больших конфликтов» (7, 34).

Иначе говоря, коммунитаристы высказывают положение о пределах справедливости. В главах, посвященных марксизму и феминизму, было показано, что аналогичное представление можно обнаружить среди сторонников указанных иде-

ологий и социальных движений. Марксисты и феминисты полагают, что люди концентрируются на справедливости, поскольку ведут борьбу за свои права в мире, в котором существуют противоположные интересы. Разумеется, справедливость помогает смягчать существующие конфликты. Но одновременно ведет к появлению новых споров, неразрешимых в рамках всеобщей манипуляции. Стало быть, справедливость есть вынужденное средство, которым люди должны пользоваться за неимением лучшего. В этом смысле она служит барьером на пути к достижению братства.

Таков первый ответ коммунитаристов на вопрос о модификации традиционных принципов социального устройства. Этот ответ может быть определен как жесткая дихотомия между братством и справедливостью. И она порождает ряд более конкретных вопросов: действительно ли справедливость ликвидирует любовь и солидарность? если человек жертвует своими правами во имя помощи другим людям, то может ли справедливость рассматриваться как своеобразный запрет на такую помощь? не являются ли все перечисленные связи между людьми разновидностью произвола, исключаящего добровольность?

Для ответа на эти вопросы требуется детальный разбор всех систем религиозной и светской этики, каждая из которых дает свой ответ. И каждый из них может рассматриваться в контексте метаэтических исследований, изучающих обоснованность любого морального суждения. Данная задача выходит за рамки этой книги. Здесь только отметим, что для доказательства тезиса «Братство устраняет необходимость принципа справедливости» требуется эмпирическое исследование на тему: свободно ли братство от отношений господства и подчинения, отрицательно оцениваемых всеми политическими идеологиями (за исключением консерватизма и связанных с ним непосредственно форм политической мысли). В современном коммунитаризме таких исследований пока нет.

Некоторые коммунитаристы считают, что братство может быть согласовано со справедливостью, но при этом требуется ее модификация. Справедливость не является ансторическим

и внешним критерием, который может служить для критики образа жизни любого общества. Все либералы полагают, что разработанная ими теория справедливости определяет образец, которому должно удовлетворять любое общество. При этом конфликты теории справедливости с системой институтов и представлений данного общества либералов не интересуют. Наоборот, данная теория позволяет сомневаться в любой религиозно-мировоззренческой и политической системе: «В конечном счете существует только один-единственный метод, благодаря которому политическая теория может внести определенный вклад в способ осуществления власти. У людей существует множество импульсов, которые толкают их опять и опять к их автохтонной культуре. Вопреки данным импульсам политическая теория должна стремиться к всеобщему. Заниматься поиском интеллектуальных оснований, позволяющих определять действительность и мнимость наших традиционных делений и различий. Справедливость — не зеркало, а беспощадный критик людей и институтов» (8, 219).

Коммунитаристы не согласны с таким подходом. Они полагают, что поиск универсальной теории справедливости ведет в тупик. Люди не в состоянии выйти за рамки собственной истории и культуры, воплощающихся в каждом конкретном состоянии общества. Существует единственный метод познания справедливости — изучение способа понимания ценности социальных благ в каждом отдельном обществе: «Общество является справедливым, если оно поступает в соответствии с убеждениями его членов. Эти убеждения воплощаются в характерных практиках и институтах. Открытие принципов справедливости есть результат интерпретации культуры, а не философской аргументация» (9, 98).

Европейскому обществу и культуре присуще требование сложного равенства. Речь идет о такой системе распределения благ, в рамках которой люди не стремятся реализовать равный доступ ко всем благам. Их больше интересует система гарантий против неравенства. Например, если существует неравенство в сфере богатства, то оно должно сопровождать-

ся равенством в доступе к здравоохранению, власти, культуре и т.д. В то же время М.Уолцер утверждает: «Другие общества не разделяют такого понимания справедливости. В некоторых обществах (например, кастовых) справедливость связана с беспредельным неравенством в доступе к правам и благам» (9, 237).

Таким образом, коммунитаристы предлагают разновидность культурного релятивизма. Дискуссия на эту тему длится более ста лет и не является предметом моего исследования. Я отмечу только две несообразности коммунитаристской дефиниции справедливости как общего убеждения, характерного для данного общества.

Во-первых, коммунитаристская дефиниция противоречит одному из наиболее фундаментальных убеждений, характерных не только для Европы, но и для России. Согласно Уолцеру, рабство есть зло, поскольку наше общество его не одобряет. Однако для большинства людей причинно-следственная связь идет в ином направлении: мы не одобряем рабства, поскольку считаем его злом. Зло рабства является основанием общего убеждения, а не его продуктом. То же самое можно сказать о феноменах господства и подчинения.

Во-вторых, трудно сформулировать такое убеждение о справедливости, с которым были бы согласны все члены данного общества. В этом случае надо учитывать не только мнения богатых, сильных и красноречивых говорунов, но и взгляды людей бедных и слабых. Не надо доказывать, что представления о справедливости тех и других будут кардинально расходиться. Значит, надо анализировать конкурирующие представления в свете более общей концепции справедливости. Тем самым наличие конфликтов и критическая рефлексия о них становится важной предпосылкой для создания менее «хуторских» представлений о справедливости,

Теперь несколько слов о братстве как источнике принципа справедливости. Как известно, либералы исходят из понятий прав человека и личной свободы. Однако то и другое возможно только в обществе. И потому общее благо не менее важно, нежели индивидуальное. По мнению коммунитарис-

тов, следует отбросить либеральную политику прав в пользу политики общего блага,

Как же ее понимать? Можно исходить из того, что либеральное общество ограничивает свободу индивида, поскольку требует уважения к свободе и равенству других индивидов. Либеральное государство тоже ограничивает действия, которые ведут к ограничению свободы и равного доступа к благам. В этом случае возникает проблема справедливого распределения. Ее невозможно решать и даже обсуждать без представления об общем благе. Например, для здравоохранения, образования, экологической защиты, призрения слабых и старых требуется увеличивать налоги с населения. Само принятие решения об этом включает указанное представление.

Тем не менее либералы до сих пор убеждены, что государство должно быть нейтральным в отношении различных образов жизни, или «концепций блага». Ни одна из них не может быть господствующей. Государство оказывает равное уважение индивидуальным образам жизни в соответствии с принципом справедливости: «Причем не в смысле существования установленной публичной меры внутренней ценности данного образа жизни, с учетом которой все индивидуальные концепции оказываются равноправными. Речь скорее идет о том, что они вообще не оцениваются с публичной точки зрения» (10, 272). Иначе говоря, нейтральность государства означает, что оно не вмешивается в оценку различных концепций блага.

Тогда как, по мнению коммунитаристов, общее благо есть объективное состояние вещей. Оно определяет образ жизни общества. На его основании осуществляется публичная оценка разных концепций блага. Предпочтения и выбор индивида играют большую или меньшую роль в зависимости от того, в какой степени он создает и одобряет общее благо. Следовательно, государство не является нейтральным. Оно способствует тому, чтобы индивиды вырабатывали такие концепции индивидуального блага, которые соответствуют образу жизни данного общества. И наоборот: вступает в борьбу с

концепциями, которые находятся с ним в конфликте. Тем самым образ жизни является источником братства, которое влияет на справедливость.

Таким образом, коммунитаристы не признают ни идею автономии индивида, ни идею нейтральности государства. По их мнению, либеральная концепция индивида (осуществляющего выбор и оценку различных концепций благ) является упрощенной. Прежде всего потому, что индивиды не в состоянии дистанцироваться от социальных ролей, которые они выполняют: «Некоторые из данных ролей и социальных связей являются предзаданными в отношении индивидуальной жизни. Поэтому личность не является первичной, а конституируется на основании целей. Наша идентичность определяется целями, которые мы не выбираем. Мы их просто открываем для себя, поскольку мы погружены в определенный социальный контекст. Решение о способе жизни не заключается в выборе, а в понимании ролей, в которых мы укоренены еще до нашего рождения. Политика общего блага выражает указанные конститутивные цели и обеспечивает нас познанием общего блага, которое невозможно постичь в одиночестве» (7, 183). Поэтому общее благо является источником принципа справедливости и следующей характеристикой братства.

Стало быть, модификация традиционных принципов социального устройства предполагает изменение пределов справедливости, учет ее конкретно-исторических форм, переосмысление отношения между правами индивида и общим благом и понимание личности как погруженной в социальный контекст. Указанные параметры образуют в совокупности образ жизни, в котором реализовано братство. Проблема заключается в степени, в которой люди погружены в конкретные роли.

С одной стороны, их выполнение необходимо для поддержки существования общества. С другой стороны, набор данных ролей обеспечивает режим всеобщей манипуляции, против которого резко выступают коммунитаристы. Дело в том, что с выполнением данных ролей связаны наиболее глу-

бокие убеждения людей об индивидуальном и общем благе. Изменение таких убеждений дело крайне трудное. Например, советская власть более семидесяти лет боролась с «пережитками капитализма» в поведении и сознании людей, а теперь эти «пережитки» превращены в официальную политику России. В то же время история освобождения женщин показывает, что люди могут отбрасывать даже глубоко укорененные половые, экономические и семейные роли. Индивиды могут также переоценивать поставленные цели и связи, членами которых они являются. В этом смысле каждый индивид вовлечен в данную социальную практику.

И все же согласие или отбрасывание данной практики зависит от того, насколько индивид способен последовательно и бескомпромиссно ставить перед собой вопрос о ценности данной практики. Целиком изменить общество еще никому не удалось. Но попытки такого изменения способствовали появлению новых видов братства. Братство по крови было ограничено братством по вере, а оно способствовало появлению братства по профессии. На его основе возникало братство по классу, которое не смогло отменить братство по образу жизни. В настоящее время эти виды братства конкурируют и усугубляют социальный контекст деятельности индивида. Право на самостоятельное решение предполагает, что человек в состоянии задаваться вопросом: «Обязан ли я хранить верность унаследованным социальным ролям и видам братства?» Мера ответственности и вины каждого человека определяется его последовательностью в отстаивании собственного ответа.

3.2. Социальный контекст

В консерватизме, марксизме и социализме было выражено первичное несогласие с либеральным убеждением о самостоятельности индивида. Коммунитаризм заимствует это несогласие и критикует либералов за то, что они не обращают внимания на социальные условия, необходимые для культу-

вирования самостоятельности индивида. Действительно, большинство либеральных теорий базируется на атомизме. Согласно этой концепции, индивиды не нуждаются в социальном контексте для развития и реализации способности к самоопределению, тогда как коммунитаризм формулирует противоположный тезис: индивиды могут развиваться и быть самостоятельными только в определенных типах социальной среды.

В частности, способность к оценке концепций блага (без которой невозможно братство) может развиваться только в обществе определенного типа. Причем только политика общего блага позволяет сохраниться обществу, которое ориентировано на поддержку самостоятельности индивидов. Братство недостижимо, если:

1. Общество не способствует культивированию глубокой разнородности культур, обеспечивающей осмысленный выбор образа жизни.
2. В обществе нет публичного форума, на котором оцениваются данные выборы и образы жизни.
3. Не существует такой политической легитимности, которая отбрасывает любую манипуляцию в сфере экономики, власти и идеологии.
4. Национализм становится значимой идеологической ориентацией.

Каждая из этих тем проработана в коммунитаризме на разную глубину. Я опишу только основные результаты.

Глубокая разнородность культур есть результат свободы выбора образа жизни. Источником такого выбора является культура в целом. Либеральный нейтралитет в отношении ценностей не в состоянии обеспечить богатство и разнородность культуры. Либералы полагают, что государство не должно вмешиваться в рынок культуры. Поддерживать или бороться с определенным образом жизни. Культурный рынок должен быть предоставлен самому себе. Коммунитаристы решительно отвергают такую политику в области культуры. Если с нею согласиться, то такая политика ведет к уничтоже-

нию культурного плюрализма. И опыт развитых стран показывает, что в результате начинает господствовать серая, однообразная и безмозглая массовая культура. Тем самым либеральная нейтральность оказывается мифом.

Кроме того, либералы утверждают, что достойные образы жизни могут сохраниться в широком ассортименте на культурном рынке без помощи государства. Индивиды смогут самостоятельно разобраться в ценности достойных образов жизни и самостоятельно сделать выбор в пользу. Некоторые либералы предлагают решать проблему экономическими методами: «Государство должно активно охранять разнородность культуры, во имя этой цели ему совсем не обязательно отказываться от нейтральности. Например, государство может гарантировать адекватный выбор путем предоставления налоговых льгот для лиц, которые в соответствии с собственными идеалами способствуют развитию культуры. Иначе говоря, государство стремится к тому, чтобы существовала сама возможность выбора образов жизни. Однако их оценка осуществляется вне государства и выражается в частных решениях индивидов» (8, 178).

Коммунитаристы предлагают другое решение: сама оценка концепций блага есть вопрос политический, и государство должно вмешиваться в культуру не только для обеспечения возможности выбора того или иного образа жизни, но и для поддержки некоторых из них. Таким образом, спор идет о способах оценки множества индивидуальных выборов. Либералы полагают, что такая оценка принадлежит культурному рынку. Коммунитаристы считают, что культурная разнородность образов жизни есть предмет политической дискуссии и государственной деятельности.

С этим спором связана идея публичного форума для оценки индивидуальных выборов образа жизни. По мнению либералов, культурный рынок является более подходящим для оценки образов жизни, нежели государство. Самостоятельность индивидов возможна только тогда, когда всякие суждения о благах природы устраняются из сферы политики в область приватности.

Коммунитарнсты считают, что такой ход мысли базируется на атомизме. На самом деле индивиды нуждаются в коллективном опыте и обмене мнениями: «Если единичные суждения на тему блага отделить *от* коллективных размышлений, то они станут предметом субъективного и произвольного каприза. Именно это и получилось у большинства американцев под влиянием; либерального индивидуализма» (11,246). Коммуитаристская политика общего блага базируется на иной посылке: «Люди живут в условиях общего опыта «языка. Тем самым образуется единственный в своем роде контекст, в котором индивиды ц общество могут открывать а проверять собственные ценности. Это осуществляется с помощью действий политического характера, таких как дискуссия, критика, пример и соперничество» (12., 282).

Короче говоря, сами представления о благе нуждаются в совместном исследовании. И потому государство должно быть форумом, на котором обсуждаются результаты данных исследований. Одинокие индивиды Е» в состоянии их проводить.

В то же время в позиция коммунитаристов есть существенный недостаток: они не проводят строгого различия между коллективным и политическим действием. Безусловно, участие в общем опыте и языке дает возможность индивиду принимать решения о достойной жизни. Но почему организация такого участия доверяется государству, а не свободному объединению шэдивядов? Уже либеральное общество гарантирует свободу слова, союзов и объединений. Социализм заимствует эти ценности у либерализма. Правда, ленинско-сталинский вариант марксизма предполагал полный контроль государства над социальной жизнью. Однако этот пример может быть только отрицательным. С теоретической точки зрения возможность совместного творческого поиска в науке, искусстве и даже политике (если иметь в виду создание политических целей и проектов) обеспечивается внесударственными структурами. Речь идет о социальных связях в группах коллег, семьи, художественных и научных обществах, профессиональных союзах, средствах массовой информации и т.д.

Кроме того, существует подобие между взглядами критической школы марксизма и коммунитаристскими концепциями. В обоих случаях предлагается радикальная критика либеральной нейтральности. Ю.Хабермас требует, чтобы оценка различных образов жизни стала политическим вопросом: «Политическая дискуссия необходима именно потому, что при ее отсутствии люди были бы склонны одобрять наличные виды практики. Тем самым они бы увековечивали ложные потребности, связанные с данной практикой. Человеческое понимание блага может освободиться от лжи только при условии: существующие образы жизни станут предметами дискурсивного творения воли. Либерализм не требует тщательного анализа и оценки существующей практики. Поэтому он не в состоянии заметить, что уход от ложных потребностей соответствует человеческим интересам» (13, 188-189).

Опять-таки возникает вопрос: почему оценка человеческих концепций блага должна осуществляться с помощью государства? Тем более, если оно вырабатывает механизмы тотальной манипуляции. Так что реальная проблема состоит в создании социальных групп, совершенно свободных от вмешательства государства. Они и могли бы составить публичный форум, на котором осуществляется «дискурсивное творение воли», если воспользоваться выражением Хабермаса. А деятельность такого форума не может обойтись без интерпретации действительных и мнимых человеческих потребностей.

Короче говоря, либералы подчеркивают значимость социальных, а не политических процессов. Внегосударственные структуры позволяют людям выражать личные вкусы и убеждения и способствуют развитию культуры. Либерализм отличается недоверием к любым государственным структурам (по крайней мере классический). В марксизме проблема соотношения экономики и политики порождает ряд контrovers, описанных в третьей главе. Ленинско-сталинский вариант марксизма отличается верой в творческую мощь политики. В современном социализме нетрудно обнаружить как оптимис-

тическое, так и пессимистическое отношение к политике. Те же самые тенденции выражены и в коммунитаризме. Но в любом случае присутствует дилемма: критики либерализма не в состоянии обосновать свою веру в политику, тогда как либералы не могут найти убедительные аргументы для веры во внесударственные структуры.

Не исключено, что мы имеем дело с более чем столетним диалогом глухих. Ни одна из сторон не желает усвоить взгляды оппонента. Либералы издавна подчеркивают различие между государством и обществом. Коммунитаристы в критической части своей концепции осуществляют тотальную критику экономики, политики и идеологии. А при обосновании идеала братства не в состоянии преодолеть иллюзию: все социальные феномены и процессы являются по существу политическими. Однако государство было и остается структурой, располагающей средствами насилия. Поэтому в обозримом будущем оно не сможет стать форумом, способствующим творческому поиску в любой сфере деятельности, а не только при дискуссиях об образе жизни.

С другой стороны, коммунитаристы правы в том, что создание разнородной и толерантной культуры было и остается острой социальной проблемой. И само бытие такой культуры далеко не очевидно, хотя либералы предпочитают не замечать отношений господства и подчинения, пронизывающих институты производства культуры. Если считать современное государство нейтральным, то оно нисколько не способствует созданию культурных предпосылок самостоятельности каждого индивида. По крайней мере нейтральному государству не удалось склонить людей к глубокой заинтересованности социальными делами и вопросами. Наоборот, оно усиливает неоправданные надежды в отношении экономики, политики и идеологии.

Видимо, для решения данного спора требуется сравнительный анализ *возможностей и опасностей*, скрывающихся в государстве и во внесударственных структурах. Без такого анализа дискуссия о братстве остается бесплодной. Причем дебаты между атомистическим и социетальным

подходом к решению любых социальных проблем могут продолжаться бесконечно. Об этом свидетельствуют история и современное состояние социально-философской в политической мысли. Так что эпицентр спора не сводится к обсуждению необходимости социальных практик и структур. Должно ли государство вмешиваться в их оценку и защиту? На этот вопрос ответить невозможно без анализа истории и современного состояния всех ныне существующих государств. Поэтому ответы неизбежно будут принимать эмпирическую, а не теоретическую форму. Требуется систематизация эмпирических данных, о том, в какой степени конкретные виды социальной практики для сохранения нуждаются в поддержке государства. И, следовательно, способствуют государственному ограничению индивидуальной свободы.

3.3, Легитимность и национализм

Государство может выполнять свою роль только при условии стабильности социальных и политических институтов. Чтобы быть стабильными, они должны быть легитимными в глазах граждан. Коммунитаристы полагают, что если политические институты руководствуются принципом нейтральности, они не могут быть легитимными. Поскольку не в состоянии создать социальный контекст, необходимый для самоопределения индивидов.

Кроме того, нейтральное государство подрывает чувство братства. Государство благосостояния требует от граждан большего или меньшего отказа от собственных благ во имя общего, блага. Граждане могут стать верноподданными и выполнять все его решения только при условии: существует общая форма жизни, сохранение и развитие которой само по себе обладает смыслом для граждан. Причем речь не идет об инструментальной ценности данной формы жизни для блага отдельных индивидов, а также о квалификации ее как суммы индивидуальных благ.

Нейтральное государство способствует деградации представления об общем благе. Такое государство полагает, что люди могут свободно самоопределяться независимо от общей формы жизни. Ибо признание общего блага официальной целью государства нарушает права индивидов: «Либеральная модель государства целиком соответствует атомистическому сознанию, в рамках которого каждый индивид понимает собственное достоинство как достоинство единичного обладателя прав. По сути дела только те граждане, которые уже в определенной степени дистанцировались от общества, принимающего решения, могут охотно пропагандировать резолюции тех или иных коллективов как полезные с точки зрения нрав отдельного индивида» (14,211).

Стало быть, нейтральное государство культивирует дистанцию индивидов от социальной формы жизни. Это ведет к тому, что *граждане становятся равнодушными к принципу справедливости*. А юридическая бюрократия получает дополнительный шанс для усиления собственного социального статуса, эксплуатируя указанное равнодушие. В итоге в либеральных демократиях развивается кризис легитимности. Это явление было зафиксировано еще в 1960-е гг. в отношении развитых стран Запада. Затем оно стало развиваться в СССР и приобрело всеобщую форму по мере распада советской империи и введения в новых государствах «демократии сверху» (см.: 15). Во всех случаях государство требует от граждан, чтобы они соглашались с жертвами во имя справедливости. Но эти жертвы нисколько не помогают конкретным людям. Тем самым рушатся основания легитимности демократического порядка. Никто не желает нести на своих плечах груз общего блага и справедливости.

Теоретики коммунитаризма полагают, что основанием легитимности является не справедливость, а совместный образ жизни людей. В качестве исторических примеров такого понимания легитимности они приводят демократию Древней Греции, а также способ правления, характерный для поселений пионеров в Новой Англии в XVII в. По мнению коммунитаристов, эти формы совместной жизни людей опирались

на политику общего блага. И отличались гражданской активностью и лояльностью. Однако данные примеры не являются убедительными.

Как известно, в Древней Греции рабы и женщины исключались из политической общности. А в протестантских поселениях Новой Англии из участия в гражданской жизни исключались женщины, атеисты, индейцы и бедняки. Эти формы совместной жизни пользовались понятием общего блага для легитимизации такого политического порядка, который отличался социальной, половой, вероисповедальной и расовой дискриминацией. Следовательно, представление об общем благе оправдывало такую дискриминацию.

Правда, современные коммунитаристы не предлагают, чтобы легитимность базировалась на исключении тех социальных групп, которые с исторической точки зрения не участвовали в создании «общих форм жизни». Коммунитаристы считают, что существуют общие цели, которые являются основанием политики общего блага, обладающей легитимностью с точки зрения всех социальных групп. Но не приводят никаких примеров упомянутых общих целей. Ссылаются при этом на исторически образовавшуюся практику.

Однако надо учитывать, что любая политическая практика до сих пор определялась незначительной частью общества. Если речь идет о США, то ее формировали представители белой расы мужского пола для того, чтобы она обслуживала их интересы. То же самое можно сказать о России до 1917 г. А после этой даты политическая практика нашей страны определялась партийно-государственными кликами для обслуживания их интересов. Введение демократии в России после 1991 г. только легализовало этот процесс (см.: 16). Если считать цели этих групп общими и поддерживать их, то легитимность существующего в США и в современной России политического порядка становится еще более сомнительной. Ибо и в том и в другом случае надо исключать из процесса легитимности целые социальные группы, мнение которых не учитывалось при становлении любого политического порядка.

Таким образом, ссылка на общие цели при обосновании легитимности крайне сомнительна: «Никакое «возрождение» и укрепление социальных чувств, которое предлагают коммунитаристы, не принесет дискриминированным социальным группам никакой пользы. Наоборот, наши исторически сформировавшиеся чувства составляют только часть проблемы, а не фрагмент решения» (17, 424).

Участие в политике всех социальных групп — необходимое условие легитимности политического порядка. Без этого само понятие гражданина теряет смысл. Люди могут участвовать в политике, если они являются равными. Однако равенство не согласуется с социальными ролями людей (в этом отношении коммунитаристы правы). Тем более, если данные социальные роли предопределены задолго до рождения людей, которые никак не участвовали в их создании. В этом смысле проблема легитимности означает признание права на формулирование своих собственных целей за всеми людьми, которые не согласны с матрицей данных социальных ролей и стремятся ее изменить. Особенно если данная матрица включает отношения господства и подчинения — т.е. консервативный принцип социальной и политической иерархии.

Что же считать основой социального единства (или братства) в современном обществе? Либералы полагают таким основанием свободу и политическое и социальное равенство. Честное сотрудничество между свободными и равными индивидами создает основание социального единства. Все остальные социальные цели и проекты в лучшем случае остаются дискуссионными. Если реалистически подходить к современному миру, то коммунитаристская концепция братства может рассматриваться как рабочая гипотеза, сформулированная в процессе такой дискуссии.

В то же время коммунитаристы правы в том, что идеал братства находится под все большей угрозой национализма. Сегодня мир разделен почти на двести государств. Если согласиться с либералами (основанием политической легитимности являются свобода и равенство), то почему все демократические народы не соединятся в одно государство? В реальном мире процессы идут в другом направлении.

На протяжении последних ста с небольшим лет произошел распад многонациональных империй — Османской, Австро-Венгерской, Германской и Британской. На глазах развалились многонациональные федерации СССР и Югославия. Даже Чехословакия распалась на два государства. Продолжается борьба за независимость в Квебеке в Ирландии. Во всех случаях бывшие колонии стремятся приобрести политический суверенитет. Население данных колоний не желает оставаться свободными и равными гражданами больших государств. А стремится сузить свободу и равенство пределами собственных государственных границ.

Надо учитывать, что международное право признает за каждой нацией право на самоопределение. Но на практике этого права лишены многие национальные меньшинства (например, курды). Во многих странах такие меньшинства существуют. Обычно им предоставляется ограниченное самоуправление в рамках больших федераций. Тем самым возникает вопрос: какая, нация обладает каким, правом на какую форму самоуправления? Этот вопрос находится в эпицентре сегодняшних политических дискуссий в России, и других, странах. Восточной Европы, на Ближнем Востоке и в «третьем мире», в Канаде и Испании. И нельзя утверждать, что какая-либо политическая идеология нашла его удовлетворительное решение.

В современной литературе на тему братства данная проблема затрагивается лишь попутно. Как либералы, так и ком-

мунитаристы исходят из принципа: все государства являются национальными. Это значит, что все граждане являются представителями одной и той же национальности, говорят на одном и том же языке и могут вылиться в публичные дебаты о культуре. В этом случае авторы обычно обсуждают вопрос о том, какую роль должно играть государство в поддержке и

развитии своей культуры и своего языка. Право на самоопределение наций при этом практически не упоминается.

Этот симптом весьма любопытен, несколько позволяет дистанцироваться как от либералов, так и от коммунитаристов в понимании братства. Я думаю, что оно не состоит в

выборе между нейтральностью *я* общим благом или автономней и конститутивными целями. Проблема братства заключается в объяснении причин национализма, а также в тех схемах, которые он предлагает для управления в рамках национальной общности. Если считать политические границы конституирующими для бытия нация, то можно ли считать проживающее в них население братской общностью?

На этот вопрос невозможно ответить на основании принципов равенства и свободы, поскольку они выходят за рамки национальных *я* государственник граней. А концепции общего блага и достойной жизни, на которых настаивают коммунитаристы, не являются всеобщими, поскольку они модифицируются в зависимости от национальных и государственных границ. Следовательно, поиск принципа братства остается актуальной проблемой. Она не разрешена ни *т* классических идеологиях, ни в современном коммунитаризме. По сравнению с его другими частями — тотальной критикой современного индустриального общества и отбрасыванием главных политических идеологий современности — проблема братства остается наиболее слабым пунктом коммунитаризма.

4. Предварительное реиоме

Напомню еще раз, что коммунитаризм — совсем молодая концепция. Она возникла немногим более десяти лет назад и вместе с экологизмом и феминизмом образует попытку выйти за пределы классических идеологий. Поэтому высказывать окончательные оценки преждевременно. Особенно если учесть, что коммунитаризм практически неизвестен научному и политическому сообществу России. Требуется обсуждение всех доставленных в коммунитаризме проблем. В этих целях можно сформулировать предварительные замечания о его особенностях.

С содержательной стороны коммуитаризм связан с вычленением сферы манипулятивных отношений как главного предмета теоретического и политико-философского анализа современности. Такая задача не ставится ни в одной идеологии. Поэтому представляют значительный интерес конкретные выводы коммуитаризма. Они могут использоваться как методологические принципы анализа манипулятивных отношений в современном обществе.

Научные и властно-политические критерии стали неразличимыми во всей структуре академических дискуссий и политических дебатов. В социальной и политической жизни господствует произвол, а не рациональность. Ролевая концепция общества не может использоваться для анализа социальной и профессиональной структуры. Эта концепция полагает манипуляцию правилом социальной жизни. Социальные фигуры — главные агенты манипулятивных отношений. Они связывают социальную и политическую сферу. Стремятся ликвидировать различие между манипулятивными и неманипулятивными отношениями. Отбрасывают дискуссии об основаниях и легитимности собственного социального статуса. Заменяют ценность истины ценностью успеха.

В работах марксистских теоретиков Франкфуртской школы разработана концепция авторитарной личности. В противовес ей коммуитаризм формулирует главные выводы о демократической личности: она готова служить любым властно-управленческим структурам, если они не нарушают потребительское и терапевтическое отношение к действительности. Либеральная идеология индивидуального и социального выбора маскирует тотальный произвол. В обществе постоянно сужается сфера рационального поведения индивидов. Они не в состоянии быть последовательными в поведении и мышлении. Поэтому маргинальность стала универсальной характеристикой общества, а не отдельных социальных групп.

Базовые понятия демократии — это комплекс юридических и политических фикций. К ним принадлежат понятия гражданского общества, государства, рынка, бюрократии, прав человека, оппозиции, пользы, успеха, рациональности, кон-

сенсуса и т.д. Все эти понятия не отражают социальную действительность. Следовательно, академические дискуссии и политические дебаты, в которых данные понятия используются в качестве регулятивных, давно стали бессмысленными.

Государственные аппараты государств (даже демократических) являются не ценностно-нейтральными, а предельно ангажированными. Они давно не выражают общих интересов населения. Для выражения таких интересов требуется отбрасывание манипулятивных отношений. Однако в обществе пока не существует большинства, способного реализовать эту задачу. Главные характеристики государственных аппаратов — неспособность предвидеть течение социальных процессов, дилетантизм, метод проб и ошибок, произвол и нелегитимность. То же самое относится к учебным структурам по подготовке государственных служащих и специалистов по бизнесу и менеджменту в корпорациях. Эти характеристики усиливаются, если для обоснования властно-управленческих решений привлекаются ученые в качестве советников и экспертов.

Для преодоления такой ситуации *вся система социальных наук должна ориентироваться на разрыв преемственности с традицией Просвещения и противостояния государственным аппаратам*, а не на сращивание с ними, как было до сих пор. История социальных наук должна быть переписана под углом зрения неудач и поражений, а не успехов. Однако в этой истории до сих пор господствуют просвещенческие и прогрессистские концепции. Тем самым социальные науки обеспечивают воспроизводство идеологий, ни одна из которых полностью не подтвердилась. Трансляция лжи и манипуляции продолжается. Значит, к современным институционализованным социальным наукам можно применить те же характеристики, которые относятся к обществу, демократической личности и государственным аппаратам.

Критическая часть коммунитаристской концепции направлена на отбрасывание большинства общепринятых категорий, классификаций и стереотипов мышления. Прежде всего это относится к классическому и современному либерализму—от Локка и Канта до Д.С.Милля, Хайека и Поппера.

Взгляды последнего — квинтэссенция «нищеты либерализма». В частности, «открытое общество», пропагандируемое Поппером и его последователями, на деле является блокированным обществом с тотальной манипуляцией. Либерализм выполняет прежде всего идеологические, а не теоретические функции. Сторонники либерализма уже двести лет пытаются выйти за рамки традиций, освободить разум от этноцентризма и партикуляризма. На самом деле они уже давно стали захолустной хуторской общиной с неписаными правилами поведения, далекими от универсальности.

Современный либерализм — политическая идеология элит, контролирующая партийные механизмы политических театров и средств массовой информации. В большинстве стран Западной Европы и США данные элиты принадлежат к одной нации (как правило, еврейской) и играют ключевую роль в подготовке политических решений. Они манипулируют электоратом. Требуют от последнего не активной, а пассивной позиции, одновременно эксплуатируя демократическую риторику, которая стала средством манипуляции и не дает возможности понять реальные социополитические процессы.

Обладание капиталом или поддержка со стороны финансовых элит стали условием выхода на политическую сцену. В результате большинство индивидов исключено из участия в принятии политических решений. С другой стороны, в развитых странах еще не сложилось большинства, противостоящего фигурам Потребителя, Социального Реформатора, Менеджера и Терапевта. Современное общество пренебрегает проблемой формирования айтипотребительского, антитерапевтического и антименеджерского большинства. Следовательно, существующий в данном обществе способ осуществления власти лишь по недоразумению можно назвать «демократическим».

Наконец, либеральная идеология провозглашает моральный индивидуализм. Он разрушает социальные связи, необходимые для конституирования политической общности — совместного стремления к общему благу, которое не может быть

суммой индивидуальных благ. Однако способ организации современной экономической, социальной и политической жизни не дает возможности сформироваться такой общности. Следовательно, вопреки либеральной риторике человеческие индивиды все более лишаются субъективности и суверенности.

В коммунизме содержится также значительный *целостно-аналитический потенциал*. Наряду с содержательной и критической частью он может быть использован для анализа ситуации в современной России. Социальные и политические науки России и других стран СНГ пока не в состоянии разработать такую концепцию, которая позволяла бы дистанцироваться от комплекса существующих в данных странах отношений, институтов и идеологических гибридов. В современной России имеет место чисто внешнее соединение раз личных элементов либерализма, социализма и консерватизма для достижения сиюминутных целей при данной социальной и политической конъюнктуре. До каких пор может продолжаться такая ситуация? Этот вопрос только поставлен, но ответа на него нет (см.: 18).

Тем большую значимость приобретают следующие выводы теоретиков коммунизма: классические идеологии (либерализм, консерватизм, марксизм, социализм), их идеологические гибриды и связанные с ними правовые идеологии не позволяют сделать манипулятивные отношения центральной проблемой всего круга социальных наук; властно-управленческие и юридические аппараты — важнейшие элементы манипулятивных отношений; любые концепции справедливости обладают манипулятивным содержанием; чем больше государство выступает верховным собственником земли (принцип государственной территории), тем больше властно-управленческие аппараты легализуют институционализованное воровство; социальные и политические неравенства воспроизводятся через семью, поскольку она не в состоянии отказаться от права передачи и наследования собственности; все политические и юридические споры завершаются произвольными решениями, не имеющими рационального основания; в пра-

вовом и политическом языке воспроизводятся критерии религиозной ортодоксии; социальные науки не препятствуют связи товарно-денежного фетишизма с политико-юридическим, из-за чего критерий научного профессионализма укрепляет манипулятивные отношения; рационализация рынка и бюрократии отражает всепронизывающую деморализацию общества.

Из коммунитаризма вытекает еще один кардинальный вывод: *проблема бюрократии является центральной для всего круга социальных наук*, причем концепция «рациональной бюрократии» М.Вебера должна быть решительно отброшена¹. Дело в том, что после крушения СССР веберовская концепция оказалась крайне популярной в России. Значит, можно согласиться с теоретиками коммунитаризма: веберрианство оказалось идеологически более надежным, чем марксизм. Теперь оно выполняет не только легитимизирующую функцию в отношении постсоветских властно-управленческих аппаратов и клик, но и служит для моральной критики российской реальности. В обоих случаях веберрианство выполняет манипулятивную роль.

Однако решение данной проблемы не может быть сведено к кампаниям по «борьбе с бюрократизмом» в советское время (особенно в период прихода к власти новой «команды») и обвинениям нынешнего властно-управленческого и юридического аппарата России в повсеместной коррупции. Общественное мнение и сознание членов научного сообщества должно быть освобождено от представлений о «рациональности» и «необходимости» бюрократии. Эта свобода — лишь первый этап на пути осознания важности проблемы для России и других стран СНГ, заимствующих демократические институты в странах Западной Европы или реанимирующих политическую структуру Российской империи.

В этой связи мне приятно отметить, что в своих работах по проблеме бюрократии я, независимо от коммунитаристов и не зная их работ, почти в то же самое время (с начала 1980-х гг.) пришел к тем же выводам.

КОММУНИТАРИЗМ

В состоянии ли весь комплекс социальных наук России освободиться от легитимизации потребительских, менеджерских и терапевтических отношений? — так можно сформулировать центральную теоретическую и политическую проблему. По крайней мере использование коммунитаристской концепции существенно меняет набор вопросов, подлежащих обсуждению при попытках ее решения.

ГЛАВА 8

НАЦИОНАЛИЗМ

Как было показано в предыдущей главе, для коммунитаризма на первом месте стоят социальные, а не политические общности. Для последних характерны бюрократизация и манипуляция. Все узловые понятия нового времени включены в эти процессы. Поэтому проблема братства смещается к объяснению причин национализма, в том числе схем управления, которые он предлагает для манипуляции социальными общностями. Не является ли само понятие нации и непосредственно связанная с ним концепция национальных интересов одной из наиболее эффективных фикций, которая приобрела в XX в. угрожающий характер по причине распространения национализма?

Для ответа на вопрос присмотримся к процессу дискуссии, которая интенсивно ведется в последние годы в России.

1. Необходимость дистанции

Тема нации и национализма уже затрагивалась при обсуждении консервативной идеологии. Тогда как проблема национальных интересов (НИ) выдвинулась в число актуальных совсем недавно. За последние несколько лет проведен

рад «круглых столов» в академических журналах на тему связи НИ с политической историей страны и политикой нынешнего руководства России. Появились первые исследования обобщающего характера.

В частности, Б.В.Межуев наметил несколько тем при обсуждении природы НИ: история данного понятия в русской общественно-политической мысли; переход от идеологии к прагматизму в деятельности правительства и других политических сил России при осознании и реализации НИ; современные интерпретации НИ.

В России уже к концу XIX в. сложилось три способа понимания природы НИ — культуроцентристский, прагматический и идеологический. Культуроцентристы отождествляли НИ России с приоритетными культурными ценностями православия и славянского мира. Прагматики связывали НИ со способностью государства ставить перед собой определенные цели (военная сила страны, внутренняя и внешняя устойчивость, экономическая конкурентоспособность) и добиваться их выполнения. А идеологи отождествили НИ с особой миссией России.

Уже говорилось, что Германия в середине XIX в. первой использовала идею нации для достижения консервативных целей. Та же ситуация повторилась в России в начале XX в. Правда, здесь идея нации была связана не только с консерватизмом, но и с радикализмом. Данная связь базировалась на старой идее антагонизма России и Европы. Однако политическая вражда между Россией, Австро-Венгрией, Германией, Францией; и Англией на рубеже XIX—XX вв. стала рассматриваться как проявление противоположности культурно-религиозных ориентации России и Европы. Тем самым русский национализм с самого начала был культурно-философским, а не политическим течением. Речь идет о реакционной идее возврата к самобытным религиозным традициям народа ради обретения национальной идентичности.

Примерно в то же самое время в России начался переход от традиционного к современному обществу. Для этого процесса характерна идеологическая трактовка НИ. Она

базировалась на двух факторах: остатки традиционного уклада создавали иллюзию морального консенсуса различных групп общества относительно базовых культурно-религиозных ценностей; перспективы их реализации во внешней политике России связывались с нерешенностью восточного вопроса.

В современной России нет ни консенсуса по большинству вопросов внутренней и внешней политики, ни шансов на участие в мировой истории в качестве военно-политической и культурной силы одновременно. Зато национализм есть и процветает, и в СССР он сложился уже к середине 1930-х гг. и окончательно оформился после второй мировой войны. Политическое руководство страны связало ленинско-сталинскую версию марксизма с достижением собственных государственных интересов, в 1960-е гг. национализм возник вторично — в деятельности диссидентов, но уже как оппозиция коммунистическому режиму. После распада СССР к бывшим советским чиновникам и диссидентам присоединились сторонники реставрации Российской империи. На этой основе произошло воскрешение «евразийской идеи» — современного аналога русского панславизма XIX в.

Главное в российском «евразийстве» — стремление сохранить державное могущество страны и усилить независимую от Запада внешнеполитическую деятельность. Внутренние проблемы страны старых и новых «евроазиатов» не особенно интересуют. Одни из них усматривают реализацию «евразийской» миссии России в ее объединении с Германией против англо-американского мондиализма и выдвигают проект единой Евразии от Дублина до Владивостока; другие видят государственное призвание России в пропаганде идеалов Запада народам Востока; третьи предлагают ограничить реализацию таких идеалов пределами бывшего СССР; четвертые считают нормальным для России ее тяготение к Балканам и Ближнему Востоку...

Таковыми рассуждениями заполнены сегодняшние СМИ, парламентские дебаты и журналы по всем отраслям социальных знаний. Во всех перечисленных версиях *отождеств-*

ляются политика и культура. Теперь атлантические державы полагаются не просто политическими соперниками, а вечными цивилизационными врагами России. По мнению прошлых и нынешних «пассионариев», атлантические державы разлагают культурно-цивилизационную традицию России. Способствуют секуляризации и либерализации социальной жизни, заменяют органические связи механическими и т.п.

Б.В.Межуев отмечает примечательное совпадение: современные российские либералы и западники тоже исходят из соответствия между НИ России и ее культурно-цивилизационной идентичностью. Правда, в либерально-западническом барাকে она полагается европейской. Дело в том, что русские либералы всегда стремились соединить внутреннюю либерализацию России с усилением ее внешнеполитического могущества. Иначе говоря, не только «евроазиатам», но и «западникам» почему-то неуютно оставаться в русской культуре. И после 1991 г. в обоих лагерях задача установления цивилизационной идентичности России стала *главным политическим критерием* определения НИ страны.

Здесь я хотел бы заметить, что добиться «точности» этого критерия никогда не удастся. Прежде всего потому, что уже в последнее десятилетие советской власти так называемый «цивилизационный подход» приобрел ярко выраженный идеологический характер (см.: 1). Он призван был замаскировать неудачу плана построения коммунизма к 1980-му г., отставание СССР по всем параметрам образа жизни от капиталистических стран, а также нежелание идеологического руководства страны воспользоваться хотя бы результатами развития марксистской мысли в тех странах, где не существовало идеологического господства (см. главу 3). Кроме того, в современных исследованиях показано, что в настоящее время цивилизационный подход стал просто популярной риторической стратегией. В ее рамках невозможно согласовать семантику и семиотику классической гносеологии, логики и общих рассуждений на тему о противоположности России и Запада: «Как способ знания, базирующийся на научном языке, цивилизационный подход не может служить адекватным спосо-

бом постижения сложного и бесконечного содержания феномена цивилизации» (2, 19).

Иначе говоря, если при советской власти роль главного средства манипуляции сознанием населения СССР выступал ленинско-сталинский вариант марксизма, то в современной России ту же самую роль выполняет цивилизационный подход. Поэтому переход от идеологии к прагматизму в деятельности правительства России при осознании и реализации НИ не должен удивлять. Эта тенденция является следствием изменения расклада сил на международной арене, а не стремления существенно изменить унаследованные схемы политического мышления.

Сегодня российские коммунисты и другие «державники» исходят из того, что НИ должны быть *подчинены* государственным интересам. Тогда как либералы исходят из *тождества* между нацией и государством. На этом основании возникает *консенсус* между различными (на первый взгляд) направлениями политической мысли России. «Наиболее фундаментальной причиной отмеченного консенсуса, — пишет Б.В.Межуев, — стало осознание основными субъектами российской политики реальной скованности страны в ее внешнеполитических акциях. Россия объективно не может заявить о себе как о силе, способной нарушить политическое равновесие в мире» (3, 19).

Это объясняется рядом факторов: внутренней нестабильностью страны, вызванной экономическим спадом и снижением военной мощи; в настоящее время России противостоит политически единый Запад, и надеяться на противоречия внутри него, которые смогли бы обеспечить России роль гегемона в европейской истории, нет никаких оснований; России уже некого взять под свое покровительство.

Сам реестр подобных соображений и аргументов свидетельствует о том, что внешнеполитическая ось продолжает оставаться главной при осознании НИ страны. Об этом свидетельствует также становление двух основных направлений в современной российской идеологии: национал-консерватизма и национал-либерализма. Хотя они ведут между собою

бесконечные дискуссии, оба исходят из *отождествления* национальных и государственных интересов России. Это тождество выражается в следующих постулатах: государство может быть автономно от частных интересов, верхи и низы современного российского общества заинтересованы в морально-политическом консенсусе; национально мыслящей элите приписывается решающее влияние на формирование НИ; усиление государства автоматически влечет за собой укрепление положения страны в мировой системе; с этим перспективой связано усиление государственного регулирования внутри страны.

Есть и расхождения в позициях национал-консерваторов и национал-либералов.

Первые полагают, что приоритетная задача политики заключается в укреплении экономического и военно-стратегического положения России в мире. Средством достижения этой цели они считают экономическую эффективность государства. Важное значение приписывается также геополитическим, культурно-цивилизационным и конфессиональным факторам. Они полагаются независимыми от обстоятельств и формирующими НИ России. Главная причина кризиса в стране усматривается в ослаблении государственного регулирования экономики.

Вторые считают приоритетными интересы гражданского общества, хотя конкретные исследования показывают, что его еще в России не существует (см.: 4). А если бы оно даже существовало, то манипулятивное содержание данной категории только бы возросло. Тем не менее национал-либералы полагают, что внешнеполитическая деятельность государства выступает средством реализации интересов гражданского общества. НИ квалифицируются как сфера изменчивая, поскольку они связаны с экономическим развитием и способны корректировать политический курс государства. Главная причина провала реформ в России усматривается в недостаточном отделении экономики от государства.

Итак, оба направления в трактовке НИ исходят из приоритета внешней политики над внутренней. Отождествляют

интересы государства с интересами общества. И крайне характерно, что НИ не рассматриваются во взаимосвязи с социальной структурой современной России. В социологических исследованиях показано, что в ней существует пять базовых социальных слоев (см.: 4). Однако их связь с внешней политикой даже не обсуждается. А связь государственных интересов с интересами главных ведомств госаппарата (обороны, дипломатии, внутренних дел и госбезопасности, информации) тоже не описывается. Интересы госаппарата не выделены в особый предмет исследования, а сама проблема НИ не рассматривается во взаимосвязи с процессом кризиса государственности в мире и в России (см.: 5). Феномен власти-собственности тоже не выделен в особый предмет исследования. Тогда как переплетение власти с собственностью связывает различные исторические эпохи и формы власти в России — монархическую, коммунистическую и современную.

Короче говоря, в дискуссии по проблеме НИ в современной России можно обнаружить все составные элементы консервативной идеологии: традиционализм, органицизм, собственность, семью, нацию, империю и т.д. Эти идеи выступают в виде идеологического гибрида с современным либерализмом, для которого положение об иерархическом социальном порядке и сильном государстве является центральным. Следовательно, разделение современной политической мысли России на консервативную, либеральную и социалистическую теряет смысл. Сама дискуссия о природе НИ России может рассматриваться как отражение интересов высших эшелонов политической, экономической и идеологической бюрократии современной России. Проблема заключается в интеграции всех аргументов против либерализма, консерватизма и социализма (детально описанных в первой, второй, четвертой и седьмой главах) для доказательства *ложности* посылок обеих сторон, участвующих в дискуссии.

Для решения этой проблемы уже появились предпосылки. Например, в дискуссии историков показано, что на протяжении последних 150 лет (т.е. при монархической, советской и нынешней власти) государственные интересы России были

и остаются раздвоенными на интересы властной элиты и интересы всего населения страны. Первые всегда господствовали над вторыми. То же самое происходит в современной России. Об этом свидетельствуют следующие факты: воспроизводство прежней коммунистической номенклатуры в нынешних властных и экономических структурах; рост государственного аппарата после 1991 г. (сегодня в одной России чиновников больше, чем в прежнем СССР), рост хозяйственного и этнополитического национализма; рост роли силовых структур и средств манипуляции общественным мнением (армии, органов внутренних дел и безопасности, СМИ) в политических процессах (см.: 7).

Поэтому можно согласиться с высказанным в ходе дискуссии мнением: нынешний интерес большинства российских ученых и политиков к проблеме НИ объясняется стремлением найти идеологическое оправдание существующих ныне границ Российского государства: «Имея дело с империей, субъект национального волеизъявления выделить достаточно сложно» (8, 35). Факт воспроизводства империи в нынешней России тоже зафиксирован исследователями (см.: 9). Внутренняя и внешняя политика Российской империи в ее монархической, советской и нынешней формах была и остается связанной с техникой сокрытия ее действительных интересов. О них политические элиты России предпочитают не говорить, а добиваться с помощью любых средств. В этом смысле представители разных поколений руководства России всегда находили между собой общий язык. А он состоит в правиле: чем больше власть самостоятельна, тем более НИ подменяются интересами властвующей элиты.

Это правило характерно для России на протяжении последних 150 лет. Государственные интересы здесь всегда определялись произволом властвующей элиты. Она называла «государственными интересами» свои собственные мнения и дьявольский холодный расчет во всех направлениях внутренней и внешней политики. Реализацией так понятых интересов всегда занимался государственный аппарат, находящийся вне общественного контроля.

Причем наций в европейском смысле слова в России никогда не было. Прежде всего потому, что нации как гражданское и правовое тело складываются на стадии формирования гражданского общества и правового государства. Ни того ни другого в России не было. Поэтому русские считали «нациями» нерусских. В этом отношении русское общество нередко было реакционнее самой власти. Кроме того, государственные интересы России никогда не совпадали с целями большинства населения страны, повышения качества жизни и модернизации (см.: 10). Значит, и национальных интересов российского общества до сих пор *не существует*.

Этот вывод совпадает с мнением некоторых отечественных ученых. Например Д.Е.Фурман полагает понятие НИ пережиточным, архаичным, эмоционально заряженным и неопределенным. Оно редуцирует политическое поведение к примитивным эгоистическим интересам и придает последним ауру естественности и моральной оправданности. Тем самым понятие НИ непригодно для научного анализа (см.- 11, 66). Б.Г.Капустин определяет НИ как консервативную утопию (см.: 12). Оно может быть предметом только исторического исследования, в процессе которого изучаются причины его становления, идеологическая и политическая роль в функционировании механизма власти. Но для познания современного общества понятие НИ не годится.

Приведенные точки зрения отличаются от позиции абсолютного большинства российских политиков и ученых. Большинство считает понятие НИ вполне приемлемым с теоретической и практической точек зрения. Этот факт подтверждает только то, что большинство ученых продолжает участвовать в механизмах манипуляции обществом, детально описанных в главе о коммунитаризме. Кроме того, конкретный знали? роли науки в царской, советской и современной России тоже показывает, что нет оснований доверять большинству ученых, особенно в сфере философии и социальных наук (см.: 13).

Таким образом, целесообразнее суммировать положения, противостоящие позиции большинства: НИ в России не было

и нет, государственные интересы России были и остаются властно-бюрократическими, НИ отражают эгоистические мотивы поведения, не являются естественными и не имеют морального оправдания; понятие НИ может использоваться как средство исторического исследования механизма власти; универсального понимания социальных интересов не существует, поскольку общее благо всегда индивидуализировано; поэтому понятие НИ непригодно для анализа современного общества.

Я буду использовать эти положения как исходный пункт обсуждения проблемы наций и национализма. Существуют ли в современной науке концепции, позволяющие *усилить* исходные положения и *дистанцироваться* от любого отождествления НИ с государством и всеми звеньями властно-управленческого аппарата?

1.1. Расплата за непоследовательность

Такие концепции существуют. Понятие НИ состоит из понятий нации и интересов. Рассмотрим вначале понятие интереса.

В одной из своих книг я проанализировал концепцию А.Хиршмана и показал, что в современной социальной науке существуют концепции, не являющиеся ни либеральными, ни консервативными, ни марксистскими, ни социалистическими (см.: 14). В то же время они позволяют дистанцироваться от представления о «нормальном» капитализме, с которым могут сравниваться другие социальные системы. Теорию капитализма М.Вебера (подчеркивающего роль национально-государственной экономики) и теории капитализма Ф.Хайека и М. Фридмана (акцентирующие позитивную роль «свободного рынка») нельзя считать надежными при оценке современных социально-экономических трансформаций. Прежде всего потому, что интересы и социальные институты, сложившиеся в условиях европейского капитализма, не являются универсальной формой таких трансформаций.

Между тем точка зрения о существовании «нормального» капитализма, с которым могут сравниваться другие социально-экономические системы, по-прежнему господствует в научном сообществе России (см.: 15). Поэтому я кратко резюмирую те положения концепции А.Хиршмана, которые позволяют усомниться в истинности указанной точки зрения. Ее распространенность тоже свидетельствует о том, что социальные науки России не отказались от участия в процессах политической манипуляции.

Подход А.Хиршмана является развитием идеи М.Вебера о том, что любые социальные события и процессы являются непредвиденными следствиями ранее принятых решений. В частности, никто из создателей капитализма не стремился к его воплощению как некоего социального проекта (в отличие от либералов). Вожди Реформации разрабатывали протестантскую этику для достижения индивидуального спасения. Труд в ней был мирским вариантом религиозного аскетизма и преследовал трансцендентные цели. Если же люди ставят перед собой земные цели (как предлагают либералы) и реализуют их в традиционных формах общности (на чем настаивают консерваторы), то возникает капитализм, в котором *зло всегда господствует над добром*.

С формулировкой этого положения связана новая интерпретация генезиса капитализма и его духа. А.Хиршман показал, что социальные болезни (кризисы, войны, революции) есть нормальное состояние общества и расплата за непоследовательность поведения индивидов и социальных институтов. Концепция естественных прав человека и вся парадигма социального познания нового времени отражает данную непоследовательность.

Для критического отношения к ней более важно не противопоставлять фигуры (Вебера — Марксу и т.д.) и идеологии (либерализм — консерватизму и т.д.), а изучать моменты общего между ними. Только таким образом можно установить последовательность взаимопереплетения социальных теорий, принадлежащих к различным идеологиям. Однако ученые предпочитают принадлежать к определенной

школе и пренебрегают систематическим анализом данной проблемы. Поэтому социальные теории до сих пор обслуживают, а не опровергают весь набор существующих идеологий.

История социального знания нового времени показывает, что все попытки создания новых теорий для усовершенствования управления обществом и государством заканчиваются крахом или ведут к неожиданным последствиям. Терминология социальных наук, возникших в новое время, претендует на объективность и нейтральность. Однако оценки в ней до сих пор предшествовали выделению предмета теоретического исследования. Познавательные концепции современной социальной мысли связаны с нормативными постулатами. По этой причине социальное знание все еще не освободилось от христианского принципа Надежды. Социальная наука пока еще связана с религией. Окончательный разрыв с нею остается делом будущего. В значительной степени это объясняется тем, что социальное знание не разорвало все связи с господствующими группами и властвующими элитами. Ориентация на анализ поведения подвластных отражает сервиллизм социальных наук.

Наиболее ярким примером указанных тенденций является категория интереса. Она все еще является базисом всей системы социальных наук (экономики, социологии, истории, психологии, политологии) и политики (либеральной, консервативной, марксистской, социалистической). Однако эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание. Причем ссылка на интересы всегда содержит консервативный момент, от которого не смогла освободиться ни одна идеология. Если даже интересы мотивируются религией, моралью и политикой, они не являются нормой социального развития.

Дело в том, что квалификация материальных интересов как предвидимых, постоянных и безвредных ведет к неожиданным следствиям. Определение собственности и денег как наиболее сильной социальной связи есть самая опасная форма идеологии, которую человечество пока не смогло преодо-

леть. Поэтому все теории социального развития и модернизации базируются на нормативных основаниях. Однако ни интересы, ни идея, ни их конstellации не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации.

Конкуренция тоже не может рассматриваться как норма социального развития. Конкуренция распадается на элементы социальной критики и разрыва индивидами социальных связей. В результате происходит раздвоение экономических и политических мотивов поведения индивидов. Любая их связь снижает потенциал социальной критики. Это относится ко всем формам прямой и обратной детерминации экономического и политического поведения. Снижение потенциала социальной критики объясняется вытеснением наиболее активных и последовательных индивидов из любых форм социальной организации. Такое вытеснение соответствует интересам управленческого и государственного аппарата.

Институционализация права на разрыв порождает социальный конформизм. Он выражается в стремлении к индивидуальному успеху, становлении групп интересов, групповом вертикальном и горизонтальном продвижении. При демократии социальное пространство критики ограничивается индивидами и группами, находящимися в безвыходном положении. Это снижает потенциал критики, порождает ленивые монополия, бюрократизацию и инерцию государства. Тогда как связь критики с семьей, церковью, нацией и государством (т.е. стремление улучшить положение дел в них без кардинальных изменений) порождает патриотизм как феномен бессознательной лояльности. А патриотизм делает неуловимым различие между демократией и тоталитаризмом.

Итак, социальные проблемы невозможно решить ни религиозными, ни моральными, ни экономическими, ни политическими средствами. Главной причиной такой невозможности являются социальные группы, профессионально занятые в сфере экономики, религии, морали, политики и производства идеологий. Эти группы не заинтересованы в карди-

нальных изменениях общества, поскольку любое изменение до сих пор подрывало социальный статус торговцев и промышленников, священников и моралистов, политиков и идеологов. С другой стороны, общество пока не может обойтись без них. Поэтому данные социальные группы и являются глубинным основанием консерватизма, рано или поздно проникающего в любую идеологию, стремящуюся кардинально изменить мир. Социальные науки в целом до сих пор обслуживают интересы данных социальных групп. Изменение такого положения вещей остается пока делом будущего.

Следовательно, теория неожиданных последствий требует отбрасывания или переосмысления всей системы главных понятий, концепций и идеологий, образующих парадигму социального мышления нового времени. В этом смысле она может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу коммунитаризма.

Как осуществить такое отбрасывание или переосмысление вообще, а по отношению к истории и современному состоянию России в особенности? На этот вопрос ни в отечественной, ни в зарубежной социальной науке ответа нет. Зато концепция А.Хиршмана позволяет его поставить. Если упростить логику данной концепции, то можно исходить из двух постулатов при обсуждении поставленного вопроса: в истории Европы главным злом были материальные интересы и конкуренция в ее разновидностях гражданского общества и демократического государства; в истории России главным злом было и остается государство, поскольку оно всегда господствовало над материальными интересами и социальными институтами.

Для применения данных постулатов к объяснению истории и современного состояния России требуется пересмотр практически всех схем социогуманитарных знаний. А также идеологий (консерватизма, либерализма, марксизма, социализма), для которых категория интереса является центральной. Теперь рассмотрим к категории нации и национализма.

2. Генезис

В большинстве словарей и справочников, научной и политической литературе термин «нация» используется для обозначения исторической общности людей, объединенных территорией, экономическими и политическими связями, обычаями, языком и культурой. Некоторые авторы добавляют к этим характеристикам этническое происхождение. Полемика между представителями политического и этнического понимания нации длится давно, в том числе в СССР и современной России (см.: 16). Практика показывает, что политическое и этническое понимание нации может использоваться в манипулятивных целях, для обоснования интересов властно-управленческих аппаратов малых, средних и больших государств. Для дистанцирования от этих интересов целесообразно обратиться к антропологической концепции нации. Как показывают результаты дискуссии по проблеме национальных интересов, эта концепция совершенно не используется ее участниками. Вряд ли этот факт случаен. Чтобы в этом убедиться, надо погрузиться в проблематику.

2.1. Что такое мнимая общность?

Антропологическая концепция нации сформулирована недавно и уже нашла признание среди специалистов. Она развивается в работах Б.Андерсона и других авторов. Главным предметом анализа служат истоки и процесс распространения национализма в XX в., в том числе после распада социалистического лагеря. Сегодня в бывшем СССР, Югославии продолжаются войны. Следовательно, присутствие Советской армии в странах Восточной Европы после 1945 г. предотвращало потенциальные войны между коммунистическими режимами в данном регионе. Роль запала в таких войнах выполняет национализм.

Дело в том, что со времени второй мировой войны все победившие революции (в Китае, Египте, Вьетнаме, на Кубе,

в Иране и т.д.), самоопределялись в национальных категориях. В результате вторая половина XX в. принесла с собой необычайный рост национализма. В современном мире каждый обязан обладать национальностью подобно тому, как он обладает полом или цветом кожи. Правомерна ли такая претензия?

При ответе на данный вопрос следует исходить из наличия трех главных противоречий национализма:

1. Между объективно недавним (как свидетельствуют исторические данные) формированием наций и их субъективной давностью (как полагают националисты).
2. Между формальной универсальностью нации как социокультурного понятия и неизбежной партикулярностью ее конкретных проявлений.
3. Между политической силой и теоретическим бесплодием национализма.

Антропологическое определение нации сформулировано для объяснения данных противоречий. *Нация — это мнимая (вымышленная, выдуманная, вообразенная) общность людей, которая представляется им как неизбежно ограниченная и суверенная.* Наиболее распространенным символом современной национальной культуры являются могилы Неизвестного Солдата. В них либо никто не похоронен, либо никто не знает, кто в них похоронен. Во всех странах у этих могил происходят публичные церемонии и ритуалы. А в СССР и России к ним ходят даже молодожены. Такие церемонии и ритуалы не имеют исторических прецедентов. Следовательно, исходным пунктом национальной культуры является *анонимность*.

Действительно, явление смерти и бессмертия пока еще не стало предметом анализа науки и светских идеологий, либерализма, марксизма и консерватизма. Тогда как нация вообразается как бессмертная общность. Это свидетельствует о родстве данного представления с религиозным восприятием мира. Иначе говоря, понятие нации связано прежде всего с религией.

По мере секуляризации не исчезают, а увеличиваются страдания, для утоления которых прежде использовалась религия. По мере распада образа небесного (в христианском мировоззрении) и земного рая (в либерализме, марксизме и социализме) неизбежность смерти начинает восприниматься и осмысляться как произвол. В светских идеологиях спасение души рассматривается как абсурдное утверждение. На этой основе возникает необходимость в другом понимании преемственности. Речь идет о светском преобразовании неизбежной смерти в бессмертие и придании смысла случайности. Понятие нации служит такому преобразованию. В этом понятии переплетены эсхатологические и традиционные аргументы.

Язык, религия и понимание времени — культурные корни представления о нации. Древние религиозные общности были связаны сакральными языками. Существовало убеждение в исключительной священности данного языка и связанной с ним концепции принадлежности к обществу. Сакральный писанный язык был медиумом, с помощью которого воображались общества древности. Их появление связано с выработкой убеждения: знак обладает необходимостью. В древних языках (китайском, арабском, латинском) любые идеограммы воспринимались как отражение действительности, а не произвольно сконструированная репрезентация. Грамотные люди — это стратегический слой в космологической иерархии, на вершине которой находится божество.

Современные нации не обладают священными языками. Знак не рассматривается как отражение действительности и не обладает свойством необходимости. В современных обществах грамотные люди образуют слой теологической технократии. Она связывает в своей деятельности язык религии и язык науки. Образцом здесь является язык юристов и экономистов. Эти профессиональные группы сознательно усложняют язык, претендуют на его всеобщность для повышения социального статуса, хотя юридический и экономический язык не имеет онтологических конотаций.

Не менее важные различия связаны с пониманием времени. В средние века каждый момент настоящего понимался как одновременное существование множества событий. Он связывал прошлое с будущим. В новое время появилось представление о единообразном пустом времени. Теперь настоящее осознается как поперечный разрез времени и не рассматривается как пролог будущего. Оно измеряется календарем и часами. Изобретение книгопечатания дало для мнимой общности нации техническое средство репрезентации. В новое время появилась также концепция социального организма, существующего в однородном пустом времени. Оно было первоначально сформулировано в консерватизме. А затем стало основанием для представления о нации как постоянной общности, движущейся в истории.

Так были созданы интеллектуальные и технические предпосылки современных представлений о нации. Сама возможность мышления о ней как о реально существующей сформировалась в европейской цивилизации в период, предшествующий Просвещению. Тогда же рухнули три концепции, существовавшие в европейской культуре на протяжении тысячелетий: 1. Писанный язык дает доступ к онтологической истине и является ее элементом. Эта идея способствовала созданию надконтинентальных мировых религий. 2. Общество организовано вокруг священного центра — монарха. Ему приписывались сверхъестественные свойства, которые отличали его от всех остальных людей. Они были основанием для управления другими людьми на основе космического (божественного) согласия. 3. Космологическое время не отличается от исторического, а начало мира тождественно началу человеческой истории. Эти концепции укореняли человеческую жизнь в природе вещей, придавали смысл существованию человека, включая страдания, необходимость подчинения власти и смерть. Все концепции гарантировали спасение души.

По мере распада и отмирания данных концепций начался интенсивный поиск нового способа связи братства, власти и времени: «Ничто другое так не способствовало ускоре-

нию данных поисков, как капиталистическая печать. Благодаря ей все большее число людей могло осознавать себя и относиться к другим людям совершенно иначе, чем в прежние времена» (17, 32). Производство книг и газет как товара — главный источник национального сознания и ключевое событие в появлении новой концепции времени. Возникла возможность горизонтального структурирования обществ в однородном пустом времени. Нация стала одним из них.

Важную роль сыграли еще несколько факторов: изменение характера латыни; Реформация, влияние которой было связано с производством книг; специфика капиталистического производства и обмена; стремление монархов к абсолютной власти¹. Последний фактор наиболее важен для появления наций. Он способствовал распаду мнимых общностей мировых религий. Выбор официальных языков был постепенным процессом, обусловленным прагматическими и случайными обстоятельствами. Официальными становились языки, использование которых соответствовало интересам администрации и возникающей интеллигенции.

Данные факторы наиболее ярко проявились в появлении газет и профессии журналиста. Газета как продукт современной культуры есть *фикция*. Литературная конвенция газет — монтаж абсолютно не связанных между собой лиц и

¹ Церковная латынь обладала статусом Священного Писания и была эзотерической. Благодаря переводу античных авторов латынь становилась менее церковной и более светской, эзотерической с точки зрения содержания и языка. То же самое относится к святоотеческим писаниям православия. Лютер — первый в истории автор бестселлеров, поскольку он перевел Библию на родной язык. Его произведения продавались огромными тиражами. Вслед за ним пошли другие вожди Реформации. Они начали небывалую пропагандистскую войну за умы людей. И подготовили читателей своих трактатов к религиозной и политической борьбе. Идеологическая борьба XIX—XX вв. — продукт религии. Тогда как монархи использовали автохтонные языки для централизации управления. Появление официальных (правительственных) языков — следствие печати и Реформации.

событий. Произвольность их сосуществования на страницах газеты свидетельствует, что связь между ними является вымышленной. Это обусловлено двумя причинами:

1. Сосуществованием во времени разнородных событий. Их связь определяется датой выхода газеты. Все они располагаются в однородном пустом календарном времени, в котором существует весь современный мир.

2. Связью между газетой и рынком. Книга — первый массовый товар нового времени. Газета — предельный случай книги. Она производится и продается массовым тиражом, но ее актуальность моментально исчезает.

Газета — бестселлер-однодневка. Уже на следующий день она теряет актуальность. Тем самым в газете реализуется разрыв между прошлым и будущим. Дезактуализация есть причина того, что массы людей потребляют газету как фикцию. Одновременное потребление этой фикции приобретает характер массового квазирелигиозного ритуала. Уже Гегель отмечал, что для современного человека чтение газеты заменяет молитву.

Смысл ритуала парадоксален. Он осуществляется в одиночестве, в тишине духа и закоулках сознания. Человек при потреблении газеты отделяется от других. Одновременно он сознает, что в церемонии участвуют миллионы людей. Читатель газеты не сомневается в их существовании, но не имеет ни малейшего представления об их индивидуальном своеобразии. Наш современник постоянно видит и слышит, что другие люди тоже читают газеты. Тем самым он постоянно убеждается в том, что мнимый мир укоренен в повседневности: «Так фикция незаметно и ежедневно проникает в действительность и порождает доверие общества к анонимности — лакмусовой бумаге современных наций» (17, 46). Сфера воздействия фикции расширилась до громадных размеров по мере изобретения радио и телевидения. В этой церемонии и *состоит бытие мнимой общности нации в историческом времени.*

Таким образом, языки печати создали область коммуникации, которая располагалась между латынью и разговор-

ными языками. Читатели одних и тех же текстов становились зародышем мнимых национальных общностей. Печать способствовала стабилизации языков и создавала единый образ прошлого. Он имел фундаментальное значение для генерирования субъективной идеи нации. Эта идея связана с языком власти. Печать и создала этот язык, который отличался от прежних родных языков.

Здесь можно сформулировать первый промежуточный вывод. В национализме обычно подчеркивается первичность языка и его необходимая связь с территориальными общностями, государствами и сознанием. Антропологическая концепция нации позволяет отвергнуть эту связь и одновременно описать ее как ложную, вымышленную, анонимную: «Формирование современных национальных государств не покрывается с пространством языков печати» (17, 56).

2.2. Бюрократические миры

Для доказательства вывода об отсутствии связи между языком и территорией следует учитывать процесс появления государств в Западном полушарии в 1776—1838 гг. Эти государства первыми определили себя как нации. Они выработали образцы современного государства. Значительное число и недавнее происхождение государств Северной и Южной Америки дает возможность для сравнения. Эта процедура необходима для дистанцирования от европоцентризма при объяснении генезиса наций и национализма. Существенное значение при этом имеют следующие факты: возникающие государства прежде были колониями европейских стран (Англии, Франции, Испании); однако в колониях и метрополиях использовался один язык; язык не был предметом спора в борьбе за освобождение (как это было в Европе); генезис национализма в Америке не был связан с политической эмансипацией угнетенных классов.

Указанные отличия Америки от Европы позволяют сформулировать исходные вопросы: почему в обществах крео-

лов концепция нации возникла раньше, нежели в Европе?¹ почему административные единицы становятся родинами и в этом качестве приобретают смысл для людей?

Для ответа на эти вопросы можно использовать концепцию В.Тернера, в которой путешествия описаны как разновидность осмысления опыта во времени, пространстве и статусе.

Все путешествия требуют истолкования. Так, путь от рождения к смерти породил разные религиозные концепции. Но они оставались в сфере сознания до тех пор, пока не породили социальный феномен паломничества — путешествия к святым местам². До появления печати убеждение в реальности мнимой религиозной общности зависело от бесчисленных паломников. Это тоже свидетельствует о том, что язык не является признаком нации (подобно песне, танцу, одежде и флагу). Значительно важнее способность языка создавать мнимые общности. Язык никогда не был средством исключения индивида из общины, поскольку каждый человек может научиться любому языку. Язык — это средство связи индивидов. Оно ограничено лишь эффектом Вавилонской башни: никто не живет настолько долго, чтобы выучить все языки.

Абсолютные монархии и империи возникали как светские эквиваленты религиозных паломничеств. Абсолютизм стре-

¹ Дело в том, что в испанских колониях коренное население не говорило по-испански. Однако креолы рассматривали аборигенов как соплеменников, а Испанию считали врагом, хотя и были связаны с ней происхождением и языком. Каждая из южноамериканских республик в XVI—XVII вв. была административной единицей метрополии.

² Хореография великих религиозных паломничеств всегда обладала двояким смыслом. С одной стороны, есть громадная толпа неграмотных, говорящих на родных языках и образующих физическое тело общины паломников. С другой стороны, есть горстка образованных людей, которые владели двумя языками, представляли отдельные общины, осуществляли объединительные церемонии и толковали землякам их совместное поведение (17, 64).

милея создать унифицированный государственный аппарат, в котором были слиты власть и управление. Такая унификация была необходима для постоянного обмена лиц, документов и контроля над управлением. Члены аппарата обязывались быть лояльными монарху, а не партикулярным интересам феодальной аристократии. Обмен лиц обеспечивался рекрутацией новых людей. Они не обладали личной властью, а представляли только волю монарха. Тем самым путь чиновника принципиально отличался от пути аристократа¹.

Путь чиновника определялся его способностями и умениями, а не смертью предка. Центр всегда находится перед глазами чиновника как вершина карьеры, а не точка в пространстве. Чиновник движется по серпантину и надеется на то, что путь будет короче по мере приближения к вершине². В этом путешествии у него нет никакого гарантированного постоянного места. Каждая остановка (должность и жилье) является временной. Заветная надежда чиновника — умереть в своей постели, поскольку у него нет дома. На пути карьеры он встречается с честолюбивыми коллегами. Они происходят из захолустных мест и удородных семей, которых никто не видел и не слышал. Встреча с товарищами по путешествию порождает у чиновника чувство братства: кто мы такие, куда идем и почему собрались вместе? Эти вопросы имеют мировоззренческий характер. Для ответа на них могут конструироваться целые религиозные и философские системы. Во всех случаях они призваны объяснить опыт административных кочевников-бродяг. Этот опыт порождает чувство братства. Оно укрепляется, если чиновники объясняются на одном языке.

¹ Путь аристократа означает, что наследник после смерти отца поднимается на ступень выше и занимает его место. Для формального закрепления права наследства следует сделать путешествие в центр по инвестиру, а затем вернуться назад.

² Назначенный в город А в ранге Б, он может вернуться в столицу в ранге В, чтобы затем оказаться в провинции Г в ранге Д, а в конце путешествия опять оказаться в столице в ранге Е.

Итак, обмен чиновников является нормой, объяснение которой содержится в идеологии имперского абсолютизма. Она вырабатывается монархом и административным аппаратом. Обмен лиц дополняется обменом документов, чему способствует принятие унифицированного государственного языка. Такой язык обладает монополией на определенной территории. К нему относятся все особенности монополий. Поэтому автохтонные языки способствовали централизации власти. Они затрудняли переход от одного монарха к другому.

Короче говоря, заморская экспансия монархий в раннем средневековье должна была привести к появлению трансконтинентальных бюрократий. Однако этого не произошло: «Инструментальная рациональность абсолютистского аппарата — его тенденция к рекрутированию и продвижению на основе таланта, а не происхождения, укрепились только на европейской стороне Атлантики» (17, 66). Почему же так случилось? Дело в том, что исключение вероисповедальных групп из административной иерархии способствовало развитию национализма в Европе¹. В Америке такого исключения не было, поскольку одна и та же религия (католицизм или протестантизм) связывала колонии с метрополией. Зато существовали другие ограничения. Креолы могли занимать административные должности только в колониях и никогда не могли попасть в столицу империи². Хотя не было никакого различия между испанцами и креолами с точки зрения языка, религии, происхождения и обычаев.

Стало быть, не просто возможность занимать должность в госаппарате, а гарантия достижения вершины (вероятность жителя и должности в столице) есть существенный критерий

¹ Показательным примером является Англия, в которой до 1829 г. католикам было запрещено занимать должности в административном аппарате. Это способствовало развитию ирландского национализма.

² «В своем пространственно ограниченном путешествии такой чиновник встречался с товарищами, которые все более отдавали себе отчет в том, что их общая судьба определяется фактом рождения за океаном» (17, 67).

рий генезиса национализма. Питательная почва роста национализма — *появление слоя людей, которые не могут дослужиться до высших чинов в империи*¹. Административные аппараты империй связывают различные социально-экономические отношения (стадии, фазы) и способствуют генезису национальных идеологий. В то же время аппараты остаются неизменными структуру властных отношений. Рост числа «лишних людей», которые не могут удовлетворить свои административные амбиции, выразился в появлении евроамериканцев, евроазиатов и евроафриканцев как особых социальных групп. Их появление стало основой, на которой расцвел стиль мышления, предвосхищающий современный расизм (17, 69).

Теоретической предпосылкой такого расизма были утверждения Руссо и Гердера: климат и другие элементы среды обитания оказывают решающее влияние на человеческий характер и культуру. Эти теории были известны в метрополии. Но из них был извлечен политический вывод: креолы, рожденные в заморских странах, уступают жителям метрополии по характеру и культуре и не годятся для выполнения высших государственных должностей.

Следовательно, при анализе источников национального сознания надо учитывать роль официальных государственных языков, специфику административных путешествий и возможность дослужиться до высших постов в метрополии. Если эта возможность закрыта, возникают идеологии, отражающие генезис *двойной идентичности* членов имперского

¹ Креолы были высшим слоем в колониях и располагали политически, военными и культурными средствами власти. Верховная власть могла их подчинять и использовать, но от креолов зависела стабильность империи. Следовательно, значение центрo-периферийных связей в колониальных империях и положение аристократии при феодализме было аналогичным. Аристократия была основанием и одновременно угрозой власти короля: «Это зыбкое равновесие между чиновниками метрополий и креольскими магнатами выражало старый принцип «Разделяй и властвуй» в новых обстоятельствах» (17, 69).

административного аппарата. Эти факторы определили бюрократические миры в Северной и Южной Америках. Но они не имели значения до тех пор, пока территория власти колониальной администрации не стала представляться ее членам как нация. Генезис данного представления связан с появлением американских газет.

2.3. Три модели

В Америке печать не развивалась до тех пор, пока газета не стала новым источником доходов. Он принадлежал владельцу типографии. Профессия печатника-журналиста — типично американский феномен. Главная проблема этой профессии — поиск читателей как потенциальных потребителей товара. Поэтому печатники-журналисты входили в альянсы с чиновниками. Тем самым двойная идентичность местной бюрократии переплелась со становлением нового профессионального слоя. Газетно-бюрократические борзописцы приветствовали идеологию Просвещения. Она позволяла квалифицировать печатников-журналистов (заинтересованных в доходах) как лиц «интеллигентной профессии». И выдвинуть лозунг «свободы печати» для маскировки материальных интересов этого слоя¹.

¹ Специфика первых американских газет состояла в том, что они давали информацию из метрополии о ценах товаров в портах, времени прихода и ухода кораблей, о местных назначениях, браках богатых людей и т.д. Газета порождала чувство принадлежности к воображаемому обществу читателей и гордости от сопричастия к сообществу грамотных. Это общество было связано с существованием королей, епископов, кораблей, цен на рынке, браков, назначений и т.п. Конечно, местные купцы могли читать центральные газеты из Мадрида, Парижа и Лондона. Но они ничего не говорили об окружающем мире. С другой стороны, местные чиновники не читали местных газет, поскольку в них ничего не сообщалось о бюрократическом мире центра. Иначе говоря, в основе связи событий на страницах газеты лежала структура имперской колониальной администрации и возникающая рыночная система.

Асимметрия событий (обусловленная отношением центра и периферии) — следующая характеристика газеты. Она тиражировалась во всех колониях. И потому газета инициировала множество провинциальных миров: «Сама концепция газеты предполагает преломление «мировых событий» через призму мнимого мира своих читателей» (17, 72). Отсюда вытекает двойственность испано-американского национализма — универсальность и локальность. Решающая роль в его создании принадлежит чиновникам и журналистам.

Вторая модель национализма возникла в Европе и состояла в использовании автохтонных языков. В Америке язык не был фактором становления национальных государств. В Европе местные языки сыграли важную политико-идеологическую роль. На протяжении столетия (1820—1920 гг.) они изменили политическую карту Европы. Кроме того, все европейские движения опирались на модель французской революции. Она выдвинула универсальные лозунги свободы, равенства и братства. Представление о нации возникало в этом контексте: «Нация стала изобретением, на которое никому нельзя было гарантировать патента. Она стала предметом пиратских набегов различных, а иногда и совершенно неожиданных узурпаторов» (17, 75).

Все утопии нового времени не формулировались в языке «потерянного рая», а изображались как современные общества, расположенные в ином пространственно-временном континууме. Развитие европейского национализма шло параллельно с организацией школ и университетов, в которых он находил сознательную поддержку. Поэтому основателями первых националистических движений в Европе были *историки*. Общество читателей их трудов вначале ограничивалось аристократией, землевладельцами, дворянами и клиром. Эти слои обладали экономической, социальной и духовной властью. Затем к ним присоединились купеческая и промышленная буржуазия, мелкие чиновники и интеллигенция.

После Венского конгресса в Европе на протяжении XIX в. не было больших войн, зато резко стали увеличиваться расходы на содержание гражданской и военной бюрократии. В

этом отношении Россия опередила другие страны, поскольку уже к началу XIX в. ее бюрократия начала воспроизводить саму себя (см.: 18). Она навязала другим странам это правило после победы над Наполеоном. Рост бюрократии в Европе был связан с дифференциацией государственных ведомств и снятием сословных ограничений при наборе в госаппарат. Наиболее важная особенность политического развития Европы в XIX в. состоит в том, что рост бюрократии был плавным процессом. Существенного различия между развитыми и отсталыми странами с точки зрения роста госаппарата не было, тогда как развитие купеческой и промышленной буржуазии было крайне неравномерным. Но во всех странах этот процесс был связан со становлением местной печати.

Это явление квалифицируется как филологическая революция. Она затронула все европейские страны. Добуржуазные правящие классы культивировали солидарность на основе кровного родства, клиентелы и личной лояльности. Эта солидарность была предельно конкретной. Тогда как солидарность буржуазии была абстрактной и базировалась на мнимых основаниях денег и грамотности. Остальные классы общества были потенциальными сторонниками филологической революции.

В европейских государствах сознательный национализм появился среди читателей, для которых официальный язык не был родным. Возникающая национальная интеллигенция приглашала массы к участию в истории. Приглашение было написано на языке, понятном массам. Произошел сплав модели революции с неофициальными языками. Этот феномен был эквивалентом средиземноморского пиратства (см.: 19). Миллионы печатных слов сформировали опыт французской революции. Эти слова были затем преобразованы в написанную *концепцию-образец*. Его «объективность» уже никто не ставил под сомнение, поскольку целые поколения обсуждали вопросы: почему революция случилась, к чему стремилась, почему вначале победила, а затем закончилась крахом? Эти вопросы стали предметом бесконечных полемик друзей и врагов революции, вплоть до настоящего времени. Тем са-

мым случайное явление приобретало свойства объективного, необходимого и причинно обусловленного. Едва о движениях за независимость в Америке было написано, как они тоже стали концепциями-образцами.

Так возникла модель независимого национального государства, которое может быть установлено в результате революции или борьбы за национальное освобождение. В середине XIX в. (период «весны народов») эта модель стала предметом всеобщего эпигонства. Европейский национализм — следствие соединения всех качеств мнимой общности, возникших в Америке и в Европе. За его реализацию взялась германская и итальянская интеллигенция — слой образованных маргиналов, связанных родными языками.

Третья модель — это бюрократический национализм. Он связал принцип монархии с господством над многоязычным населением. Данная модель возникла в Российской империи, хотя некоторые элементы использовались и в Австро-Венгрии. Образцом стала царская русификация, при которой выбор государственного языка определялся административными соображениями, бессознательным наследованием и меркантильными мотивами госаппарата. Речь идет обо всех попытках одеть империю в куцую национальную одежду. Бюрократический национализм связал многочисленные народы с господствующей династией. Он сформировался в России в ответ на «вызов Запада» — революционные и национальные движения в Европе. Бюрократический национализм — это опережающая стратегия, которая применяется правящими группами в том случае, если им угрожает маргинализация или исключение из мнимой общности нации.

Россия в период от завершения Крымской войны и до распада СССР — наиболее показательный пример бюрократического национализма. Российские чиновники и промышленники пользовались огромными привилегиями, которые предоставляло им царское правительство и расширяющийся рынок. Европейские и американские промышленники создавали свое дело сами и никогда не поддерживались правительством в такой степени, как в России. Одновременно гра-

мотные люди в России целиком отчуждались от родного общества. Становились социальными, моральными и политическими париями. В своей стране они были более чужими, чем иностранцы. Перед ними существовало только два пути социального продвижения: стать чиновниками разветвленной бюрократической машины государства; ниспровергнуть существующий порядок вещей.

Первый путь был значительно легче и проще второго. К тому же он поддерживался другими факторами: всеобщее принудительное образование, контролируемое государством; монополия правительства на пропаганду; официальная разработка и переработка истории страны; милитаризация; постоянное подчеркивание правительством идентичности принципа монархии с принципом национальности; лишение наследства большей части дворянства после реформы 1861 г. В результате перед русским дворянством оставался единственный путь — служить по военному или гражданскому ведомствам¹.

Таким образом, русская модель национализма была *синтезом* американской и французской. По мере развития капитализма в России государство умножало свои функции. Этот

Этот путь способствовал *отождествлению* национальных интересов России с ростом бюрократии. Многонациональное государство становилось спасением, поскольку оно оправдывало рост синекур. Данная тенденция переплелась с практическими потребностями Российской империи. Россия всегда была слишком большой для того, чтобы ею могла управлять горстка чиновников из центра. Русские наместники и губернаторы стали питательной почвой для генерирования таких тенденций децентрализации и производства региональных идеологий (различные варианты «областничества»), которые лишь укрепляли бюрократический характер государства.

С другой стороны, мнимая общность русской нации была выколдована печатью. Вслед за историками Европы русские историки XIX в. (особенно так называемая «государственная школа») конструировали прошлое страны в виде истории государства, главным элементом которой полагались «великие люди» и «великие события». Тем самым прошлое России воспринималось как история господствующих династий.

процесс породил русифицирующие системы образования. Они готовили кадры для государственной службы и промышленности. Система образования в России всегда была централизованной и единообразной. Она определяла трассы путешествий возникающей русской интеллигенции. Эти трассы стали параллельными с путями административной карьеры. Но в любом случае столица империи (Москва, Петербург) оставалась Римом, в который ведут все дороги. *Перекрещивание трасс бюрократии и интеллигенции стало территориальным основанием мнимой общности русской нации.* Лишь затем территориальный принцип вошел в число свойств нации.

Российская империя допускала аборигенов в школы и государственные учреждения. Но путь в министерские кабинеты и конференц-залы, в которых обсуждались и принимались важные политические решения, для них был закрыт. Это привело к тому, что главными представителями национализма в России (кроме автохтонных русских) стали одинокие двуязычные интеллигенты — русско-украинские, русско-грузинские, русско-польские, русско-татарские и т.д. Они никак не были связаны с возникающей национальной буржуазией, которая в России генерировалась из старообрядцев. Эти интеллигенты усваивали, адаптировали и развивали политические доктрины, вытекающие *из всех моделей национализма.* Но бюрократический национализм в России всегда и везде преобладал. На этой почве возник раскол двуязычной интеллигенции с анархизмом, который первым заметил, что она предлагает прежнее господство под вышеской национального государства.

Этот процесс был усилен развитием средств коммуникации — технических и интеллектуальных. Благодаря им интеллигенция нашла пути обхода официальной печати. Она изобрела лозунги «расизма» и «патриотизма», которые могли пропагандироваться как среди неграмотных, так и среди публики, читающей на двух и более языках. В этом отношении Россия — один из наиболее показательных примеров.

3. Российский эталон

Указанные модели национализма были и остаются различными способами связи бюрократии и интеллигенции. Бюрократический национализм Российской империи и СССР синтезировал их и на протяжении XX в. переплелся с последствиями революций.

3.1. Последствия революций

В 1917 г. в России произошла революция, и теперь ее схема начала накладываться на модель французской революции. В обоих случаях процессы освобождения и закабаления наций были связаны с авангардной ролью интеллигенции. Она умела говорить и писать на двух языках. Поэтому воспроизвела древнюю функцию предводителя паломников, который брал на себя обязанность довести их до «святых мест». Интеллигенция пользовалась также печатными текстами как представлениями для практических действий. Это обеспечило бытие нации в однородном пустом времени. В результате возникла имперская система образования.

На всем протяжении истории России XVIII—XX вв. государственные школы были централизованной иерархической системой. Она структурно соответствовала системе государственной бюрократии. Путешествие в столицу за образованием было и остается параллельным пути чиновничьей карьеры. Продолжает существовать также особое министерство просвещения, бесконечно регламентирующее программы обучения. Кроме того, образовательная политика России при царе и большевиках была направлена на две цели:

1. Разрыв политических и культурных связей между населением империи и ближайшими соседями. Из-за этого жители России практически не имеют никакого представления о специфике культур прилегающих наций и не интересуются ими.

2. Производство строго определенного числа аборигенов, говорящих и пишущих на официальном языке. Из них созда-

вались «национальные элиты», заслужившие доверие правительства. Эти люди занимали должности в администрации и на промышленных предприятиях, создаваемых государством.

С одной стороны, такая политика способствовала росту национального сознания многочисленных народов, населяющих Российскую империю в ее монархической и советской формах. С другой стороны, позиции бюрократии в России были всегда сильны. Ни одна революция и политическая реформа пока еще не смогли ослабить и подорвать роль государственного аппарата в социальной жизни. Поэтому национальное сознание переплелось с бюрократическим национализмом. На окраинах империи он становился еще сильнее по той причине, что имперская система образования создавала единообразную иерархию, пронизывающую отношения, сознание и поведение людей. Тем самым консерватизм становился компонентом менталитета образованных людей. Москва на протяжении всей истории завоевывала, присоединяла или превращала в сателлиты прилегающие государства. Но для знати этих государств шанс попасть в центральные привилегированные учебные заведения был гарантией чиновничьей, научной и политической карьеры. Поэтому *манулятивная роль столицы в России возросла непомерно*¹.

Прогресс в сфере коммуникаций — еще одно следствие революций. Печать, радио, телевидение, компьютеры постоянно увеличивают число потенциальных сторонников мни-

¹ Все люди с амбициями стремились попасть в столицу. Столичная администрация либо не вынуждала лиц, получивших образование, вернуться в родные места, либо бесконечно регламентировала правила проживания в столице, либо заставляла приспособливаться провинциалов к паутинной сети столичных интриг в целях карьеры. Это создало еще одно направление бюрократической деятельности и способствовало выработке типично имперского стереотипа: столица — это общая социальная и политическая сцена, на которой интеллигент и чиновник могут и должны сыграть свою роль. Этот стереотип еще более усилил связь русской интеллигенции с русской бюрократией.

мой общности нации. Теперь к ним относятся не только неграмотные паломники, но и блестяще образованные люди. Тем самым описанные схемы национализма в XX в. приобрели характер образцов. Сегодня интеллигенция и политические деятели разных стран могут создавать военные и образовательные системы по стандартам русского бюрократического национализма, внедрять избирательные и партийные системы и проводить культурную политику по образцам европейского национализма, применять в тех же целях республиканские идеи Америки и создавать бесконечное число идеологических гибридов (см. главу 7) для обоснования любых поворотов в политике. Но в любом случае политика современных правительств остается всеядной и эпигонской¹.

Показательными примерами политического эпигонства в отношении универсальных следствий революций являются два вида процессов: 1. Политическая история СССР и других социалистических государств. 2. Национализмы, связанные с деколонизацией Азии, Африки и Латинской Америки после второй мировой войны.

Подражание образцу французской революции породило множество доктрин абстрактного и безличного государства, которое может наследоваться другими странами в ходе истории. Идея безличного государства переплелась с опытом Октябрьской революции в России и возникшего на ее основе национализма. Этот опыт осознавался в рамках теорий марксизма и капитализма. Данные теории всегда были предметом пиратских набегов со стороны марксистских интеллектуалов и политиков. В результате возникла главная аномалия социалистического государства: оно считалось «пере-

«Сама идея «нации» сегодня прочно укоренена почти во всех языках печати, а национальность почти невозможно отделить от политического сознания. В современном мире национальное государство является общепринятой нормой. Отсюда следует, что нация сегодня уже может быть предметом воображения, вымысла и выдумки без апелляции к языковой общности, а только на основе общего сознания тех возможностей, которые созданы историей нового времени» (17, 135).

довым» с теоретической и политической точек зрения; одновременно было «отсталым» с эмпирической точки зрения (из-за низкой производительности труда, нищенского уровня жизни населения, устарелой техники, неосвоенности громадного пространства государственной территории, элементарной антисанитарии и т.п.). Для устранения этой аномалии советские интеллектуалы и политические деятели использовали модель бюрократического национализма.

До революции он был защитной политикой, обусловленной воспроизводством имперско-династических интересов России в период бурного развития капитализма. После революции эта политика стала агрессивной и начала выполнять роль образца. Ее архетипом были военные реформы Пруссии, заимствованные Советской Россией. После второй мировой войны данный образец и архетип были навязаны странам Восточной Европы, находящимся под советской оккупацией. *Бюрократический характер — главная особенность национализма, сложившегося в СССР.* Он был продуктом деятельности советского партийно-государственного аппарата и служил его интересам.

Бюрократический национализм стал значимым с того момента, когда русские революционеры взяли власть в свои руки и использовали силу государства для реализации собственных социальных проектов. Значение бюрократического национализма тем больше, чем более радикальные революционеры наследуют государство от рухнувшего режима. А русские большевики как раз отличались радикальностью. И хотя часть наследства имела символический характер, отсюда не вытекает его незначительность¹.

Существует два способа воплощения в жизнь бюрократического национализма после революции:

¹ Так, столица РСФСР была перенесена из Петербурга в Москву — старую царскую столицу, хотя существовали и другие возможности. Руководители СССР и сегодняшней России заседают в Кремле — старой царской крепости. Еще не было ни одного правительства социалистических стран, которое после революции не взгромоذилось бы за нагретые столы своих предшественников. Победившие революционеры наследуют также весь хлам старого госу-

1. Новые лидеры отождествляют себя с прежними «строителями-реформаторами государства» (Ленин ссылался на опыт Петра I, Сталин — на Ивана Грозного, Мао Цзэдун — на Цинь Шихуана, Тито реанимировал церемониал сербских королей и т.д.).

2. Новые лидеры приспособливают мнимую национальность прежней династии к интересам правительства и государственного аппарата.

Оба способа ведут к тому, что отличительной чертой всех политических режимов, установившихся после революций XX в., стал государственный макиавеллизм. Чем более древнее государство подвергается натурализации, тем охотнее революционеры передеваются в его одежду. Но она становится уже признаком власти, а не почестей (как было при феодализме). В результате консерватизм становится органической частью деятельности и мышления революционеров. А бюрократизация государства выступает в единстве с терроризацией населения и персонификацией власти. Все тенденции могут выступать в единстве или чередоваться в зависимости от политической конъюнктуры.

Опыт распада СССР и социалистического лагеря в целом показывает, что государственный макиавеллизм наследуется новыми лидерами России и других государств СНГ. В результате войны между бывшими социалистическими странами и республиками стали кабинетными. А народный национализм используется для защиты всего комплекса ранее описанных представлений и стереотипов деятельности и мышления. Но теперь они выступают в институционализованной форме. Свидетельство тому — организация структур по делам национальностей и национальной политики в институтах исполнительной и законодательной власти.

Опыт стран Азии, Африки и Латинской Америки был иным по сравнению с политической историей СССР. После государства: чиновников, доносителей, архивы, досье, законы, финансовые документы, переписи населения, карты, трактаты, дипломатическую и внутривнутриполитическую переписку и т.д. В результате советское государство приобрело все характеристики империи.

деколонизации эти страны накрыла волна национализма. Она была реакцией на модификации глобального империализма и успехи капиталистической промышленности. По мере распространения печати капитализм способствовал развитию народного национализма в Европе и в других странах. Она была связана с языками, распространенными на определенных территориях. Языковой национализм подрывал династический принцип легитимизации власти. Правящие группы были вынуждены искать другие принципы. Для этого использовались концепции патриотизма и расизма. Они были выработаны в конце XIX в. как идеологические следствия бытия мнимой общности нации.

3.2. Патриотизм и национальные интересы

Патриотизм — это разновидность политической любви, природа которой определяется способом описания ее предмета. Для этого обычно используются термины «родина», «отчизна», «отечество» и т.д. Они означают отношения родства и места жительства. Речь идет о естественных связях человека, в отношении которых его выбор никогда не может быть свободен: «С этой точки зрения национальность тождественна цвету кожи, полу, родству, месту рождения, — т.е. тому, на что повлиять невозможно. Иначе говоря, именно по той причине, что человек не в состоянии осуществить выбор данных связей, они окружены ореолом незаинтересованности» (17, 143).

Феномен незаинтересованного восприятия родины переплетен с аналогичным восприятием семьи. На протяжении XX в. семья как социальный институт была предметом психоаналитических (З.Фрейд), этологических (К.Лоренц), социокультурных (В.Райх, М.Фуко) и антропологических (К.Левин-Стросс) исследований. В результате сформулирован однозначный вывод: семья есть структура господства, которое может принимать *форму самой худшей тираннии*, выступая одновременно носителем асоциальных и антиобщественных тенденций. Однако этот вывод пока остается чуждым боль-

шинству людей, хотя он подтверждается также феминистскими исследованиями. Семья по-прежнему рассматривается большинством людей как пространство незаинтересованной любви и солидарности, как ячейка общества и государства. В этом и состоит один из парадоксов современного общества.

Второй связан с понятием национальных интересов. Политики, дипломаты, историки, социологи, журналисты уже давно используют это понятие как *норму* отношений между государствами и внутри государств. Ее основанием является понятие «государственный разум», включающее своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству (см.: 20). Однако для большинства людей национальная принадлежность воплощает незаинтересованность. Именно по этой причине «нация» может требовать жертв. А идея жертвенности всегда была связана с идеей чистоты. Мировые религии связали и транслируют эти идеи. И даже официальный атеизм государства не в состоянии разорвать эту связь. Наоборот, он их усиленно эксплуатирует.

Об этом свидетельствует опыт войн XX в. В них было убито и искалечено (телесно и духовно) наибольшее число людей по сравнению со всей предшествующей историей. Была достигнута также беспрецедентная готовность индивидов и целых популяций отдавать жизнь «за Родину». Одновременно после первой мировой войны в европейских странах получил распространение феномен литературы «потерянного поколения». После второй мировой войны он проник и в СССР. Его суть в том, что война осознается как критерий чистоты человеческих отношений и чувств. А на самом деле национальные интересы скрывают горы трупов, принесенных на алтарь государства. Таков результат отождествления нации с интересами государственного аппарата.

Патриотизм не в состоянии понять эти парадоксы. Само его распространение на протяжении XX в. свидетельствует о небывалом расширении феномена *непроницаемого сознания*. Оно остается глухим к последовательно рациональным формам рефлексии. Социальные институты от семьи и гражданского общества до государства лишь закрепляют эту непроницаемость. Поэтому представление о нации транслирует ре-

лигиозные стереотипы мышления и воплощает их в действительность посредством многообразной институционализации.

Трансляция осуществляется с помощью языка. Дату рождения любого языка установить невозможно. Она скрыта в неизвестном прошлом. Язык эмоционально связывает каждого индивида с мертвыми поколениями. Он становится духовно-эмоциональным свидетельством одновременного присутствия всех поколений в однородном пустом времени¹¹. Парадокс патриотизма состоит в том, что объект привязанности приобретает качества анонимного вымышленного предка (родственника): «С этой точки зрения «любовь к родине» не отличается от всех других аффектов, в которых всегда в какой-то мере участвует воображение» (17, 152).

И все же патриотизм благороднее расизма. Патриоты мыслят в категориях национального предназначения. Усваивают и пропагандируют телеологические (религиозные и светские) концепции, хотя их обосновать невозможно. А практический опыт воплощения небесного и земного рая закончился крахом. Тогда как для расизма характерен дискурс в категориях вечного позора. Он связан с существованием определенных социальных групп и передается через бесконечную цепь копуляций, которая находится вне истории. Начиная с XIX в. расизм был связан с доминированием Европы в мире и стал элементом европоцентризма. Поэтому патриотизму трудно освободиться от расизма.

¹¹ Эмоциональные аспекты языка связаны с тем, что процедура чтения поэтических текстов, пения песен, исполнения национальных танцев и гимнов есть воплощение мнимой общности в настоящем. Об этом свидетельствует только язык. Народные песни и государственные гимны банальны по содержанию и пусты по мелодии. Их исполнение есть опыт одновременного пребывания группы людей (певцов, музыкантов, слушателей) в однородном пустом времени. При этом людей ничто не связывает, кроме воображаемых звуков и связанных с ними эмоций. Вся эта бестелесная материальность моментально пропадает после завершения духовных и светских песнопений, используемых в любых коллективных церемониях.

Трудности усилились на протяжении XX в. из-за действия двух факторов:

1. Выработка и культивирование в России бюрократического национализма. Само бытие империй в XX в. поддерживало аристократию метрополий. Тем самым феодальная концепция власти и привилегий была перенесена на международный уровень. Феномен русификации стал универсальным.

2. Разрастание бюрократического аппарата для осуществления универсальной русификации. Эта тенденция продлила существование империй (прежде всего Российской) до настоящего времени. Она же позволила автохтонной буржуазии и интеллигенции играть роль аристократии у себя дома.

Оба фактора были усилены на всем протяжении существования СССР. Сегодня они образуют непосредственное политическое наследие России, стран СНГ и (с некоторой коррекцией) Восточной Европы. Тем самым различие между российским бюрократическим национализмом и другими моделями (американским и европейским) сводится к явной лжи и мифу. Однако установить это различие в каждом конкретном случае крайне сложно. Прежде всего потому, что комплекс социальных наук используется для обоснования всех моделей национализма в процессах политической манипуляции.

3.3. Перепись имущества

При анализе современных политических процессов надо исходить из господства русского бюрократического национализма над европейской и американской моделью. Все они переплетены с социальными и познавательными процессами¹. В них скрывается специфическая «логика», которая воплощена в переписях населения, географических картах и музеях. Эти феномены социальной реальности претендуют на позна-

¹ «В политике «строительства наций» новыми государствами стали очевидными действительный народный националистический энтузиазм и систематическое макиавеллистское нагнетание идеологии национализма с помощью масс-медиа, систем образования и административных распоряжений» (17,113—114).

нательное значение и связаны с существованием статистики, политической и экономической географии и истории. Данные науки считаются важными разделами социального знания. На самом деле они являются институтами власти и обслуживают ее интересы.

С конца XIX в. вплоть до настоящего времени в официальных переписях населения разных государств обнаруживается постоянный произвол. Он выражается в изменении, разделении, перестановке и новом упорядочивании категории этноса. По мере секуляризации критерий религиозной принадлежности исчезает. Его место занимает критерий этнической принадлежности. Этот факт свидетельствует о том, что классификационные категории становятся все более расовыми. После Октябрьской революции в России и обретения независимости странами Азии, Африки и Латинской Америки (после второй мировой войны) прежняя категория расы получила новую дефиницию этноса. А в России после 1991 г. происходит ее подлинный ренессанс.

Однако ни старая дефиниция расы, ни новая дефиниция этноса не соответствуют самоопределению групп населения. Эти дефиниции выдуманы и воплощены в жизнь государственным аппаратом и наукой, обслуживающей его интересы. Авторы переписей обычно отличаются страстью к исчерпывающим классификациям. Не терпят неясных и политически двусмысленных определений. Население страны воспринимается и регистрируется статистикой как целое, но каждая группа занимает в нем строго определенное место. Если те или иные группы не подпадают под существующую классификацию, они зачисляются в категорию «...и другие». В этом и состоит фиктивность переписи и государственной статистики в целом. В основании социального и политического воображения империй лежит фикция¹.

¹ Первыми колонизаторами были клирики, конкистадоры, путешественники. Они навязывали местному населению собственные классификации. В них туземная социальная структура воспринималась как отражение социальной структуры страны-завоевателя. Например, испанцы всегда квалифицировали местное население завоеванных

По мере расширения компетенции и умножения функций госаппараты империй создали искусственную демографическую топографию. Она пустила глубокие социальные, институциональные и познавательные корни. И была просто следствием создания новых отрядов бюрократии военной, образовательной, судебной, медицинской, полицейской, таможенной, иммиграционной, пограничной и т.п. Вся структура главных государственных ведомств (обороны, внутренних и иностранных дел, безопасности, информации) возникла на основе принципа расовых и этнических иерархий. Для его обоснования использовалась наука. Тем самым факт существования разных отрядов госаппарата и критерии расы-этнуса *отождествлялись*, квалифицировались как параллельные множества.

Через сеть бюрократических учреждений (школ, больниц, полицейских участков, иммиграционных бюро, таможенных и пограничных служб, отделов записи актов гражданского состояния, нотариальных контор и т.п.) проходит масса населения. Предполагается, что сам факт такой циркуляции соответствует нормам социальной динамики. На самом деле происходит отождествление социальных процессов, государственных учреждений и познавательных схем. В результате государственные выдумки и фантазии приобретают статус действительности. Современная социальная статистика и демография — продукты такого отождествления.

Оно ведет к неожиданным следствиям. Например, религиозные общины были основанием древних и стабильных вымышленных общностей. Они совершенно не соответствовали классификационной сетке государства. Поэтому госаппарат империй насильственно присоединял другие религиозные общины к официальной государственной религии или вводил в классификации множество бессмысленных поправок. В результате госаппарат сам повинен в росте числа и значения религиозных святынь, школ и судов.

стран как князей, дворян, плебс и рабов. Перепись — продукт воображения феодального периода. В конце XIX в. она была модернизирована за счет добавления расовой или этнической принадлежности.

С одной стороны, он пытался регулировать и подчинять государству религиозные общины путем выработки вероисповедальных категорий переписи населения. Эти попытки были направлены на приписывание религиозным общинам этнического характера с точки зрения политики и права. Наиболее ярким примером здесь является категория «православных» в статистике Российской империи. С другой стороны, религиозные общины (особенно те, что находились в конфликте с официальной религией) рассматривались населением как пространство и крепость свободы. В них воспитывались и выходили на борьбу с имперским колониализмом его религиозные и националистические враги.

Таким образом, становление современных этносов неотделимо от имперского прошлого. Приписывание этносам политического значения есть результат бюрократизации управления, социальной статистики, демографии в этнографии. Все эти науки (т.е. научное сообщество) по-прежнему заинтересованы в существовании государства и сами являются звеньями его бюрократической машины.

То же самое можно сказать об экономической и политической географии. Они базируются на таких концептуализациях, действительности, которые свидетельствуют о том, что современное государственное мышление возникало в рамках традиционной структуры политической власти. Речь идет о картах, которыми оперирует экономическая и политическая география.

Из истории известно два типа карт:

1. Космографические, формальные и символические карты трех миров (небесного, земного и подземного) религиозной космологии. Они не предназначались для путешествий, а были ориентированы на постоянное напоминание о совершенных грехах и спасении души.

2. Первые светские карты были указателями для проведения военных операций и каботажного плавания. В них содержалась информация о времени, необходимом для покрытия определенных расстояний. Эти карты были локальными

и не располагали объекты изображения в стабильном географическом контексте.

Первый тип карт чертился в вертикальной, а второй — в диагональной плоскости. В них еще не было конвенции восприятия действительности с птичьего полета и не обозначались границы — исходные критерии бытия современных государств и политической географии. Сама идея государственной границы насчитывает менее 150 лет. Только с 1870-х гг. границы начали рассматриваться как непрерывные линии на карте, которые ничему конкретному на земле не соответствовали¹. Они просто отделяли один государственный суверенитет от другого.

Вплоть до конца XIX в. пространство описывалось в категориях священных столиц и мест поселения людей. Такие топысы могут восприниматься эмпирически без особого труда. Тогда как территория государства была и остается абстракцией. Эта абстракция связана с понятиями «государственного суверенитета» и «государственной границы». Данные термины фиксируют часть абстрактной территории, которую занимает государство как невидимое ограниченное пространство. Однако указанная система абстракций — государственная территория, государственный суверенитет, государственная граница — обосновывали необходимость появления целых отрядов паразитического государственного аппарата — пограничной и таможенной службы. Данные абстракции вошли также в определение государства и нации и пока еще не ставятся под сомнение ни представителями политического, ни сторонниками этнического понимания нации.

«Проходящие между прилегающими государственными территориями государственные границы имеют особое значение, поскольку они определяют предел и пространственную форму охватываемых ими политических регионов. Границы проходят там, где горизонтальные разграничения государственных суверенитетов пересекают поверхность земли. В качестве вертикальных разграничений границы не имеют горизонтального измерения» (17, 168).

В антропологической концепции нации показано, что воплощение абстракций в действительность связано с ростом госаппарата. Этим объясняется сходство переписи и карты. Обе функционируют на основании принципа *тотальной классификации*. Уже сам этот принцип склоняет его изобретателей и потребителей к действиям с революционными последствиями. Однако в основе таких действий лежит идея государственного (полицейского и научного) надзора над действительностью.

Хронометр был изобретен в 1761 г. Вслед за тем вся земля была разделена параллелями и меридианами. После этого геометрическая сеть стала накладываться на неизвестные морские и сухопутные территории. Возникла задача заполнения и описания каждой клетки на карте. Раньше путешествия осуществлялись с целью познания, грабежа и религиозного миссионерства. Теперь они начали возлагаться на армию. Первые географические ведомства возникли в составе флотских и армейских министерств. Так появились профессии топографов и землемеров. А эти профессионалы подвергли пространство тому же надзору, который издавна навязывался населению государственной статистикой. Возникла необходимость взаимного приспособления карты и власти¹.

В результате практического воплощения принципа тотальной классификации карта стала господствовать над действительностью, а не наоборот. В этом качестве она обосновывала увеличение госаппарата: «Дискурс производства карт стал парадигмой, в рамках которой функционировали и об-

¹ Оно шло от триангуляции к триангуляции, от войны к войне и от одного мирного трактата к другому. Вопросы войны и мира всегда были воплощением государственного произвола. На его основе возникало нынешнее международное право. В настоящее время в мире существует множество государственных границ и связанных с ними служб (отделы виз и регистрации, таможня, пограничная служба и т.д.). Все они есть институционализованный синтез политического произвола и мифологических представлений. Политическая география воплощает идею тотального надзора над пространством. В этом контексте функционируют многочисленные внешнеполитические ведомства и международные организации.

служивали ее армия и бюрократия» (17, 170). Лишь в конце XIX в управление государством начало базироваться на территориально-картографических основаниях, а связь между переписью населения и картой стала нормой. С одной стороны, нынешние политические карты разрывают бесконечные цепи классификационных категорий населения, выдуманных госаппаратами. С другой стороны, демография становится политическим содержанием формальной топографии карты. В обоих случаях политические цели государства определяют познавательные цели статистики и демографии. Принцип тотальной классификации воплотился в новом типе карты. *Исторические карты* были введены госаппаратами империй и непосредственно подготовили русско-советский бюрократический национализм XX в.¹ Они появились лишь в конце XIX в. и были подчинены новому картографическому дискурсу. Эти карты «доказывали» давность принадлежности единиц территории конкретным империям: «Хронологически упорядоченными последствиями таких карт стали политико-биографические нарративы, простирающиеся далеко в глубь истории. Эти нарративы были взяты на вооружение национальными государствами XX в., которые стали наследниками колониальных империй» (17, 171). В основании этого дискурса лежит явная ложь: актуальный политико-биографический уклад опрокидывается на тысячу и более лет назад; при этом не учитывается, что сам дискурс является изобретением нового времени. Тем самым история — вкупе со статистикой, географией, этнографией и демографией —

В Европе давно существовало право законного наследования и передачи территорий. Оно начало применяться и в отношении колоний. По мере их оккупации захватчики обосновывали свое право на данные территории с помощью квазиправового метода наследования. Местным властителям приписывался суверенитет в феодальном смысле слова. Поэтому они либо устранялись, либо вынуждены были подчиниться захватчикам. Оккупанты начали широко пользоваться помощью ученых — географов и историков. Последние начали заниматься реконструкцией вымышленной истории обладания захваченными территориями.

приобретает ранг «научного доказательства» того, что нации возникли значительно раньше нового времени.

В начале XX в. появились также карты-логосы. Они транслируют обычай империй обозначать на карте одним цветом метрополию и колонии. Выкрашенная в определенный цвет колония становилась фрагментом мозаики. По мере закрепления в памяти поколений формы фрагмента он становился «нормой» и мог быть вынут из географического и исторического контекста. Тем самым отпадала необходимость любых объяснений (географической широты и долготы, названий городов, обозначения рек, морей, соседних стран и т.д.). Оставался чистый знак, не имеющий уже никакого отношения к ориентации в пространстве.

В таком виде этот знак переносился на государственные флаги, канцелярские документы и печати, плакаты, конверты, обложки журналов, книг и учебников, проспекты отелей и вообще на любые рекламные издания. Так реклама переплеталась с вымышленной историей. Карта-логос проникала в сознание масс населения и становилась эмблемой возникающего национализма. Места рождения, пребывания и заключения революционных деятелей становились центральным мотивом в легенде революционно-освободительной борьбы с колониализмом. Эти места приобретали сакральное значение. А по сути дела становились кормушкой, из которой хлебали официальные «деятели искусства».

Музейное дело — следующий элемент национализма. Сам музей и связанное с ним воображение имеют политический характер. На протяжении XX в. в разных странах росло число музеев и аналогичных учреждений. Это свидетельствует о политизации представлений об историческом процессе.

До XIX в. имперские властители не проявляли никакого интереса к памятникам завоеванных цивилизаций. Инициатива обычно исходила от наместников и имперских чиновников. Они первыми начали собирать коллекции местных древностей и проявлять интерес к изучению их истории. Все это делалось для того, чтобы еще сильнее связать колонии с мет-

рополией. В этом процессе ни одно государство никогда не руководствовалось познавательными интересами науки¹. Оно осуществляло эти действия на основе материального своекорыстия и политического расчета госаппарата. Важнейшую роль при этом сыграл ряд факторов, которые наиболее ярко проявились в истории Российской империи XIX в.

Время интереса к археологии и археографии совпало со временем первых столкновений «прогрессистов» и «консерваторов» в образовательной политике (первая треть XIX в.). Первые требовали от правительства увеличить ассигнования на образование. Вторые опасались крамолы (влияния революционной Франции) и последствий образованности. В контексте этого спора археологические и археографические мероприятия стали важным звеном консервативной политики в области образования, их финансирование осуществлялось как элемент политики издания религиозных текстов (Библии, святоотеческих сочинений, житий святых и т.п.). В Европе археология и археография длительное время находились в тесном контакте с миссионерскими службами. В России генезис этих наук был переплетен с деятельностью Синода как главной церковно-бюрократической структуры.

Так начали фабриковаться программы строительства памятников и музеев. Эти программы всегда были связаны с актуальной политикой правительств: Например, строительство памятников великим людям древности призвано было подчеркнуть: их потомки не способны на великие деяния и самостоятельное политическое бытие и потому нуждаются в имперских наместниках-колонизаторах. Только последние могут обеспечить мир и надлежащее управление на данной территории.

Вначале империи придавали одинаковое значение исследованию древностей и истории покорения данной территории.

Наместники и чиновники начали уделять внимание раскопкам, измерениям, фотографированию, реконструкции, сохранению, выставкам и изучению древностей. Археологические и археографические комиссии возникали в рамках имперских ведомств и тем самым становились важным политическим институтом.

Со временем второе направление деятельности свертывалось. Древности все более связывались с туризмом, который постепенно становился частью политики в области культуры. Госаппарат интересовался туризмом прежде всего как источником доходов. Удовлетворяя собственное своекорыстие, он одновременно выступал в роли «патрона и хранителя» местных традиций. Так шел процесс создания музеев и других краеведческих учреждений. Уважением к прошлому в нем и не пахло. Вся эта тряхомудия выполняла роль регалий, которыми сами себя награждали имперские чиновники.

Перечисленные факторы лежат в основании отношения госаппарата к прошлому. Для него характерно неверие в «святость» или особое значение памятных мест. Влияние прогресса выразилось в том, что археологические описания стали дополняться фотографиями, фильмами, диапозитивами, компьютерными изображениями и т.п. Так возникла еще одна отрасль издательского дела — почтовые марки и открытки, названия отелей, марки пива и сигарет, школьные учебники и «заказные» научные книги. Сам факт издания всей этой макулатуры свидетельствует о том, что возникла иллюстрированная *перепись государственного имущества*. Политический смысл археологии усиливался по мере развития технического производства и увеличения числа государств. А сторонники «чистой науки» способствовали распространению иллюзий о неком «культурном» значении всего этого старья, производство которого становилось повседневностью. Этот факт показывает действительную силу государства.

СССР (после Октябрьской революции) и бывшие колонии Азии, Африки, Латинской Америки (после установления независимости) унаследовали и укрепили форму ведения музейного дела, сложившуюся в Российской империи. Это значит, что все элементы археологического производства могут быть символом любых политических режимов — от монархических и военных до революционных и демократических. Во всех случаях мифология власти определяет содержание и структуру всего круга социальных наук — статистики, демографии, этнографии, географии, истории и археологии.

Она лежит в основании современного стиля политического мышления, влияющего на все идеологии современности.

3.4. Современные чревовещатели

Этот стиль определяется переплетением переписи, карты и музея. Статистика, демография, география, история, археология базируются на принципе тотализирующей классификации. В XX в. к ним примкнули геополитика, либерально-позитивистская социология и политология. Данный принцип используется в отношении любых социальных объектов — людей, религий, регионов, территорий, языков, товаров, социальных групп, политических партий и т.д. Во всех случаях речь идет о феноменах, подлежащих реальному или желательному контролю госаппарата.

Указанные науки длительное время плели сеть для общества. Она позволяет дать «точные» пространственно-временные и количественные определения любому объекту. Тем самым язык данных наук стал разновидностью политического и бюрократического языка, скрывающего аномалии действительной жизни. Современный мир покрыт невидимой сетью. Она сплетена на станке консервативной концепции порядка: мир состоит из воспроизводящихся множеств (классов, групп, наций, населения), а не индивидов. Единичное и особенное в этом случае выступают как члены или представители множеств.

Этот стиль мышления связывает современную политику и науку. Его истоки действительно восходят к утилитарному либерализму Бентама, который создал паноптикум как образец тотального контроля. Благодаря универсальности такого стиля мышления госаппарат приобрел абсолютно прозрачный социальный пейзаж, в котором все имеют строго определенное место и номер. Все государственные структуры по регистрации индивидов — частные случаи стеклянного дома. Они выдают свидетельства о рождении и браке, служебные и профессиональные удостоверения, определяют место на кладбище и дают квитки о смерти. Практически все эти функции государство отняло у церкви. Провозгласив секуляризацию, оно не отказалось от доходов, связанных с совершением данных ак-

тов. За счет этого существуют многочисленные отряды чиновников в разных странах. И еще ни одно правительство мира не взялось за ликвидацию данной сети.

Наоборот, после революций в России и Китае она была заимствована и усовершенствована новыми независимыми государствами. Все они пользуются указанными моделями классификации действительности. Комплекс социальных наук поддерживается лишь в той степени, в какой он укрепляет данные модели. В школах, университетах, СМИ бесконечно воспроизводятся одни и те же местности, обсуждаются одни и те же события и лица национальной истории. Все это свидетельствует о том, что госаппарат рассматривает историю как свой семейный альбом. По крайней мере во всех случаях возникает специфическое отношение *памяти и забвения*. В его состав входят: сопоставление старого и нового времени; роль братоубийств в национальной истории, антропологическая биография наций.

В результате американских войн за независимость возникло убеждение: бывшим испанским, французским и английским колониям удалось вырваться из истории. Широко распространилось представление о «новом мире». На его основе возникла идея новой священной революции, которая содержит в себе мировую последовательность социальных событий, связанных причинно-следственными отношениями. Такое видение мира типично для европейского воображения. На самом же деле новый мир и священная революция стали истоком национализма, который вначале (в текстах Берка, Бональда и де Местра) понимался как восстановление преемственности. Затем (в романтизме) возник реакционный мотив возврата к истокам. Он базировался на опыте параллельного существования Нового и Старого мира и связал европейский национализм со множеством языков. Гении европейской историографии (Ранке, Мишле, Токвиль, Маркс, Буркхардт) родились в первые 25 лет после установления революционным Конвентом Франции нового исчисления времени. Они первыми начали писать от имени мертвых поколений, превращая их опыт в философско-исторические и историографические концепции. А смысл собственного научного труда

понимали как способ осознания нации французской, немецкой, английской; русские историки XIX в. пошли вслед за европейскими гениями. Но начали писать не от имени нации, а от имени мертвых царей, строивших империю. С этого времени молчание мертвых уже не было преградой для воскрешения их наиболее сокровенных желаний.

В XIX в. сложилось несколько вариантов историографии — идеалистический, материалистический, культурно-исторический и цивилизационный. Все они были чревовещанием от имени мертвых, множеством мифов, претендующих на научность. На этих мифах воспитывались европейские и русские революционеры. Они пытались воплотить в жизнь историческую некрофилию путем создания новых государств, политических партий, систем экономики, образования, культуры и т.п. Во всех случаях историография использовалась для «научного обоснования» ранее описанных моделей национализма. Объясняющая и понимающая интерпретации истории, сложившиеся на рубеже XIX—XX вв., тоже вполне вписывались в эти модели. В результате ни одна из классических политических идеологий не смогла освободиться от национализма.

Братоубийства — не менее важный мотив превращения истории в миф. Начиная с Варфоломеевской ночи обязанность забыть трагедии политической истории квалифицировалась как гражданский долг. В этом состоит следующий парадокс: «Обязанность забыть о трагедиях, о которых следует постоянно напоминать, становится постоянным средством конструирования национальных идеологий» (17, 194). Государства стремятся устранить этот парадокс путем постоянного переписывания учебников по национальной истории. Однако эта процедура только бесконечно воспроизводит исторические мифы.

Дело в том, что в истории каждой страны были религиозные и гражданские войны, революции и все остальные формы классовой борьбы. По сути дела, речь идет о *войнах между различными нациями-государствами в рамках одной и той же территории* — географической, социальной и исторической. Но в результате культивирования указанной обязанности они

рассматриваются как войны между братьями. Тем самым в изложение истории привносится мотив библейского братоубийства.

Во всех случаях госаппарат и обслуживающие его интересы ученые и педагоги руководствуются холодным расчетом. Они ссылаются на первичное братство нации, которого на самом деле никогда не было. Если нация есть предмет вымысла в новое время, то братство продукт еще большей фантазии, восходящей к началу человеческого рода. Стереотип братства отражает такое преобразование воображения, в котором ни политики, ни чиновники, ни ученые, ни педагоги не отдают себе отчета и которое не в состоянии контролировать. Тем самым стереотипы религиозного сознания опять-таки используются в политических целях. Братоубийственная война не может состояться без представления о братстве. Однако это представление появилось задолго до образования наций. Затем оно было использовано в историографии как форма консервативной реакции на революцию. Ведь после превращения революции в элемент прошлого нацию уже невозможно воспринимать как нечто принципиально новое.

То же самое можно сказать об антропологической биографии наций. Она включает использование всех документов, которые не были источниками официальной историографии. Речь идет о метриках, дневниках, письмах, рецептах, историях болезни, фотографиях и т.п. Все это — разновидности отчужденной памяти человека. Она одновременно напоминает о мнимой преемственности и подчеркивает факт ее постоянного забывания. Из отчужденной памяти вытекает определенная концепция личностной идентичности.

Индивид не может помнить собственную биографию во всех деталях. Она всегда восстанавливается в более или менее вымышленных нарративах. Эта литература заливают современный книжный рынок. Мемуары политиков, дипломатов, писателей, ученых, кинозвезд, спортсменов и т.д. все еще пользуются повышенным спросом. Однако вся эта «глубоко личная» продукция аналогична газете. Она располагается в однородном пустом времени, не обладает ни исто-

рическим, ни социологическим контекстом¹. В то же время вымышленные нарративы используются не только при создании индивидуальных мемуаров. В XX в. возникло целое направление исторической антропологии, которое использует те же источники при описании истории наций. В последнее десятилетие эта интеллектуальная мода захватила и Россию (см.: 21). Поэтому следует подчеркнуть различия между индивидуальными и национальными фантазиями.

Индивидуальные нарративы имеют начало и конец. Они более или менее связаны с генами родителей и социальными обстоятельствами. Герои мемуаров исполняют свою *роль* на социальной и исторической сцене для того, чтобы оставить после себя следы славы, влияния и власти. Тогда как нации точной даты рождения не имеют. А попытки их умерщвления пока еще не рассматриваются как естественный факт. Обычно такие попытки квалифицируются как разновидность Апокалипсиса. Книжный рынок заливаает литература о красном терроре против русского народа, еврейском холокосте, украинском голодоморе, африканском геноциде или просто о вырождении малых народностей.

У авторов мемуаров всегда есть предки более или менее отдаленные. Во многих случаях генеалогия служит предметом гордости и самолюбования. Тогда как ни одна из ныне существующих наций не выводит собственного первопредка

¹ Мемуары обычно начинаются с рассказов о дедах-прадедах и бабках-прабабках, о которых автор имеет крайне смутные сведения. Тем более он не может ни точно помнить момент собственного рождения, ни знать точную дату своей смерти. Такой нарратив соответствует началу Евангелия от Матфея, в котором упоминаются четырнадцать родов от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон, от переселения в Вавилон до рождения Христа. Но не указаны ни точные даты жизни, ни физиологические, социальные, политические и культурные сведения о предках Христа. Такой стиль нарратива характерен для священных генеалогий, в которых Христос рассматривается как действительный Сын Божий, а не как историческая личность. Создатели мемуаров могут быть абсолютными атеистами, но не в состоянии освободиться от этого шаблона.

от Адама и Евы или Иисуса Христа. Значит, его и не было. И потому *биография* наций не может быть написана «от самых истоков», т.е. с самого начала, евангелически, через длинную цепь порождений. Единственная альтернатива — писать историю наций с конца. Но и конец есть пункт, который не может быть точно установлен. Неопределенность начала и конца дает источник для бесконечных спекуляций. Они могут быть обнаружены в историографии любых наций при обсуждении вопроса о первопредках и образуют бродячий сюжет всех моделей национализма¹.

Сама распространенность подобных процедур свидетельствует о том, что началом любой нации является *смерть*. Она началась в новое время. Именно тогда началось преобразование шаблонов индивидуальной генеалогии в генеалогию групповую. Абсолютное большинство индивидов до сих пор умирали, не оставив в истории никакого следа. Множество индивидуальных смертей структурируют анонимную историю нации².

Если речь идет о русской нации, то свежими примерами таких упражнений являются «Велесова книга», хронологические исчисления академика Н. Фоменко и тому подобная макулатура, находящая читателей и почитателей. Аналоги могут быть обнаружены во всех государствах СНГ...

В трудах Ф. Броделя подчеркивается значение множества анонимных смертей, которые суммируются и усредняются в таблицах смертности. Это позволяет проследить медленные и незаметные изменения условий жизни миллионов безымянных индивидов. Вопрос об их национальности практически не имеет смысла, поскольку такие сведения почти невозможно обнаружить. Зато история длительных временных протяженностей связала воедино биологию, географию и демографию. В результате было накоплено множество безжалостных данных о кладбищах, показателе смертности в разные эпохи, самоубийствах и убийствах, пытках и экзекуциях, войнах и геноциде. Эти данные являются эмпирическим материалом для написания истории европейских наций. Что касается наций Российской империи и СССР, то мне неизвестно, ведутся ли аналогичные исследования отечественными историками. Хотя анализ захоронений «новых русских» уже появился (см.: 22).

Образование многонациональных империй, а в результате их распада национальных государств — поворотный пункт на пути к групповой смерти. Прежде всего потому, что существуют универсальные характеристики многонациональных империй и национальных государств: государства, возникшие на развалинах империй, стремятся к самосохранению даже в крайне неблагоприятных обстоятельствах; распад империй доказывает устойчивость государства как политического фактора; это объясняется тем, что на имперской фазе существования государств они становятся «змеиным клубком интересов», зависимостей и карьер; лозунги нации и национализма, а также этничности используются для воспроизводства данного клубка (см.: 23, 24).

В результате государство продолжает существование независимо от выполнения своей социальной роли. Государственные аппараты оперируют комплексом безличных показателей при управлении обществом. Ученые (географы, статистики, историки, археологи, социологи, политологи) заняты выработкой таких показателей. Поэтому государственные аппараты и интеллигенция выполняют роль предводителя группового самоубийства. А действительная история нации становится миллионами анонимных смертей, принесенных на алтарь исполнения социальных проектов, вырабатываемых государственными аппаратами и интеллигенцией.

Антропологический подход к проблеме наций и национализма может быть применен по отношению к любой группе людей, называющих себя нацией или этносом. При этом нет смысла полагать, что данная группа существует. Смерть — естественная характеристика индивидов и наций. И хотя каждый человек приговорен к смерти уже самим фактом своего рождения, он обычно не желает постоянно помнить этот факт и думать о нем. Отсюда следует, что диалектика *памяти и забвения* — ключевая манипулятивная процедура, которую используют госаппараты и интеллигенция при рефлексии о нации. Но обсуждение этой темы я вынужден опустить из-за недостатка места. В любом случае политическое бытие на-

ций и этносов — лишь тончайший слой на поверхности универсальной анонимности и смерти.

3.5. Расчистка почвы для дискуссия

Итак, антропологический подход к проблеме нации позволяет дистанцироваться от любого отождествления наций с государствами, а национальных интересов с интересами госаппаратов и интеллигенции. То же самое можно сказать об этносах, если данная категория используется для обоснования такого тождества. Проведенная систематизация позволяет расчистить почву для дискуссии по проблеме наций и НИ России. Я имею в виду те темы, которые обходят молчанием как современные российские национал-либералы, так и национал-консерваторы.

Прежде всего речь идет о категории бюрократического национализма. Она представляет наиболее значимый результат антропологической концепции нации. Эта категория позволяет отвергнуть культуроцентристский, прагматический, идеологический подходы к пониманию природы наций и НИ, а также традиционное для русской общественно-политической мысли противопоставление России и Европы. Как было показано, русский бюрократический национализм впитал в себя все характеристики американского и европейского национализма. И в этом смысле служит до сих пор «недоставаемым образцом».

В то же время и антропологическая концепция нации несвободна от трактовки бюрократии как разновидности «инструментальной рациональности». Такая трактовка опирается на веберовское понимание бюрократии как «рационального управления». Оно длительное время было распространено в Европе и в США, а на протяжении последнего десятилетия стало популярным и в России. Между тем веберовская концепция рациональности является наиболее слабым звеном социологической теории этого крупного мыслителя. Мне уже приходилось неоднократно писать о том, что официальное общест-

воведение СССР выполняло апологетическую роль в отношении советского властно-управленческого аппарата. Сегодня ту же самую роль выполняет веберизанство и веберовская концепция рациональной бюрократии.

С этим уточнением другие выводы антропологической концепции нации могут использоваться для дистанцирования от многовековой традиции отождествления НИ России с интересами ее государственного аппарата и интеллигенции. Эти выводы относятся также к другим государствам СНГ, если их государственные аппараты используют модель бюрократического национализма (с дополнениями, взятыми из американской и европейской модели) для собственной легитимизации.

Можно исходить из того, что русская нация есть вымышленная мнимая общность. Она выдумана русской бюрократией и интеллигенцией и существует в однородном пустом времени. Бытие этой мнимой общности связано с комплексом политико-идеологических ритуалов. Они до сих пор легитимизировали деятельность политиков, госаппарата и интеллигенции России. Мера согласия населения страны с данными ритуалами пока еще обусловлена пассивным потреблением продуктов властно-интеллигентского творчества. Сколько времени продлится такое потребление, пока неизвестно.

Зато определенно можно сказать, что внутри населения России никогда не существовало братства. Поэтому как онтологическая реальность русская нация не существует. Есть несколько русских наций. Из них политического воплощения добились только те, которые были согласны с господством госаппарата над населением территории, обозначаемой на политических картах как Российская империя, СССР или Российская Федерация. Несогласные с монархическим, советским и современным господством госаппарата пока еще не имели возможности интегрироваться и проявить свою политическую волю. Прежде всего потому, что в российском обществе пока не сложилось большинства, свободного от потребительского, терапевтического и менеджерского отношения к действительности. Значит, и демократия остается делом будущего. Сколь-

ко времени потребуется для реализации этой возможности? На этот вопрос не возьмется ответить ни один теоретик в мире. Хорошо уже то, что коммунитаризм и антропологическая концепция нации позволяют его поставить. И получить промежуточный ответ: без стремления реализовать данную возможность любой дискурс на тему наций, этносов и национальных интересов будет скрывать текущие или перспективные интересы госаппарата. К каким непредвиденным последствиям они приведут — тоже ответить трудно.

Русский язык, официальное православие и ленинско-сталинская версия марксизма, а также их лингвистические и идеологические гибриды до сих пор выполняют роль генераторов мнимой общности русской нации. У нее нет ни точной даты рождения, ни общего предка. Зато есть начало анонимной смерти. Оно связано с образованием Московского государства и Российской империи. Поворотным пунктом на пути к групповой смерти стало образование СССР. На протяжении своего существования аппарат этого государства уничтожил большее число жителей страны и окрестных территорий, чем во всей предшествующей истории России. Если отождествлять жизнь населения географической ойкумены России с данным государством, то его главный интерес состоял в физическом, нравственном и политическом умерщвлении русского народа. А госаппарат и интеллигенция России всегда руководствовались своекорытием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Следовательно, даже малейшее отождествление интересов конкретных людей с национальными интересами скрывает горы физических, нравственных и политических трупов принесенных моими земляками на алтарь государства.

Физические трупы лежат в земле. Нравственные и политические живут и порождают наследство. В этом наследстве главная роль принадлежит бюрократическому национализму. Госаппарат России продолжает разрастаться и не отказался добровольно ни от одного из элементов данного национализма. Россия продолжает участвовать в войнах между другими государствами СНГ, ведет войны на своей территории, про-

должает продавать оружие всем желающим из числа других государств, эксплуатировать природные и человеческие ресурсы и не собирается войти в число стран, сделавших сохранение природной и социальной среды главным направлением государственной политики (см.: 26). Все эти действия есть результат существования ведомств обороны, МВД, МИД, ФСБ, связанных с ними других министерств и средств массовой информации. Эти отряды госаппарата и принадлежащие к ним социальные и профессиональные группы продолжают конкурировать между собой, претендуя на выполнение ведущей роли на политической сцене. Между тем мне не попадалось исследований, в которых бы было доказано, что деятельность данных ведомств совершенно свободна от бюрократического национализма во всех его составных частях. Следовательно, нельзя утверждать, что вся структура данных ведомств выражает национальные интересы России.

Как уже говорилось, русский бюрократический национализм есть синтез американского и европейского. Русская интеллигенция развивала и продолжает культивировать все модели национализма. Поэтому проблема заключается в описании всех аспектов связи интеллигенции с госаппаратом. Не менее важны изучение и типология главных мотивов поведения всего остального населения. Особенно в том случае, если оно не противодействует всем составным частям бюрократического национализма.

Как было показано, возможность достижения вершины (жительство и должность в столице) — важный критерий генезиса бюрократического национализма. Чем большее число жителей страны движимы этим мотивом, тем больше вероятность национализма в центре. Причем понятия «центра — провинции» изобретены бюрократией и журналистикой. Госаппарат Российской империи и СССР связывал различные социально-экономические уклады и способствовал генезису национальных идеологий. Одновременно он оставлял в неприкосновенности прежнюю структуру властных отношений. Рост бюрократии снимает различие между «развитыми» и «отсталыми» странами. В России сегодня популярны «евразий-

екая» и «атлантическая» геополитические концепции. Они отражают двойную идентичность русской бюрократии и интеллигенции, являются разновидностями европоцентризма и расизма.

Русские революции XX в. воплотили в жизнь связь интеллигенции и бюрократии. И в этом смысле связали Россию с Францией, Германией и Италией, в которых тоже данная связь существовала. Поэтому русские революции не только усилили бюрократический национализм Российской империи, но и способствовали культивированию патриотизма и расизма как политических и идеологических следствий мнимой общности русской нации. Патриотизм и расизм непроницаемы для рациональной рефлексии. Они базируются на чувственно-эмоциональных формах восприятия действительности, которые выполняют роль невидимой физической реализации мнимой общности.

В нынешних дискуссиях о ситуации и национальных интересах России значимое место занимает категория этноса — модифицированное и осовремененное понятие расы. Становление этносов неотделимо от имперского прошлого России в ее монархической и советской формах. Главные государственные ведомства, а также ученые, апологетически относящиеся к интересам данных ведомств, способствовали отождествлению критериев расы и этноса. Приписывание этносам политического значения (а такая тенденция тоже существует в современной России) — результат еще большей (по сравнению с отождествлением нации и государства) бюрократизации политики, управления и социальных наук. Так что современная демократическая и этническая топография России есть следствие указанной тенденции.

Итак, понятие бюрократического национализма может быть отнесено ко всем нациям и этносам, которые раньше входили в состав СССР, а теперь образуют самостоятельные государства или претендуют на такую самостоятельность. Антропологическая концепция нации позволяет дистанцироваться от любого автохтонного национализма (украинского, грузинского, татарского и т.п., список должен включать перечисление всех

наций и этносов, принадлежавших к СССР), а не только от его американской, европейской и русской модели.

Для увеличения такой дистанции требуется детальное изучение и систематизация всех противоречий национализма в СССР (России) на уровнях отношений, деятельности и сознания. То же самое можно сказать о влиянии данных противоречий на современные экономические, политические и идеологические процессы в России и СНГ. Особенно важно проследить институционализацию национализма в деятельности главных государственных ведомств, поскольку они продолжают претендовать на выражение национальных интересов. Одновременно надо выявить национально-бюрократические стереотипы и схемы мышления в религиозных (православие, ислам и вообще все конфессии и секты, ныне существующие в России) и светских (либерализм, консерватизм, социализм) идеологиях России. Как было показано в начале главы, ни одна из них не свободна от идеи этатизма.

В цикле работ по проблеме бюрократии я ввел понятие «идеологической бюрократии» для обозначения глубокой связи интеллигентского, бюрократического и политического мышления. Нетрудно убедиться, что коммунитаризм и антропологическая концепция нации позволяют усилить эвристичность данного понятия. В частности, следует доказать, что социальные науки в России (политическая экономия, статистика, демография, этнография, география, история, социология и политология) по познавательным и социальным целям принципиально отличаются от своих европейских собратьев. Однако доказать это никогда не удастся. Наоборот: в истории России XX в. весь комплекс естественных и социальных наук был подчинен власти намного больше и изошреннее, нежели в Европе (см.: 27). Сколько времени потребуется для освобождения от этой зависимости, не говоря уже о свободе от рынка, — трудно сказать. Значит, можно исходить из того, что социальные науки России пока остаются институтами власти. Они выражают ее интересы и выполняют функцию контроля над территорией и населением страны. Проблема состоит в описании всех познавательных и институциональных

форм такого контроля в прошлом и настоящем России. Язык социальных наук с точки зрения генезиса — есть разновидность религиозного языка (см.: 28). А по функциям — модификация бюрократического языка, образующего основу современного стиля политического мышления.

Таким образом, антропологическая концепция нации позволяет расчистить почву при обсуждении проблем нации, национализма и национальных интересов. По крайней мере ни русский язык, ни православная религия не связаны с русской нацией как территориальной общностью и Российским государством в его имперской, советской и современной формах. Любое постулирование такой связи оправдывает отождествление интересов госаппарата с интересами населения. Язык журналистики не может быть использован при обсуждении данной проблемы, поскольку как раз журналистский корпус насаждал представление о нации как онтологической реальности.

Язык социальных наук все же может быть использован. Прежде всего потому, что никакого другого нет. Однако лишь в той степени, в которой юридические, экономические, демографические, этнографические, историографические, социологические и политологические концепции противостоят интересам госаппарата и не могут быть использованы в процессах политической манипуляции обществом.

Для усиления такого противостояния, безусловно, надо отбросить следующие элементы бюрократического национализма: имперская система образования; иерархия как социальное и политическое отношение; манипулятивная роль столицы в стране; идея абстрактного и безличного государства; русский государственный макиавеллизм; концепции социального и политического организма; историографические концепции, обосновывающие особую роль государства в истории России; идея «образца» при сравнении различных стран и регионов внутри страны; региональные идеологии, поскольку они лишь укрепляют центр-периферийные связи; связь административных и политических единиц с понятиями ро-

НАЦИОНАЛИЗМ

дины, отчизны, отечества; связь религиозного сознания с политическим.

Не надо специально доказывать, что все перечисленные феномены пронизывают современную форму существования людей на территории, обозначаемой на картах как «Российская Федерация». Как от них освободиться? Это вопрос особый. По крайней мере понятие бюрократического национализма меняет набор теоретических проблем при обсуждении состояния и перспектив развития страны. Я имею в виду проблемы суверенитета, права наций на самоопределение, сепаратизма, отношений между нацией как абстрактной общностью и народом как множеством эмпирических индивидов, роли аннексий и перераспределения в существовании современных государств, классических и современных форм расово-этнической и национально-политической дискриминации, сравнения познавательного и политического значения аргументов в пользу того или иного пути развития наций и т.д.

За последнее десятилетие возник целый ряд новых и нетривиальных подходов к обсуждению данных проблем. Подобно антропологической концепции нации, они фиксируют кризисные явления в современном развитии общества и стремятся выйти за узкие границы всех существующих идеологий. Однако эти темы нуждаются в специальном исследовании, которое выходит за рамки данной книги.

ГЛАВА 9

АНАРХИЗМ

Классики анархизма не были университетскими профессорами. И весьма критически относились к официальной науке в целом. На этой основе возник эффект бумеранга: академические ученые относятся к анархизму отрицательно или сдержанно. Большинство университетской профессуры отличается идеологической привязанностью к государству: «На протяжении нескольких поколений большинство политических философов и ученых из различных сфер социальных знаний отличается тем, что психоаналитик мог бы определить как идею-фикс государства» (1, 98). Не только ученые, но и большинство практических политиков оценивают анархическое положение об устранении государства как утопическое.

Причину такого отношения к анархизму установить трудно: ученые и политики привыкли исполнять те или иные роли на государственной сцене. Анархизм показывает убожество и самой сцены, и исполняемых на ней трагикомедий. Согласиться с такой оценкой трудно не только политикам, но и ученым. Поэтому после гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.) анархизм на целое поколение исчез из политической и научной жизни. Однако на протяжении последних 20—30 лет происходит возрождение анархизма. Оно исходит из альтернативной политической мысли — феминизма, экологизма, коммунитаризма. Представители данных движений

АНАРХИЗМ

и политических идеологий используют и развивают ряд классических идей анархизма. В это же время появился ряд серьезных работ, в которых подчеркивается его актуальность для анализа политических процессов современности. Я имею в виду труды М.Букшина, Д.Бернхейма, Р.Вольфа, Р.Гардена, Д.Кларка, Д.Миллера, М.Тейлора и других коллег за пределами России. В России за последние 10 лет тоже происходит переоценка анархизма. Требуется обобщение результатов данных исследований.

Это обобщение в наибольшей степени будет опираться на результаты моих исследований проблем бюрократии, легитимности и власти. Аргументы в пользу такого методологического выбора излагаются в ходе анализа главных аспектов анархизма. А попутное соображение вытекает из содержания глав, посвященных феминизму, экологизму, коммунитаризму и антропологической концепции нации. Все эти движения и идеологии возникли во второй половине XX в. И для всех проблема бюрократического господства является центральной. Что привносит анархизм в ее анализ?

1. Принципы

Анархизм возник в новое время параллельно процессу кристаллизации современного государства и в борьбе с ним. Правда, в древней социально-философской мысли можно обнаружить предпосылки анархизма. Например, в стоицизме был сформулирован принцип пассивного сопротивления государству-империи, для которой индивид ничего не значит. В Древнем Китае вслед за учением Конфуция, сформулировавшего принципы идеального государства и идеального чиновника, возник даосизм, отвергающий то и другое. «Лучше жить так, как живет свинья в болоте», — таковы были жизненный идеал и кредо даосистов, противопоставленные мощи Китайской империи.

И все же концептуальная деятельность по формулированию и обоснованию анархистской доктрины началась в конце XVIII в. после того, как вспыхнула французская революция: «Вначале слово «анархист» использовалось в отрицательном смысле, для обозначения того, кто отвергает любые законы и способствует расширению хаоса. В таком смысле данный термин употреблялся в период гражданской войны в Англии для осуждения левеллеров. Во время французской революции таким смыслом термина пользовалось большинство партий, критикуя тех, кто в политическом спектре всегда оказывался слева от них» (2, 111).

Впервые в позитивном смысле слово «анархист» было использовано П.Прудоном в книге «Что такое собственность?». Французский мыслитель сам себя определял как анархиста. Он полагал, что политическая организация, основанная на авторитете, должна уступить место такой социальной и экономической организации, которая базируется на добровольном согласии. А оно достигается путем договора.

В философском смысле слова анархизм — это теория, принципы и практика анархии. В его состав входят: отсутствие форм правления, основанных на насилии и принуждении; отсутствие политического государства; отсутствие авторитарных командиров, начальников, институтов и организаций.

В политическом смысле анархизм используется для обозначения обществ и стран, отличающихся специфическим отношением к власти, насилию и государству. На протяжении последних 30 лет произошло расширение термина «анархизм». Он используется не только для обозначения политической организации, но и для других институциональных форм науки, права и церкви. Во всех случаях термин означает альтернативные формы социального бытия, которые лишены авторитарных структур и методов, основанных на насилии. Это ведет к появлению философского и эпистемологического анархизма (см.: 3, 4).

Здесь я буду описывать преимущественно политический анархизм. Но отсюда не следует, что отбрасываются его новые формы. Речь идет о создании концепции интегрального

анархизма. Его исходный постулат может быть сформулирован следующим образом: *анархизм так относится к политической власти, как атеизм к религии* (в ее доктринальной и институциональной формах), *а скептицизм — к науке* (в ее аксиоматических формах и формах научного сообщества). Отсюда следует, что анархизм — необходимый элемент социальной, политической и познавательной практики.

1.1. Терминологический вандализм

Указанный постулат связывает различные формы анархизма. Среди них прежде всего следует указать ту, которую можно назвать ослабленным анархизмом. Имеются в виду все разновидности философских доктрин, которые высказывались против государства, но в то же время признавали необходимость власти, располагающей средствами насилия. Можно выделить также фактический анархизм. Он противостоит всем формам государства, поскольку ни одна из них не свободна от недостатков. Такой анархизм не выступает против самой идеи идеального государства, а также «нового мирового порядка» в международных отношениях. Ни ослабленный, ни фактический анархизм не являются интегральным или принципиальным анархизмом. Прежде всего потому, что исторический анализ анархизма не дает возможности провести четкую границу между ослабленным и фактическим анархизмом. В то же время существуют границы исходного определения. Например, в первой главе упоминался анархокапитализм Р.Нозика. Он постулирует необходимость минимального, но основанного на насилии и централизованного государства. Тем самым данная концепция выходит за рамки принципиального анархизма.

С другой стороны, философский смысл термина «анархизм» базируется на негативных определениях. Анархию можно определить по противоположности к архичентрализованным формам власти, основанной на насилии. На этом основании можно систематизировать аргументы в пользу

анархизма. Такая систематизация необходима для противопоставления обыденного и научного понимания анархизма.

1. Различные институциональные и организационные формы, в том числе определенные формы правления, вполне согласуются с анархизмом. Дело лишь в том, чтобы они не содержали ни авторитарных, ни насильственных элементов, а также манипуляции, против которой резко выступают коммуитаристы. Конечно, если на данной территории нет правительства, то она является анархической. Но обратная зависимость отсюда не следует. Например, на просторах Севера и Сибири до их колонизации существовали племена, у которых была система правления, но не было государства. Эта система была свободна от авторитарных элементов и тех форм запретов, которые современным людям кажутся самоочевидными: «Иначе говоря, анархист выступает против всех существующих систем правления, но это не вытекает из смысла терминов. А образует только случайное обстоятельство, зависимое от характера фактически существующих систем государства» (5, 118).

2. Существующие социальные и политические формы не являются абсолютной противоположностью анархизма. Например, если ликвидировать правила уличного движения и госавтоинспекцию, то движение на дорогах будет продолжаться. И такие периоды нельзя считать эпизодами, возможными только потому, что наличие авторитарных структур является обязательным правилом. Наоборот, речь идет об иллюстрации распространенной ошибки в определении: анархизм кардинально противостоит политической практике современных государственных структур.

3. Если нет потребности в авторитарных и насильственных системах регуляции отношений между людьми, то можно вполне обойтись и без них. Этот аргумент анархизма нуждается в соотнесении с проблемой целостного изменения человеческого общества, в котором господствует зло. Оно выражается в корыстолюбии, властолюбии и стремлении к духовному господству большинства индивидов. И воплощается в фигурах Потребителя, Менеджера и Терапевта, заинтере-

сованных в режиме всеобщей манипуляции. В коммунитаризме решение данной проблемы связывается с образованием большинства, свободного от потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности. Этот процесс простирается в неопределенное будущее. Но большинство версий анархизма ставят перед собой частичные цели и предлагают соответствующие методы. Поэтому проблема смещается к описанию различий между универсальным (интегральным, принципиальным) и частичным анархизмом.

4. Критики анархизма (либералы, консерваторы, марксисты и социалисты) обычно приписывают ему универсальность. Такая критика базируется на молчаливо принятой посылке: для успеха анархизма на той или иной территории требуется его победа в мировом масштабе, поскольку другие государства тут же уничтожат любые попытки воплощения анархизма в действительность. Однако такая критика анархизма не является основательной. Ибо идея мирового господства капитала или пролетариата сформулирована либералами и марксистами. Анархизм выступал против тех и других.

5. До сих пор популярно представление о том, что анархизм влечет за собой дезорганизацию, беспорядок, анемию и хаос. Оно распространено и в современной России (см.: 6). И переплетено с не менее распространенным мнением: анархизм связан с насилием и террором. На протяжении нескольких поколений журналисты и другие представители СМИ создавали образ анархиста с неременной бомбой и маузером за поясом. Этот образ карикатура на анархизм. Он не вытекает ни из семантики термина, ни из общей теории и практики анархизма. И пропагандируется людьми, которые довольны существующими политическими системами. Или, в лучшем случае, не осознающими тех проблем, которые поставлены во всех классических и современных идеологиях и требуют разработки альтернативных концепций.

Популярный образ анархизма не является ни необходимой, ни типичной особенностью его теории и практики. Я имею в виду все попытки связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом. Эти

попытки принадлежат врагам анархизма. Они направлены на сознательное или бессознательное запутывание смысла анархии и могут рассматриваться как феномен *терминологического вандализма*. Он характерен не только для повседневной жизни, но и для тех кругов интеллигенции, которые не считают проблему строгого определения понятий главной задачей познания. Поэтому популярный образ анархизма, а также стремление связать его с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом могут быть названы карикатурным или выродившимся анархизмом.

Подчеркну еще раз: этот образ был создан авторами, довольными существующими политическими системами. Между тем большинство теоретиков и практиков анархии не были ни террористами, ни опасными «потрясателями и ниспровергателями», если воспользоваться терминологией Н.Лескова. В настоящее время большинство сторонников анархизма действуют в экологическом и феминистском движениях, а также в движениях, которые ставят своей задачей ненасильственное кардинальное изменение сложившегося социального и политического порядка (см.: 7). Они действуют с помощью множества организаций и правительств. Следовательно, существование организаций и правительств вполне согласуется с анархизмом.

Тогда как наличие государства во всех его формах (от древних до современных) не согласуется с анархизмом. И не только по причине использования всеми государствами насилия и принуждения. А прежде всего потому, что большинство государств отличается централистической организацией, в состав которой входят государственный аппарат и манипуляция обществом. Но отсюда не следует верность дефиниции, приписывающей анархизму «враждебное отношение к государству» (1,5). Такая враждебность является не существенной характеристикой, а случайной особенностью анархизма.

Эта случайность есть следствие смешивания сущности анархизма со стандартной концепцией государства. Я здесь не буду входить в детальное обсуждение этой концепции, а также в современные дискуссии по проблеме государства. Вос-

пользуюсь только наиболее распространенной дефиницией: «Государство — это особое суверенное тело. Оно претендует на неделимый авторитет в определении прав своих подданных. Во-вторых, государство есть орган насилия и принуждения. Это значит, что каждый человек, рожденный в данном обществе, вынужден признать свои обязанности по отношению к государству, которое управляет данным обществом. В-третьих, государство есть монопольный орган. Оно приписывает себе монополию на применение силы в рамках своей территории и не допускает существования на ней никакой другой конкурирующей организации» (1,5).

Государство также претендует на монополию в фискальной сфере, устанавливая множество налогов для всех индивидов и организаций. Такое государство неизбежно является централизованным авторитарным институтом, обладающим множеством средств насилия и манипуляции. В результате приведенной дефиниции возникает упрощенный образ анархизма как движения, направленного на ликвидацию государства. Между тем само государство является важнейшей проблемой всей истории и современного состояния политической мысли, а не только анархизма. В следующем параграфе эта проблема будет рассмотрена подробно. А здесь отметим, что практическое воплощение анархизма означает конец всех институтов, которые могут быть описаны как государство в соответствии с приведенной дефиницией.

1.2. Определение

Итак, нет основания употреблять термин «анархизм» для обозначения морально и политически недопустимого поведения индивидов. И нет аргументов для отождествления анархизма с образом, выдуманным журналистами. То же самое можно сказать о попытках связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом. Во всех случаях такой дефиниции анархизма он противопоставляется вымышленному «прекрасному порядку», существующему в

действительном или будущем государстве. Это противопоставление не соответствует теории и практике анархизма, и имеет в виду его более или менее выродившиеся формы. Как было показано в главах, посвященных либерализму, консерватизму, марксизму и социализму, процесс вырождения охватывает все идеологии.

Следовательно, определение анархизма может базироваться на *преодолении ложной дихотомии между государством и политическим беспорядком*. В этой дихотомии скрывается множество иллюзий, возникших в эпоху Просвещения. Укажу только две: без государства невозможен никакой социальный порядок; без понятия государства невозможна политическая теория, а только невообразимая смесь понятий. В одной из ранее опубликованных книг я показал, что эти иллюзии породили культ государства, связали религиозное мышление с политическим, входят в состав консерватизма и потому не могут претендовать на роль общеобязательного канона (см.: 8, 39—80). Значит, надо внести содержательные уточнения.

С этимологической точки зрения греческий термин «*anarchos*» означает «без начальства» или «без власти». Разумеется, происхождение термина может быть исходным ориентиром, но не определяет целиком его смысл. Тем более, что анархизм не принадлежал к главным политическим учениям древности. С точки зрения современных классификаций он является наиболее *новаторской современной политической идеологией*. Но уже этимологическое значение термина исключает такие политические решения, в которых существует высшее начальство. Как в индивидуальном (монарх, патриарх, князь, господин, начальник, вождь, президент, премьер), так и в групповом (партия, придворная клика, властвующая элита, властно-управленческий аппарат) смысле слова.

В цикле работ по теории бюрократии, легитимности и власти я показал, что речь идет о двух взаимосвязанных явлениях: 1. Наличие вершины или центра власти. 2. Наличие господства и контроля, осуществляемого данной вершиной или центром. Данное господство и контроль осуществляется с по-

мощью авторитарных, насильственных, бюрократических и манипулятивных методов.

Иначе говоря, единичный начальник или правящая группа находятся на вершине власти и одновременно осуществляют господство и контроль. По принципу противоположности анархию можно определить как *структуру, отвергающую централизованные* (авторитарные, насильственные, бюрократические, манипулятивные) *методы управления, базирующиеся на жестком делении между вершиной и низами или центром и периферией*. Рассмотрим элементы данного определения.

С топологической точки зрения выражение «лишенный вершины» равносильно выражению «лишенный центра», поскольку с помощью топологических преобразований вершину можно свести к центру и наоборот (см.: 9). Если исключить отношение между верхами и низами власти, то тем самым отпадает необходимость в политических структурах, обладающих центром в виде центрального правительства. Тем самым анархизм предполагает децентрализацию в определенном смысле слова. Элиминация центра не означает ликвидации всех структур, а только тех, которые осуществляют волю центра. То есть властно-управленческого аппарата государств. Зато анархизм оставляет место для множества разнообразных других структур, которые в современной социологии организаций квалифицируются как адаптивные и креативные (см.: 10). Речь идет о структурах, обладающих сетевым характером, не имеющих одного центра, а обладающих многими центрами.

Характерно, что указанные свойства подчеркиваются не только в социологии организаций, но и в современной логике: «Логические предсказания и политические предвосхищения совпадают. Стандартные нерелевантные логики обладают алгебраической структурой, в состав которой входит элемент вершины. Тогда как релевантные логики, образующие современный вызов для классической парадигмы логики, такой структурой не обладают. И соответствующие им алгебраические системы не содержат элемента вершины. Мно-

жество локальных центров и разбросанных узлов в этом случае не ведет к парадоксам» (11, 217).

Иными словами, приведенное определение анархизма согласуется с результатами современной логики. Но не только. Наличие структур без вершины и центра зафиксировано в природе (организация центральной нервной системы у насекомых и мозга у позвоночных), а также в исследованиях искусственного интеллекта. Правда, логика и техника электронно-вычислительных устройств пока еще не учитываются в надлежащей мере при разработке политической теории. Но если наука доказала, что без вершины и центра можно обойтись, рано или поздно этот вывод будет использован при моделировании и воплощении политических систем. По крайней мере анархизм XXI в. не сможет обойтись без интеграции результатов всех наук, отбрасывающих понятия вершины и центра.

Таким образом, современный анархизм предлагает горизонтальные структуры без вершины, начальства и центра. Теперь о власти и контроле как функциях традиционных бюрократических структур. Все анархисты согласны с тем, что власть и управление не должны осуществляться с помощью недопустимых методов. Какие же методы следует признать недопустимыми? Обычно указывают на насилие, принуждение, авторитаризм и манипуляцию. Значит, все политические системы, применяющие хотя бы один из указанных методов или культивирующие их соединение (при тоталитаризме), не могут быть признаны удовлетворительными. Некоторые авторы полагают, что все недобровольные методы, которыми пользуются коммунисты и социалисты, тоже должны быть отброшены (см.- 12). Я не буду входить в детальную дискуссию по этому вопросу, а только отмечу: в соответствии с исходным постулатом и приведенной дефиницией анархизма к числу недопустимых относятся насильственные и авторитарные методы. В догосударственных формах использовались также коллективные методы управления. Следовательно, их можно признать вполне допустимыми. Тем более, что индивидуализм не является решающим признаком анархизма.

Если не существует начальства, вершины и центра, то какой облик должна приобрести политическая жизнь? В главе о коммунитаризме был описан феномен исчерпанности политики. Анархисты зафиксировали это явление более ста лет назад, хотя их тогда почти никто не послушал. Современные исследователи анархизма на поставленный вопрос отвечают следующим образом: «Какая-то организация все же должна сохраниться, но она должна использовать только допустимые методы. Эта организация не может быть ни авторитарной, ни использовать насилие. Следовательно, она может быть добровольной и основанной на сотрудничестве» (1, 114).

1.3. Проблема авторитета

К настоящему времени существует множество теорий анархизма. *Теорией анархизма следует признать любую теорию с горизонтальной структурой, которая строго соблюдает принципы анархизма и, безусловно, отбрасывает любое насилие и политический авторитет.* Прежний анархизм отличался одной или несколькими его формами. Анархизм современный включает принцип плюрализма. И не только допускает множество теорий, но и считает их полезными для общества.

Разумеется, здесь сразу возникает вопрос о критериях оценки данных форм. Нет никакого сомнения в том, что анархизм, порожденный журналистским воображением, должен быть отброшен. Имеются в виду анархисты, опустившиеся до использования насилия, террора и хаоса. Но в той же степени должны быть отброшены государства, использующие данные методы. С такой оговоркой проблема допустимых методов остается открытой и допускающей новые творческие предложения.

Существует также множество обоснований анархизма. Среди них можно выделить: 1. Теоретические обоснования, которые пользуются всеми средствами научного познания и политического скептицизма. 2. Практические обоснования, ко-

которые объясняются желанием изменить социальные и политические обстоятельства, существующие в данном месте и времени. 3. Индивидуальные обоснования — желание сбросить государство с плеч индивидов или по крайней мере держать его подальше от наших интересов и кошелька. 4. Альтруистические обоснования, направленные на борьбу общества с любыми видами государственного угнетения. 5. Феминистские обоснования, которые объясняются стремлением прекратить господство одного пола над другим в политической сфере. 6. Экологические обоснования, направленные на борьбу с научно-технологическим вандализмом государства. 7. Коммунитаристские обоснования, которые объясняются стремлением реализовать идеал братства людей, отвергаемый многонациональными империями и национальными государствами.

Все эти обоснования вытекают из основного свойства анархизма — противодействие любой эксплуатации и господству. Причем не только государства, но и всех остальных форм и институтов, с ним связанных. Речь идет о борьбе с любыми целостными структурами власти для того, чтобы ограничить или ликвидировать их господство. Авторитарные и основанные на насилии методы государства — идеальный пример такого господства. С анархизмом связан также последовательный либерализм, провозгласивший лозунг ограничения власти и расширения свободы. То же самое можно сказать о последовательном демократизме, который стремится свести к минимуму все социальные неравенства, источником которых является власть.

«Действительно, — пишет Д.Миллер, — за атакой анархистов на государство и другие институты насилия скрывается обычно фундаментальная критика самой идеи власти. Важный аргумент в пользу анархизма вытекает также из более общей антиавторитарной идеи: никакое лицо и организация не может осуществлять легитимную политическую власть над людьми» (1,15). То же самое положение высказывает Р. Вольф: «Никакая власть не является оправданной. Никто — ни государство и никакой другой институт, не имеет права приказыв-

АНАРХИЗМ

вать кому бы то ни было что бы то ни было» (3, 45). Общее сопротивление принципу авторитета Р. Вольф определяет как философский анархизм. П.Фейерабенд ввел понятие «эпистемологический анархизм» для обозначения критики большинства научных и философских теорий и авторитетов. На этом основании можно дать более подробную классификацию анархизма.

Принципиальный анархизм выступает против власти и насилия на основе использования философских и этических аргументов. А для дистанцирования от любой связи любого этноса и нации с государством *интегральным политическим анархизмом можно назвать преобразование данных аргументов в систематическую критику законодательной, исполнительной и судебной власти государства.* Некоторые направления такой критики были рассмотрены в главах, посвященных коммунитаризму и национализму. Теперь рассмотрим природу данных аргументов.

Можно исходить из того, что существуют разные типы отношений, основанных на авторитете. Но далеко не все заслуживают отбрасывания. Воспользуюсь примером из моего личного опыта наблюдений за академической жизнью в университетах и других научных учреждениях.

Отношение студентов, аспирантов и коллег к ученому, обладающему авторитетом в определенной отрасли знаний, определяется его способностью к постановке новых проблем и разработке оригинальных концепций. Данные концепции обосновываются с помощью аргументов. Их весомость всегда можно проверить на основе универсальных критериев научного труда. Такой авторитет можно назвать открытым. Но для того чтобы им обладать, ученый, кроме таланта, должен постоянно работать. Интенсивный, добровольный и всепоглощающий труд, возложение на себя обязанностей, которые никто третий не может предписать, умение отказаться от большинства повседневных удовольствий, повышенная требовательность к своим ученикам, способность одновременно заниматься несколькими проблемами, подчинение жизни и быта железной самодисциплине, критическое отношение к

своим собственным концепциям и готовность к их пересмотру под напором новых фактов и результатов исследований коллег, постоянная погруженность в раздумья, связанные с творческим процессом, презрение к людям, сделавшим из науки «кормушку», — для выработки всех этих качеств необходимо посвятить всю жизнь одному делу. Такой авторитет нужно постоянно завоевывать, поскольку ни одно достижение не может быть признано окончательным.

Однако большинство людей, занятых в сегодняшней науке и высшем образовании, не обладают перечисленными способностями и даже не ставят своей целью их культивирование. Наука их интересует как средство достижения определенного социального статуса. Они прекращают работать на второй день после защиты кандидатской или докторской диссертации. Начинают усиленно интересоваться перспективой занятия той или иной академической должности. И на протяжении десятков лет пересказывают студентам чужие концепции или результаты своего диссертационного опуса, которые давным-давно устарели. У них развивается склонность к догматизму. Поэтому их авторитет можно назвать закрытым. Закрытость увеличивается по мере прекращения научной деятельности, отставания от творческих коллег и превращения административных и денежных соображений в главный мотив существования. Такой авторитет все более становится мнимым и потому вызывает противодействие — явное или скрытое до поры до времени.

Наконец, в университетах и научных учреждениях осталась значительная прослойка людей, которых можно назвать принципиально закрытыми авторитетами. К ним относятся все те, кто уже на студенческой скамье стремился попасть в состав комсомольских и партийных органов для достижения целей, не имеющих никакого отношения к науке. Как в прошлом, так и в настоящем они были и остаются научными нулями и дельцами от науки. И сегодня способствуют тотальной коррупции науки. При обсуждении любых вопросов они обычно оперируют типично бюрократическими аргументами, писаными и неписаными.

АНАРХИЗМ

Не надо специально доказывать, что мы имеем дело с совершенно разными авторитетами. Каждый из них опирается на иные основания. Ученый обладает авторитетом на основании собственного примера и потому противодействие ему может быть вызвано только посторонними вненаучными соображениями. Тогда как другие авторитеты базируются на догматизме и бюрократических стандартах. Тем самым возрастает возможность манипуляции людьми. В политической сфере она укрепляется угрозой или действительным применением принуждения и насилия. Но применение кнута в политике обычно чередуется с применением пряника. На этом основании можно дать классификацию видов авторитета.

Авторитарный авторитет обычно пользуется силой или манипуляцией. Против догматического авторитета могут быть направлены все аргументы, сформулированные в эпоху Просвещения и отвергающие любые религиозные и политические догмы. В предыдущей главе было показано, что категория государственных интересов восходит к понятию государственного разума и означает любое случайное содержание. Поэтому в анархизме государственные интересы не считаются весомыми аргументами. Против применения голой силы издавна выступали пацифизм и этика ненасилия.

Кроме того, авторитет кнута и пряника лишает человека свободы и самостоятельности. Поэтому освободительные движения могут мотивироваться либеральными ценностями и быть направлены против господства рабовладельцев над рабами, церкви над верующими, мужчин над женщинами, родителей над детьми, человека над природой, государства над гражданами. Следовательно, стремление к достижению гражданской свободы тоже может быть связано с анархизмом.

Наконец, любой частично или полностью закрытый авторитет лишен этического обоснования и не может быть согласован с самостоятельностью индивидов. А поскольку любое государство функционирует как закрытый авторитет, постольку возможна аргументация, которая ведет от самостоятельности индивидов к признанию анархизма.

Эти аргументы суммировал Р. Вольф:

1. Государство — это группа лиц, которым принадлежит право осуществления высшего авторитета на данной территории. Послушание авторитету государства состоит в подчинении государственным чиновникам на том основании, что они обладают правом приказа.

2. Поскольку ответственность связана с выбором, постольку люди не могут избежать ответственности за свои действия. Но они могут отбрасывать саму идею ответственности. Инициатором такого поведения является властно-управленческий аппарат государства. Его члены послушны приказам без размышления о том, являются ли они хорошими или плохими. Тем самым члены государственных аппаратов отказываются от моральной автономии.

3. В результате влияния государства на общество многие граждане тоже отказываются от ответственности и автономии.

4. Тем самым конфликт между мнимым авторитетом государства и личной самостоятельностью становится неразрешимым.

5. «Следовательно, для просвещенного человека философский анархизм есть единственное политическое убеждение, с которым он может согласиться» (3, 64).

2. «За» и «против» государства

Кроме теоретических аргументов в пользу принципиального анархизма существует детальная критика государства и связанных с ним институтов. Она сводится к следующим главным положениям: нет убедительных аргументов в пользу государства и его институтов; эти институты не являются необходимыми для достижения социальных целей; они порождают множество отрицательных и непредвиденных последствий, уничтожающих всякие следы социальной гармонии; государ-

ственные институты принимают множество решений, бесполезных для общества и вредных для окружающей среды; люди вынуждены нести множество тягот, связанных с существованием государства; поскольку такие тяготы не являются необходимыми, постольку они не имеют под собой никаких оснований.

Но анархистская критика государства не заканчивается данными положениями. Государство — это инструмент для сосредоточения богатства и привилегий в руках меньшинства, которое связано с государственной властью. Поэтому совсем необязательно, чтобы общество тащило на своих плечах государство. Марксистская доктрина отмирания государства является ложной. Общество должно направить свои действия на разложение и ликвидацию государства, поскольку доктрина отмирания привела на практике к его небывалому усилению.

Отсюда вытекает общий вывод: *политические обязанности не имеют ни оснований, ни цели, ни смысла*. Политическая теория должна раскрыть природу обязанностей людей перед государством. По мере ее становления становится ясным, что у них нет никаких оснований. Об этом свидетельствует анализ собственно государства.

2.1. Ненужное зло

Анархисты утверждают, что государства стоят на страже неравенства, господства и эксплуатации. Они охраняют богатство, собственность и привилегии. Осуществляют такую их концентрацию и перераспределение, которая выгодна для привилегированных классов. Кроме того, государственные мужи постоянно устраивают множество разнообразных конференций и тому подобных сборищ. Их экономическую полезность еще никому не удалось доказать. Расходы для покрытия всей этой мнимой деятельности извлекаются из карманов налогоплательщиков или же добываются путем эксп-

луатации природных ресурсов, находящихся на территории государства.

Безусловно, главный исторический результат появления государства — господство и эксплуатация одних социальных групп в пользу других. Всем государствам присуща коррупция. Еще ни одно государство ее не преодолело. Государство как товар или причуда стоит крайне дорого. Для его существования нужна усиленная эксплуатация природных ресурсов. Поэтому чем беднее население той или иной страны, тем более государство выступает главной причиной пауперизации.

Главная причина ненасытности государства — постоянный рост дорогостоящего и непродуктивного властно-управленческого аппарата. Поэтому все дела, которые берется решать государство, оказываются бездонной прорвой для расхода всех средств. Неэффективность, постоянные повторения одних и тех же действий, регулярное запаздывание решений и тотальная инерция стали универсальными характеристиками государства. Поэтому анархисты утверждают, что без государства выбрасывание ресурсов и денег на ветер может резко сократиться. Значит, уменьшится эксплуатация населения, не говоря уже о расходах на организацию любого дела.

Государства располагают огромной властью. И, несмотря на это, постоянно ее увеличивают путем все большей централизации, расширения контроля над сферами социальной жизни, сдачи земли и предприятий в аренду, монополии над финансами и т.д. Либералы сформулировали принцип разделения власти для противодействия чрезмерной власти государства. Произошло отделение церкви от государства и разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. На протяжении XX в. росло также функциональное разделение власти, из-за чего компетенция государственных ведомств и чиновников еще более уменьшилась. Но все эти действия не привели к уменьшению власти государства. Они ее усилили. А дробление функций привело к тому, что беспорядок стал правилом функционирования государственных ведомств:

«Государство — наиболее своевольный анархист, обвиняющий в анархизме его последовательных противников» (12, 187).

На протяжении всего периода своего существования, который еще далеко не закончился, государство назойливо лезло в повседневную жизнь людей. Оно стремится всюду сунуть свой нос. Наиболее яркая характеристика этого качества государственной власти принадлежит Прудону: «Быть поданным государству — это значит при любом действии и решении самого пустякового вопроса подвергнуться учету, регистрации, записи, налогообложению, штемпелеванию, измерению, нумерации, оценке, сдаче в аренду, уполномочиванию, упоминанию, обложению запретами, реформированию, исправлению и наказанию. Под предлогом общей пользы и во имя общего интереса государство стремится каждого обложить данью, подвергнуть дрессировке, шантажировать, эксплуатировать, монополизировать, принудить, выжать все соки, обхитрить и обворовать. А при малейшем сопротивлении и даже тишейшей жалобе государство подвергает репрессиям, налагает штрафы, осуждает, беспокоит без всякого повода, выслеживает, третирует, помыкает, дубасит, разоружает, придушивает, бросает в каталажку, судит, казнит, расстреливает, депортирует, приносит в жертву, продает и предает. И, наконец, в довершение всего, государство подвергает позору, высмеиванию, насилию и лишает малейшего достоинства. Вот что такое власть, вот ее справедливость и такова ее мораль» (Цит. по: 3, 97).

Из всего перечисленного вытекают постоянные требования ограничить права разжиревшего государства. Ликвидировать его отдельные части путем отмены тех или иных законов, продажи государственных предприятий и т.д. С точки зрения анархистов такие требования не являются последовательными. Прежде всего потому, что они не предполагают сведения государства к нулю и обычно обходят те сферы, которые имеют значение для крупных промышленников, финансистов, местной и международной мафии. Кроме того, такие требования обычно ведут к ликвидации структур, от-

ветственных за повседневную безопасность людей, вместо того, чтобы ликвидировать установления, обслуживающие интересы эксплуататоров, бюрократии и юристов. Например, почти во всех развитых государствах существует закон об ограниченной ответственности предприятий, законодательное ограничение права на забастовку и т.д. Ни один профсоюз пока не добился ликвидации этих законов, не говоря уже о множестве ведомственных инструкций, усиливающих господство государства над обществом.

Идеологи государства — от либералов до националистов — внедрили в сознание общества стереотип: государство — это поставщик и добытчик общего блага. Если даже согласиться с этим шаблоном, то из него не вытекает ничего хорошего для охраны природной среды, здоровья человека и социальной справедливости. Само существование государств несет в себе угрозу для населения, проживающего на данной территории. Прежде всего потому, что ведение войн есть прерогатива государства. Оно также поддерживает деятельность ядерной промышленности и энергетики, гигантских химических предприятий и других структур, опасных для жизни людей.

Как было показано в предыдущей главе, государства стремятся к унификации, исключению плюрализма и культурных различий. Все это осуществляется во имя мнимого единства нации или «морально-политического единства партии и народа», как это было в СССР. Данное единство обычно мотивируется наличием внутренних и внешних врагов. И потому даже наиболее либеральные государства делают жизнь национальных меньшинств весьма затруднительной. Тем более во время войны и других чрезвычайных обстоятельств. Государства всегда ссылаются на миф национальных интересов и ценностей, а на деле подменяют их интересами государственного аппарата, политических элит и других привилегированных групп. Эти круги общества создают целую систему государственных ритуалов, церемоний, принуждая граждан к участию в них. Речь идет о многообразных религиозных и спортивных праздниках, торжествах по поводу тех или иных

дат и юбилеев, расходовании громадных средств на строительство памятников по типу египетских пирамид и т.п. И наиболее опасно то, что вся эта система внедряется в сознание детей начиная со школы. Чем более длительное время существует данное государство, тем более оно деформирует непосредственное восприятие и критический потенциал каждого человека. Программы школьного и вузовского образования могут рассматриваться как воплощение такой деформации.

Государства были и остаются важнейшим источником войны. Без наличия государств не были бы развязаны мировые войны XX в., которые унесли в могилу больше людей, чем во всей предшествующей истории. Государство является монополистом в производстве оружия и военных технологий, наживаясь на их продаже. И чем более развито то или иное государство, тем более оно выступает производителем и экспортером оружия. Можно утверждать совершенно определенно, что без поддержки со стороны государств (прежде всего США и СССР) не возникло бы ядерное оружие. Следовательно, не было бы и перспективы ядерной войны — главной опасности XX столетия.

Государства затрудняют также становление нормального международного порядка. В настоящее время не существует эффективных международных организаций, способных исключить войны из жизни человечества: «Этот факт есть результат нежелания национальных и многонациональных государств отказаться от части своего суверенитета, а также их опасения перед господством самых сильных государств мира. Надо стремиться к преобразованию национальных и многонациональных государств в комплекс специализированных департаментов. Только тогда можно будет ожидать, что большинство международных проблем будет решено соответствующими специализированными организациями. С одним единственным условием — эти организации отбросят бюрократический способ деятельности, характерный для государственных аппаратов, и станут разновидностью креативных организационных структур» (13, 221).

Из всего сказанного вытекает два вывода:

1. Государство нельзя обосновать путем описания специфики его генезиса или указания на факт его существования. Стихийные бедствия и социальные катаклизмы тоже являются фактами, но они лишены обоснования. Тогда как историческое описание генезиса государства было и останется разновидностью политического мифа.

2. Критерий пользы и другие утилитарные критерии не могут служить способом обоснования государства. Прежде всего потому, что еще никому не удалось подсчитать соотношение доходов и расходов населения Земли на создание множества государств. И доказать, что доходы каждого жителя Земли возросли вследствие создания того или иного государства.

Оба вывода относятся ко всем государствам, применяющим средства насилия и манипуляции людьми. К числу таких средств относятся: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, лишение свободы действий, заключение в тюрьму, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление и другие методы медицинского и психического воздействия, пытки, террор, клевета, обман (прямой и косвенный), экономическое, социальное и политическое неравенство, отказ от сотрудничества, материальный и символический подкуп, привилегии, коррупция (прямая и косвенная), провокация, тайная помощь и управление сознанием. Ни одно государство не отказалось от этих средств. Как в таком случае определить пользу, которая превышает или хотя бы уравнивает их применение? И можно ли полагать, что человечество было бы хуже, если бы государства не культивировали применение таких средств?

На первый вопрос невозможно дать определенный ответ. Тогда как на второй ответ может быть только отрицательным. Правда, аргументы в пользу государства не сводятся ни к чисто историческим, ни к однозначно утилитарным. К ним нередко добавляют аргумент о необходимости государства, поскольку оно «заботится» о людях. Попробую развязать и этот узел политической мудрости.

2.2. Ложная аксиома

Государство не есть объект, обоснование которого скрывается в его бытии. И ни один аргумент с целью такого обоснования не является убедительным. Как было показано в главе о либерализме, в его русле был сформулирован постулат: хотя само существование государства является проблематичным, оно все же есть необходимое зло. Эту импликацию можно преобразовать: хотя государства до сих пор были воплощением зла, они не являются необходимыми. Прежде всего потому, что уже сейчас возможны альтернативные миры, включая виртуальные государства. Тем самым возникает вопрос: как определить возможный мир, существующий без государства?

При ответе на него надо учитывать, что суждение о необходимости государства скрывает обычный *прагматизм*. Например, религиозное обоснование государства обычно связано с указанием на недостатки и пороки человеческой природы. Светские певцы государства к этому добавляют, что недостатки усиливаются при значительной концентрации людей и связанных с этим дефицитом определенных товаров и благ. Однако такие ситуации создаются самими государствами. Наиболее ярким примером здесь является СССР, в котором процессы урбанизации и индустриализации породили целую систему дефицита и были следствием сознательно принятых политических решений (см.: 14). Кроме того, прагматическая аргументация в пользу государства базируется на недоказанной посылке: в безгосударственном (первичном, естественном) состоянии людей существуют крайне жестокие отношения между ними, а вся человеческая практика мотивируется исключительно эгоистическими интересами. Это положение не подтверждается современными антропологическими и этнографическими исследованиями.

Примечательно и то, что во второй половине XX в (за незначительными исключениями) уже не предпринимаются попытки обоснования государства. Оно воспринимается как самоочевидная данность, не нуждающаяся в доказательстве.

Тем самым государство стало аксиомой. Она аналогична фигуре Бога в средневековой системе мышления. Как известно, в этой системе Бог рассматривался как воплощение абсолютного добра. Но стремление согласовать это качество с размерами зла, господствующего в мире, породило ряд противоречий и парадоксов, до сих пор не разрешенных в религиозной мысли (см.: 15). Тогда как государство издревле и до сих пор вовлечено во зло мира и само его порождает. Следовательно, оно было и остается *проблематическим объектом*.

Этот объект не может быть воплощением чистых постулатов и аксиом. Нет и таких доказательств в пользу государства, которые бы соответствовали онтологическому доказательству бытия Бога как воплощения абсолютного совершенства. Все реально существующие государства не являются совершенными. Это относится и ко всем проектам возможных государств, создать которые торопятся лидеры современных националистических движений.

На протяжении XX в. произошла институционализация государства как главной части современных политических структур. Следовательно, все отрицательные свойства институционализации любой сферы деятельности целиком относятся и к государству (см.: 16). Например, в результате этого процесса сама проблема доказательства государства приобрела чисто академический характер. И уже не является главной темой социально-политической мысли. В результате такого преобразования вся тяжесть доказательства перебрасывается на анархистов. Они должны доказывать, что социальная жизнь человека могла бы протекать не менее «хорошо и гладко» (как втайне думают мертвые, живые и еще не рожденные этатисты) без государства. Но не надо специально доказывать, что даже применение критериев уголовной юриспруденции позволяет прийти к банальному выводу: государственные мужи на протяжении XX в. совершили большее число преступлений против человечества, нежели негодяи-анархисты.

Разумеется, анархисты не освобождаются от доказательства возможности вполне эффективной социальной жизни без

государства. Но та же самая обязанность падает на этатистов. Если иметь в виду попытки прагматического обоснования государства за последние 300 лет, то они принимали форму договорных и функциональных теорий, а также мотивировались соображениями порядка и безопасности. Рассмотрим главные аргументы, высказанные в процессе такого доказательства.

2.3. Теория договора

Основные элементы этой теории уже излагались в главе, посвященной либерализму. Но не мешает напомнить, что сама проблема обоснования государства в либерализме опирается на идеализацию реального исторического процесса. Эта идеализация привела к целому ряду политических экспериментов по воплощению «прав человека» и всех других иллюзий, детально описанных А.Макинтайром. В обоих случаях мы имеем дело с мифической историей появления государства из воображаемых догосударственных форм существования людей. Теория общественного договора — наиболее известный вариант такой реконструкции.

От Гоббса и Руссо до Роулса транслируется одна и та же сказка: первобытные люди, будучи членами общества, заключили между собой общеобязательный договор и установили таким образом государство в целях собственной безопасности. Роулс усложнил эту сказку за счет введения в нее первичной ситуации выбора как целой системы сделок и торгов, в результате которой люди добровольно соглашались на создание первичных условий, гарантирующих их свободу, равенство и достоинство.

Либертарианская теория государства — вариант теории договора. Она стремится задним числом обосновать появление государства как всеобщей страховой конторы высшего порядка. Эта контора появилась естественным образом из догосударственных структур. Например, идея «минимального государства» Р.Нозика базируется на посылке: существует мно-

жество конкурирующих между собой агентств, которые стремятся сделать жизнь человека наиболее безопасной; из этого соперничества возникает государство, обладающее монополией на гарантирование безопасности людей.

Следует подчеркнуть, что либеральная сказка не имеет никакого отношения к действительной истории. Все государства возникали путем насилия, захвата и колонизации территорий. Военные средства были главными при создании государств. И мне еще не приходилось слышать об установлении государств, которые бы сразу предлагали населению изобилие благ, просвещение и либеральную свободу выбора. Значит, идеальные реконструкции действительного исторического процесса и разнообразные мифы на этот счет не могут считаться обоснованием государственных структур власти. Такие выдумки о государстве кардинально отличаются от реальных государств, бремя которых вынуждено нести на себе человечество.

Аргументы договорных теорий государства не удовлетворяют стандартам логики, содержат абсолютно невероятные послышки о крайней жестокости догосударственного состояния людей. Поэтому можно утверждать совершенно определенно: *государство по-прежнему существует без достаточного основания*. Например, если согласиться с послышкой об установлении государства по соображениям безопасности, то как быть с тем фактом, что в результате его установления возникает структура, намного более опасная для существования людей по сравнению с опасностью, исходящей от одного человека? Нельзя, конечно, сомневаться в уме либералов, тем более что они считают науку панацеей от всех бед. Допустим, что социальный договор заключают люди вполне соображающие. Если же иметь в виду действительные обстоятельства, то их следует признать абсолютными дураками. Ведь умные люди сразу бы предвидели опасности, которые несет в себе государство — наемный убийца. При предположении рациональности людей, устанавливающих государство (на чем настаивают либералы), они сразу должны были бы отказаться от его установления.

Аргументы в пользу «минимального государства» тоже не являются убедительными. В них скрывается типично патерналистская иллюзия: государство есть отец, заботящийся о благополучии своих детей-подданных. Этот ход мысли опровергнут И.Кантом более 200 лет тому назад. Правда, целые поколения современных либералов, консерваторов и социалистов по-прежнему ожидают милостей от государства. А целые школы экономической мысли, в том числе и в современной России, укрепляют эту иллюзию (см.: 17). Она не может считаться обоснованием государства, «...поскольку аналогична деистическим доказательствам бытия Бога как первопричины, концентрации совершенства, универсального проектировщика, часовщика и т.д. Однако деизм не смог обосновать ни одной силы и свойства, приписываемых Богу» (18, 24).

2.4. Функциональный Левиафан

* Следующая попытка обосновать необходимость государства — ссылка на функции, которые оно выполняет. Этатистские пифии вещают, что без государства не обойтись, поскольку оно выполняет и такие и сякие функции. А главное — снабжает нас социальными благами, среди которых поддержание порядка является главной.

* Аргумент от порядка рассмотрим чуть позже. А пока отметим, что опыт существования СССР позволяет сделать неопровержимый вывод: государство может прекрасно функционировать при таких условиях, когда огурцы с картошкой становятся главным пищевым благом большинства населения. Причем даже в условиях блокадного Ленинграда государство не снаряжало специальных отрядов для посадки и выращивания этих благ. Каждый еще не подошедший блокадник обязан был сам о них позаботиться. Аналогичные примеры могут быть обнаружены в жизни практически всех государств. Поэтому только безнадежный этатист может утверждать: современные государства гарантируют оп-

тимальное распределение социальных благ. Отсюда вытекает два вывода:

1 Все способы легитимизации государства посредством постулирования оптимальных исходных условий раздела социальных благ совершенно не соответствуют действительности. Это относится ко всем современным экономическим, социальным и политическим теориям, обосновывающим особую роль государства как распределителя и перераспределителя благ.

2. Анархистская альтернатива не обязана гарантировать оптимальное распределение благ в целях победы над этиatismом как способом политического мышления и поведения. Достаточно и того, если объем социальных благ превышает традиционное крохоборство государства. Для установления меры такого крохоборства достаточно провести сравнительное исследование системы пенсионного обеспечения всех ныне существующих государств в сопоставлении с постоянным повышением уровня жизни. Мне такие исследования неизвестны.

Многие считают, что государство есть главный поставщик социальных благ. Этот аргумент базируется на ложной дихотомии частного и публичного. А она есть следствие либерального индивидуализма, выдвинувшего постулат: частное благо есть дело отдельных индивидов и корпораций, а общественное благо есть дело государства: «Между тем пространство между индивидами и государством заполнено многообразными социальными группами, клубами, общинами, союзами, обществами, кланами, племенами и т.д. Такие группы тоже могут обеспечивать социальными благами ничуть не хуже по сравнению с государством» (3, 172).

Современное государство в его либеральных воплощениях появилось примерно в то же время, когда возник индивидуализм. Либерализм на протяжении всей своей истории занимался обоснованием экспансии индивидуализма. Поэтому в большинстве аргументов в пользу государства фигурируют индивидуалистические постулаты. Главным из них является дилемма узника, порождающая трагедию общих благ: «Общая форма таких аргументов состоит в следующем. Инди-

виды действуют на собственный страх и риск в определенных предзаданных условиях, которые описываются в языке теории игр Эти условия предполагают ограниченные отношения с другими индивидами, тоже действующими самостоятельно и независимо. Поэтому в отдельных случаях индивиды вынуждены принимать решения и использовать стратегии, находящиеся ниже оптимального уровня. И только в результате внешнего влияния они могут принять правильное решение. А оно принимается за суррогат государства. Поэтому даже основания таких аргументов не являются убедительными» (19, 257).

Я не буду здесь вникать в подробности данных аргументов, а сформулирую общее положение: *государство не является необходимым и достаточным условием решения проблем, вытекающих из независимых действий и конкуренции индивидов.*

Уже довольно давно существуют целые отрасли промышленности, которые заняты эксплуатацией природных ресурсов. Государство способствовало появлению таких отраслей и потому несет ответственность за трагедию общих благ. В то же время эту трагедию можно описать, не прибегая к государству. Достаточно познакомиться с историей хищнического истребления слонов ради наживы. Проблема заключается в создании такого способа противодействия своекорыстию, властолюбию и стремлению к духовному господству большинства людей, которое бы подрывало эти мотивы поведения начиная с момента рождения человека. Однако ни одна политическая идеология и государство этой проблемы решить не смогли.

Не исключено, что невозможность ее решения объясняет наиболее распространенную политическую иллюзию: государство, обладающее монополией на применение силы, необходимо для обеспечения людей общими благами. Эта иллюзия привела к появлению множества государственных ведомств, выполняющих роль отца-попечителя в отношении множества таких благ. Однако возможен и противоположный способ рассуждения: общество как множество индивидов само создает

и контролирует специализированные ведомства, направленные на достижение тех же самых социальных целей. «Каждый из таких институтов, — пишет Д.Бернхейм, — может получить одобрение сообщества людей путем апелляции к демократическому признанию. Эти институты могут контролировать реализацию собственных рекомендаций и решений путем применения санкций и других допустимых средств. Причем они могли бы вступать в сотрудничество с другими институтами, получившими одобрение аналогичным образом» (20, 221).

Классики анархизма (например, Кропоткин) считали примерами таких институтов почту и транспорт, действующие на международном уровне. Значительная часть современной литературы на тему международных отношений подтверждает возможность сотрудничества в условиях анархии. Наглядным примером является спорт. Каждый вид спорта обладает международной организацией, в ведении которой находится множество вопросов — от правил игры до организации соревнований. Разумеется, такие организации тоже не свободны от расколов и конкуренции. Однако это не мешает им эффективно функционировать без применения насилия. Санкции сводятся просто к исключению тех или иных спортсменов или национальных организаций из участия в международных состязаниях (см.: 21).

Короче говоря, современный анархизм постулирует возможность создания альтернативных организационных и социальных структур. К тому же учитывается горький опыт революций XIX—XX вв. Они обычно приводили к такому типу государственного устройства, который функционировал в соответствии с принципом «Все, что не разрешено, то запрещено». Этот принцип ведет к исключению альтернативных организационных и социальных структур из общественной жизни. В результате граждане начинают ждать милостей от правительства. И теряют опыт спонтанной и независимой от государства организации. А государство стремится создать условия, способствующие самосохранению. И укоренить в обществе иллюзию о том, что оно необходимо

для выполнения всех социальных и даже индивидуальных действий и функций.

2.5. Порядок и безопасность

Едва государство установлено, возникает опасность ликвидации его социальных функций. Прежде всего тех, которые связаны с удовлетворением элементарных потребностей человека в питании, одежде, жилище и здравоохранении. Причем это относится не только к социалистическому государству, которое превратило эти потребности в предмет бесконечной «заботы», но так и не смогло их удовлетворить. Капиталистическое государство руководствуется экономическим рационализмом. И потому стремится перебросить выполнение этих функций на частные фирмы и предприятия. На этой почве возникает политика приватизации, делающая неуловимым различие между социалистическим и капиталистическим государством.

Однако во всех случаях государство оставляет за собою несколько главных функций — взимание налогов, эмиссию денег, вопросы войны и мира, поддержание общественного порядка, безопасности. Монополия на эти функции соединяет разные типы и формы государства. Даже либертарианская концепция «минимального государства» предполагает сохранение за ним данных функций. В их выполнении заключается следующий аргумент в пользу государства.

Прежде всего отметим, что передача всех финансовых структур в руки определенных множеств населения и проведение референдума по извлечению всех видов налогов вполне возможны. Эта возможность объясняется тем, что передача банков и других финансовых структур в руки частных лиц, корпораций и коммунальных служб нисколько не ликвидирует монополию государства на финансовую и фискальную политику. Но ни одно государство пока не взялось за реализацию этой возможности. Против нее выступают в первую очередь финансисты и связанные с ними государственные чи-

новники. Но интересы этих групп не могут считаться репрезентативными для выражения общих интересов населения.

То же самое можно сказать о порядке и безопасности. Передача данных функций в руки государства обычно мотивируется тем, что они необходимы для борьбы с преступностью и коррупцией. Однако еще никому не удалось доказать, что преступность и коррупция уменьшились в результате создания полицейских сил государства. Само их наличие и принадлежность к государству не может считаться доказательством, поскольку передача функции поддержания общественного порядка в руки государства — продукт недавнего происхождения. А всякий исторический феномен не может считаться общеобязательным.

Прежде всего потому, что по мере создания и передачи полицейских сил в руки государства сразу возникает вопрос о соотношении пользы и вреда от их самостоятельности. Опыт СССР показал, что осуществление эффективного социального контроля над этими структурами наталкивается на множество препятствий. Кроме того, едва полиция становится независимой от социального контроля, она сразу начинает претендовать на особую политическую роль. Это явление существует и в нынешней России. М.Геллер проанализировал подготовленные бывшим председателем Комитета по обороне и безопасности С.В.Степашиним и принятые парламентом России законы «О безопасности» и «О Федеральных органах государственной безопасности» и показал, что они не обеспечивают реализации прав человека и могут применяться как орудие подавления демократии. Руководители этих органов постоянно фигурируют в числе «ведущих политиков России», стремятся сохранить связь с репрессивными органами сталинско-брежневского режима, сохраняют бюрократически-иерархическую структуру, из-за чего дробление КГБ на пять служб стало механизмом трансляции данной структуры, а в последнее время претендуют на роль разработчиков новой государственной идеологии России: «В сегодняшних разговорах о необходимости обеспечения безопасности в России обращает на себя внимание желание поставить закон ниже служ-

бы безопасности и сохранить традиции чекизма и чекистов» (22, 351). К этому можно добавить, что комплекс указанных тенденций ведет к тому, что полицейские генералы становятся премьер-министрами и даже президентами России.

Короче говоря, типичное *государство не в состоянии устранить коррупцию и преступность и само стало их источником*. По причинам собственной силы, охвата сфер социальной жизни и характера деятельности государство порождает значительную часть того, устранению чего оно должно служить. Это объясняется несколькими факторами: государство стремится поддерживать определенную мораль, в результате чего возникает целый ряд «преступлений без жертв»; государство стремится к сохранению своей монополии над финансами, в результате чего возникает целый ряд финансовых преступлений; государство поддерживает социальные неравенства и приватизацию богатства, в результате чего возникает ряд преступлений против собственности.

Все анархисты согласны с тем, что главным источником всей этой системы преступлений является государство с целым легионом стражей порядка, закона и безопасности. Та же самая мысль высказывается все чаще либералами, современными марксистами, социалистами, феминистами, экологами, коммунитаристами и учеными, сформулировавшими антропологическую концепцию нации. Но чем заменить разросшийся аппарат стражей? На этот счет существуют разные ответы. Анархо-коммунисты предлагают устранить частную собственность, в результате чего исчезают преступления против собственности. Анархо-капиталисты санкционируют неограниченное накопление собственности и потому требуют особых правовых процедур, исключаящих господство полицейско-СКНХ органов над судебной и законодательной властью. В этом русле формулируются предложения о роспуске полицейских органов и передаче всех их средств в руки страховых компаний по месту жительства. Жители, а не государство, могут нанимать полицейских при необходимости, а также пользоваться для обеспечения безопасности коммунальными и муниципальными службами.

*
*
*

В отношении вооруженных сил тоже предлагаются разные решения. Правда, социальные и индивидуалистические типы анархизма сходятся во мнении: для обороны страны (или данной территории) требуется существование определенных институтов. Дискуссия идет о предпочтении функциональных органов (созданных специально для охраны данной территории) или комплекса частных охранных фирм, возникающих в результате заказов жителей данной территории. При предпочтении функциональных органов допускается гражданская самооборона. В обоих случаях речь идет о стремлении решить важные политические проблемы, связанные с существованием регулярных армий и целых военно-промышленных комплексов. Их существование принадлежит к числу наиболее острых глобальных проблем современности.

2.6. «Если государства нет...»

Итак, все перечисленные аргументы — теория договора, ссылка на множество социальных функций и соображения порядка и безопасности — являются не доказательством, а оправданием государства. Однако этатисты прошлого и настоящего выступают адвокатами этого чудовища. Ход их мысли несложен: поскольку анархизм еще не был воплощен на практике, постольку он не в состоянии вообще функционировать. Ни посылка, ни следствие не являются истинными: «До наступления эры современных государств анархизм функционировал вполне успешно в некоторых частях Америки, Сибири, Севера и Тихого океана. А после появления современных государств анархизм просто лишили возможности действовать на национальном уровне. Зато он поразительно оперативен на международном уровне» (23, 163).

Согласно прагматической аргументации, первичные общества могли существовать без государственной структуры и организации. Но невозможно вообразить функционирование современных индустриальных обществ без государства. Эта аргументация тоже сомнительна. Прежде всего потому, что в

современном обществе, подчиненном государству, существует крайне малое пространство для социальных экспериментов. Зато анархизм имел возможность функционировать во время гражданской войны в России и в Испании. И действовал вполне успешно, пока его не подавили сторонники ленинско-сталинского варианта социализма (см.: 24). Но опыт своих и чужих опричников и фарисеев не может считаться универсальным.

На международном уровне анархия функционирует вполне успешно уже несколько столетий. Международный порядок по своей сути является анархическим. Нет мирового правительства, обладающего силой, авторитетом и другими политическими институтами, которые позволяют беспрекословно исполнять его приказы. И хотя существующий международный порядок не может считаться вдохновляющим примером для подражания, отдельные государства еще менее заслуживают роли примера. Прежде всего потому, что анархия входит в плоть и кровь деятельности государственных аппаратов, использующих любые идеологии для собственного оправдания.

Международный порядок, как говорится, оставляет желать лучшего. На этом фоне раздаются призывы к созданию «нового мирового порядка». Например, З.Бжезинский предлагает создать такой порядок под эгидой США. А певец современных силовых структур России А. Дугин предлагает сохранить Россию как мировую империю (см.: 25, 26). Мне уже приходилось публично высказывать второму из авторов, что его аргументы ни по содержанию, ни по структуре, ни по цели не отличаются от взглядов З.Бжезинского. Из-за стремления некоторых государств к мировому господству и идеологического обоснования такого стремления в текстах современных «специалистов по цивилизациям» (примером может быть писанина С.Хантингтона) современный международный порядок далек от идеала. Главной причиной этого являются сила и бескомпромиссность держав, тем более мировых. Существующие международные институты не в состоянии устранить всю бездну неравенства и несправедливо-

сти современного мира. Следовательно, надо искать альтернативные решения. Речь идет об анархистском проекте, предполагающем *эрозию государств и ограничение государственного суверенитета*. Следует подчеркнуть сразу, что этот проект не имеет никакого отношения к господству нескольких держав (страны «семерки», Россия и Китай) над остальным миром — т.е. над всеми прочими государствами, которых больше ста пятидесяти. Не имеется также в виду использование существующих международных организаций (типа ООН), поскольку они отражают интересы нескольких держав. А ограничение суверенитета не предполагает потакания произволу транснациональных финансовых корпораций, в большей или меньшей степени связанных с интересами государств, претендующих на роль мировых дирижеров. Речь идет лишь о проверке анархистского проекта на практике. А сами государства способствовали тому, что они не оставили места для социальных экспериментов. Раньше в мире существовало значительное пространство для политических экспериментов и проверки разных политических решений. Русские мыслители считали Россию удобным полем для такой проверки.

Например, А.Чаянов в 1920 г. мечтал о том, что в России исчезнет государство уже в 1984 г.: «Народные массы, втянутые в государственное творчество, создают самые неожиданные варианты. В Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели «удельного князя», правда, ограниченного властью местного совета, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит генерал-губернатор центральной власти. Ликвидация городов окончательно решит проблему, которую десятилетия спустя будут называть экологической» (Цит. по: 22, 8).

Однако ни Россия, ни другие государства не дали возможности осуществить этот проект. В настоящее время население Земли замкнуто в больших перенаселенных государствах. В них трудно даже передвигаться. Но такая ситуация была создана государствами. Следовательно, они же должны взять на себя смелость экспериментирования с проектом безгосударственного общества. Тем более, что ни одна из классичес-

ких политических идеологий (либерализм, консерватизм, марксизм и социализм) не подтвердилась полностью на практике. Идеологии, возникшие в XX в. (феминизм, экологизм, коммунитаризм), с разных сторон подтверждают неудачу либерального, консервативного, марксистского и социалистического проектов. Тогда как модель национализма способствует трансляции института государственности в новые условия без его существенных изменений.

Такова ситуация накануне XXI в. Возражения этатистов против реализации анархистского проекта (я имею в виду интеллектуально честных этатистов, а не тех, кто отражает интересы разных звеньев государственного аппарата) могут быть сведены к аргументу: если устранить государство, социальная система лишается последней гарантии. Но такой аргумент выдвигался для доказательства существования Бога. Не говоря уже о его ложности, возникает дополнительный вопрос: кто возьмет на поруки эту самую последнюю гарантию? Всем известно, что государство может дать гарантию для банка или поддержания социальной безопасности. Но население России на протяжении XX в. больше всех других стран убедилось, что государство может крупно подвести. И даже при поддержке других государств (см.: 27). Следовательно, последней гарантии не существует.

Тем более эту роль не может выполнять государство, В теологии для доказательства существования Бога вводится дополнительный постулат о том, что он обладает соответствующими свойствами — является всесильным, всезнающим и всеблагим. Тогда как большинство государств отличается свойствами жестокости, некомпетентности, коррумпированности и аморальности. Носителями этих свойств является государственный аппарат. И если до сих пор эти свойства не были устранены с помощью авторитарной власти, располагающей средствами насилия, то маловероятно, чтобы она смогла сыграть роль высшей гарантии в будущем. Таким образом, рушится последний аргумент в пользу государства.

Зато существует ряд менее надежных социальных гарантий. Все дела всех банков могут подвергаться публичному

контролю для того, чтобы убедиться в их социальной эффективности. Вообще говоря, о здоровье человека лучше судить на основании наблюдения за его функционированием, нежели доверять гарантиям врача о здоровье или соглашаться с его рекомендациями о необходимости хирургического вмешательства. То же самое относится ко всем социальным структурам, которые не могут функционировать без поддержки государства. Они нуждаются в гарантиях с его стороны лишь в силу неизлечимых болезней.

3. Модификации

Существует множество разновидностей анархизма — индивидуалистический, капиталистический, коммунистический, мутуализм, синдикализм, либертарианский социализм, социалистический, экологический и т.д. Каждый из них не обладает строгой дефиницией и не является абсолютной противоположностью всех остальных. До сих пор не существует удовлетворительной классификации анархизма. Есть хаотический конгломерат. В результате на основании одной или нескольких разновидностей высказывается оценка анархизма в целом.

Такая ситуация не может считаться нормальной. Для ее устранения можно предложить ряд параметров классификации анархизма.

3.1. Параметры и типы

К их числу относятся: отношение между частью и целым; отношение к собственности; отношение к политике; способ принятия групповых решений, связанный с отношением к выборам; способ осуществления социальных изменений; отношение к инициаторам изменений.

Отношение между частью и целым помогает дать классификацию организационных решений. В том числе объяснить континентальную и страноведческую специфику анархизма. Европейские версии анархизма, включая Россию, тяготеют к приоритету целого над частью. Тогда как американские варианты анархизма отличаются крайним индивидуализмом. Для устойчивости приоритета целого над частью требуется сильная идеологическая связь, которую до сих пор выполняли коммунистическая, социалистическая и националистическая идеологии. Индивидуалистические варианты анархизма не нуждаются в общей идеологии и потому тяготеют к либерализму в его радикальных вариантах.

Отношение к собственности может колебаться от полной приватизации через индивидуальную и коммунальную формы собственности к абсолютной общественной собственности. Индивидуальная или личная собственность может включать ограниченное обладание и полное отсутствие собственности. Эта классификация зависит от тяготения анархизма к холистическому или индивидуалистическому варианту.

Оба ранее указанных параметра определяют отношение анархизма к политике и способу принятия решений. Этот способ может колебаться от полной (непосредственной) демократии через демократию большинства и олигархию до полной диктатуры. Способ осуществления социальных изменений включает конституционный и неконституционный, мирный и насильственный путь. Отношение к инициаторам (субъектам) изменений тоже колеблется и включает последовательность: народ как множество единичных индивидов, люмпенпролетариат, профсоюзы, политические партии и отдельные лидеры, уполномоченные на такие изменения производно от всех предшествующих параметров.

Представленная классификация не является полной. В ней не учитывается отношение анархизма к методам распределения социальных и индивидуальных благ (рынок, насильственное перераспределение в результате коллективных акций, административные методы), к использованию технологий (экологически грязных и чистых), а также к организации труда и свободного времени. Анализ этих вопросов требует особой

книги или, по крайней мере, статьи. Поэтому я ограничусь проблематикой, вытекающей из данной классификации.

На ее основе можно сделать общий вывод: *существует множество анархизмов, из которых в предшествующей истории проявилась только часть*. Эта часть несводима к анархизму в целом, история которого заново начинается в феминизме, экологизме и коммунитаризме. Причем речь идет пока только о разработке теоретического пласта анархизма, а не о становлении полнокровного социального движения, отвергающего государство и традиционные формы политики.

Действительно, предшествующая история анархизма включает множество разных концепций. Это качество, отличающее анархизм от всех остальных идеологий, может быть обозначено как *радикальный плюрализм*. Данное свойство обычно озадачивает не только врагов: «Плюралистический характер анархизма способствовал тому, что даже благосклонные его критики останавливались в раздумье перед вопросом: является ли вообще анархизм идеологией или просто путаницей разных взглядов?» (5, 3). Нетрудно понять, что такой вопрос является следствием молчаливой посылки: всякая идеология должна быть монистической. На основе такого убеждения и возникает множество триуизмов, которыми переполнено большинство исследований, посвященных анархизму.

Я имею в виду прежде всего постулат об аморфности, парадоксальности и противоречивости анархизма. Он базируется на смешивании хаоса с порядком, причем представление о хаотичности возникает в результате смешивания философского и методологического анархизма с анархизмом фактическим, анархизма индивидуалистического с социалистическим, а их обоих с холистическими вариантами анархизма и т.д. Но наиболее капитальная ошибка большинства рассуждений об анархизме — смешивание анархизма принципиального с его выродившимися формами.

Приведу лишь один пример. М.А.Бакунин традиционно считается одним из отцов анархизма, причем не только русского, но и европейского. Между тем в письме к Николаю I

Бакунин обосновывал необходимость диктаторской власти в России. Эта власть, по его мнению, должна быть неограниченной, исключать свободу книгопечатания и любые парламентские формы. В то же время Бакунин полагал, что только такая власть может быть «свободной» и способствовать «выращиванию и просвещению народных масс». Однако уже на основе приведенной классификаций можно прийти к выводу: Бакунин представлял только один из множества вариантов анархизма. И может считаться «классиком» только его *выродившейся ветви, для которой сама идея плюрализма была неприемлемой*. Об этом свидетельствует и его борьба с К.Марксом за установление диктаторских методов руководства в I Интернационале (см.: 28, 196—200). Из предшествующего обсуждения проблемы авторитета следует, что вырождение — характеристика людей и групп, называющих себя «анархистами», но неспособными принять плюрализм как принцип мировоззрения и политики.

3.2. Множество идеологий

Для адекватного описания анархизма модель плюрализма более репрезентативна по сравнению с монизмом и дуализмом. *Анархизм — это множество связанных между собой типов политического мышления, объединенных общим смысловым ядром — отношением к государству*. При таком определении исчезают проблематические элементы анархизма как идеологии. Безусловно, анархизм не является идеологией в смысле марксизма. Прежде всего потому, что сам марксизм не может считаться каноном любой идеологии по той причине, что у него есть корпус текстов, написанных основателем данной идеологии. Либерализм, не обладающий каноническими текстами, может служить более надежной точкой отсчета при суждении об анархизме.

С другой стороны, анархизм не может также считаться движением по типу традиционных (рабочее и национальные) и современных (движение сторонников мира, экологическое)

движений. Плюрализм еще не располагает настолько солидной родословной, как монизм и дуализм. Да и сам принцип плюрализма не является общепринятым как вне, так и внутри анархизма.

Прежние формы анархизма отбрасывали плюрализм в пользу жестких монистических форм. Они были вынуждены защищать определенную структуру, методы организации и распределения, уже существующие в обществе. Все это вело к ожесточенным и бесплодным дискуссиям внутри анархизма между сторонниками разных концепций и решений.

Правда, в анархизме издавна существует доктрина спонтанности. В процессе осуществления революции против государства массы спонтанно будут принимать решения об установлении нового социального порядка. Это создавало иллюзию в том, что никакое социальное и организационное решение не исключено. В то же время предполагалось, что выбор будет сделан в пользу определенных решений. Они будут воплощены в жизнь под руководством активных и теоретически подготовленных анархистов, образующих авангард движения.

Иначе говоря, в предшествующей истории анархизм находился под влиянием монистических шаблонов мысли. В результате анархисты стремились развивать собственное учение путем включения в него новых требований и постулатов. Однако они не вытекали из главных свойств анархизма. В качестве примера можно привести один из новейших манифестов: «Мы требуем непосредственной демократии, ликвидации любых иерархий, максимальной свободы, тотальной революции, устранения различия между средствами и целями, устранения всякого руководства и оптимизма относительно анархистского будущего всего человечества» (29,161). Однако принципиальные анархисты не имеют никакого отношения к таким лозунгам. Их сравнение с лозунгами российских анархистов и анализ программ последних может быть предметом специального исследования (см.: 30).

Принцип плюрализма позволяет объяснить частичное переплетение анархизма с другими идеологиями. Прежде все-

го теми, которые критически относятся к государству и любой власти, основанной на насилии, использующей разветвленный госаппарат. Тем самым анархизм, по определению, исключает все авторитарные формы консерватизма, фашизм, государственный капитализм, государственный социализм и национализм. С другой стороны, он частично совпадает с либерализмом, демократией и даже марксизмом в той его части, которая исключает государство в будущем. Именно перечисленные связи были и остаются причиной многочисленных недоразумений.

3.3. Общие свойства

Возьмем демократию. Она не следует из анархизма. Он может пользоваться советами мудрецов (типа М.Ганди, сформулировавшего почти двести способов ненасильственной борьбы с властью) и прислушиваться к мнению интеллектуального меньшинства. Даже в том случае, если такие советы не отражают воли народа, а сами советники не избираются или не назначаются народом. В то же время из анархизма не следует отрицание демократии и применение недемократических процедур, как ошибочно полагает Р.Даль (см.: 31, 50).

В анархизме существуют как демократические (в различных значениях этого слова), так и недемократические формы. В частности, представительная демократия является лишь первым этапом на пути к воплощению анархистского проекта: «Ни национальное государство, ни многонациональные империи, ни представительная демократия не являются средствами демократии, адекватными современным условиям жизни» (20, 218).

Является ли главной ценностью анархизма индивидуальная свобода или групповая солидарность? Все зависит от обстоятельств социальной и политической борьбы. Так что на первое место могут выдвигаться индивидуальная свобода, групповая солидарность, отрицание обоих и совместное существование индивидуальной свободы и групповой солидар-

ности. Плюралистический анархизм предполагает несколько разновидностей сообщества: 1. Независимые индивиды, семьи и производственные кооперации, связанные между собой посредством рынка и договора. 2. Основанные на солидарности группы, которые свободно работают сообща и делятся всем заработанным в зависимости от индивидуальных потребностей. 3. Опосредующие формы, которые включают рыночные институты, ориентированные на индивидов, и сети социальной безопасности, которые обеспечивают распределение с учетом основных потребностей людей.

Нетрудно разработать модели организационных структур, обеспечивающие разнообразие социальных общностей. Наиболее простая процедура — региональная модификация анархизма. В этом смысле краткие исторические эпизоды практического воплощения анархизма во время гражданских войн в России и в Испании могут считаться лишь первыми попытками такой регионализации, в рамках которой функционировали разные виды анархизма.

Свойства анархических сообществ тоже не могут быть сведены к одному типу. Некоторые из них могут успешно функционировать только на основе сильной религиозной и идейной связи. Другие выступают против всякого насилия, но одновременно используют для борьбы с ним террористические методы. Те и другие не могут считаться последовательными анархистами. Принципиальные анархисты не имеют ничего общего ни с идеократией евроазиатского типа, ни с многочисленными троцкистскими и маоистскими террористическими группами, использующими некоторые положения исторического анархизма для обоснования террора (см.: 32).

Существуют также различные версии нереализованных возможностей будущего анархического социального устройства. В них можно выделить общие организационные и структурные свойства:

1. Самоуправление. Оно не предполагает никакого вмешательства в жизнь общества со стороны государства и потому связано с отбрасыванием любого патернализма и централизма. По этому основанию анархизм может смыкаться с

теми формами либерализма, которые рассматривают рынок как гарантию от вмешательства государства.

2. Добровольность. Всякое насилие при организации общества отвергается. То же самое относится к авторитету, если он хоть в малейшей степени не является открытым и связан с применением административных методов. Реальная власть и авторитет могут продолжать существование, но они навсегда лишаются правомочности и легитимности, законности и доверия со стороны общества.

3. Децентрализация и деконцентрация. Иерархические отношения сохраняются лишь в той степени, в которой они связаны с федеральным способом политического устройства и горизонтальными структурами для осуществления максимального контроля над властью.

4. Противодействие любому укреплению власти. Речь идет прежде всего о сведении к минимуму роли главных государственных ведомств — обороны, иностранных и внутренних дел, политической полиции, разведки и контрразведки. Отношение к СМИ определяется тем, насколько они обслуживают интересы данных ведомств и участвуют в манипуляции обществом.

5. Противодействие любой эксплуатации и господству. Прежде всего — финансовой и фискальной политике государства, а также институту коммерческой тайны, поскольку они разрывают социальные связи между индивидами.

Указанные свойства можно обнаружить в большинстве социальных проектов анархистов. Причем его различные типы могут пользоваться разными способами распределения. Поэтому анархизм связан с разными экономическими, социальными и политическими теориями. Индивидуалистическая тенденция предполагает использование рынка и других способов обмена и распределения, характерных для капитализма. Примером может служить анархо-капитализм — такой тип социального устройства, к достижению которого направлено «минимальное государство» в соответствии с указаниями экономического рационализма.

Однако анархо-капитализм не в состоянии решить «... универсальные проблемы неэффективности рынка, если его предоставить самому себе. Поэтому анархо-капитализм отвергается экологами, феминистами и коммунитаристами. Главная проблема состоит в том, возможен ли регулируемый рынок без капитализма» (33, 86).

3.4. Спектр альтернатив

Можно ли такой социальный проект воплотить в жизнь без участия государства? При ответе на вопрос надо учитывать, что большинство людей привыкли жить в государствах и не располагает опытом альтернативных решений. Однако Д.Юм показал, что прошлый опыт не может служить основанием для суждений о будущих событиях. Требуется систематизация материала о совокупности отношений, связывающих людей без участия государства.

Уже говорилось, что примером добровольных соглашений является спорт. К нему можно добавить религиозные объединения, профессиональные союзы и корпорации производителей, функционирующие без участия государства. Тем самым государство разлагается на функциональные элементы и превращается в комплекс институтов, роль государства в которых сведена к минимуму. В свое время А.Грамши указывал, что управление обществом без применения насилия вполне возможно. Для этого находящиеся у власти люди должны обладать способностью использовать системы убеждений, которые широко распространены среди населения. Причем природа таких систем в определенной степени зависит от политиков, поскольку они обладают возможностью пропагандировать свои взгляды.

Новейшие эмпирические исследования подтверждают этот вывод: «Как правило, люди соблюдают такие правила и законы, которые полагают верными с моральной точки зрения и не требующими процедурных уточнений. Из этого вытекают важные выводы для анархистских форм организации, не при-

меняющих насилия. Анархистские правила будут приспосабливаться к доминирующим тенденциям, отклоняясь от них только тогда, когда такие отклонения можно полностью обосновать. В целом анархические решения будут опираться на самоуправляемые системы типа честных рынков, обладающих незначительной сферой распространения» (34, 178).

При плюралистическом определении анархизма возникает множество альтернатив, перечисление и анализ которых выходит за рамки данной книги. Я рассмотрю лишь некоторые.

Анархическое общество любой степени сложности (включая города) есть сеть децентрализованных организаций. Эта сеть имеет региональный характер и одновременно приспособлена к задачам, ролям и функциям каждой организации. Такая модель соответствует *экорегionalному функционализму* — синтезу политического функционализма и экологического биорегионализма. Политический функционализм без центра необходим для ликвидации всех структур госаппарата, которые не соответствуют потребностям местного населения и навязаны ему сверху. Такая организация является добровольной, поскольку индивиды и группы не принуждаются к вступлению в нее, а ее деятельность базируется на добровольных соглашениях.

Как контролировать организации, вытесняющие государство и бюрократический аппарат из жизни общества? Ведь даже при демократии любые избирательные органы неизбежно бюрократизируются, а контроль над ними становится звеном бюрократической машины. Население с полным равнодушием и недоверием избирает центральный парламент, который с помощью других бюрократических структур осуществляет контроль над исполнительной и судебной властью. Анархическая модель предполагает роспуск центрального парламента и разнообразных представительств регионов в центре. Взамен создаются институты непосредственного демократического контроля над организациями, заменяющими госаппарат.

Меняется сама процедура выбора. Взамен дорогостоящих

избирательных кампаний, контроль над которыми крайне затруднен, используется жеребьевка. Состав руководства любой организации избирается случайно из числа лиц, обладающих соответствующей профессией и живущих на данной территории. Причем для выполнения руководящих функций требуется добровольное согласие кандидатов. Все претенденты на любую руководящую должность подвергаются постоянной дисквалификации в зависимости от того, пользуются ли они СМИ для манипуляции населением. Меньшинства получают представительство в каждом из таких органов.

Эта модель демократии уходит корнями в демократию полиса, описанную Аристотелем. В современных исследованиях она квалифицируется как деманархия (см.: 35). Главное достоинство демократической анархии — ликвидация всякого дублирования власти и контроля на центральном уровне. Как президентская, так и парламентская модель демократии не в состоянии устранить такое дублирование. По мере децентрализации отпадает необходимость центрального правительства, назначаемого президентом (премьер-министром) или избираемого парламентом. Тем самым исчезает поле деятельности для целых орд бюрократических надзирателей и теневых кабинетов. Как правило, они состоят из жителей столицы и включены в сеть клиентельных, парантельных и лоббистских отношений, из-за чего развивается политическое неравенство между жителями столицы и других регионов страны. Центральный парламент также ликвидируется. Вместо центрального правительства и парламента возникает сеть, не обладающая центром. Она создается функциональными организациями, которые непосредственно вплетены в комплекс производственных и социальных процессов. Главная проблема — исключить любую интеграцию людей через руководящие структуры.

Вместе с падением центра устраняется множество опасностей, которыми легитимируют свою необходимость вооруженные силы и политическая полиция. Речь идет о государственных переворотах, захвате власти, восстаниях и нападениях других государств. Эти действия обычно связаны с

захватом центра и его руководящих структур. При воплощении в жизнь анархистской модели эта опасность исчезает, поскольку не существует такой руководящей структуры, которая может быть захвачена повстанцами или внешним противником. Тем самым защита данного сообщества значительно облегчается. Теряет смысл и вечная проблема государства: кто должен контролировать контролеров? Если контроль становится универсальной функцией, то главным контролером становятся институты непосредственной демократии, образованные по типу федеративных общин.

Итак, функционально действующие институты занимаются решением текущих социальных и административных вопросов. А как быть с большой политикой — комплексом решений по крупным социальным вопросам, устранению социальных конфликтов и изменению политических структур и направлений деятельности? Все такие действия осуществляются снизу — путем референдумов, выдвижения альтернативных предложений, публичных дебатов, формулирования конкурирующих научных концепций по любой проблеме. Выбор из всего этого множества осуществляет высшее лицо или специально уполномоченный орган, которые несут всю полноту уголовной, моральной и политической ответственности за принятые решения и их последствия. Поэтому проблема ответственности, дифференцированная в соответствии со множеством критериев, становится центральной при осуществлении большой политики.

Как финансировать безгосударственные структуры, не располагая механизмами принуждения? Отметим, что только преступные и политические группировки руководствуются антисоциальными мотивами в своей деятельности. Большинство индивидов, фирм и корпораций предпочитают честно платить налоги, если они не превышают определенного уровня (закон Лойфера). А функционирование анархического общества не требует таких расходов, которые пожирают современные технократические монстры. В таком обществе отпадает необходимость финансирования нескольких секторов государства, которые являются наименее продуктивны-

ми и наиболее дорогостоящими и расточительными. Да и к тому же они наименее доступны детальному демократическому контролю. Речь идет о ликвидации всего аппарата центрального правительства и представительной демократии, а также системы насилия — вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, политической полиции с ее сетью шпионов и доносителей, целой своры тюремных надсмотрщиков и судебной системы в той степени, в которой она повинна за создание преступлений и культивирует их, таможи и пограничных служб и т.д.

Но даже при устранении главных элементов государственного Левиафана остаются институты, которые необходимо финансировать (например, формирования гражданской обороны). Решение этого вопроса состоит из нескольких частей:

1. Множество институтов может полностью или частично перейти на самофинансирование. Для этого следует установить принципы оплаты за услуги. Например, организации, занимающиеся экспортом и импортом, получают доходы от совершения сделок. Основная часть этих доходов должна поступать в независимую бюджетную структуру, не имеющую права их расходовать и перераспределять.

2. Большая часть доходов общества вытекает из налогов, которыми облагаются все предприятия, эксплуатирующие природные ресурсы. Такие же налоги возлагаются на всех владельцев и арендаторов собственности. Если изменить право наследования, то все непроизводительные предприятия «пускаются с молотка». То же самое относится ко всему унаследованному имуществу лиц, не заработавших его собственным трудом.

Практические действия в этом направлении зависят от специфики и культуры отдельных обществ. Поиск в этом направлении меняет всю систему традиционного хозяйственного права, финансовой и фискальной политики государства. Если развить А.Макинтайра, то не только юристы, но и экономисты пока не в состоянии быть справедливыми. Устранение разных видов несправедливости становится главной задачей анархического общества.

3.5. Проблема собственности

Частная собственность была и остается наиболее острой проблемой всех идеологий — классических и современных: «Подобно государству, частная собственность может существовать без всякого обоснования» (36, 126). Для борьбы с нею современные анархисты предлагают сохранить собственность на предметы личного пользования, тогда как в отношении постоянных предметов собственности (в их состав входят все предметы, которые при данном положении вещей выгоднее украсть для последующей продажи) предлагается аренда.

Система аренды напоминает способ функционирования частной собственности и в то же время помогает улучшить контроль над состоянием природной среды, общественные фонды производимого богатства выражаются в плате за арендуемые предметы; время аренды ограничивается; исключается чрезмерное накопление богатства и его передача путем наследования. Иначе говоря, анархисты стремятся подорвать имущественные основания консервативной идеологии.

Например, в Австралии вместо сельскохозяйственного министерства создано ведомство по делам постоянных ресурсов. В его состав входят отделы, ведущие строгий контроль над всеми участками земельной собственности и ископаемыми, которые в них находятся. То же самое относится к водным и воздушным ресурсам. Эта структура направлена на предотвращение накопления земельной собственности в городах, поскольку оно было и остается доминирующей чертой капитализма и государственного социализма.

Если речь идет о России, то для применения такого принципа требуется предварительно установить: сколько и кому было заплачено средств за эксплуатацию земли, на которой стоит Кремль и другие правительственные здания в Москве и других городах? какими критериями руководствовались люди, устанавливающие цену за эту землю? каков был реальный доход населения страны от эксплуатации этой земли? То же самое относится к Газпрому и другим фешене-

большим зданиям многочисленных административных структур в центре и в регионах.

При капитализме владение частной собственностью определяется установившимся механизмом рыночной регуляции. И потому частная собственность была и остается отличительной чертой капитализма. Государственный социализм целиком наследует эту систему, подчиняя частную собственность различным звеньям государственного аппарата. В результате вся территория страны превращается в частную собственность правительства. Это облегчает концентрацию и накопление капиталов, передачу накопленного богатства (в рамках семьи, династии, ведомства или партии) и контроль над средствами производства. Социал-анархизм противопоставит капитализму и государственному социализму одновременно. Стремится ликвидировать имущественные основания данных социальных систем.

Иногда противники анархизма утверждают, что все его разновидности не выработали надежных экономических теорий. На этот упрек можно ответить: ни одно направление капитализма и социализма так и не смогло выработать универсальную экономическую теорию. Экономическая мысль может предложить лишь множество частных теорий.

Анархизм не отрицает пользу независимо функционирующего рынка: «Идеал индивидуалиста — автономия личности в условиях рыночной системы. Но не вытекает ли отсюда, что государства — неизбежная предпосылка успешного функционирования экономики?» (1, 169). Ответ на вопрос состоит из двух частей: 1. Рынки функционировали задолго до появления государств, а в настоящее время международный рынок функционирует вне государств. Следовательно, государство не вытекает из сущности рынка. 2. Любые институты, необходимые для функционирования рынков, могут создаваться на региональном уровне, в условиях анархической фрагментации государства.

Поэтому вопрос можно конкретизировать: каков объем структур, необходимых для поддержания рынка, и в какой

мере они связаны с существованием государственного аппарата?

Рынок есть место для совершения актов купли-продажи товаров, которые могут быть индивидуальной, общей и ничьей собственностью. На рынок поступают товары и услуги, которые путем бартера обмениваются на другие товары и услуги или же на деньги (в условиях финансовой экономики). Потребители и покупатели вступают на рынок для осуществления обмена. Поэтому существование рынка возможно при следующих условиях: 1. Наличие права распоряжения товарами (в виде собственности или аренды) для осуществления самого акта купли-продажи. 2. Существование института, связанного с заключением договоров. 3. Устойчивая валюта.

Кроме того, для функционирования рынка нужна определенная система безопасности от грабежа и воровства. Но наличие таких систем есть предпосылка всех остальных проявлений общественной жизни. Что касается остальных элементов рынка, то для их существования государство совсем не обязательно. Племенные обычаи и институты вполне эффективно служат для охраны собственности, соблюдения договоров и обязательств. Значит, безгосударственное общество тоже в состоянии осуществить эти операции. Валюта также может развиваться при отсутствии государства. Например, на островах Меланезии государства не было, а валюта в виде раковин была. Аналогичные примеры могут быть обнаружены и в других точках земного шара, свободных от присутствия государства вплоть до недавнего времени. Кроме того, бумажные деньги не являются полностью публичным благом. Банк, находящийся в руках частного лица или государства, удовлетворяет собственное своекорыстие путем производства, обращения и обмена денег. Следовательно, банк как таковой не нуждается в спонсоре в виде государства.

Иногда утверждают, что центральное правительство необходимо для распределения средств на уровне всего общества (см.: 1, 172). Сразу возникает вопрос: о каких средствах идет речь? При функционировании рынков товары циркулируют без участия какого бы то ни было правительства, кото-

рое обычно затрудняет такую циркуляцию (опыт СССР здесь может считаться наиболее показательным).

Что касается распределения, то вначале надо доказать, что государство является наиболее справедливым институтом, осуществляющим распределение. Однако даже в самых богатых странах оно поддерживает социальное неравенство и не способствует полному устранению нищеты. Кроме того, аргумент о распределительной роли государства базируется на ложной дихотомии общества и государства. В соответствии с ней общество либо приравнивается к государству, либо не имеет с ним ничего общего. Все опосредующие звенья не принимаются в расчет, что не соответствует действительности.

Анархо-социалисты полагают, что социальная защита должна существовать. Причем она должна защищать только самых бедных: «Вопрос заключается в следующем: должно ли государство выполнять какую-либо роль в социальной защите или же оно остается только непроизводительным наглицем, сующим нос во все дырки? По крайней мере есть много альтернатив государству. Одна из них состоит в перераспределении части фондов, полученных от продажи и аренды природных и социальных ресурсов. Вторая заключается в разработке и представлении на референдум множества программ по социальным обязательствам. И только населению принадлежит решение, какую из программ они захотят поддержать. Все агенты рынка — от производителей до государственного аппарата — при этом подвергаются социальному надзору. Если же кто-то стремится его избежать и закрывает свои бухгалтерские книги под предлогом коммерческой тайны, то к нему применяется дифференцированная система социальных санкций» (37, 236).

Короче говоря, все аргументы в пользу центрального правительства не выдерживают критики. Нет убедительных доказательств в пользу того, что центральная власть способствует улучшению глобального перераспределения. Наоборот, она только ухудшает дело.

Что касается ситуации в современной России, то в одной из своих ранее опубликованных работ я показал, что корпора-

тивные, клиентельные и парангельные отношения между группами интересов и правительством не могут считаться правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Ни одна из форм такого взаимодействия не содержит и намека на общие интересы населения России. Правительство и аппарат управления тоже их не выражают. Следовательно, общие интересы населения страны не могут быть выражены и в существующем законодательстве. Любая форма доминирования групповых интересов превращает экономическую и социальную политику государства в приватную политику доминирующих групп. Их интересы все более переплетаются с интересами госаппарата. В результате проблема приоритета власти над законом в современной России обострилась до предела. Но Государственная Дума пока не собирается обсуждать все ее аспекты, в том числе и тот проект, который предлагает анархизм.

В России развивается процесс становления незаконных и нелегитимных групповых интересов. Они существуют в любых властно-управленческих структурах, но все более становятся частными по мере того, как госаппарат охватывает все сферы социальной деятельности. Но эту меру до сих пор определяет правительство. Оно не собирается отказаться добровольно ни от приоритета исполнительной власти перед законодательной, ни от регламентации электоральных процессов в свою пользу. В этом ему помогают СМИ и журналистский корпус в целом (за незначительными исключениями). Следовательно, правительство России стало особой группой интересов, которая подрывает стабильность ее политической системы. Главную роль в таком подрыве играют многочисленные силовые структуры, роль которых за последнее время усилилась. Поэтому все ранее высказанные аргументы против государства и правительства сохраняют полную силу и могут быть конкретизированы в отношении к каждому ведомству на федеральном, региональном и местном уровнях. Но эта тема требует особого исследования (см.: 38, 73-74).

4. Перспективы

Воплощение анархизма теоретически возможно, но наталкивается на множество практических трудностей. Государства на протяжении XX в. сильно укрепили свой статус и теперь образуют особый клуб. Распад СССР и националистические движения увеличивают число кандидатов на вступление в члены данного клуба. И все же существуют возможности для его роспуска.

Среди нереализованных возможностей следует отметить умение воспользоваться революциями, гражданскими войнами и кризисными периодами в жизни государств. Прежние анархисты полагали, что когда наступают такие периоды, организованные анархистские группы смогут осуществить переворот. Однако в этом им помешали большевики в России и сталинская охранка в Испании. Поэтому современные анархисты полагают, что революционные методы являются только одним из способов осуществления изменений. Если существует множество разновидностей и целей анархизма, то не меньше число путей к нему. Однако между ними нет соответствия. Схематически можно выделить следующие возможности.

Способы	Эволюционные	Революционные
Внутригосударственные, в рамках государственных структур	Медленные, постепенные действия, использующие существующие политические процедуры	Действия, отбрасывающие существующие правовые и политические процедуры: мятежи, восстания, государственные перевороты и т.д.
Внегосударственные	Действия, направленные на создание альтернативных организаций, обходящих или заменяющих	Действия, предполагающие влияние или вмешательство извне: переговоры, санкции, примеры, использование СМИ и вооруженных сил и т.д.

Плюралистический анархизм в отличие от своих предшественников не отрицает использования политических и конституционных путей воплощения социальных целей. Общая оценка существующих государств при этом зависит от того, насколько каждый отдельный чиновник и государственный аппарат в целом уважают достоинство каждого индивида и всего населения, способствуют экологически чистому производству и поддерживают мирные отношения с соседями, не препятствуя всесторонней аккультурации. Кроме того, государства оцениваются и по тому, какую степень свободы они представляют для анархической практики. Речь идет об образе жизни, создании анархических организаций и альтернативных решений, противостоящих всем направлениям государственной политики. Если государство соответствует данным критериям, оно ближе к анархическому идеалу. В этом смысле анархисты могут заниматься политической деятельностью в его рамках.

Однако главные методы анархического действия лежат вне рутинной политики. К ним принадлежат: 1. Перехват у государства его действий и функций. Это осуществляется путем создания альтернативных институтов на территории, подчиненной данному государству. Если такой перехват заканчивается успехом, он неизбежно ведет к конфронтации с государством. 2. Непосредственное революционное действие, направленное против всех государственных институтов.

Идея непосредственного действия является современной версией положения прежних анархистов о необходимости действовать путем совершенных фактов и их пропаганды. Эти действия требуют определенного планирования и движения, которое обеспечивает проведение запланированных операций. Причем планирование и организация могут использоваться при революционных и эволюционных действиях.

Правда, не все анархисты еще освободились от ставки на «спонтанность». Опыт показал, что эта концепция малоубедительна, поскольку она опирается на недостаточно обоснованную концепцию индивидуальной свободы. Кроме того, крайне трудно осуществить спонтанный взрыв недовольства

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

радикально настроенных масс. Как правило, тактика спонтанности ведет к неверным решениям, игнорированию доступной информации и т.д. Так что современный анархизм включает в свой состав разработанные методы планирования, которые не имеют ничего общего с их институционализацией в СССР.

И все же говорить об успехах анархического планирования преждевременно. Конструктивное анархическое движение пока еще не возникло. А использование кризисов для достижения социальных целей есть признак выродившегося анархизма. В этом он несколько не отличается от других идеологий.

Параллельно с анархизмом тактику непосредственного действия используют экологические и феминистские движения, а также движения сторонников мира. Вместе с коммунитаристской концепцией, отвергающей любое манипулирование обществом, эти движения в значительной степени совпадают с социал-анархизмом: «Для современного социал-анархизма наиболее обещающей является объединение и мобилизация данных движений, особенно в посткоммунистических государствах, которые по-прежнему являются главными виновниками загрязнения окружающей среды, закрывая информацию об этом не только от собственного населения, но и от международных организаций. Надо привести в движение дремлющий потенциал анархизма, который подавлялся до сих пор всеми государствами и идеологиями. В этом содержится большая надежда на будущее» (39, 279).

Послесловие

Читать книгу можно с разными целями: убить время, сдать экзамен, приобрести новое знание (если оно в ней есть), укрепиться в одних, усомниться в других и опровергнуть третьи мнения. В том числе и позицию автора. Тогда как автор не может ставить перед собой цель потрафить всем читателям в достижении их собственных целей. Фигура читателя выступает перед автором как отдаленная и абстрактная перспектива, в отношении которой у него никогда не может быть однозначного мнения. Или как линия горизонта, которая никогда не может быть достигнута.

Предметом этой книги являются современные идеологии. Ни одна из них не дает окончательных ответов ни на вопросы сегодняшнего дня, ни на мировоззренческие поиски. Каждая идеология содержит недоказанные посылки, сомнительные аргументы, неразрешенные проблемы и двусмысленные ответы.

Правда, все идеологии стремятся упорядочить мир и место человека в нем. Значит, все предлагают банальную мудрость: «Где посадят, там и сиди». Из книги следует, что сидеть можно в девяти разных местах. А если комбинировать посылки, аргументы, проблемы и ответы (из которых в книге перечислены далеко не все), то число пунктов устойчивости возрастает в геометрической прогрессии. Однако любое стремление к окончательному порядку заканчивается вырождением и крахом любой идеологии. Стало быть, любая идеология имеет смысл лишь в том случае, если толкает каждого индивида установить свой порядок во всех существующих и мыслимых правилах, канонах и каталогах.

Читатель может сделать выбор в пользу одной или нескольких идеологий, а может и отбросить их все. Тем более, что сама идеологема выбора, как было показано в книге, ба-

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

зируется на недоказанных посылках и сомнительных аргументах. Если на свой страх и риск выбор все же будет сделан, возникает следующий вопрос: способен ли я с помощью слова, дела, творческих усилий и даже жизни быть последовательным и бескомпромиссным в одобрении или отрицании конкретной идеологии или всех вместе взятых? Ведь компромиссы ведут к вырождению не только идеологии, но и человека.

Для иллюстрации лишь один пример. Японским студентам в одном из социологических исследований предложили для выбора коммунизм, демократический социализм, либерализм, гуманизм, прагматизм, экзистенциализм, национализм, гедонизм, эмпиризм. Почти половина студентов выбрала противоположные друг другу идеи, а один студент выбрал все: «Только в головах японцев могут сосуществовать взаимно противоположные идеи. Вследствие этого развивается чудовищный антиинтеллектуализм, который ставит под сомнение перспективу пресловутого "японского чуда"» (1, 192).

Фильм под названием «Русское чудо» был снят зарубежными кинематографистами в 1960-е гг. И прошел по экранам всего мира. В нем рассказывалось о «выдающихся успехах и достижениях» СССР. Чем они закончились — не надо рассказывать. Теперь жителям России предстоит доказать, что они не японцы.

*Июль 2000
Ростов-на-Дону*

Литература

От автора

1. *Неретина С. С.* Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество. М., 1999.
2. *Мигولاتьев А.А.* Рецензия на книгу: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы // Социологические исследования. 2000.
3. Конституция Российской Федерации. М., 1997.
4. *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998, № 1(29).
5. *Автономова Н.С.* Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999, № 11.

Глава 1

1. *Gray J.* Mill on Liberty: A Defence. London, 1983.
2. *Rorty R.* Philosophical Papers. Cambridge, 1991.
3. *Madison J.* The Federalist. Harmondworth, 1987.
4. *Epstein R.* Taking: Private Property and the Power of Eminent Domain. Cambridge, 1985.
5. *Berlin J.* Cztery eseje o wolnosci. Warszawa, 1994.
6. *Макаренко В.П.* Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996.
7. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. New York, 1974.
8. *Rawls J.* Teoria sprawiedliwosci. Warszawa, 1994.
9. *Dworkin R.* A Matter of Principle. Cambridge, 1985.
10. *Green T.* Liberal Legislation and Freedom of Contract. London, 1892.
11. *Алексеева Т.А.* Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М., 1992.
12. *Ясперс К.* Вопрос виновности // Знамя. 1994, № 1.
13. *Nagel T.* Equality and Partiality. Oxford, 1991.

Глава 2

1. *Hooker R.* The Laws of Ecclesiastical Polity. Cambridge, 1989.
2. *Coleridge S.* On the Constitution of Church and State. London, 1976.
3. *Salisbury R.* Lord Salisbury on Politics. Cambridge, 1972.
4. *Oakesnott M.* Rationalism in Politics. London, 1962.
5. *Scruton R.* The Meaning of Conservatism. New York, 1984.
6. *Макаренко В.П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., 2000.
7. *Burke E.* Rozwazania o rewolucji we Francji. Krakow, 1994.
8. *Covell C.* The Redefinition of Conservatism. New York, 1986.
9. *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т.1—2. Смоленск, 1994.
10. *Stephens J.* Liberty, Equality and Fraternity. London, 1873.
11. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995, № 6.
12. *Schumpeter J.* Kapitalizm, socjalizm, demokracja. Warszawa, 1995.
13. *Hayek F.* The Constitution of Liberty. London, 1960.
14. *Заславская Т.Н.* Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность.* 1997, № 2—3.
15. *Четкое М.А.* Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М., 1994.
16. *Поляков Л.* История антисемитизма. Т.1—2. Москва-Иерусалим, 1997—1998.
17. *Эткинд А.* Хлыст: литература, секты и революция. М., 1998.
18. *Линзи Ш., Кротов Я.* Религиозность как фактор российской жизни в 1990-е // *Континент.* 1999, № 4/102.
19. *Weiss J.* Conservatism in Europe: 1770—1945. London, 1997.
20. *Межуев Б.В.* Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // *Политические исследования.* 1997, № 1.
21. *Николаев А.И.* На переломе: записки русского генерала. М., 1998.
22. *Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г.* Идеологические ориентиры России. Т. 1—2 / Под ред. Степашина С.В. М., 1998.

ЛИТЕРАТУРА

23. *Мадушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Глава 3

1. *Anderson P.* Considerations of Western Marxism. London, 1976.
2. *Куприянов А.И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 8.
3. *Макаренко В.П.* Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, 1992.
4. *Макаренко В.П.* Это дело и интерпретации // Марксизм: за и против. М., 1992.
5. *Hindess B.* Politics and Class Analysis. Oxford, 1987.
6. *Tribe K.* Land, Labour and Economic Discourse. London, 1978.
7. *Макаренко В.П.* Власть и нейтралитет гражданина // Дон. 1992, № 10—12.
8. *Keane J.* Democracy and Civil Society. London, 1993.
9. *Гризингер Т.* Иезуиты. СПб., 1999.
10. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Принята III съездом. М., 1995.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 23.
12. *Held D.* Introduction to Critical Theory. London, 1995.
13. *Adorno T. e. a.* Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Darmstadt-Neuwied, 1979.
14. *Marcuse H.* Czlowiekjednowymiarowy. Warszawa, 1991.
15. *Habermas J.* The Theorie of Communicative Action. Vol. 1. Boston, 1984.
16. *Habermas J.* The New Conserwatism. Cambridge, 1989.
17. *Honnet A., Joas H.* Communicative Action. Oxford, 1991.
18. *Althusser L.* For Marx. London, 1969.
19. *Althusser L., Balibar E.* Czytanie «Kapitalu». Warszawa, 1975.
20. *Roemer J.* (ed.). Analitical Marxism. Cambridge, 1986.
21. *Elster J.* Making Sense of Marx. Cambridge, 1985.
22. *Przeworski A.* Capitalism and Social Democracy. Cambridge, 1985.
23. *Przeworski A., Sprague J.* Papers Stones. Chicago, 1986.

Глава 4

1. *Crick B.* Socialism. Milton Keynes, 1987.
2. *O'Connor J.* The Fiscal Crisis of the State. New York, 1993.
3. *Harbey D.* Social Justice and the City. London, 1993.
4. *Makarenko W.* Totalitarizm czy modernizacja: problem dystansu przy opisie społeczno-politycznej dynamiki Rosji// Filozofia rosyjska wobec problemów modernizacyjnych. Krakow, 1999.
5. *Макаренко В. П.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989.
6. *Гиренок Ф.* Патология русского ума: картография дословности. М., 1998.
7. *MackPherson C.* The Political Theory of Possesive Individualism. London, 1992.
8. *Пишова С.* Новый товар — политическая партия // Дружба народов. 2000, № 4.
9. *Малиа М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5.
10. *Wright A.* Socialisms: Theory and Practice. Oxford, 1996.
11. *Makarenko W.* Od blokady interesow do kryzysu panstwa // Powrot do prawa ponadustawowego. Warszawa, 1999.
12. *Self P.* Political Theories of Modern Government. London, 1995.
13. *Dennis N., Halsey A.* English Ethical Socialism. Oxford, 1988.
34. *Crosland C.* The Future of Socialism. London, 1996.
15. *Ryan A.* Liberty and Socialism. London, 1984.
16. *Berlin J.* Op. cit.
17. *Harrington M.* Socialism Past and Future. New York, 1989.
18. *Crick B.* Op. cit.
19. *Philips A.* Fraternity. London, 1994.
20. *Buber M.* Paths in Utopia. New Haven, 1976.
21. *Bottomore T.* Sociology and Socialism. Brighton, 1984.
22. *Heilbroner R.* The Nature and Logic of Capitalism. New York, 1985.
23. *Przeworski A.* Op. cit.
24. *Dunn J.* The Politics of Socialism. Cambridge, 1994.
25. *Ringen S.* The Possibility of Politics. Oxford, 1997.
26. *Hodgson G.* The Democratic Economy. Harmondsworth, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

27. *Wright A.* Op. cit.
28. *Dahl R.* A Preface to Economic Democracy. Berkley, 1985.
29. *Miller D.* Market, State and Community. Oxford, 1989.
30. *Nove A.* The Economics of Feasible Socialism. London, 1993.
31. *Barry B.* Does Society Exist? The Case for Socialism. London, 1993.
32. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996.
33. *Luard E.* Socialism without the State. London, 1979.
34. *Schumacher E.* Small is Beautiful. London, 1974.
35. *Ударцев С.Ф.* Кропоткин. М., 1989.
36. *Макаренко В. П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса: очерк проблематики и методологии исследования, Ростов-на-Дону, 1985.
37. *Макаренко В.П.* Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону. 1987.
38. *Макаренко В.П.* Бюрократия и государственный формализм // Вопросы философии. 1993, № 2.
39. *Макаренко В. П.* Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, 1988.
40. *Etzioni-Halevy E.* Bureaucracy and Democracy. London, 1983.
41. *Макаренко В.П.* Идеологическая бюрократия // Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.
42. *Макаренко В.П.* Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996, № 11; 1997, № 7.
43. *Макаренко В.П.* Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999, № 2.
44. *Соловьев А.И.* Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995, № 5.
45. *Дракер Я.* Век социальных трансформаций // Современность. Киев, 1996, № 6.
46. *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998.
47. *Connolly W.* Appearance and Reality in Politics. Cambridge, 1991.

48. *Макаренко В.П.* Власть и легитимность // Россия-США: опыт политического развития. Ростов-на-Дону, 1993.
49. *Wright A.* Op. cit.
50. *Hampton C.* Socialism in Crippled World. Harmondsworth, 1991.

Глава 5

1. *Hoagland S.* Lesbian Ethics. Palo Alto, 1988.
2. *Pateman C.* The Disorder of Woman. Stanford, 1989.
3. *Gould C., Wartofsky M.* Women and Philosophy: Toward a Theory of Liberation. New York, 1986.
4. *Okin S.* Justice, Gender and the Family. New York, 1989.
5. *Gilligan C.* In a Different Voice. Cambridge, 1992.
6. *Mac Kinnon C.* Toward Feminist Theory of the State. Cambridge, 1989.
7. *Полторацкая Н.И.* Большое приключение благовоспитанной девицы. СПб., 1992.
8. *Sandel M.* Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, 1982.
9. *Taylor C.* Hegel and Modern Society. Cambridge, 1979.
10. *Barlett K.* Feminist Legal methods // Harvard Law Review. 1990, № 103.
11. *Meyers D.* Self-Society and Personal Choice. New York, 1989.
12. *Maccoby E., Jacklin C.* The Psychology of Sex Differences. Stanford, 1974.
13. *Jrigaray L.* Gesture in psychoanalysis // Between Feminism and Psychoanalysis. London, 1989.
14. *Smart C.* Feminism and the Power of Law. London, 1989.
15. *Fuller J.* The Morality of Law. New Haven, 1969.
16. *Rifkin J.* Toward a feminist jurisprudence // Harvard Women's Law Journal. 1980, №3.
17. *Rosenfeld R., Kalleberg A.* Gender inequality in the Labor market // Acta Sociologica. 1991, № 34.
18. *Kristeva J.* Women can never be defined // New French Feminisms. New York, 1981.
19. *Okin C.* Sexual difference, feminism and the law // Law and Social Inquiry. 1991, № 16.

Глава 6

1. Die Grtinen: Das Brundesprogramm. Bonn, 1983.
2. *Brundtland G.* Our Common Future. Oxford, 1987.
3. *Naess A.* The shallow and the deep long range environmental movement // *Inquiry.* 1973, № 16.
4. *Ferro M.* Historia kolonizacji. Warszawa, 1997.
5. *Подорога В.А.* Россия. XX век. Власть // Дружба народов. 1994, № 3.
6. *Bramwell A.* Ecology in the Twentieth Century. New Haven, 1989.
7. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998, № 2/30; *Чудакова М.* Заметки о поколениях в Советской России // Там же.
8. *Докторов Б.З., Сафронов В.В., Фирсов Б.М.* Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения // Социологические исследования. 1992, № 12.
9. *Dryzek J.* Rational Ecology. Oxford, 1987.
10. *Callicot J.* Animal liberation // *Environmental Ethics.* 1980, №2.
11. *Davis D.* Ecophilosophy. San Pedro, 1989.
12. *Singer P.* Applied Ethics. Oxford, 1986.
13. *Singer P.* Animal Liberation. London, 1975.
14. *Stone C.* Should Trees Have Standing? Los Altos, 1974.
15. *Anderson F.e.a.* Environmental Protection: Law and Policy. Boston, 1990.
16. *Regan P.* The Case for Animal Rights. Berkley, 1981.
17. *Birch C., Cobb J.* The Liberation of Life. Cambridge, 1981.
18. *Lovelock J.* Gaia. A New Look at Live on Earth. Oxford, 1979.
19. *Lovelock J.* The Age of Gaia. Oxford, 1989.
20. *Бохеньски Ю.* Сто суеверий. М., 1993.
21. *Merchant C.* The Death of Nature. San Francisco, 1980.
22. *Rodman J.* The Liberation of Nature // *Inquiry.* 1977, № 20.
23. *Hilton D.* Green Politics in Australia. Sydney, 1987.
24. *Bookchin M.* Remarking Society. Patways to a green Future. Boston, 1990.

Глава 7

1. *Макаренко В.П.* Технократические мамелюки: социополитические аспекты концепции А. Макинтайра. Ростов-на-Дону, 2000.
2. *Madntyre A.* Dzieciectwo snoty. Warszawa, 1996.
3. *Игнатъев А. А.* Наука и традиционная культура: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991, № 4.
4. *Zachariasz A.* Antropoteizm. Lublin, 1996.
5. *Madntyre A.* Postawa religijna // Filozofia religii. Warszawa, 1997.
6. *King D., Waldron J.* Citizenship, social citizenship and the defence of welfare provision // British Journal of Political Science. 1988, № 18.
7. *Sandel M.* Op.cit.
8. *Dworkin R.* Op. cit.
9. *Walzer M.* Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality. Oxford, 1983.
10. *Sen A., Williams B.* Utilitarianism and Beyond. Cambridge, 1982.
11. *Bellah R.e.a.* Habits of Hearth: Individualism and Commitment in American Life. Berkley, 1985.
12. *Crowley B.* The Self, the Individual and the Community. Oxford, 1987.
13. *Habermas J.* Communication and the Evolution of Society. Boston, 1979.
14. *Taylor C.* Philosophy and the Human Sciences. Cambridge, 1985.
15. *Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П.* Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. М., 1996.
16. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Клань? Касты? Клики?.. Как называть тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999, № 11.
17. *Hirsch H.* The trenody of liberalism: constitutional liberty and the renewal of community // Political Theory. 1986, № 14.

ЛИТЕРАТУРА

18. *Капустин Б. Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998.

Глава 8

1. *Согрин В.В.* Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8.
2. *Следзевский И.В.* Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.
3. *Межуев Б.В.* Указ. соч.
4. *Левин И. Б.* Гражданское общество на Западе и в России // Политические исследования. 1996, № 5.
5. *Заславская Т.Н.* Указ. соч.
6. *Druker P.* Spoleczenstwo pokapitalistyczne. Warszawa, 1999.
7. *Оболонский А.В.* Постсоветское чиновничество: кваз бюрократический правящий класс // Общественные науки и современность. 1996, № 5; *Родман Б. Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996.
8. *Митрохин С. С.* Политика государства и ценности общества // Политические исследования. 1997, № 1.
9. *Филиппов А. Ф.* Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема // Вопросы социологии. Т.1, 1992, № 1.
10. Власть и реформы: от самодержавия к советской России. СПб., 1996.
11. Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика (материалы круглого стола) // Мировая экономика и международные отношения. 1997, № 7.
12. *Капустин Б.Г.* «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 19%, № 3.
13. *Юдин Б. Г.* История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993, №1.
14. *Макаренко В.П.* Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., 2000.

15. Капитализм как проблема теоретической социологии: материалы круглого стола // Социологические исследования. 1998, № 2.
16. Руткевич М. О двух концепциях нации // Свободная мысль. 1999, № 11.
17. Anderson B. Wspolnoty wzyobrazone. Krakow, 1997.
18. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4.
19. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.
20. Minia J. Kosciowqjna: od czasow biblijnych do ery atomowej. Warszawa, 1998.
21. Куприянов А.И'. Указ. соч.
22. Матич О. Успешный мафиозо — мертвый мафиозо: культура погребального обряда // Новое литературное обозрение. 1998, № 5/33.
23. Lewis B. Islam i przeslanki demokracji. Krakow, 1995.
24. Чешков М.А. Феномен неозатизма: мировые и локальные измерения // Политические исследования. 1996, № 2.
25. Andreski S. OlsnieniaipomyMМаха Webera. Warszawa, 1992.
26. Фурман Д. Случай России: российская демократизация в мировом контексте // Свободная мысль, 1997, № 9.
27. Грэхэм Л. Естествензнание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
28. Andreski S. Social sciense as Sorsery. London, 1972.

Глава 9

1. Miller D. Anarchism. London, 1994.
2. Woodcock G. Anarchism. Harmondsworth, 1992.
3. Wolff R. In Defence of Anarchism. New York, 1970.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
5. Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994.
6. Федотова В. Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. 1998, № 5.

ЛИТЕРАТУРА

7. *Lehning A.* Anarchism // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1998.
8. *Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998.
9. *Makarenko W.* The Civic Society or Empier? // Civic Society and Development of Society. Bielifeld, 2000.
10. *Макаренко В.П.* Теория бюрократии М.Вебера и современная западная социология организации и управления // Вопросы философии. 1986, № 2.
11. Handbook of Philosophical Logic. Vol.3. Dordrecht, 1986.
12. *Sylvan R., Benett D.* On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990.
13. New Forms of Democracy. London, 1996.
14. *Корнай Я.* Бюрократия и рынок // Вопросы экономики. 1989, № 12.
15. *Макаренко В. П.* Бог и лучший из возможных миров // Философские исследования. 1995, № 4.
16. *Макаренко В.П.* Наука и политика в области науки. Дисс. на соискание уч. степ, канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1978.
17. *Абалкин Л.* О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994, № 2.
18. *Routley R., Routley V.* The irrefutability of Anarchism // Social Alternatives. 1992, № 2, 3.
19. *Taylor M.* Anarchy and Cooperation. Cambridge, 1997.
20. *Bumhejm J.* Is Democracy possible? Cambridge, 1995.
21. *Oye K.* Cooperation Under Anarchy. New York, 1996.
22. *Геллер М.* История России. 1917—1995. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., 1996.
23. *Luard E.* Op. cit.
24. *Шубин А.* Махновское движение 1917—1921 годов // Дружба народов. 1993, № 3—4.
25. *Бжезинский З.* Большая шахматная доска. М., 1998.
26. *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997.
27. *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.

ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

28. *Макаренко В.П.* Марксизм: идея и власть. Роогов-на-Дону, 1992.
29. *Bookshin M.* Op. ck.
30. Конфедерация анархо-синдикалистов. Анархо-коммунистический революционный союз // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. М., 1991.
31. *Dahl R.* Democracy and its Critics. New Haven, 1989.
32. *Окусов А. П.* Анархизм. Ростов-на-Дону, 1996.
33. *Dryzek J.* Op. cit.
34. *Tyler T.* Why People Owe the Law. New Haven, 1990.
35. *Hardin R.* Collective Action. Baltimore, 1992.
36. *Carter A.* The Philosophical Foundations of Property Rights. Brighton, 1989.
37. *Taylor M.* Community, Equality and Liberty. Cambridge, 1992.
38. *Макаренко В.П.* Правительство и бюрократия в современной России: проблема универсальных и локальных характеристик // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Rosioznawcze. IV. Zeszyt 332. Torun, 1999.
39. *Callenbach E.* Ecotopia Emerging. New York, 1992.

Послесловие

1. *Hampden-Tumer C., Troompnaars A.* Seven Cultures of Kapitalisms. Amsterdam, 1998, p. 192.

Содержание

<i>От автора</i>	3
<i>Глава 1. ЛИБЕРАЛИЗМ</i>	7
1. Проблема определения	7
2. Модификации	12
3. Идеологические противники	20
3.1. Абсолютная власть	21
3.2. Теократия	24
3.3. Капитализм	27
4. Двусмысленные рецепты	30
4.1. Выбор и неопределенность индивидуального бытия	31
4.2. Договор и социальная неопределенность ...	35
4.3. Связанное, но энергичное правительство ...	38
5. Успех или поражение?	40
<i>Глава 2. КОНСЕРВАТИЗМ</i>	44
1. Становление: фигуры и страны	44
1.1. От Реформации до Д. Юма	46
1.2. Пионеры консерватизма	49
1.3. Эпигоны	52
2. Главные идеи и аргументы	55
2.1. Традиционализм	59
2.2. Скептицизм	62

2.3. Органицизм	65
3. Противники	67
3.1. Фашизм	68
3.2. Авторитаризм и этатизм	70
3.3. Элитаризм	73
3.4. Модификации	76
4. Шаткость оснований	78
4.1. Анахронизм политической мудрости	79
4.2. Ошибающийся разум	80
4.3. Политическая гравитация	82
5. Существует ли связь?	84
5.1. Вера и церковь	84
5.2. Предметы культа	86
5.3. Нация и империя	87
5.4. Право и конституция	89
5.5. Свобода, равенство и демократия	90
<i>Глава 3. МАРКСИЗМ</i>	92
1. Общие приметы	95
1.1. Телеология	96
1.2. Анализ и прогноз	100
1.3. Научная политика	103
2. Фигуранты	103
2.1. Критическая теория	105
2.2. Структурализм	115
2.3. Аналитический марксизм	123
<i>Глава 4. СОЦИАЛИЗМ</i>	131
1. «Кошмар над умами живых»	132
1.1. Утопия, наука и религия	132

1.2. Политический раскол	136
1.3. Возможна ли социалистическая идеология?	141
2. Мораль как критерий политики.....	145
2.1. Главные ценности	146
2.2. Проблема насилия	150
2.3. Братство и преобразование власти.....	153
2.4. Дефиниция.....	157
3. Как достичь благосостояния?.....	158
3.1. Экономические альтернативы	159
3.2. Общественная собственность и рыночный социализм	162
3.3. Вопросы без ответа	166
4. Общество и государство	170
4.1. Строительство снизу	170
4.2. Возможен ли безгосударственный социализм?.....	172
4.3. Демократия и отсутствие идей.....	177
<i>Глава 5. ФЕМИНИЗМ.....</i>	<i>185</i>
1. Цель и движение	185
1.1. От разногласия к равенству	187
1.2. Долой мужскую мысль!	191
1.3. Дом и спальня — детерминанты истории и политики	196
2. Основные понятия.....	198
2.1. Связь	199
2.2. Господство	202
3. Направления анализа	206
3.1. «... одна сатана».....	207
3.2. «Две большие разницы»	208

3.3. Бессилие.....	209
4. От права к идеологии	211
4.1. Юридическое злорадство	211
4.2. Государство— насильник.....	214
4.3. Социальная политика.....	217
4.4. Замкнутый круг бабьей кривды	219
4.5. Множество идеологических нарративов....	221
<i>Глава 6. ЭКОЛОГИЗМ</i>	<i>225</i>
1. Проблематика	226
1.1. Концепция среды.....	227
1.2. Модификации	229
1.3. Государственный неоколониализм	232
2. Будущие поколения.....	235
2.1. Ресурсы.....	236
2.2. Возможен ли отказ?	239
2.3. Тотальные потребители	244
3. Цена прогресса.....	245
3.1. Бесплодный морализм.....	246
3.2. Биоцентризм	250
3.3. Перспективы политической интеграции ...	255
<i>Глава?. КОММУНИТАРИЗМ</i>	<i>258</i>
1. Современное общество	260
1.1. Социальные фигуры и демократическая личность	261
1.2. Манипуляция и политическая риторика....	266
1.3. Как профессионально валять дурака.....	271
1.4. Замкнутый круг ошибок	276
1.5. Ослепление и эффект «дохлой рыбы».....	282

2. Исчерпание политики	286
2.1. Идеологические гибриды	287
2.2. Справедливость и юридическая бюрократия	291
2.3. Бог и новые варвары	299
3. Проблема братства	309
3.1. Образ жизни	310
3.2. Социальный контекст	316
3.3. Легитимность и национализм	322
4. Предварительное резюме	327
<i>Глава 8. НАЦИОНАЛИЗМ</i>	<i>334</i>
1. Необходимость дистанции	334
1.1. Расплата за непоследовательность	343
2. Генезис	348
2.1. Что такое мнимая общность?	348
2.2. Бюрократические миры	354
2.3. Три модели	359
3. Российский эталон	365
3.1. Последствия революций	365
3.2. Патриотизм и национальные интересы	370
3.3. Перепись имущества	373
3.4. Современные чревовещатели	383
3.5. Расчистка почвы для дискуссии	390
<i>Глава 9. АНАРХИЗМ</i>	<i>398</i>
1. Принципы	399
1.1. Терминологический вандализм	401
1.2. Определение	405
1.3. Проблема авторитета	409

2. «За» и «против» государства.....	414
2.1. Ненужное зло	415
2.2. Ложная аксиома	421
2.3. Теория договора.....	423
2.4. Функциональный Левиафан	425
2.5. Порядок и безопасность	429
2.6. «Если государства нет...».....	432
3. Модификации	436
3.1. Параметры и типы	436
3.2. Множество идеологий	439
3.3. Общие свойства	441
3.4. Спектр альтернатив.....	444
3.5. Проблема собственности	449
4. Перспективы	454
Послесловие	457
<i>Литература</i>	459

!

Виктор Павлович Макаренко
ГЛАВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Ответственный редактор *И. Жиляков*
Художник *А. Кабанова*
Корректоры: *О. Милованова, Т. Лазарева*

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.
Сдано в набор 14.07.2000. Подписано в печать 30.08.2000.
Формат 84x108/32. Бум. тип № 2.
Гарнитура CG Times. Печать высокая. Усл. п. л. 25.2.
Тираж 5000 экз. Зак. № 407.

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57